

ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

7

В. В. В.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

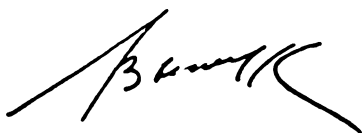

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ 7

Вельтон
ББЕ

Составитель
Сергей Жильцов

Copyright © В.С.Высоцкий, наследники, 1994

All right reserved !

Все права на настоящее издание охраняются !

Данное собрание сочинений Владимира Семеновича Высоцкого является одним из самых полных и фундаментальных изданий среди всех до этого выпущенных книг поэта в СССР, России и США. В нем исправлены ошибки и опечатки, допущенные ранее в книгах других издательств. Все тексты выверены и обработаны по фонограммам и рукописям, обнаруженным до 1 апреля 1994 года.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Прежде чем Вы начнете читать последний том собрания сочинений Владимира Высоцкого, нам бы хотелось, чтобы вы сначала вкратце узнали истории написания этих произведений. Во-первых, эти истории достоверные, так как все произведения, опубликованные здесь, написаны в соавторстве, а соавторы В.С.Высоцкого, слава Богу, здравствуют. Во-вторых, эти вещи неравноценны, и публикация некоторых из них вызвала самые разные, подчас противоположные, мнения — и не только о художественной их стороне, но и о доле участия в их написании Владимира Высоцкого.

Первое приведенное в томе произведение — “Один” — переработка театральной пьесы Дины Калиновской, которую она написала в 1966 году. Пьеса была привезена в Москву, и автору порекомендовали обратиться к В.Высоцкому, так как, по мнению рекомендующего, главная роль была написана прямо для него. Через общих знакомых Дина Калиновская передала В. Высоцкому пьесу, и, прочитав её, он загорелся сняться в фильме, при этом написав сценарий. Была достигнута договорённость со Станиславом Говорухиным, что он возьмётся снять фильм по этому сценарию. И В. Высоцкий взялся дорабатывать пьесу, оговаривая некоторые эпизоды с автором и будущим режиссером. Кроме текста сценария, к счастью сохранившегося во многих частных архивах, сохранились и наброски В. Высоцкого к сценарию, а также письмо к С. Говорухину, где речь идёт об эпизодах фильма (см. т.6 настоящего собрания сочинений). Работа над текстом сценария, вернее, уже над его совершенствованием, В. Высоцким велась очень долго. Первая версия его уже была завершена к лету 1967 года, другие появлялись, до 1970-го года, пока, наконец, С. Говорухин и В. Высоцкий не были проинформированы руководством Одесской киностудии, что фильм поставлен не будет.

Второе произведение — киноповесть “Венские каникулы” — не нуждается в особом представлении, о ней немало было написано соавтором Владимира Высоцкого Эдуардом Володарским. Напомню лишь, что в основу сценария была положена реальная история, рассказанная В.Высоцкому её участником — лётчиком генералом Войтенко (во время описанных в сценарии событий лейтенанта)... Первая редакция сценария, приведённая в настоящем томе в разделе “Варианты”, была написана за неделю — в период с 1-го по 9-е января 1979 года. Далее были доработки, которые делались самим В.С. Высоцким, но нам они неизвестны. Известно лишь, что с идеей поставить сценарий Владимир Семенович не расставался до самой смерти — люди во многих странах были готовы принять участие в создании фильма: Даниэль Ольбрыхский в Польше, Жерар Депардьё во Франции, Михаил Барышников в США... Не было только денег.

Третье произведение, вернее, его часть — роман “Чёрная свеча”. Известно, что В. Высоцкий о романе и не задумывался, но сценарий по почти детективной истории, рассказанной Вадимом Тумановым, написать собирался. И в 1976 году, познакомившись во время поездки к В. Туманову в Иркутск с Леонидом Мончинским, предложил ему написать сценарий вместе. Но тема была настолько велика, что, разрабатывая детективный сюжет по рассказам бывших зэка, не обратить внимания на чудовищную жизнь в лагерях было нельзя. Поэтому сценарий “обрастал” всё новыми и новыми подробностями. И, если с Эдуардом Володарским В.Высоцкий мог работать в своей квартире, иногда диктуя, а иногда и принося сюжеты сцен для киноповести, то с Леонидом Мончинским работа могла идти только во время нечастых его приездов в Москву. В тоже время сам Высоцкий постоянно пополнял свои знания о зоне, встречаясь с людьми, которых приводил В. Туманов и которые сами прошли весь этот ад... В результате первый вариант сценария появился к началу 1980 года, когда В. Высоцкий впервые и был ознакомлен с результатами совместного труда. Реакция была одна:

“Это не сценарий, а роман, слишком громоздко. Надо переделывать!” С тем Леонид Мончинский и уехал обратно в Иркутск. А после смерти В. Высоцкого нужды переделывать уже написанное в сценарий не было, и поэтому Л. Мончинский всё же решил завершить роман, и дописал его лишь к 1990-му году. В настоящем томе приведена лишь первая часть романа, так как только она была написана (частично) при участии В.С. Высоцкого.

Все произведения, приведенные в настоящем томе, довольно разношерстны, но ведь и люди их писали разные, хотя стержнем этих работ всегда был — и оставался даже после своей смерти! — Владимир Семенович Высоцкий.

Дина Калиновская
Владимир Высоцкий
при участии
Станислава Говорухина

ОДИН
(киносценарий)

Угловая башня, замыкающая жилой квартал и выходящая узкими, как бойницы, окнами на театральную площадь южного приморского городка, осенью сорок первого года стала пулеметной точкой.

Башня была старой и когда-то, очевидно, очень нарядной — цветные стекла, искусно выполненные переплеты окон, росписи на потолке, уложенный пестрыми плитами пол. Но дом давно не ремонтировался, бомбежки и обстрелы тоже сделали свое дело: штукатурка потемнела, кое-где осыпалась; углы затянуты паутиной, потолок в подтеках, пол разбит, стекло осталось немного. Вход в башню — по узкой винтовой лестнице через люк в полу. Люк закрывается тяжелой крышкой с большим кольцом.

Потолок в середине разобран, в небо задран ствол зенитного пулемета. В углу сложены мешки с песком, на стене висит лопата — противопожарные средства. На протянутой веревке сушится тельняшка. На полу стоит старый цинковый бак для кипячения белья. На стенах башни нацарапаны рисунки, слова, фамилии — сколько

было посетителей в старой башне, столько и следов они оставили на стенах.

Из фасадного окна башни видна театральная площадь с фонтаном посередине, вход в театр, за домами — порт и море. Одно из боковых окон выходит на центральную улицу города, другое — в узенький, шириной в метр, тупичек.

Взгляд камеры скользит по стенам старой башни, испещренным рисунками и надписями. Детали, фрагменты, отдельные слова. Вот дом, нарисованный мелом, и человек с саблей выше дома — детский рисунок. Выщарапанный стеклом женский профиль. И подпись: “Это Катя” Рисунок огромного дога. Но в большинстве — надписи. Видно, что здесь встречаются влюбленные. Надписи разные. И грустные: “Больше ждать не могу уходит поезд”. И веселые: “Вера и я здесь были и не жалеем”. Отчаянные: “Нет так больше невозможно. Николай” Обиделся какой-то Борис в 1927 году: “Откуда я выбросил часы. Зчася ждал. Не много ли?” А вот предупреждают: “Это наше место. Вбвечера по субботам просим не занимать”. Подписи нет. Инкогнито. И много-много еще, то остроумных, то совсем непонятных, и кажется, что все эти Кати, Борисы, Николаи и инкогнито со всеми своими волнениями и надеждами не ушли навсегда, а находятся где-то рядом.

И, наконец, надпись: 11 октября 1941 года.

Все эти надписи — на фоне песни <Булата Окуджавы о бумажном солдате>.*

Выплывывая горячие гильзы, работает зенитный пулемет. Звук пулеметной очереди вытесняется свистом падающей авиационной бомбы!.. И прежде чем она расколется внизу оглушительным взрывом, мы успеем рассмотреть лицо молодого парня, вцепившегося в руко-

* В сценарии приводится полный текст песни. — Примечание составителя.

яти пулемета. Ожесточенное лицо Солдата, занятого своим суровым мужским делом.

Взрыв.

Солдата отбрасывает к стене, голова его безвольно повисает, из щеки медленно сочится кровь.

На фоне стены идут надписи фильма. Если бы у солдата были открыты глаза, можно было бы подумать, что он читает их.

Вдали слышим голоса людей, топот солдатских сапог, короткие команды: рота-а, стройся-я! Да скорее, вашу... шагом ма-арш!

Потом все стихает.

Раннее осеннее утро.

Солдат открывает глаза, с усилием садится. Несколько секунд сидит неподвижно, прислушиваясь к гулу в голове. Ожесточенно трет виски. Морщась, дотрагивается до раны на щеке. Долго смотрит на ладонь, запачканную кровью, — вот, мол, и боевое ранение. Слабо зовет:

— Фомич! Иван Фомич! Уснул, что ли... Товарищ сержант!

Ответа нет. Солдат стряхивает с себя штукатурку, протирает запорошенные глаза. Нет, глаза надо промыть. И боевое ранение тоже требует внимания, даже если оно самое пустяковое.

Встает, опираясь о стену, подходит к баку — воды в баке нет, только штукатурка насыпалась. Ну вот, рану боевую промыть нечем.

— Фомич... Не откликается, старый хрен... — Солдат стоит, обняв голову, посередине башенки и бормочет себе под нос, морщась от тупой боли в голове: — Вчера ведь только кричал: “Не отходить от оружия, не спать, не пить, мало, что душа поет, не кури, слышишь, не положено, время военное, опять воды нет для охлаждения. Толку от тебя нет, не было и не будет!”

Солдат берет бак, качаясь подходит к люку.

— Ну, ладно, хватит. Тут человека, можно сказать ранило в бою, а он ругается. Принесу я воду, принесу.

Спускается по винтовой лестнице.

На перилах — мертвое обвисшее тело старого солдата. Отбросило взрывом.

Площадь, мокрая от ночного дождя.

Из арки под башней, пошатываясь, с баком в одной руке выходит Солдат. О чем думает человек, впервые узнавший смерть близкого?

С Фомичем было трудно — старик ворчливый, придирался по пустякам, шагу не давал ступить без замечания. А теперь, значит, отошел от пулемета — и ничего... И запеть можно, и курить, когда охота... Нелепо повис на перилах. Ну и донимал же он! Да-да, Фомич, без воды ему никак нельзя, это понятно... Теперь, значит, не будет донимать... Повис на перилах... А тут только ранило чуть-чуть... Стыдно как-то, вроде нечестное что-то случилось. Все время вместе ведь...

Час ранний, а на площади уже беспокойно. И все тополя куда-то; то там пробежит человек, то тут мелькнет. Вот машина с солдатами промчалась. И тревожно. Только Солдат этого не замечает...

Он проходит мимо водонапорной колонки, машинально нажимает рычаг — воды в городе нет давно. Идет к фонтану — в широкий бассейн от дождей набралось много воды.

Солдат ложится животом на борт бассейна и окунает голову. Промывает глаза и оцарапанную щеку.

Встает. Опрокидывает бак вверх дном, чтобы выбросить штукатурку, и зачерпывает им воду. Набралось полбака. Потом он ставит бак прямо в бассейн и наполняет его пригоршнями.

Снова окунает голову, приятно жмурясь от холодной влаги, и когда, наконец, в мозгу его восстанавливается ясность, он поднимает голову и взгляд его встречается с

другим взглядом, растерянным и тревожным. Наклонив голову, его рассматривает высокая худенькая девушка. Простенькое платье промокло на груди и бедрах — видимо, только что с моря. Широкие взволнованные глаза вопросительно смотрят на Солдата.

Он ставит бак на асфальт, разгибается и оказывается выше ее на полголовы. “Чего уставилась?..” — думает он. “Да так, проходила мимо...” — мысленно отвечает она.

Через площадь мчится открытая машина. Четверо моряков с автоматами. Не снижая скорости, машина проносится мимо фонтана.

— Ты почему здесь? — кричит офицер и грозит кулаком. — Ох, эта пехота, мать... — и матерится уже издали.

Только сейчас сообразил Солдат, что произошло.

— Драпаем...

И в голосе его не то вопрос, не то утверждение.

Она молчит и тогда он, словно подтверждая собственную догадку, продолжает:

— Так... После изнурительных боев наши войска сняли оборону города и отошли на заранее подготовленные позиции. То есть — драпаем!

Солдат резко поднимает бак — вода целой волной выплескивается на брюки, на сапоги. Он вскидывает голову на девушку. Нет, та не смеется, ее глаза стали еще тревожнее и растерянее.

Неудобно согнувшись, Солдат тащит бак через площадь.

— А ты их видел вблизи?

Девушка спрашивает очень тихо, но он слышит, хотя и отошел немного.

— Кого? — он останавливается и оглядывается, не спуская бака.

Она кивает куда-то в конец улицы.

— Немцев...

Он не отвечает. Помедлив немного, поворачивается и идет быстро, настолько быстро, насколько позволяет его неуклюжая ноша. Скрывается под аркой.

Марш винтовой лестницы

Пока слышен только голос Солдата и его шаги.

— В городе не будет уличных боев... Нет, зачем? Зачем бесполезные жертвы?..

В кадр входит Солдат. Кряхтит, тащит неудобный бак. Чертыхается.

Внутри башни.

В люке появляется голова Солдата. В руках у него тот же бак с водой, на шее — трофейный автомат Фомича. Опускает воду на пол, прислоняет к стене автомат, как-то по-новому осматривает помещение. Подходит, смотрит наружу. Прищурившись, вершками промеряет толщину стены в оконном проеме. Мы слышим его размышления.

ЕГО МЫСЛИ. Ну что ж, отличное помещение. Стены простояли пятьсот лет — еще постоит, выдержат. Амбразуры в отличном состоянии. Помещение для эксплуатации годится. Акт о приемке подписываю. Будьте любезны, дайте перо.

Солдат подбирает осколок стекла, расписывается на стене и ставит дату: 11 октября 1941 года. Потом начинает подтаскивать к главному окну мешки с песком.

ЕГО МЫСЛИ. Они первым делом двинут сюда — занять город это прежде всего занять центр. Известные на весь мир любители изящных искусств первым делом, конечно, захапают театр. Нет, теперь я точно рассчитал, теперь мне не может не повезти... На этот раз — не может!

Не под силу поднять на подоконник мешок с песком. Жилы на лбу Солдата напряглись, как пружины...

Послышался вдруг ему голос матери, с детства стоит у него в ушах этот родной голос:

— За что меня бог наказал, люди? Несчастье мое! Куда ты лезешь! Куда тебя вечно несет?! Мать надрывается сут-

ками на работе, а этот губошлеп каждый день придумывает себе новое развлечение! Как вам нравится?

— Отстань, мать, отстань! Уйди! — вслух огрызается Солдат.

А тут еще голос Фомича ввязался:

— Так-так, приказ, значит, нарушаешь. А что за это бывает, знаешь? Три-бу-нал!

— А кто нарушает? — оправдывается Солдат, подтаскивая к окну второй мешок, — никто не нарушает.

Сообразив, что второй мешок ему не поднять, Солдат отсыпает полмешка на пол, остальное взваливает на подоконник. С помощью каски собирает песок с пола и торопливо досыпает мешок. Продолжает прерванный разговор с Фомичем:

— Я тут только сделаю кое-что — и все... Я догоню, мне ничего не стоит догнать наших. Еще одну минуточку и я догоню... без шума, соблюдая маскировку... Наше дело правое — драпаем на цыпочках...

Солдат стаскивает с себя промокшую гимнастерку, тяжело дышит. Перетаскивает пулемет на новую позицию. Дуло его опускается вниз, на площадь. Критически оценив новую точку, подносит к пулемету коробки с боеприпасами. Со сладким вздохом распрямляет плечи — поработал. Вдруг вспоминает девушку и передразнивает ее:

— А ты их видел вблизи?

Подходит к окну — девушки у фонтана уже нет.

— Идите, идите, девушка, вас вызовут. Не забудьте причесаться. Видел вблизи? Нет, не видел. Но еще взгляну. Посмотрю. Интересно.

Он захлопывает крышку люка, подносит к пулемету бак с водой и вместо черпака белую эмалированную кастрюлю. Хлопает пулемет по стволу — так подвыпивший боцман хлопает по плечу знакомого матроса.

— Ты не дурак выпить, приятель. Вот немного прохладительного на случай жаркой погоды.

Через площадь к морю быстрым маршем, почти бегом, отходит рота морской пехоты. Это последняя.

Солдат смотрит вслед.

— Давайте, давайте быстрее! На корабли — и в море. Правильно, в море надежнее. А? Как ты считаешь — обращается он к пулемету. — Море... Что можно сказать еще? Нечего сказать. Море и все!

Солдат садится рядом с перевернутым ящиком, расслабляется. Взгляд его направлен куда-то в одну точку, глаза как будто подернулись слезой. Он похож на выпившего моряка, — шкипера или боцмана, ибо еще какие там названия... Вот сейчас начнет рассказывать какую-нибудь историю, придуманную или приукрашенную, но обязательно из своей неудавшейся жизни. Так и есть.

— Слышал ли ты когда-нибудь, приятель, как разговаривают на рейде пароходы? — Цитирует с грехом пополам выученный в школе стих, подражая гудкам пароходов: “Красная-я-я Абхазия-я-я” говорит “Советский Дагестан-ан”! А огни?... Ты видел огни? — обращается он снова к пулемету: — Нет, ты не видел. Иначе затараторил бы сейчас и тебя не остановить. Но ты молчишь. Значит слушай! Э-эй, сеньорита, еще один грог! Меня всегда тянуло в порт. Там шумно, и моряки со всех частей света сходят по трапам на берег, и у них в карманах звякают иностранные монеты, и перочинные ножи, и зажигалки, и много всякой всячины. Говорят они на непонятном языке и смеются. Наверное, радуются, что снова стоят на земле. А пацаны тучей выются вокруг, и что-то клянчат, что-то меняют или просто глазекуют на береты, тельняшки, наколки... А потом они торопятся обратно и уплывают.

Слышен гудок парохода. Солдат вздрагивает и на минуту выходит из игры.

— Счастливого плавания... и счастливого возвращения! — А сам он возвращается в таверну, к столику, к своим воображаемым слушателям.

— Ничего, ничего, они вернутся, обязательно вернутся! Не одни, так другие. Но что им стоит взять с собой одного пацана, а?.. И вот однажды грузовой пароход “Лукреция” с грузом пеньки и меда в трюмах увозил меня с собой. Судно шло в Атлантику, меня нашли на третий день, вернее, я сам вылез от голода. И пошло!.. Сначала помощник повара, потом юнга, потом... Но это совсем другая, совсем грустная история, и тебе будет не так интересно. Эй, сеньорита, еще грогу!.. Что? Не много ли... Конечно, нет. Неси скорее! И я расскажу тебе про белый корвет под альми парусами... если ты, конечно, еще не успела прочесть.

Солдат пьет из фляги и “его шкипер” уже совсем пьян. Но не может же остановиться вот так, не досказав, старый морской волк. Да еще таким внимательным слушателям, которые не перебивают и не спорят.

— Вы хотите знать, что было потом? Потом были сингапуры, гибралтары, пуэрторики и гавайи, и еще много красивых названий, но вообще-то не было уже ничего, потому что оказалось все не так, как было тогда, в порту. Совсем не так! Надо было скорее вернуться обратно, скорее! Только это, приятель, и оставалось. Но мои корабли ни разу не заходили в родной порт. Но, может быть, мне повезет еще? А? Как думаешь? И я, как те моряки, ступлю, наконец, на твердую землю. Но только на свою. А потом помашу им рукой — счастливого плавания! Я остаюсь. Возвращайтесь и вы по домам, если сможете... Сеньорита, еще стакан! Впрочем, ты права! Хватит!

Снова гудок, только очень далекий. Корабль отошел далеко. Последнее судно с последними моряками.

Только сейчас он вдруг до конца понимает, что остается единственным защитником города. Перебегая от окна к окну, он вглядывается в дальние улицы — никого, никакого движения. Войска ушли, а жители притаились в домах. Город кажется нежилым.

И ему стало страшно.

Солдат хватает свой автомат, рывком отбрасывает крышку люка.

Когда лицо его оказывается на уровне пола, он прощальным взглядом окидывает свою маленькую, готовую к бою крепость, и задумчиво кладет подбородок на край люка...

Медленно поднимается он наверх. Тихо, почему-то боясь нарушить навалившуюся тишину, опускает крышку люка. Подтаскивает из угла мешки с песком и наваливает их на крышку.

Садится.

Дрожащими от волнения руками достает папиросу.

Через силу улыбаясь, подмигивает пулемету, занявшему позицию у центрального окна:

— Ну как, друг, напишем что-нибудь значительное? Например: “Здесь сражался...” А? Как считаешь?

Вместо надписи на стене появляется новый рисунок — криволапый невозмутимый дог.

— Тебе нравится? — спрашивает он у пулемета. — Помоему, произведение мастера — один из лучших образцов настенной живописи.

Отойдя на несколько шагов, Солдат оглядывает изрисованные стены.

— Эскизы, эскизы, эскизы, и вот — шедевр.

Налюбовавшись рисунком, он отходит к окну, выглядывает наружу и ахает.

— Какой вид из окон! — Солдат волнуется, это заметно, и вся его преувеличенная восторженность необходима ему, видимо, только для того, чтобы подавить ползущий откуда-то изнутри страх.

— Какой прелестный обзор! — продолжает он восхищаться. — Площадь! Перспектива улицы! Театр! Море!!! Отличный вид! Как ты считаешь, кисанька?

С соседней крыши, выгнув спину дугой, на Солдата смотрит ободранный кот.

— Ты что-то напутал, друг, — говорит Солдат, обращаясь к коту, — сейчас октябрь, а не март, не время шляться по крышам. Иди сюда!

Но кот молчит, меланхолически наблюдая за ним зелеными глазами.

— Кис-кис!.. Ну и брысь, черт с тобой, я никогда не уважал котов. После войны я заведу себе дога. Датского. А котов в нашем доме не будет, нет. Понял?

Кот мяукает.

— То-то! Мы с моим догом все медали на собачьих выставках захапаем.

Не дослушав, кот уходит, небрежно помахивает хвостом.

— Ладно, гуляй, легкомысленное животное! Мы с моим догом не такие. Утром, без четверти восемь мы будем выходить на прогулку, так надо. Будем идти не спеша, как английские лорды, медленно и надменно возвращающиеся с заседания парламента. И все девочки будут перебегать на другую сторону улицы и только оттуда смотреть на нас со страхом и уважением. Кис-кис! — зовет он в последний раз удаляющегося кота. — Загулял безвозвратно, пропащее животное!

Солдат умывается из бака. Осторожно смачивает рану на щеке, вытирает лицо тельняшкой, которая сушится на веревке. Садится на перевернутую кастрюлю, достает из вещмешка хлеб, колбасу, фляжку с водой.

В окне появляется кот, секунду смотрит на Солдата, мягко прыгает на пол и идет к нему.

— Вы вернулись! Как мы все рады, как рады! Однако чем вы недовольны? Неприятности на работе? Или обокрали в дороге? А собственно кто вы? Может быть — дурная примета? Тогда нам не стоит связываться.

Кот мяукает хрипло и требовательно. Солдат бросает ему кусочек колбасы.

— Однако... Когда тебя в последний раз кормили? Давно, наверное, в городе не кормили котов...

Кот сожрал колбасу. Солдат бросает ему еще.

— У-у! Какой аппетит! Даже смотреть страшно. Это ты с голода по крышам шастаешь, котяра? А я про тебя плохо подумал. Прости...

Некоторое время они завтракают молча, кот и Солдат. Поев, Солдат встает и, разминаясь, шагает из угла в угол башни. Останавливается около рисунка дога. Обращивается к коту и кивает на рисунок:

— Как?

Кот обиженно крутит хвостом..

— Ах, вы ревнуете...

Где-то вдали слышатся глухие пулеметные очереди. Солдат бросается к окну.

Площадь и уходящая вдаль улица пусты.

Только одинокая, пересекающая улицу, фигура человека с палкой. Слепой. Он неуверенно тычет перед собой тростью, и железный наконечник ее гулко ударяет о мостовую.

Но вот еще лицо, женское — в окне — размытое двойным рядом стекол.

И в следующем окне за занавеской — женщина...

И в другом...

И в третьем...

Вот девушка, уже знакомая Солдату, осторожно выглядывает из подъезда.

Город не вымер, он ждет. Притаился, приготовился и ждет. Напряженно и глухо...

Солдат поправляет ленту в пулемете и говорит коту:

— А теперь — брысь! Сейчас здесь будет очень жарко.

И кот, все поняв, уходит привычным ему маршрутом — через окно, по узкому карнизу дома, за трубу в соседний двор.

Проследив за его маршрутом, Солдат соображает вслух:

— Может и мне придется этой дорогой, а? Дорогой котов?

Тяжелый, недобрый, чужой рокот, медленно разрастаясь, наваливается на город.

Солдат быстро натягивает на себя гимнастерку. Вначале можно подумать, что он снова собрался уходить. Вот он плохо слушающимися, предательски дрожащими руками, застегивает все пуговицы, причесывается... Нет, так не поступают люди, решившие бежать. Он надевает каску. Теперь понятно — встреча по всей форме.

Вглядываясь в глубину улицы, из подъезда выходит девушка. Смотрит в окна башни. Увидев Солдата, она кричит:

— Почему ты еще здесь?

Он отвечает тихо. Больше себе, чем ей.

— Потому...

Решив, что Солдат не слышит, она снова вбегает в парадное — и вот кричит уже из окна второго этажа:

— Они уже близко! Слышишь?

Солдат слышит. Гул приближающихся немецких частей удушливо растекается по улицам, сочится во все дома, доверху заполняет башню.

— Ты отлично причесалась, совсем другое дело... Молодец.

Девушка уже в окне третьего этажа.

— Ты еще успеешь! Через сквозной двор, туда — и успеешь! Ты что, не слышишь?

ЕГО МЫСЛИ. Да нет, все слышно, все ясно. Но если через сквозной двор, я успею только одно — убежать.

— Успею, — бормочет он под нос, — я все успею, у меня все впереди...

А девушка уже в окне четвертого этажа.

— Уходи! Ты ведь один остался! — Она чуть не плачет. — Почему ты не уходишь?

— Лестница, понимаешь неудобная, — отвечает он тихо. — Для кого строили такую крутую? Безобразие!

— Уходи-и! Псих какой-то!

Короткие разрывы артиллерийских снарядов. Со всем близко.

Платье девушки мелькает в окнах лестничной шахты. Испугавшись обстрела, она сбегает вниз.

Руки Солдата, вцепившиеся в рукоятки пулемета, начинают дрожать от волнения.

Но улицы по-прежнему пустыньны.

— Где же они? — шепчет он. — Почему не начинают?

Он вдруг поворачивается к воображаемому собеседнику и, вежливо покашливая, как зритель в театре перед тем, как раздвинут занавес, говорит ему:

— Простите, почему не начинают?

Рядом с ним — перевернутый венский стул.

— Как это вы мило сказали: не знаю...

Солдат снова вглядывается в улицу, словно на сцену, и опять обращается к своей воображаемой соседке:

— Простите, вы любите сидеть в первом ряду? Нет? — говорит это так, точно адресуя слова, что можно подумать — рядом действительно есть кто-то. Но нет — все тот же перевернутый стул. Конечно, конечно, понимаю. Видит грим актеров, видно как они, простите, потеют. Но я все-таки всегда сижу в первом ряду. Я не могу иначе. Никак. Знаете, я в детстве бегал в этот театр по входным контрамаркам, мне их доставала приятельница моей матери, она работала в театре буфетчицей. Ее звали Маргошка, Марго. Всегда смеялась, а оперу терпеть не могла. Она

погибла во время первой бомбежки, тогда, когда война была. Помните, война случилась в сорок первом?

Солдат прислушивается.

— Да, так она работала буфетчицей и могла доставать только входные контрамарки, без места. И я всегда сидел вон там, на галерке. Первый ряд партера был недоступен для меня, как Луна. Вы меня понимаете теперь? Я хочу видеть грим актеров, слышать суфлерский шепот. Зачем иллюзии? Зачем? Я в театре, а в театре все прекрасно — и грим, и пот актеров, и пыль на люстрах! Простите... Почему же не начинают?

Солдат бесшумно аплодирует.

— Пора!

Отчетливо слышен гул моторов.

А улица по-прежнему пуста.

Тревожные лица в окнах домов.

Но вот в оптическом прицеле появляются черные точки. Секунду спустя они превращаются в мотоциклистов.

Он еще ближе приближается к пулемету.

Несколько мотоциклов с колясками появляются на площади и разъезжаются по другим улицам. Один мотоцикл с офицером остается на середине площади.

Опять показалось ему, будто мать рядом. Голос ее громкий, почти истеричный, так и звенит в ушах. Кричала она на него редко, но именно эти вспышки ярости вспоминал он теперь радостно, почти с нежностью.

— Биндюжник проклятый! Мать надрывается сутками, а у него пять неудов по истории, чтоб столь тысяч недостачи Маргошке в ее оперном буфете, черт бы ее побрал с ее контрамарками!..

— Сейчас, мама, — шепчет Солдат, не отрываясь от прицела, — сейчас ты будешь мной довольна. Этот экзамен я сдам хорошо, только замолчи, не мешай. Не мешай! Где же ваши вояки? — обращается он теперь к мотоциклистам на площади, — пусть они чешут сюда, смотрите,

какой удобный путь! А меня здесь нет, боже упаси! Ни меня, ни моего приятеля. /Кивает на пулемет./

В глубине улицы показывается бронетранспортер с солдатами.

— В чем дело? — он откидывается от окна. — Это совсем другой спектакль...

Как это он не подумал о бронетранспортерах! Рвет на куски тельняшку и лихорадочно делает две связки гранат.

— Сейчас, сейчас... Одну минутку... Подождите!.. Дурак! Растяпа!

Колонна машин вдруг останавливается, офицер в коляске кричит что-то водителю головной машины.

— Так... так... — шепчет Солдат, он все еще возится с гранатами, — удержи их, сделай ему внушение! Посмотри, у него воротничок расстегнут... и вообще, как он разговаривает с офицером?! Встать!.. — Но вот гранаты готовы. — Теперь полный порядок! Спасибо. Скажи им, что могут ехать.

Головная машина разворачивается и вся колонна забирает круто вправо, по улице, которая идет прямо под окнами башни... Солдат встает, примерившись, бросает вниз обе связки гранат. Кидается к пулемету. Внизу ухают взрывы. Громко и властно начинает работать пулемет.

Гранаты прошли мимо и не причинили особого вреда машинам, но зато пехота, напуганная взрывами, бросилась врассыпную прямо под пули его пулемета.

— Рассыпались!.. много вас, жлобы! Десять гранат и не подавились! — Солдат торопится. Часть противника уже оправилась от внезапного удара и ведет ответную стрельбу... — А, вылезли! Вот хорошо! Первый раз вижу живых фашистов вблизи!

Над головой его свистят пули, звенят стекла — башня подвергается яростному обстрелу из всех видов стрелкового оружия.

Солдат падает на пол и лежит неподвижно, переживая пальбу. Наконец выстрелы слышатся все реже, он поднимает голову.

— Ну хватит, хватит! Все! Я умер. Вы убили меня...

Выстрелы прекращаются. Немцы, видимо, действительно решили, что с безумцем в башне покончено.

Тогда Солдат вдруг вскакивает и бросается к пулемету. Но очереди нет.

Площадь пуста. Колонна повернула и пошла другой улицей, оставив на мостовой несколько трупов.

— Свернули?!

Он смотрит в окно, все еще не веря случившемуся.

— Свернули! Испугались — и свернули! Подумать только! Ну и ну! Страшно стало! С пулеметами взяли и свернули! Ха!

Радость его сменяется беспокойством.

— Однако... С кем же теперь воевать? — Он грустно улыбается. — Вот так, мама! Мне всегда не везло с историей, ты же знаешь... Хотел остановить, а она, видишь, пошла другой дорогой.

Взгляд его останавливается на окне, на том окне, которое выходит в тупичок, в полутора метрах от которого крыша соседнего дома.

Резко поворачивается и прислушивается. Внизу — топот ног, поднимающихся по железной лестнице.

Он хватается гранату и прыгает в люк. Скидывает с него мешки с песком и замирает.

Шаги ближе.

Солдат приоткрывает крышку и, не дыша, опускает вниз гранату. Наслаждаясь, слушает крики и грохот внизу. Снова заваливает люк и бежит к окну.

— Ухожу! — говорит он, осматривая помещение. — Ухожу по пути, проторенному котами.

Рядом с ним в переплет окна хлопает выстрел. Солдат замирает на подоконнике, потом мягко, как кошка, впрыгивает обратно в башню. Сидя на корточках, говорит удивленно и почему-то шепотом:

— А пути-то собственно нет.

Как-то по-новому осматривает он башню.

— Итак, нам навязывают длительную позиционную войну...

На корточках подползает к центральному окну, осторожно выглядывает.

Тихо. Неверная, обманчивая тишина.

Опять эта девчонка! Ишь ты, нашла позицию, где никто, кроме него, ее не заметит. Что-то показывает... Совершенно непонятные знаки — одновременно тревожные и смешные.

— Не понимаю, — тихо говорит Солдат. — У вас, девушка, очень плохо с пантомимой. Повторите!

Выстрел. Солдат машинально пригибается, оценивающе смотрит — откуда? Ага, видимо через боковое окно: отсюда стрелять не будут, через это центральное окно они у него все, как на ладошке.

Девушка яростно жестикулирует: целится из невидимой винтовки, тычет пальцем куда-то вверх...

— Вас понял, вас понял... — говорит Солдат. Лицо его становится сосредоточенным.

Он нагибается, берет белую кастрюлю и, надев ее на автомат, поднимает над подоконником бокового окна. Ждет. Ничего.

— Э! Может, ты решил, что я белый флаг выставил?

Снимает с головы каску и выставляет ее вместо кастрюли.

Выстрел. В каске вмятина.

— Ясно. Вот теперь ясно. Снайпер. Снайперочек. Точная работа! Прямо в десятку. До войны, признайся, наверное работал часовщиком...

Он у окна, в которое не стреляют. Девушка на месте. Делает ей знаки — “понял, мол, спасибо. А ты давай уходи. Прячься”.

Она растерянно разводит руками.

“Значит и у меня нелады с пантомимой. Ну, а как?” Снова делает ей знаки. “Опять нет? Черт знает что! Уходите!” Машет рукой и это понятно. Девушка скрывается. “Ну вот, наконец! Теперь займемся делом”.

Выстрел.

Он снова выставляет каску. В каске дыра.

— Очко! Опять в лоб! Молодец, дядя! Отлично работаешь, ничего не скажу. Только работа у тебя вонючая, сволочная, сам посуди, работа.

Тогда он выставляет каску очень быстро, на долю секунды. Но снайпер и на этот раз успел — в каске дыра.

— Вот это да! Даже завидно! А если так?

Подкидывает над подоконником пилотку. Выстрел.

— Грандиозно! И вправду часовщик. Сидел бы у себя в мастерской, тик-так, тик-так, чисто-весело. Ходики — часики — часы — часищи — благодать! Ты, я надеюсь, не думаешь, что я один? Можешь убедиться. Я никак не могу быть один. Никак.

Солдат нацепляет пилотку на лопату, куском штукатурки рисует на лопате рожицу и попеременно выставляет то пилотку, то каску на автомате. Сам сидит на корточках в простенке.

— А ты, дядя, недогадливый. Какой же дурак будет подставлять лоб под твои пули? А? То-то! Сидел бы у себя в мастерской, а вечером твоя фрау звала бы тебя обедать. Ты откладывал бы свои девяносто инструментов в девяносто ящиков и шел бы домой, тик-так, тик-так... Ну-ка, продолжим.

Солдат снова продолжает игру, но снайпер не стреляет.

— Ну вот, давно бы так, — рассматривает каску на свет.

Надевает каску непрострелянной стороной на лоб.

— Прости, Фомич, не по уставу...

Выглядывает на улицу.

Площадь пуста, но где-то рядом слышится движение. Город постепенно заполняют войска.

— Трусые! Шпана! Так и будете объезжать меня? Меня одного — с пулеметами и артиллерией!

Садится. Грузно осматривает башню, она похожа на камеру.

— Влип, пацан! Абсолютно бесплатно.

Выстрел.

— А, дядя! Соскучился? Привет! Спасибо, что ты есть, а то я было подумал, что зря это все... и вообще всякие мысли — мол, героя из себя решил сделать, дурак... Ну, ты знаешь, как это бывает... Ты ведь не дашь мне расслабиться, правда? Не дашь?

Говорит это Солдат, продолжая игру со снайпером. Поднимает пилотку. Выстрел.

— Вот спасибо!

Единственную оставшуюся гранату Солдат кладет около люка, он все-таки надеется, что оставили его в покое ненадолго, что немцы там, внизу, придумывают сейчас коварный план уничтожения его, Солдата.

Со снайпером он говорит беззлобно, даже задушевно:

— Когда ты приходил домой, тебя ждали твои дочки близнецы, симпатичные блондиночки с отличными отметками по истории. Я, кстати, думал — женюсь, и у меня будут обязательно девочки-двойняшки...

Во время этого разговора Солдат внимательно всматривается в мансарду соседнего дома, пытаясь понять, где же снайпер.

Щелкает выстрел, на голову ему сыпется штукатурка. Он удивленно поднимает голову.

Пуля попала в заднюю ногу нарисованной на стене собаки.

— А собачонка причем? Причем животное? Стой, дядя, — вдруг спохватывается он, — ты что, на другой чердак перелез?

Выставляет в окно каску. Выстрел. Продевает палец в новое отверстие и говорит недоуменно:

— Порядок. Ты на месте. Как же тебе удалось моего дога расстрелять?

Подползает к другому окну, шевелит мешок с песком. Выстрел. Пуля попадает в собаку, опять в ногу.

— Ах, вот оно что! Еще одна фигура. Зрасте!

Опять двигает мешок. Еще выстрел.

— Опять в собаку! Варвар! Прекрати портить наскальное изображение! Такой отличный дог, а ты его по ногам! Тебя бы так!

Еще один хлопок выстрела. Пуля попадает в живот собаки. Обняв голову руками, Солдат преувеличенно громко переживает это ранение.

— Ты же расстреляешь его совсем! Идиот! В меня-то ты не сможешь попасть! Вот смотри — я очерчиваю опасную зону, понял?

На полу куском штукатурки он проводит линию, которая начинается от края окна.

— И за нее я не выйду, ни под каким видом. Лучше не трогай собаку, гад!

В ответ ему — выстрел. Кусок штукатурки выбит рядом с головой собаки.

— Никогда не любил общаться с идиотами. Бегаешь по чердаку и палишь почем зря. Только ведь объяснили — бесполезно. Вот смотри на дядю!

Выставляет каску в другое окно — она пробита.

— Совсем другое дело! Приятно смотреть на такую работу, просто наслаждение! Дядя, кого ты взял себе в напарники? Он унижает нас обоих!

Второй снайпер, как бы устыдившись, перестает стрелять. Первый тоже больше не реагирует на устаревший трюк.

— Спасибо за передышку! Отдохните, перезарядите...

Прижавшись к стене, он осторожно выглядывает на улицу и улыбается.

Внизу на том же месте, спрятавшись в парадном, стоит девушка. Все это время она, наверное, наблюдала за ними, наверное, видела, как он ловок и хитер, и бесстрашен. Он улыбается ласково и гордо.

— Здесь не очень уютно, — говорит он тихо, как будто она рядом с ним, — но зато здорово! Самое высокое место в городе. Сюда приходят на первое свидание. Так положено в нашем городе — еще довоенная традиция. Помнишь, война случилась в сорок первом? В других городах — часы, фонтаны для первых свиданий, а у нас — башня... Ветер... Тебе не холодно, нет?

На город опускается мягкий, как дым, туман. Теплый дождь начинает стучать по крышам.

Девушка опять исчезла.

Он берет кусок штукатурки и проводит по полу еще одну линию, которая начинается у другого окна. Получается узкий, сужающийся у одного конца, коридор — непростреливаемая зона.

— Итак, в результате упорных боев нам пришлось оставить врагу большую часть своей территории...

Говорит он на самых низких тонах, стараясь подражать диктору Информбюро. И уж своим голосом добавляет грустно:

— Скоро придет артиллерия и снесет к чертовой матери самое высокое место в городе...

Он стоит на узкой непростреливаемой полоске. Не слышно выстрелов. Тихо. Лицо его вдруг преображается, он улыбается чему-то своему...

Изящным движением поправляет он воображаемый галстук-бабочку, делает плавный жест и говорит, обращаясь к воображаемому оркестру:

— Ну что ж, ну что ж... Партитуры моей новой вещи вам роздали. Вы, друзья, мои первые исполнители, мои первые критики. И опять мать вмешалась, надо же! Всегда вот так, в самом неподходящем месте...

— Люди! Вы видите этого бездельника? Вы видите? За что мне такое наказание? Чем он занимается? Разве нормальный человек будет этим заниматься? Вы только посмотрите! Ведь даже приличного сапожника из него никогда не получится! Люди!..

— О чем ты, мама? Вот что значит — нет пророков в своем отечестве! Для родной матери мои невероятные способности дирижера и композитора — ничто, тьфу! Мама! Я заказал тебе контрамарку на мой Первомайский концерт. Ты будешь сидеть в первом ряду в партере, мама!

Дирижер поднимает руку. Грянули звуки мощного оркестра, исполняющего песню "На Дербасовской открылась пивная".

— Стоп, не годится. Я вас не понимаю, вторая виолончель, я вас не понимаю! Сначала! Внимание!

Дирижер снова командует вступление. Оркестр играет на один-два такта больше.

— Нет, нет, нет... Так работать невозможно. Это несерьезно. Мне приходится второй раз начинать из-за вас, вто-

рая виолончель. Вы не собраны, ваши мысли не с вами. Это, в конце концов, черт знает что! После репетиции подойдите ко мне. Что! Без разговоров! Искусство требует всего человека, без остатка! Что?! Я не слышу. Шепчет что-то... оркестру. Приготовились!..

Оркестр снова играет ту же мелодию.

Площадь все еще пуста и только в окнах домов, то тут, то там притаились за стеклами люди, напряженно следящие за поединком.

Очень страшно умирать в одиночку, когда рядом нет ни одного родного человека, кто бы видел, понял и глубоко пережил твою смерть. Когда рядом нет людей, кому бы уходящая от тебя жизнь отдала силы, чтобы они могли бороться и продолжать борьбу.

Но Солдат не один. Он защищает город и весь город сейчас безмолвно следит за ним.

Снова девушка — в подъезде. Опять она что-то пытается показать Солдату. Вот она выглянула из подъезда и перебежала в другое парадное, откуда, как ей кажется, лучше видны окна башни.

— Вы пришли! Я так волновался, так боялся, что вы не придете. Это замечательно, что вы пришли...

Солдат не смотрит на улицу. Он стоит у стены, на которой нарисован его дог, и смотрит в пустое пространство перед ним.

—...Я был резок с вами на репетиции. Но искусство жестоко. Вы поймете меня и простите. Я устал... Работа над сто двадцать седьмой симфонией была невероятно напряженной — я очень устал. Как прекрасно, что вы пришли! Я люблю вас!

Слышатся выстрелы. Коридор, очерченный на полу, становится еще уже. Появились две линии, обозначающие новые границы.

Солдат лежит около пулемета.

ЕГО МЫСЛИ. Что же ты молчишь? Я написал для тебя музыку. Это удивительная музыка! Я написал ее потому, что каждый день на репетиции ты смотрела на меня...

— Вот послушай...— он проникает к пулемету и дает очередь по пустой площади.

ЕГО МЫСЛИ. Итак, завтра мы поженимся. Даже сегодня! Немедленно! Сейчас или никогда! В свадебное путешествие мы поедem... Куда ты хочешь? В Африку?..

— Э-эй! — кричит девушка не очень громко.— Внизу никого нет!

— Африка, понимаешь ли, вся полосатая,— продолжает Солдат,— в желтую и черную полоску. Это несколько резковато для тебя. В Австралию?

— Ты слышишь? — спрашивает девушка. Она не может кричать.

— Как бы тебе объяснить, я недавно оттуда — Австралия серо-коричневая, нерадостный цвет, тебе не понравится... Мы поедem в Японию.

— Уходи! Уходи!..

— Молчи, молчи, не перебивай. Япония сиреневая, светло-сиреневая. Тебе этот цвет будет очень к лицу...

— Сейчас они подтащат пушку,— совсем тихо говорит девушка.

Что-то мягкое прыгает ему на колени, он даже вздрагивает от неожиданности. Вернулся кот.

— Брысь! Брысь отсюда! Немедленно! Брысь, говорю, здесь стреляют.

Кот мяукает от обиды. Солдат кидает в него пилоткой, кот прыгает в окно.

Внимательно смотрит он, как кот перебирается по крышам.

— Жалко, что ты не голубь... Нет, коты не бывают почтальонами. А то привязал бы к хвосту записку и — к ней... Ну-с, продолжим наши игры.

Он срывает веревку, на которой сушилась тельняшка, привязывает ее к лопате, надевает каску, потом ставит лопату у окна. На корточках перебирается в другой простенок. Через непростреливаемое центральное окно ему видна мансарда, где сидит немецкий снайпер.

Он тихонько дергает за веревочку, каска на лопате шевелится. Выстрел. Солдат успевает заметить мелькнувшую голову снайпера.

— Вы обнаружены, барон! Теперь поиграем на равных.

С автоматом в руке он подползает к боковому окну и стреляет с очень неудобного положения — выпрямляться опасно.

Мимо. Звучит ответный выстрел. Штука турка выбита на шее дога.

— А, сапожник, снова бегаешь по чердаку! Ну-ну! Подожди! Я бы, конечно, накрыл тебя очередью, жалко только автомат разряжать на такого кретина!

Снова, встав на колени, стреляет одиночными.

Ответная пуля попадает нарисованному догу прямо в глаз. Глаз становится большим и печальным, со “слезой”...

— Ах ты сволочь! Ублюдок! За что ты его так?!

Вид изуродованного дога действительно вызывает жалость.

Обращаясь к собаке:

— Он ответит за это! Клянусь, он ответит за это...

По “своей территории” Солдат переходит к окну, которое выходит в тупик. Замирает, прислушиваясь к звуку собственного сердца. Дергает за веревочку, привязанную к лопате с каской, — отвлекает второго снайпера. Шумно набирает воздуху в легкие и вдруг... сильным рывком прыгает в окно.

Мгновение — и он на крыше. Один, простреливаемый со всех сторон, с прижатым к груди автоматом. Открыто и нагло, стоя во весь рост, он выпускает длинную очередь.

Яростную, сумасшедшую очередь по черным глазницам чердака.

Продолжая стрелять, он отступает на несколько шагов к краю крыши, полого спускающейся во внутренний дворик. Глазом косится вниз. Но высоко — не спрыгнуть. Тогда он снова идет вперед, продолжая стрелять, не давая опомниться тем, кто попрятался на чердаке. И когда автомат выбрасывает наконец последнюю обожженную гильзу, он делает несколько прыжков и, с разбегу, сильно оттолкнувшись, прыгает в свою крепость.

Падает, задыхаясь, на пол. Достает папиросу и не может разжечь: руки трясутся — перенервничал...

— Проверка! Внимание!..

Солдат поднимает над головой каску. Считает:

— Раз, два, три, четыре, пять.

Выстрела нет.

— Bravo! Один-ноль!

Ползет к другому окну. И там поднимает каску. Выстрел. Пуля снова попадает в рисунок на стене. Солдат медленно опускает каску. Подходит к правому, теперь безопасному окну.

— Прости, дядя, я не тебя хотел... Просто мне, как всегда, не повезло. Тебе, впрочем, тоже. Но ты простишь меня, ведь это война.

Говорит все это Солдат с грустью, но лицо его невольно расплывается в радостной улыбке.

Пронзительный женский крик возвращает его к действительности. Он бросается к центральному окну...

Двое немцев волокут отбивающуюся девчонку к мотоциклу.

Он бросается к пулемету, но поздно!

Прикрываясь девушкой как щитом, немцы уезжают на мотоцикле прямо через площадь, в открытую...

В отчаянии он сжимает рукоятки пулемета.

— Стреляй! — слышен удаляющийся крик.

Солдат сползает на пол и плачет, закрыв лицо руками.

Винтовая лестница. Осторожно, стараясь не шуметь, спускается по лестнице Солдат. На глазах невысохшие слезы. В руках у него автомат.

ЕГО МЫСЛИ. Завтра у меня день рождения. Могло бы быть двадцать... Ничего, без меня будете праздновать. Считайте, что я не явился. Все-таки, мне повезло сегодня, никогда не везло по-крупному, а сейчас везло. Не каждому ведь удаётся... умереть вот так. Ну, где вы, ублюдки. Господи, сделай мне подарок ко дню ангела! Дай пристрелить еще пару этих тварей!..

Солдат перешагивает через убитого немца и спускается дальше.

Осторожно выглядывает он из-под арки — никого.

Тогда он несколькими прыжками пересекает улицу и прижимается к стене противоположного дома. Держит автомат наготове.

Выстрелов нет. Он озирается по сторонам — справа и слева от него пустые улицы и площадь.

Сначала медленно и неуверенно делает он несколько шагов вдоль стены. Но выстрелов по-прежнему нет. И тогда он бежит, нелепо размахивая руками, по узкой улочке, крутым горбылем спускающейся к морю.

Он бежит быстро, и топот его окованных солдатских сапог слышен на всю улочку.

С разбегу вылетает он на перекресток и... останавливается.

В десяти шагах, навстречу ему, немцы тащат пушку. Их несколько — солдаты и офицер с ними. Увидев его, они тоже опешили.

Растерянно смотрит на них Солдат. В руке у него зажат автомат, дуло которого смотрит вниз.

Первым опомнился немецкий офицер. Он поднимает руку и кричит солдатам:

— Нихт шиссен! Нихт шиссен!

О, эти любители позабавиться! Солдаты быстро оценили юмор своего командира. С любопытством уставились немцы на русского, пойманного в ловушку. Испуганно оглядываясь, Солдат делает несколько шагов назад. Улочка позади него по-прежнему пуста. Он делает еще шаг. Один из немцев медленно поднимает автомат.

Солдат вдруг решительно прыгает в сторону. Короткая очередь почти в упор.

Немцы попрятались за щитом пушки.

Солдат бежит назад. Снова останавливается, прижавшись к стене. Еще очередь. Он медленно отступает, ведя огонь короткими очередями.

Немцы опомнились, раздались ответные выстрелы.

И тогда ствол пушки, задранный вверх, стал медленно разворачиваться на него.

Он побежал, уже не оборачиваясь. Вдогонку стреляли.

И вот он снова в башне.

Левая рука повисла плетью. Он ругается сквозь зубы. Плечом размазывает слезы на щеке.

— По одному-единственному пацану из орудия! Даешь из пушки по воробью! Не выдержали нервишки? Не очень прочно сработаны фашистские нервишки, халтурная продукция, должен вам сказать...

— Рус, сдавайс! Рус, сдавайс! — кричит снизу голос, усиленный микрофоном.

Немцы подтащили пушку к порталу театра и поставили ее за большую скульптуру Терпсихоры.

— Рус, сдавайс! Рус, сдавайс!

Около пушки офицер с мегафоном в руке. В ритм металлическим репликам, которые выкрикивает он, мы видим его то крупным, то самым общим планом.

— Рус, сдавайс!

Камера крупно выхватывает несколько лиц, прижавшихся к окнам домов.

— Рус, сдавайс!

— Нехорошо мужчинам прятаться за женскую юбку, — шепчет Солдат, — даже если эта юбка весит тонну.

Солдат стоит посередине башни на “своей” территории с гранатой в руке. По щекам его текут слезы.

— Я не могу себе позволить швыряться гранатами куда попало. Это же Терпсихора! Не знаете? Муза танцев... Как сто лет назад она подняла ножку над входом в наш театр, так и танцует до сих пор...

Голос матери:

— Ну так же нельзя, сыночек! Мать надрывается сутками в этом забытом советской властью магазине, а у тебя шесть неудов по истории... Подумать только, шесть неудов!..

Крики внизу стихают.

Снаряд входит в ствол пушки.

Солдат подходит к пулемету и, зачерпнув горстью воды из бака, поливает ствол.

Прислоняется к стене. Здесь проходит граница. Он стоит на “своей” территории, а дальше — уже простреливаемая стена с изрешеченными пулями рисунком дога на ней.

Он закрывает глаза и вдруг рывком переступает “границу”. Встает лицом к стене. Теперь он виден снайперу.

Но выстрела нет.

Он поворачивает недоуменно лицо, словно хочет спросить у того, чей выстрел должен щелкнуть сейчас.

Очень тихо.

Но вот на груди Солдата появляется маленькое красное пятнышко. Оно расплывается, становится больше...

Наконец гремит выстрел.

Молодой — в возрасте нашего героя — курносый и веснушчатый немецкий снайпер вытирает взмокший от старания лоб. Достает сигарету.

В башне Солдат медленно сползает вниз.

В кадре остается только стена с нарисованным на ней догом, покрытом мелкими оспинами пулевых ранений.

Становится слышен многоголосый собачий лай. Он сливается с шумом толпы.

По открытой эстраде медленно и надменно, словно лорд, возвращающийся из заседания парламента, проходит увешанный медалями дог.

Другие собаки — шпицы, болонки, пудели, бульдоги, овчарки...

Это современная собачья выставка. Снятая документально. Она привлекает много народа.

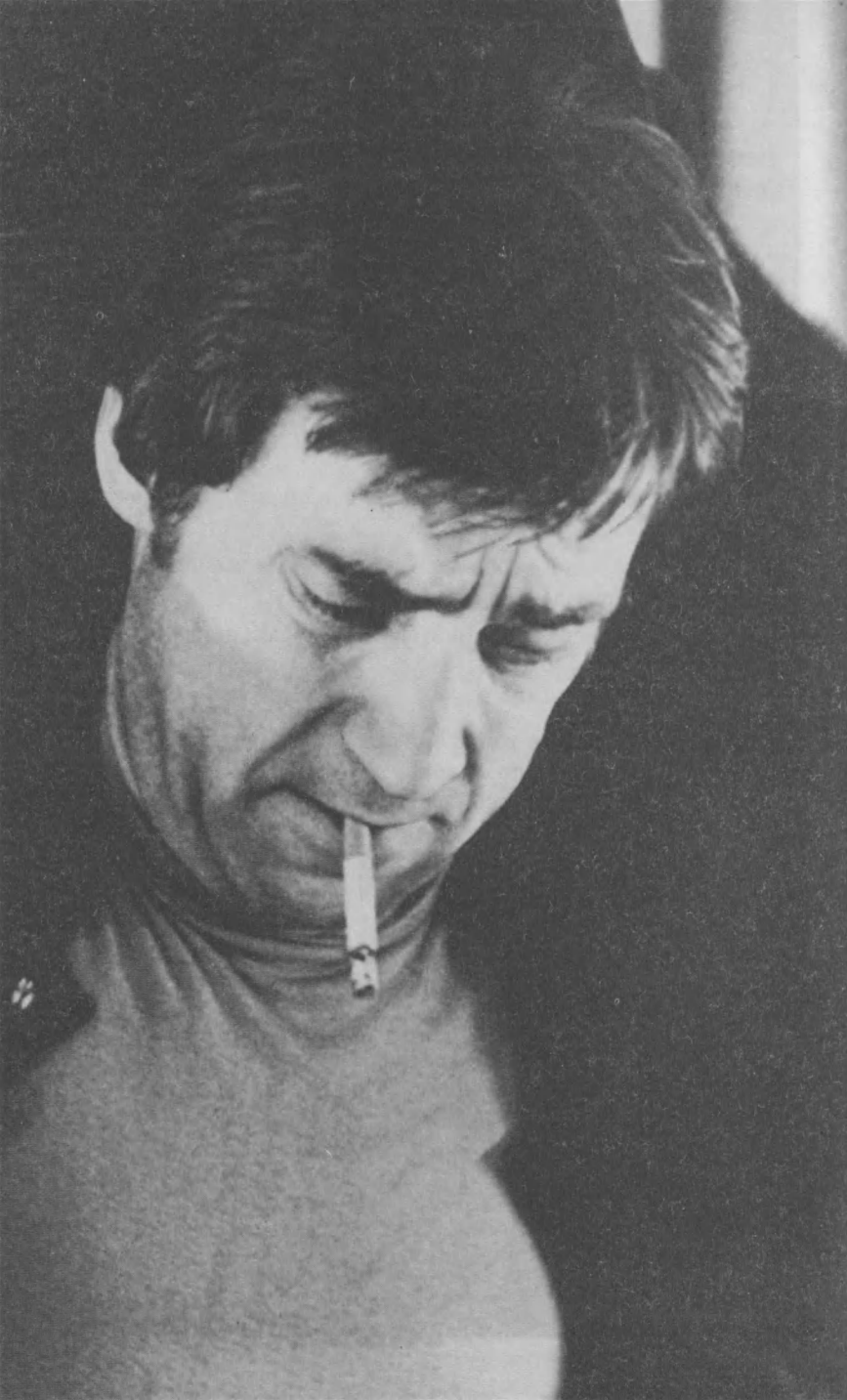
Крупно на экране — лица. Хозяева собак. Зрители.

Музыка песни “О бумажном Солдатике”. Только музыка, без слов.

На лице парня в толпе зрителей мы невольно задерживаем взгляд. Чем-то он похож на нашего Солдата. Нет, одет он совсем по другому — несколько экстравагантно, даже безвкусно, и прическа другая — короткие прямые волосы... Смеется, показывает что-то друзьям; обнял девушку, стоящую рядом...

И все-таки чем-то похож! Может быть, едва уловимым жестом, который мы замечали и у нашего героя. А может быть... Ведь тот, погибший, тоже любил собак.

Вероятно и музыка песни, с которой начинался фильм, поможет родить эту ассоциацию — что и среди нашего молодого поколения, на долю которого приходится столько попреков, есть свои Солдаты, которые во имя любви к жизни способны на самый красивый подвиг.

Владимир Высоцкий
Эдуард Володарский

ВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ
киноповесть

...Туманное майское утро. Сквозь зыбкую пелену виден лагерь, бетонные столбы с натянутой проволокой под током высокого напряжения, ровные прямоугольные бараки, чисто подметенный плац, здание комендатуры, вышки с пулеметами и погашенными прожекторами...

ТИТР: “БЫЛО 2МАЯ 1945ГОДА. ДО КОНЦА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ОСТАВАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ...”

Из комендатуры выскочил офицер-эсэсовец, на ходу торопливо застегивая мундир, что-то крича часовым у ворот и на вышках. Следом за ним выбежал еще один офицер, на ходу читая телеграфную ленту. Стали разворачиваться дула пулеметов на молчаливые бараки с заключенными.

— Быстрее! — кричал первый офицер, — приказ Гимmlера!! Всех к черту! Всех! Быстрее!!

Из здания, где размещалась охрана, стали выбегать солдаты с овчарками на длинных поводках. Собачий остервенелый лай нарушил утреннюю тишину. Солдаты врывались в бараки, пинками и ударами прикладов автоматов поднимая с нар заключенных. Сквозь собачий

лай слышны отдельные команды, среди которых чаще всего повторялось:

— Шнель! Быстро! Быстро!

Сонные, изможденные заключенные медленно поднимались, выходили из барачных бараков, начали строиться в колонну. Эсэсовцы подгоняли их ударами прикладов.

Даниэль, высокий, худой с копной желтых волос, проснулся от собачьего лая. Спустился с нар, прихватил с собой затрепанный томик Библии.

— Эй, ксендз, что это они подняли нас так рано? — спросил его кто-то по-польски.

Даниэль пожал плечами, направился к выходу.

А Жерар спал так крепко, что соседи по нарам трясли его за плечи, а потом солдат больно ткнул его дулом автомата под ребра.

Жерар проснулся, медленно сполз с нар, зябко поеживаясь.

— Что это они сегодня озверели? — спросил кто-то, проходя мимо.

— Американцы близко, — улыбнулся Жерар и прислушался, — слышите?

Сквозь крики солдат и лай собак явственно слышалась близкая артиллерийская канонада.

— А мне Марсель снился, черт побери, — вновь улыбнулся Жерар.

— Они нам сейчас покажут и Марсель, и Рио-де-Жанейро, — зло проговорил кто-то.

Майское солнце резало глаза, и заключенные, выходя из барачных бараков, на мгновение останавливались, щурились. Только один смотрел на свет твердо и тяжело, угловатое лицо было неподвижным. Это яркое майское утро злило его. Это был Владимир.

Эсэсовец сильно ударил прикладом одного из заключенных и тот, сморщившись от боли, оттолкнул его:

— С ума сошел, собака!

И тут же прогремела автоматная очередь. Заключенный, скорчившись, упал на землю. Все на мгновение замерли, оторопело смотрели на убитого. А солдаты продолжали кричать, и так же остервенело лаяли собаки, бросаясь на заключенных... Один заключенный, чем-то похожий на итальянца, с черными, чуть вьющимися волосами, вдруг наклонился к убитому, потрогал руку, покачал головой:

— Мертвый! — пробормотал он по-русски, но с легким грузинским акцентом, и руками утер лицо с горбатым, резко выдающимся вперед носом, — перед концом бесят-ся, дьяволы...

Даниэль остановился возле приземистого толстяка-австрийца в черном мундире с унтер-офицерскими погонами. Мундир помят и сидел на толстяке нескладно, на животе оторвана пуговица. Это были уже далеко не те бравые "СС", что в начале войны.

— Что это сегодня такая паника, папаша Штольц? — спросил Даниэль. — На работу подняли на полтора часа раньше.

— Это не на работу, святой отец, — оглянувшись по сторонам, вполголоса ответил "папаша" Штольц. — Как католик католику могу сказать вам — это не на работу. Это ликвидация. Пришел приказ Гимmlера. Ликвидировать срочно всех! — И он опять в страхе оглянулся.

— Но... зачем? — растерянно переспросил Даниэль. — Кто будет работать на заводе?

Работать больше не нужно... Американцы в тридцати километрах. Помогите нам, Господи! Читайте Библию, святой отец, читайте Библию...

Слова унтер-офицера Штольца слышал не один Даниэль. Совсем неподалеку от него в это время оказался Владимир и вышедший из барака Жерар.

— Кажется, это ликвидация... — так же тихо ответил Владимир.

— Быстро! Быстро! — орал старший офицер, и уже построившаяся колонна заторопилась к воротам лагеря.

Горбоносый грузин — это Вахтанг — оказался в середине колонны. Он и многие заключенные почувствовали неладное, с тревогой оглядываются по сторонам.

А вокруг — горы. Высокие, с темными изломами трещин, где голубел под солнцем лед, со снежными шапками на вершинах. Горы сжимали маленький лагерь со всех сторон, скалистые кручи нависали над небольшим плато и узкая дорога петляла от лагерных ворот.

Все произошло в одно мгновение. Колонна заключенных вышла из лагеря, только ее хвост еще задержался в воротах. Среди них — Жерар, Владимир и Даниэль. Они оглядывались по сторонам, взгляды скользили по провололочной ограде, по вышкам с пулеметами и дальше — по горным кручам, по петляющей по лесистым склонам горной дороге. Еще совсем немного и все будет кончено. В это яркое, майское утро... когда война издыхает... и освобождение близко...

Так получилось, что Жерар, Владимир и Даниэль оказались самыми последними в колонне. За спиной хрипели сорвавшиеся голоса овчарок.

Владимир переглянулся с Жераром, глазами указал ему на “папашу” Штольца и стал помогать “папаше” и еще одному солдату закрывать ворота лагеря. В эту же секунду Жерар прыгнул к другому солдату, ударом могучего кулака сбил его с ног и сдернул с его плеча автомат, и тут же бросился из ворот лагеря в другую сторону от колонны заключенных.

И тогда Даниэль, сунув за пазуху Библию, вырвал автомат из рук другого ошеломленного эсэсовца и тоже побежал из лагерных ворот по узкой каменистой дороге в противоположную от колонны заключенных сторону. И в то же мгновение Владимир повалил “папашу” Штольца, выдернул у него из кобуры пистолет и помчался вслед за Жераром и Даниэлем.

Все произошло в считанные секунды. И вот уже пришедшие в себя эсэсовцы кинулись за беглецами, спуская с поводков овчарок.

Пуще прежнего заволновалась колонна заключенных. Орала солдаты, загрели выстрелы. Горное эхо множилось. И по-прежнему, как надежда на жизнь, слышалась издали артиллерийская канонада.

— Это ликвидация! — закричали в колонне. — Нас ведут убивать!

И вот Вахтанг, протолкавшись к оцеплению, вдруг крикнул:

— Бейте их! Лучше погибнуть та-ак! — и кинулся на эсэсовца, и завязалась неравная борьба. Но тут же десятка два заключенных рванулись на оцепление, прорывали его и бежали по дороге, даже не зная, куда бежать, где искать спасения.

— Кончайте их тут, чёрт возьми! — по-немецки кричал старший офицер, стреляя в самую гущу колонны.

И гремели автоматные очереди, скашивая бегущих. Вахтанг прорвался с автоматом, заметался по дороге, не зная куда бежать, но вдруг увидел, как трое самых первых беглецов — Жерар, Владимир и Даниэль, кинулись по круче в спасительный сосновый и буковый лес. Они карабкались из последних сил, и трое солдат с овчарками настигали их. И следом за ними на кручу стал карабкаться Вахтанг. Пот заливал лицо, сердце, казалось, выпрыгивало из горла и автомат казался страшно тяжелым.

Вот Владимир обернулся, выстрелил на ходу из пистолета. Один эсэсовец упал. Даниэль упал на камень под деревом, ударила очередь из автомата. И тут собака нагнала Владимира, прыгнула ему на грудь, впиалась клыками в плечо. Владимир несколько раз выстрелил ей в живот, сбросил обмякшую тушу животного.

Частыми очередями стрелял Даниэль. Двое эсэсовцев залегли, тоже открыли огонь.

И тут за спиной одного выросла фигура Вахтанга.

— Эй! — крикнул он и, когда лежащий за камнем немец обернулся, он выпустил в него длинную очередь. И в следующее мгновение пули впились ему в плечо — это успел выстрелить другой эсэсовец, залегший неподалеку.

Даниэль тем временем вскочил и бросился в глубь леса. Вновь упал на землю, задыхаясь. Казалось, у него нет больше сил... На дороге была слышна частая беспорядочная стрельба, крики людей, лай собак...

Вот вторая овчарка настигла Жерара, прыгнула на него, когда он успел обернуться. Француз схватил ее за горло своими могучими руками, начал душить. Собака отчаянно рвалась из рук, хрипела, вывалив ярко-розовый язык.

Невдалеке от него лежал Владимир и видел, как метрах в двадцати похожий на итальянца заключенный перестреливался с залегшим за валуном солдатом. И вот “итальянцу” повезло — он попал, немец ткнулся лицом в землю, затих. Вахтанг еще раз нажал крючок, но в обойме патронов уже не было. Он привстал и глянул вниз на дорогу, вдруг закричал по-русски, с сильным акцентом грузина:

— Они всех убивают, проклятые звери!

Овчарка исходила пеной. Жерар отпустил ее, и животное упало на землю бездыханным. Конвульсивно задержались собачьи ноги. Жерар растерянно смотрел на нее:

— Я задушил ее... это же собака... я всегда любил собак...

— Это не собака, — зло ответил Владимир, выходя из-за дерева, — это такие же эсэсовцы... только в собачьих шкурах... Ты слышишь, они всех убивают... Ну, подождите, сучьи гады, — ругался Владимир и желваки перекатывались у него под скулами, — придет и ваша очередь. Придет, никуда не денетесь...

— А за нами больше никто не гонится, — Жерар огляделся.

Им теперь не до нас... будут спасать свои шкуры...

— Тебя как зовут? — по-немецки спросил Владимира француз.

— Владимир...

— Ты русский?

— Русский, — по-немецки отвечал Владимир. — Я вон там видел, кажется, твоего соотечественника... Или итальянец. Он перестреливался вон с тем фрицем — видишь, валяется за валуном? — Два француза — это замечательно, — улыбнулся Жерар. — Итальянец тоже замечательно... Э-эй!

На зов из-за деревьев показалась согнувшаяся фигура Вахтанга. Одной рукой он держался за раненое плечо.

— Но был еще один, — сказал Жерар. — Сначала нас бежало трое. Тот был желтоволосый...

А выстрелы на дороге постепенно стихали. Смутно доносился рокот автомобильных моторов, команды офицеров.

— Вот он, — вдруг сказал Владимир. — Он рехнулся — побежал обратно к дороге.

Даниэль бежал к дороге. Сквозь стволы деревьев он видел, как из лагеря по дороге шли пять тяжелых грузовых автомашин. Остановились перед месивом человеческих трупов. Эсэсовцы быстро забирались в кузова машин.

— Быстрее! Шнель! — слышались команды. — Американцы могут перерезать шоссе на Грюнвальд!

Несколько солдат еще ходили среди трупов, останавливались над ранеными и добивали их короткими очередями.

— Хватит! — закричал старший офицер. — Будь они прокляты! По машинам!

Громче взревели моторы, машины тронулись с места и покатали прямо по дороге, по мешанине трупов. Кровь большими пятнами залила каменистую дорогу. Причудливые лужи крови. Из-под колес грузовиков летели кро-

вавые брызги, переламывались человеческие кости. Скрюченные мертвые тела лежали здесь и там... Даниэль изо всех сил бежал к дороге, отчаянно кричал:

— Негодяи! Ублюдки! Подлецы!

Жерар, Владимир, и Вахтанг видели его с горного склона.

— Он с ума сошел, — сказал француз, — они его схватят!

— Черт с ним... — Владимир проверил патроны в обойме пистолета. — Раз ему так хочется...

— Как черт с ним? — вдруг по-русски с акцентом спросил Вахтанг. — Что говоришь, слушай? Как можно? Э-э-э! Сто-ой! — и он бросил автоматы и неловко побежал по склону вниз, держась за раненое плечо.

— Так он русский? — удивленно спросил Жерар.

— Советский... — ответил Владимир. — Кажется... грузин...

... Немцы уехали. Весеннее солнце заливало светом брошенный лагерь, горную дорогу, заваленную трупами заключенных. Даниэль брел среди убитых, бормотал вполголоса слова молитвы:

— Господи, прими с миром души усопших...

Появился на дороге Вахтанг. Левая сторона полосатой куртки у него заплыла кровью. Следом за ним появились на дороге Жерар, и последним, нагруженный автоматами, — Владимир.

Даниэль склонился над одним заключенным, тронул его за плечо:

— Збышек? Вставай, Збышек!.. Ты слышишь? Они ушли... — Даниэль все сильнее тряс мертвого за плечо, губы кривились, лицо исказила гримаса гнева и боли. — Ты слышишь меня, Збышек? Они ушли грязные ублюдки! Ушли-и! Вставай, Збышек!

Жерар положил руку ему на плечо, но Даниэль резко сбросил ее. Все внимание поляка было приковано к мертвому Збышкеку.

— Збышек! Вставай, дорогой! Мы свободны! Мы поедем домой! — Даниэль кричал и горное эхо множило его отчаянный крик. — Господи, не прощай им! За что, Боже милостивый, за что-о!? Никогда не прощай!! Мы будем жить, Збышек! Этим ублюдкам назло! Жи-и-ить, Збышек! Жи-и-ить!

Жерар пытался оттащить Даниэля от мертвого Збышека, но поляк сопротивлялся, на губах показалась пена, глаза, казалось, выскочат из орбит. Он вдруг упал рядом на дорогу, стал корчиться в судорогах, и слезы текли по изможденному лицу, и пена запузырилась в углах рта. Владимир и Вахтанг стояли и молча смотрели, как Жерар взвалил Даниэля на плечи, понес в сторону от дороги.

Владимир и Вахтанг пошли следом. Вдруг Владимир увидел мертвого немецкого солдата, подумал и начал стаскивать с него сапоги, брюки. Примерил на себя. Потом снял с солдата мундир. И вдруг замер — взгляд упал на лицо немца. Он совсем молод, этот солдат. Каменная белизна покрыла мертвое лицо немца. Красивое лицо человека. Русые волосы упали на лоб. Величие и жестокость смерти отпечатались на нем.

— Возьми пакет, пожалуйста, — вдруг услышал он голос Вахтанга. — У него на поясе пакет...

Владимир глянул на залитое кровью плечо Вахтанга, быстро разорвал индивидуальный пакет, потом помог грузину стащить с себя куртку, стал вытирать клоком ваты рану, пробормотал:

— Пули две тебе вlepили... как минимум... — он быстро и умело бинтовал рану.

Жерар на обочине дороги, склонившись, слушал пульс Даниэля, потом посмотрел на подошедших Владимира и Вахтанга:

— Он совсем плох, — сказал Жерар. — Его нельзя бросать...

— А что делать? — Владимир присел рядом, вытер пот с лица. — И грузин ранен... две пули в плече — тоже врач нужен... Тебя как зовут, кацо?

— Вахтанг зовут, — коротко ответил тот, присаживаясь на землю.

— На, возьми надень, — Владимир протянул ему немецкий мундир с солдата, но гримаса отвращения передернула лицо Вахтанга:

— Это? Нет, никогда...

Они говорили по-русски и Жерар не понимал. Спросил по-немецки:

— Помнишь, как нас водили на завод? Мы проходили в стороне большое имение... Фольварк или что-то в этом роде, помнишь?

— Ну... помню... — подумав, ответил Владимир.

— Это ведь недалеко... Там и еду достанем... и одежду, и какие-нибудь лекарства...

— Мы его не донесем... Он тяжелый... А у меня ноги дрожат...

— Я донесу, — улыбнулся Жерар. — Боши, драпают, — значит, в этом имении никого нет... — он нащупал под арестантской курткой Библию, достал ее. — В лагере все его называли ксендзом? Это значит священник?

— Да... по-польски... — ответил Владимир и лег на спину, глядя в чистое небо.

— Священника нельзя бросать, — совсем серьезно ответил Жерар. — Они всю жизнь пекутся о наших душах...

— Священника нельзя, а просто человека — можно, хе! — и Вахтанг покачал головой.

— Ты что, не говоришь по-немецки? — спросил его Жерар.

— Не хочу говорить... — так же по-русски ответил Вахтанг.

— Что он сказал? — спросил Жерар Владимира.

— Он сказал, что не желает говорить по-немецки, — усмехнулся Владимир.

— Парле ву франсе? — спросил Жерар.

Вахтанг отрицательно покачал головой.

— Эспаньола? Ду ю спик инглиш? — допытывался Жерар. — Латинос?

Вахтанг опять отрицательно покачал головой.

— Видишь, Вахтанг, — повеселел Владимир, — выучил бы хоть один язык, сейчас как бы пригодилось.

— Он пять выучил, — кивнул в сторону Жерара Вахтанг. — Ему пригодилось?

Они негромко рассмеялись, потом Владимир сказал:

— Ничего не поделаешь, Жерар. Он будет говорить по-русски, а я вам буду переводить.

— Я могу говорить по-грузински, — сказал Вахтанг.

— Но я тогда не смогу переводить, — развел руками Владимир и они опять негромко рассмеялись...

...К имению они добрались в середине дня. Задыхаясь и обливаясь потом, Жерар нес на себе Даниэля. Тот по-прежнему был без сознания, время от времени стонал.

— Збьшек... Мы идем домой, Збьшек...

— Давай я понесу, — сказал Владимир, отдавая свой автомат Вахтангу. — Ты сейчас свалишься... — он переложил поляка себе на плечи, сразу согнулся чуть не пополам, тяжело переставляя ноги.

За поворотом дороги выросла каменная ограда имения, чугунные, узорчатые решетки, за которыми подстриженные газоны, аккуратно посыпанные красным толченым кирпичом дорожки. У гаража стояла черная машина марки "майбах".

Владимир положил Даниэля на землю, вытер потное лицо:

— Побудьте здесь... Я посмотрю, кто там есть, — он взял у Вахтанга автомат, пригнувшись, направился к имению.

Жерар глянул на Вахтанга — повязка на плече пропиталась кровью и видно было, что его трясет, как в лихорадке...

..Первым Владимир увидел шофера в ефрейторском мундире. Он вышел из гаража, неся в руках две канистры с бензином. Владимир выглянул из-за гаража, затем вышел к машине. Ефрейтор вздрогнул, увидев его, уронил канистры. Но немецкий мундир и сапоги успокоили его:

— Ты откуда? С фронта?

— С того света, паскуда, — по-русски ответил Владимир и выстрелил в шофера — ефрейтора. Немец переломился пополам, ничком повалился на землю. Владимир заглянул в гараж, затем быстро направился к дому.

Имение брошено. В комнатах, в большой зале с огромной хрустальной люстрой — везде следы поспешного бегства. Разбросанная в беспорядке одежда, осколки посуды, на стенах — пустые багетовые рамы без картин. Владимир осторожно шел по зале. Опрокинутое кресло, брошенные женские платья, чулки, шляпки, сапоги... Под ногами Владимира хрустели осколки стекла и фарфора... Столовая... Портрет фюрера против дверей. Его с собой не взяли. Тяжелые бронзовые подсвечники с оплывшими свечами, на полу пустые бутылки...

— Э-эй, Владимир... Где ты? — послышался из залы голос Вахтанга.

— Иди сюда! — позвал Владимир. — Тут навалом жратвы!

В дверях столовой появился Вахтанг, следом за ним — Жерар.

— А где поляк? — спросил Владимир.

— Я положил его на диване... там, в гостиной, — отдуваясь, ответил Жерар. — Хорошо бы вызвать врача... — он

подошел к столу, схватил с блюда кусок холодного жареного мяса, стал жадно рвать его зубами.

Владимир тоже съел несколько кусков, взял бутылку с вином, прочел надпись:

— “Мозельское”. Хрен с ним, пусть будет мозельское, — он отбил об стол горлышко и стал лить вино в рот, держа бутылку на расстоянии.

— У тебя ловко выходит! — улыбнулся Жерар, взял другую бутылку, тоже отбил горлышко, стал пить, но тут же отдернул горлышко ото рта. — Фу, черт, я порезал себе губы...

— Вахтанг, хочешь? — спросил Владимир. — Правда, это не твое знаменитое гурджаани, но с голодухи и бензин выпить можно...

— Спасибо, не хочу... — Вахтанг сидел в кресле, держа руку за раненое плечо.

— А ты откуда родом, Вахтанг? — спросил Жерар.

— Тбилиси, слышал?

— Он говорит, что из Тбилиси, из Грузии, — пояснил Владимир.

— А что это? Где? — вытаращил глаза Жерар.

Вахтанг только презрительно цокнул языком и покачал головой.

Владимир бросил пустую бутылку, нашел пачку сигарет, торопливо закурил, жадно потягивая сладкий дым, вздохнул:

— Хорошо... кажется, я немного почувствовал себя человеком...

Теперь они расположились в гостиной. Владимир развалился на диване, курил, пуская дым в потолок. Рядом с ним лежал в забытьи Даниэль. В кресле сидел Вахтанг, а напротив него Жерар вертел диск телефона, пьяноватым голосом кричал в трубку.

— Фройлен! Нам нужен врач, немедленно! Это имяние... — прикрыв ладонью трубку он спросил Владимира: — Чье это имяние?

— А черт его знает. Теперь это не имеет значения, — лениво ответил Владимир. — Имяние — наше...

— Имяние, которое возле подземного завода. Да! Немедленно! Хозяину плохо!

— Скажи, чтобы прислали еще двух медсестер... по красивее, — посоветовал Владимир.

Жерар хихикнул, сказал в трубку:

— И двух медсестер! Что? Только одна? Давайте одну! — Он опять захихикал, прикрыв трубку. — Сказали, что сообщат в больницу... — он бросил трубку, включил приемник, начал настраивать его. Сквозь треск и мешанину звуков вдруг прорвалась русская речь. Торжественный голос сообщил, что сегодня, 2 мая 1945 года, после упорных ожесточенных боев советские войска окончательно овладели столицей фашистской Германии городом Берлином...

Владимир вскочил с дивана, напряженно слушал. И Вахтанг весь напрягся, глядя на приемник.

— Это по-русски, — сказал Жерар. — Что он говорит?

— Наши Берлин взяли... — шепотом ответил Владимир и повторил громче: — Вахтанг, ты слышал? Наши Берлин взяли! Наши! — потом по-немецки Жерару: — Наши Берлин взяли! Понимаешь!

Владимир кинулся к Вахтангу, порывисто обнял его, и тот сморщился от боли, чуть застонал, но тут же улыбнулся:

— Наши, Вахтанг! Наши взяли, мама родная, мамочка моя милая — наши, будь они все прокляты! Наши!

— Значит, войне крышка! — закричал Жерар. — Виват, Владимир! Виват... как его зовут, а?

— Вахтанг его зовут, черт бы тебя побрал, Вахтанг! — радостно пояснил Владимир и, схватив бутылку, стал пить из горлышка.

— Виват, Вах-танг... — по слогам произнес Жерар.

Потом он увидел в углу гостиной патефон, подошел к нему, завел, поставил первую попавшуюся пластинку. Раздалась мелодия старого танго. Жерар подошел к Владимиру, церемонно раскланялся:

— Разрешите пригласить вас, мадемуазель...

Они неуклюже танцевали, улыбаясь друг другу. А Вах-танг в это время отошел к окну и стоял, глядя в парк, и по его неподвижному, заросшему щетиной лицу, медленно скатилась слеза. Одна, другая. А он все смотрел, и мир, искаженный слезами, искрился у него перед глазами... На диване громко застонал Даниэль. Жерар с тревогой посмотрел на него, пробормотал:

— Хотел бы я знать, где этот чертов врач...

— Даешь Берлин! — крикнул Владимир. — Жерар! Вах-танг! Поехали в Берлин! Желая посмотреть, как фашистыги будут нам кланяться! — он выхватил пистолет из-за пояса куртки-мундира и несколько раз выстрелил в люстру. Посыпались хрустальные осколки.

Вскочил с дивана Даниэль, бессмысленно огляделся:

— Где я?

— Берлин взяли! — по-немецки сказал ему Жерар. — Русские взяли Берлин! Эй, священник, как тебя зовут? Ты поляк?

— Поляк... — ответил тот. — Зовут Даниэль...

— Ты правда священник? — недоверчиво улыбнулся Жерар.

— Нет...

— А почему тебя в лагере называли ксендзом?

— Потому что со мной была Библия... Я всегда летал с Библией. — Даниэль вновь лег на диван. Лоб был покрыт каплями пота.

— Летал? — вздрогнул Владимир. — Ты летчик?

— Летчик... — едва слышно ответил Даниэль.

— Чудеса... растерянно пробормотал Владимир. — И я летчик... Ты кто? Истребитель? Бомбардировщик?

— Бомбардир... Последний раз я вылетал на Гамбург... Меня подожгли прямо над городом...

— Ты летчик! И он летчик! — засмеялся Жерар. — А ведь я механик по самолетам, ха-ха! Веселая у нас подобралась компания! Вахтанг, а ты кто?

— Комроты... — односложно ответил Вахтанг. — Пехота...

— Он — пехота, царица полей! — весело пояснил Владимир. — Старлей или до капитана дослужился?

— Старлей... — так же односложно ответил Вахтанг, глядя в окно.

За окном вдруг раздались звуки работающего автомобиля. Владимир схватил автомат, бросился к окну.

К особняку по дорожке подъехал автомобиль, остановился перед мраморными ступеньками. Из машины вылез сухонький, маленький старичок, одетый во все черное, в черном котелке, с саквояжем в руках. Вслед из машины показалась девушка в белом халате.

Владимир прицелился из автомата в старика, но Жерар успел отвести ствол в сторону.

— Ты с ума сошел! Это же врач!

Старичок увидел лежащего у гаража убитого ефрейтора, подошел, наклонился, послушал рукой сердце. Потом разогнулся и пошел к особняку. А на крыльце его уже ждал Владимир с автоматом:

— Больные там, доктор... Пройдите туда, — сказал он по-немецки.

Старичок доктор и девушка послушно пошли за Владимиром. Войдя в гостиную, они увидели Жерара в полосатой куртке арестанта, затем другого — полуголового, с забинтованным окровавленным плечом, стоящего у окна, потом третьего, лежащего на диване.

— Им надо помочь, — Владимир кивнул на Вахтанга, потом на Даниэля. — Если ты им не поможешь... — и выразительно поднял ствол автомата. Старичок послушно зашел к Вахтангу, но тот мотнул головой, сказал по-немецки:

— Сначала — ему... — и указал глазами на Даниэля.

Старичок начал осматривать Даниэля, послушал пульс, достал из саквояжа тонометр и померил давление. Медсестра помогала ему. Затем вынул металлическую коробку со шприцем, отдал медсестре, проговорил просительно, взглянув на Владимира:

— Это надо вскипятить.

Жерар и медсестра вышли. А доктор подошел к Вахтангу, стал разматывать ссохшиеся бинты. Потом достал из саквояжа спирт во флаконе, вату, стал протирать рану. Вахтанг терпеливо молчал.

Владимир, развалившись в кресле и положив на колени автомат, следил за ним. Вдруг резко спросил:

— Ты знаешь морда, что русские взяли Берлин?

— Да, знаю... — тихо ответил старичок.

— Скоро вам всем будет крышка! Всей Германии!

— Ему надо удалить пули... — так же тихо сказал врач и стал доставать из саквояжа хирургические инструменты — щипцы, скальпель.

Вернулись Жерар и медсестра. Француз показал Владимиру на девушку и подмигнул весело. Владимир коротко рассмеялся.

Врач отдал медсестре инструменты, сказал коротко:

— Тоже вскипятить... — а сам направился со шприцем к Даниэлю, вынул ампулу с лекарством, закатал Даниэлю рукав куртки. Неторопливыми движениями сделал укол, потом сказал, обернувшись к Жерару:

— Нужен покой... Сейчас ему станет лучше... Можно немного вина.

— Покой нам теперь обеспечен, — усмехнулся Владимир.

А старичок вернулся к Вахтангу, и в это же время медсестра принесла вскипяченные инструменты. Старичок протер руки ватой со спиртом, взял скальпель и сказал тихо:

— Терпите... сейчас будет больно...

На эти слова Вахтанг только усмехнулся.

— Черт возьми, а где находится эта... Грузия? — по-немецки спросил Жерар Владимира. — Это страна? Государство? Что это?

— И страна, и государство, — ответил Владимир. — Республика СССР... не утруждай свою голову, Жерар, авиамеханику это ни к чему... Хотя, ты знаешь, что товарищ Сталин — грузин?

— О-о... — Жерар уважительно покачал головой, — и Вахтанг — грузин?

— Точно! — улыбался Владимир.

— Тогда это великие люди, — Жерар налил в бокал вина. — Господин Сталин, виват! Господин Вахтанг, виват!

Он не увидел, как быстро передернулось лицо Вахтанга — то ли от боли, то ли от упоминания о Сталине. Кровь текла по плечу...

Врач выдернул щипцами пулю и бросил ее на пол.

Свинец упал со стуком, покатился. Жерар поднял этот кусочек...

— Вахтанг, ты должен это взять на память...

В это время другой кусочек свинца упал на пол. Доктор опять протер рану ватой, положил тампон, медсестра стала забинтовывать Вахтангу руку. Врач складывал в саквояж инструменты.

Наконец, они закончили всё — Вахтанг забинтован; врач поднял саквояж:

— Простите, мы можем идти?

— Скажите, доктор, а если наших больных полюбит хорошенькая девушка — им ведь еще быстрее станет хорошо, не так ли? — весело спросил Жерар.

Старичок пожал плечами, стараясь не встречаться с глазами медсестры. Владимир коротко рассмеялся, сказал:

— Ты, доктор, можешь проваливать... Она пусть останется...

Девушка вздрогнула, с мольбой посмотрела на врача.

— А вдруг им опять станет плохо? — казалось с безобидной веселостью говорил Жерар. — А они, как никто, нуждаются в добрых словах и утешении. А кто может лучше утешить, как не хорошенькая девушка? Вы меня понимаете, фройлен?

— Не бросайте меня, герр Глаук, — глаза медсестры распахнулись от ужаса. — Умоляю вас, не оставляйте меня...

— Ну, иди, чего встал? — рявкнул Владимир, и рука его сжала приклад автомата.

Старик ушел неспешной походкой и, даже глядя на его спину, можно было понять, что он каждую секунду ждет выстрела. Медсестра смотрела ему вслед, глаза ее были полны слез. Негромко хлопнула дверь. Слышно было, как на улице глухо заработал мотор и машина отъехала.

Владимир поднялся, бросил на стол автомат, и подойдя, грубовато обнял девушку.

— Она вся дрожит, — он усмехнулся. — Ты что, боишься нас?

— Нет, господа... — дрожащим голосом отвечала медсестра. — Я уверена, что вы... хорошие, порядочные люди...

Владимир хрипло засмеялся. Улыбался Жерар. Молча, кажется, без всякого выражения смотрел на них Вахтанг.

— Ты права, мы самые порядочные люди на свете. Мы два года ищали на твою проклятую великую Германию... И по приказу герра коменданта нас всех перестреляли, даже забыв сказать спасибо! Как тебе это нравится, киса?

Девушка дрожала и не могла вымолвить ни слова, только глаза были полны слез.

— Ты должна отблагодарить нас, девочка, — Владимир еще сильнее прижал ее к себе. — Ты меня слышишь?

— Да-да... конечно, господа... — губы ее нервно кривились.

Вахтанг нахмурился, глядя на нее. А Владимир жадно поцеловал ее в губы, подмигнул Жерару:

— Кто первый, Жерар?

— Они. — Жерар кивнул в сторону Вахтанга, потом в сторону Даниэля. — Они больные, им нужна женская ласка! Пошли! — он взял девушку за руку, вытянув ее из объятий Владимира, и повел за собой через всю гостиную. Следом за ним направился Владимир...

Жерар распахнул ванную, зажег свет. Блестел голубоватый кафель, на полочках, перед старинным зеркалом, множество флаконов с духами, кремами и мазями.

— Ого, тут и “Коти”, и “Шанель”! — весело воскликнул Жерар, нюхая флаконы. Потом он откупорил один флакон, другой и стал выливать содержимое в ванну.

Сильный аромат духов распространился по всей ванной. Владимир зажмурился, потряс головой:

— После таких благоуханий хочется понюхать кусочек дерьма!

— Ты мало нанюхался его в лагере? — весело спросил Жерар. — Прошу, мадемуазель! Такие ванны готовят только королевам!

Расширившимися от страха глазами девушка смотрела на ванну, тихо покачала головой:

— Нет-нет... я не хочу... — она попятилась назад и натолкнулась на Владимира, умоляюще взглянула на него. — Пощадите, господа, у меня есть... жених...

— Наверное, служит в СС? — спросил с издевкой Владимир.

— Нет, что вы! Он инвалид... он потерял ногу...

— Какая жалость, — с притворным сочувствием сказал Владимир. — Ты слышишь, Жерар? Ее жених потерял на фронте ногу!

— Умоляю вас, господа... — со слезами бормотала девушка.

— Раздевайся, фря немецкая! — рявкнул Владимир. Он рванул с девушки белый халат вместе со стареньким дешевым платьем. Затрещала материя, обнажилось худое плечо с выпирающей ключицей, грудь.

И тут за спиной Владимира выросла фигура Вахтанга. Он рванул Владимира за плечо, и они оказались лицом к лицу.

— Уйди, кацо... твоя очередь подойдет, — тяжело дыша, сказал Владимир.

И Вахтанг ударил его в скулу, коротко, сильно, здоровой правой рукой. Владимир растянулся у входа в ванную, вскрикнула девушка.

— Нехорошо, слушай... женщина, все-таки, — негромко, с укоризной произнес грузин и спокойно направился в гостиную.

— Ах, так... Меня бить... за немецкую сучку... — прохрипел, вскакивая Владимир.

— Стой, Владимир! — крикнул Жерар, но тот в два прыжка очутился в столовой, схватил автомат и еще через мгновение Владимир вырос перед Вахтангом, держа автомат на перевес.

— Не надо, слушай... — тихо и спокойно сказал Вахтанг, — потом сам жалеть будешь...

— Уйди с дороги!

— Кончайте, ребята... — из ванной вышел Жерар. — Не хватало еще, чтобы мы сами перестреляли друг друга...

— Пусть уйдет с дороги! — Владимир вскинул автомат, положил палец на спусковой крючок.

Девушка взвизгнула и кинулась из ванной, проскочила мимо и скрылась в гостиной, захлопнув дверь.

Вахтанг все так же стоял перед Владимиром. А того всё трясло от бешенства:

— Ты их жалеешь, да? Ты такой благородный, да? А как они нас убивали, уже забыл? Голодом морили! Избивали! Собаками травили, уже забыл?

— Это женщина, слушай...

— Прочь с дороги! Она не уйдет отсюда, пока я с ней не пересплю, понял, ты-и! — Владимир чуть было не нажал на крючок автомата, но Жерар успел сзади ударить его по стволу, схватив его за руки. Владимир все же выстрелил, но очередь ударила в потолок. Посыпались куски штукатурки. Жерар вырвал автомат из рук Владимира, свалил его на пол. Тот отбивался, хрипел:

— Пусти меня, слышишь! Пусти, гад, всех перестреляю!

— Пусти его... — по-немецки сказал Вахтанг, и Жерар отпустил.

Владимир тяжело поднялся, но автомат, лежащий на полу, поднимать не стал. Вахтанг вдруг положил ему руку на плечо, тихо сказал:

— Извини, дорогой... я все понимаю...

— Ни хрена ты не понимаешь, — Владимир резко сбросил с плеча его руку, пошатываясь побрел по коридору.

...А немецкая медсестра в это время сидела в гостиной на диване рядом с лежащим Даниэлем и тихо всхлипывала. Он очнулся от выстрелов и теперь вопросительно посмотрел на девушку:

— Ты... кто?

— Магда... я работаю в больнице... Ваши друзья приказали, чтобы я...

Даниэль пошарил рукой за пазухой:

— Библия... Где моя Библия?

— Я не брала! — испугалась медсестра, — клянусь богом, я не брала.

...Владимир спустился в полутемный подвал под домом, огляделся. В подвале оказался целый склад старых вин. Заросшие паутиной пирамиды старых бутылок, бочки. Владимир тряхнул головой:

— Вот это лафа... хоть здесь отведем душу... — он взвалил на плечи ящик, полез по лесенке наверх...

...Жерар стоял у дверей в гостиную, постучал, обернулся к Вахтангу.

— Так долго не открывают, а? Жизнь пошла, как на пиратском корабле! — Жерар засмеялся. — Ну, где у себя в Польше он найдет такую заботу о товарище? Смотри, Вахтанг, с нами не захотела, а к поляку сама убежала... Ты понимаешь, что я говорю?

— Понимаю... — по-немецки односложно ответил Вахтанг.

— Он летчик, а так долго возится с девчонкой! Какой же после этого он летчик?

Вахтанг не ответил, молча прошел в столовую, взял со стола кусок мяса, стал есть. Жерар прошел за ним, продолжая:

— Я, например, первый раз в тринадцать лет. А ей было за сорок, ха-ха! Она держала в порту кафе для грузчиков. Такая любительница молодых мальчиков, ха-ха! Я так перепугался, когда она затащила меня в постель, что заревел, как корова. А на другую ночь я сам залез к ней через окно. Вот была потеха ха-ха! А ты?

— Я любил одну девушку... — после паузы, медленно, по-немецки ответил Вахтанг, — но родители отдали ее замуж за другого...

— Почему?

— Так случилось...

В столовую ввалился Владимир, с грохотом поставил ящик вина на стол, вынул одну бутылку, отколол горлышко.

— Нет, меня так и тянет посмотреть, чем они там занимаются! — сказал Жерар. — Или он за два года лагеря забыл, как это делается? Слушай, Владимир, ты много пьешь...

— Только не учите меня жить! — резко ответил Владимир. — Я не для того загибался в лагере, чтобы мной опять командовали!

...А Даниэль в это время обнимал и целовал девушку, говорил:

— Ты похожа на мою невесту... Ты не бойся, мы не сделаем тебе ничего плохого... Ах, какие божественные духи!

— Это ваш приятель налил полную ванну французских духов, — сквозь слезы улыбнулась девушка. — Я никогда в жизни не видела столько духов...

Даниэль снова поцеловал ее, и девушка доверчиво потянулась к нему, прижалась всем телом, прошептала:

— Ты такой красивый... ты ужасно красивый... Как тебя зовут?

Даниэль вдруг нахмурился, оттолкнул ее от себя:

— Нет, нет... уходи... Лучше уходи...

— Я тебе не нравлюсь? — она искренне огорчилась. — Ты думаешь, я со всеми такая? И про жениха сказала неправду... его нет... Его убили в прошлом году в России... Ты не веришь мне?

— Верю... — он облизнул сухие, потрескавшиеся губы. — Так нельзя... Если я буду так, то мне начнет казаться, что моя невеста тоже может так... Ты понимаешь меня?

— Понимаю... Я уйду... А ваши... друзья... они отпустят меня?

И вдруг с улицы вновь донесся рев автомобилей, мотоциклов, голоса людей, отрывистые команды...

— Немцы! — ахнул Жерар, бросаясь к окну гостиной.

Владимир и Вахтанг тоже подошли к окну.

По дорожкам парка особняка медленно ехали мотоциклы. На них верхом и в колясках — эсэсовцы.

— Здесь больше роты... — прошептал Жерар. — Черт возьми, влипши!

— Помогите зарядить... — Вахтанг взял автомат, протянул его Владимиру. Тот только усмехнулся, отхлебнув из бутылки:

— Не бойся, сейчас мы их разделаем под орех...

Мотоцикл с двумя офицерами остановился перед мраморными ступеньками. Один офицер что-то крикнул солдатам, спрыгнул с мотоцикла и направился в особняк...

Владимир взял из рук Вахтанга автомат, вставил в него рожок, еще отхлебнул вина и, отбросив бутылку, приготовился стрелять. Жерар схватил его за руку.

— Ты с ума спятил?

— Труссы! — Владимир пытался вырвать автомат из рук француза. — Вахтанг, бери другой! Щас мы им покажем, как умеют умирать советские офицеры! По фашистским гадам огонь!

Жерар сдавил Владимира мощными ручищами, взвалил на себя и заспешил к лестнице, на второй этаж. Вахтанг подобрал автоматы, двинулся за ним...

...Даниэль и медсестра выбежали из гостиной, остановились. В окно они тоже видели, как подъехала к дому колонна мотоциклов.

Медсестра показала глазами Даниэлю на второй этаж, проговорила торопливо:

— Не бойтесь... я не скажу...

А на втором этаже хрипел Владимир, которого держал в объятиях Жерар:

— Труссы! С бабами — труссы! Воевать — труссы! Вас в лагере сделали такими! Вахтанг, возьми автомат! Возьми!

— Да заткнись же ты! — Жерар ладонью зажал Владимиру рот.

...Слышно было, как хлопнула парадная дверь, раздались шаги. В гостиную вошел офицер в забрызганном грязью черном мундире. Посреди гостиной он увидел испуганную девушку в наброшенном на плечи дорогом халате, козырнул ей:

— Почему убитый ефрейтор у подъезда? Что здесь произошло, фройлен?

— Не знаю... была стрельба... из лагеря убежали заключенные. Хозяева уехали... Я здесь одна... — глаза у девушки огромные от страха, руки судорожно запахивают халат на груди.

— Закопайте убитого в саду, возле ограды, — приказал офицер вошедшим солдатам и вновь посмотрел на медсестру, — мы торопимся, фройлен. Будьте осторожны, скоро здесь будут американцы.

— Да-да... — медсестра с готовностью кивнула головой. — Вам ничего не нужно, герр штурмбанфюрер?

— Что-нибудь поесть, — устало улыбнулся офицер. — И попить... О, да тут вино есть! — он подошел к столу, взял бутылку. — Мозельское! Черт возьми, на свете еще суще-

стует мозельское! — и приказал солдату. — Заберите весь ящик!

Медсестра ворвалась на кухню, стала шарить по полкам буфета, открывала какие-то ящики, достала несколько кругов колбасы, какие-то свертки, буханки хлеба.

...Наверху, окаменев, стояли Жерар, Вахтанг, и Даниэль. В руках Жерара и Даниэля автоматы. Рядом у их ног лежал в пьяном забытьи Владимир...

...Медсестра вынесла в гостиную продукты, и солдат забрал их, сложил в походную сумку. Офицер еще раз козырнул:

— Счастливо оставаться, фройлен. Надеюсь американцы не тронут вас...

Они вышли из гостиной, и наступила тишина. Слышно, как за стенами особняка громче взревели мотоциклы, раздались отрывистые команды.

Даниэль бросился к окну и увидел, как автоматчики на мотоциклах отъезжали от дома по дорожкам. Пары отработанного бензина окутывали голые весенние деревья.

— Уехали... — с облегчением произнес Даниэль.

— Смотри, а этот спит, — удивленно сказал Жерар и потряс Владимира за плечо, хлопнул по щекам. — Эй, Владимир, проснись!

Владимир с трудом открыл глаза, тяжело сел на полу.

— Ч-черт, после этой контузии все время теряю сознание... Что, без меня постреляли фрицев?

— Мы были на волосок от смерти, — ответил Жерар.

— Мы уже пять лет на волосок от смерти каждый день, — Владимир тяжело встал, — пора бы и привыкнуть... Где вино? Я притащил из подвала целый ящик.

— Хватит пить, — сказал Даниэль, — война еще не кончилась.

— Слушай, ксендз, это не твое собачье дело, — Владимир стал спускаться по лестнице на первый этаж. Остальные двинулись за ним, — читай свою паршивую Библию и не суй нос, куда не просят...

— Еще одно слово про Библию... — Даниэль невольно сжимал кулаки.

— Не связывайся, — негромко сказал Жерар, — ты не видишь — он болен...

— Да, вам лучше со мной не связываться, дорогой Жерар... — Владимир прошел через гостиную в холл, не замечая медсестры. В холле он споткнулся обо что-то и громко выругался.

— Отсюда надо уходить, — сказал Даниэль, — могут опять нагрять немцы.

— Да, надо уходить, — повторил Жерар. — А куда?

— Все равно... — Даниэль опустил на диван, вытер мокрый лоб, — совсем нет сил. колени дрожат...

— Сварить вам кофе? — вдруг предложила до сих пор молчавшая медсестра. — На кухне есть кофе. Я видела... — и она быстро ушла.

Появился Владимир, неся на плечах новый, опутанный паутиной, ящик, с грохотом водрузил его на стол, продолжая бормотать:

— Они мне пить запретят, ха-ха! — он откупорил бутылку, отпил глоток, сморщился. — Ну и дрянь это мозельское, кусус! Вахтанг, может, попробуешь?

И вдруг Вахтанг подошел к столу, налил себе в пустой бокал, глянул на Владимира:

— Твое здоровье, Владимир. За то, что мы живы...

— Хоть ты меня понимаешь, — Владимир взглянул на него. — Я летчик, понимаешь? Я по девять боевых вылетов делал в сутки! У меня семь сбитых лично "мессеров", понимаешь?

Вошла медсестра с большим подносом. На подносе — чашки с горячим кофе, сэндвичи. Она улыбнулась, глядя на Даниэля:

— Вам давно пора подкрепиться.

Владимир зло посмотрел на нее, но промолчал. Даниэль забрал у нее поднос, поставил на стол:

— Прошу вас, пани. Будем пить кофе вместе.

— А все-таки мы взяли Берлин, Вахтанг, мы! — сказал Владимир, обращаясь к одному грузину. — У тебя есть друзья, Вахтанг?

— Были...

— И у меня были... теперь нету... — Владимир весь напрягся, словно его сейчас настигнет припадок. — Черт, голова... две контузии, понимаешь... А потом в лагере сапогами по голове... Эх, какие были друзья, Вахтанг! Они сгорели живыми... Полухин Борька — штурман. Чернов Иван — борт-стрелок... Мы загорелись над Кубанью в сорок втором... До гроба были друзья, до гроба... — Владимир вдруг взорвался и обернулся к Даниэлю, — шесть "мессеров" на одного, ты такое хоть видел во сне, тухляк польский! Шесть на одного! И мы не удирали! Ванька Чернов два поджег! Два! И они погибли... а я остался жить! Зачем, Вахтанг, скажи мне, зачем остался жить? А-а, что с вами говорить... — Владимир махнул рукой и пошел из гостиной, спрашивая — тут были сигареты? Где тут были сигареты?

Он вышел. Все молчали, опустив головы.

— У нас в госпитале были такие, — тихо сказала медсестра. — Наши солдаты из-под Сталинграда... они воровали спирт и напивались до бесчувствия.. Ужасно, что наделала война с людьми... ужасно...

— А Париж давно свободен, — вдруг вздохнул Жерар и слабо улыбнулся: — перед самой войной встретила мне роскошная девочка. Мы прилетели из Марселя принимать партию английских самолетов и тут я с ней познакомился. Мечта пирата! Все летчики и механики подыхали -

он мечтательно улыбнулся, вспомнив свою девушку. — Странно, с тех пор прошло пять лет, а кажется, что целая жизнь... Будто этого и не было вовсе... Или было, но не со мной...

— Она жива? — спросил Даниэль.

— Не знаю... — Жерар пожал плечами. — Поигрались несколько ночей и расстались... Не могу долго с одной и той же... Поэтому и не женился...

Из приемника раздался бравурный марш. Даниэль налил в фужер немного вина, осторожно попробовал. Жерар взял сэндвич, стал жевать, продолжая говорить:

— Больше всего в жизни любил бродяжить. Бог мой, где я только не был! Рио-де-Жанейро, Сантьяго, Нью-Йорк, Мадрид. Вена, о, сколько разных городов! — Жерар покачал головой. — И везде у меня полно друзей!

— Что ты там делал? — спросил Даниэль.

— Как что? Я — механик по авиационным моторам. Думаешь, почему немцы загнали меня на этот проклятый подземный завод? Я моторы знаю, как священник Библию. Прости, не хотел тебя обидеть.

— Ничего. Тем более, что я не священник... — Даниэль вытер мокрый лоб, виновато улыбнулся. — Вы меня извините, я посплю немного... Совсем сил нет...

— Я провожу вас в спальню, — сказала медсестра. — Пойдемте...

Жерар с грустью смотрел, как медсестра обняла Даниэля за талию, повела его из гостиной, осторожно и заботливо поддерживая.

Вахтанг сидел за столом прямо, вертел в пальцах бокал с недопитым вином, думал о чем-то своем, тяжелом и никому не понятном.

— Что ты всё молчишь, а? — Жерар хлопнул его по плечу, — О чем думаешь?

— О том, как жить дальше... — медленно по-немецки ответил Вахтанг.

— Чем меньше думаешь, тем больше живешь! — засмеялся Жерар, — у нас теперь каникулы после страшной войны, Вахтанг! Мы имеем право повеселиться, ни о чем не думая!

Вахтанг не ответил, все также глядя прямо перед собой...

Утром Жерар возился с "майбахом". Копался в моторе, что-то прочищал и протирал, тихо мурлыкал под нос незамысловатый мотив. Время от времени он поглядывал на дом, но оттуда никто не выходил. Жерар забрался в кабину, завел мотор, внимательно прислушался, как работал двигатель. Включил и снова склонился над мотором.

Владимир проснулся, когда солнечные лучи упали ему на лицо, с трудом открыл глаза, облизнул запекшиеся губы. Встал, огляделся. Рядом с диваном, в кресле, спал Вахтанг. Больше в гостиной никого не было. Владимир двинулся из гостиной, остановился в холле. В это время из спальни открылась дверь и вышла медсестра, запахнув на груди халат. В открытый дверной проем был виден Даниэль, лежавший на широкой постели.

— Гутен так... — мрачно поздоровался Владимир.

— Гутен так... как вы себя чувствуете? — испуганно спросила медсестра.

— Как в гробу — спокойно и тихо, — Владимир направился на кухню, бормоча: — Этот поляк неплохо устроился...

На кухне он открыл водопроводный кран и долго пил воду, поплескал себе на лицо.

— Приготовить вам кофе? — медсестра остановилась у входа.

— Лучше Даниэлю приготовьте, — Владимир опять склонился к крану, стал жадно пить...

...Жерар вновь включил двигатель, послушал, удовлетворенно прищелкнул пальцами — теперь машина в порядке. Он настроил приемник, повертел ручку. Сквозь треск и шипение прорвалась русская речь, потом английская, потом — французская. Услышав родную речь, Жерар замер. Торопливый мужской голос, запинаясь от волнения, сообщал о том, что сегодня в Берлине в шесть часов утра подписана безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. Жерар вздрогнул, сделал звук громче.

— Сегодня в шесть часов утра в Берлине подписана полная и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. На церемонии подписания капитуляции присутствовали: представитель Советского Союза маршал Жуков, представитель Великобритании фельдмаршал Монтгомери, представитель Франции генерал де Голль...

Жерар схватил с сиденья автомат, выскочил из машины и побежал к дому, стреляя на ходу.

— А-а-а, — бессмысленно кричал он и безостановочно гремела автоматная очередь.

Владимир, услышав выстрелы, кинулся в гостиную, схватил автомат и бросился к окну. Проснулся Вахтанг, тоже схватил автомат.

Даниэль выбежал из спальни, влетел в гостиную:

— Что?! Что!? Опять немцы!?

Жерар ворвался в дом, стреляя в потолок, по стеклам, по пустым багетовым рамам, по портрету фюрера. Когда кончились патроны в рожке, он швырнул автомат на пол и, молча улыбаясь посмотрел на всех. И все, ничего не понимая, смотрели на него.

Тогда Жерар подошел к приемнику, включил его, повертел ручку настройки. И вот торжественный голос сообщил по-русски:

— ...подписана безоговорочная капитуляция Германии!

Даниэль побледнел, чуть не упал, резко пошатнувшись. Вахтанг едва успел подхватить его здоровой рукой. У Владимира судорогой свело лицо, он стиснул зубы, проглотил ком в горле. Медсестра всхлипнула, закрыла лицо руками. А Жерар пошел плясать по гостиной, пиная ногами стол, стулья, кресла:

— Она кончилась, сукины вы дети! Она издохла, чтоб ей ни дна ни покрывки! Мы теперь вольные люди! Победители! Вы понимаете это, лагерные выродки!? — он обнял Владимира и расцеловал его, потом подскочил к Вахтангу и тоже расцеловал, потом кинулся тормошить Даниэля, запел во все горло: — Она кончилась, черт меня подери! Кончилась, трам-там-там! — он подхватил медсестру и затанцевал вальс по гостиной. — Она кончилась! Кончилась!

Из приемника гремел торжественный, победоносный марш..

...А вечером они ужинали при свечах. Воск плавился и стекал на старинные бронзовые канделябры. Пока медсестра ставила на стол блюда с разными кушаньями, Жерар, Даниэль, Вахтанг и Владимир копались в гардеробе, выбирая себе костюмы. Арестантские куртки и брюки валялись кучей на полу.

Жерар натянул очередной костюм, но и он был явно мал ему.

— На-ка, примеряй ты! — он бросил костюм Даниэлю, а сам достал новый. И следующий костюм на Жерара не налезал.

— С моей лошадиной фигурой надо иметь собственного портного,— недовольно бормотал он, — примеряя третий костюм. Застегнулся на все пуговицы, посмотрелся в зеркало, озорно подмигнул медсестре: — Какой жених пропадает, а? — но одно неосторожное движение плечами и раздастся треск рвущихся ниток. Пиджак расползся

по швам. Даниэль, Вахтанг, Владимир и девушка дружно рассмеялись.

С четвертым пиджаком произошла та же история. Жерар был явно огорчен, копался в гардеробе, ругался:

— Неужели в этом дурацком доме для меня не найдется одежды?

Владимир тем временем надел щегольский костюм с широкими остроконечными бортами. Посмотрел на себя в зеркало.

— Это не я... — растерялся он. — Совсем не похож...

— Потрясающий джентльмен, — Жерар хлопнул его по плечу, — тебе женщины часто говорили, что ты красивый? — он подмигнул медсестре, — как ты считаешь, он красивый?

— Да... — улыбнулась она, — очень красивый мужчина...

Вахтанг нашел темный костюм в светлую полоску, примерил, прищелкнул языком:

— Самый красивый мужчина — это я! Смотрите, друзья, таким я был до войны.

— Наверное, седины было поменьше, — улыбнулся Даниэль.

Вахтанг не ответил, долго и задумчиво смотрел на себя в зеркало.

Тем временем Владимир принес из прихожей кучу башмаков, бросил их на пол:

— Налетай — подшевели!

— Моего размера всё равно нету, безнадежно махнул рукой Жерар.

Все четверо начали примерять обувь. Жерару, конечно же, не лезли ни одни туфли. Он со злостью швырял их об стенку.

— Э, Жерар, попробуй вот это, — Вахтанг нашел в гардеробе и потянул французскому смокингу с атласными бортами, белую рубашку с черной бабочкой.

Жерар оделся, вопросительно посмотрел на Вахтанга. Тот кивнул головой, поднял вверх большой палец, в знак одобрения, сказал:

— Настоящий жених...

— Ого, Владимир, твой соотечественник все-таки стал говорить по-немецки! — весело сказал Жерар, потом снял со стены пустую багетовую раму, приставил себе по пояс, застыл. Он действительно был похож на портрет. Засмеялась медсестра, улыбались Владимир и Даниэль. А Вахтанг опять сказал:

— Теперь ты похож на моего родственника.

— Интересно, кто он был, если ходил в смокинге? — спросил Владимир, повязывая галстук перед зеркалом.

— Старая грузинская фамилия... он был князь... — Вахтанг вдруг нахмурился.

— Князь? — Владимир удивленно взглянул на него. — Ты, значит, тоже княжеских кровей?... Жерар, Даниэль, слышали?

— Князь? Маркиз? — переспросил Жерар и засмеялся. — В Грузии тоже князья есть?

— Там каждый второй — князь, — усмехнулся Владимир.

— Хватит об этом. Я пошутил, — хмуро ответил Вахтанг и отошел к окну, черному, запотевшему.

А Жерар вертелся перед зеркалом, прищелкивая пальцами:

— Представляете, я в таком виде появлюсь в Париже?

— Божественно! — сказал Даниэль. — Ты словно сошел с картины Рембрандта!

...И вот они все сидели за столом, в костюмах и белых рубашках. Медсестра, одетая в блестящее платье с глубоким вырезом на груди, подавала на стол блюда.

— За свободу! — крикнул Жерар, чокаясь со всеми. — Признайтесь, сукины дети, раньше вы даже не подозревали, что это такое!

Владимир и Даниэль выпили молча, Вахтанг сказал:

— За свободу всех, кто сейчас в неволе...

— А почему вы носы повесили? — удивился Жерар, — или вы не рады?

— Рады... — вздохнул Даниэль, не поднимая головы от тарелки.

— Мы теперь спокойно можем отправиться по домам! Я в Париж, Даниэль — в свою Польшу, Владимир — в Россию, Вахтанг — в Грузию!

— В Польше теперь хозяйничают русские, — нахмурился Даниэль, — они предали поляков, чтобы потом захватить Польшу... Мне там делать нечего...

— Еще одно слово про русских! — Владимир с силой ударил по столу. Зазвенели хрустальные фужеры.

— Да, продали! — повысил голос Даниэль. — Когда в Варшаве началось восстание Буй-Барановского, ваши танки стояли на другом берегу Вислы и ждали! Смотрели, как немцы уничтожали Варшаву и поляков.

— Да плевать я хотел на твоего Буй-Барановского! Где вы были, храбрые воики, когда немцы уничтожали Киев и Харьков! Когда от Минска остались одни развалины?

— Поляки дрались в подполье! — запальчиво ответил Даниэль.

— Подпольщики, ха-ха! — желчно рассмеялся Владимир. — Отсиживались в Польше со своим вшивым правительством! — он вскочил, сжал кулаки. — Лучше заткнись или я набью тебе морду!

Жерар оттолкнул Владимира, загородил Даниэля:

— Да что вы, сукины дети, с ума сошли! Меня всегда удивляли эти славяне! Как сойдутся, тут же наскაკивают друг на друга, как бойцовые петухи! Хватит, или я вам обоим набью морду! И свяжу! Будете лежать тихо, а мы с

Вахтангом будем пить вино и веселиться! Вахтанг, надеюсь, грузины — это не славяне?

— Нет... — Вахтанг с улыбкой покачал головой, — но тоже христианин.

— Слава Христу! — перекрестился Жерар. — Мы все тут христиане, все: нас осеняет Христос...

— Германию тоже осенял Христос, — сказал Даниэль.

— Нет! — теперь уже нахмурился Жерар. — Фашисты, как и коммунисты — безбожники! — он тут же спохватился, приложил руку к сердцу. — Ой, простите, кажется, я не то сказал...

— Ничего, стерпим, — пробурчал Владимир, садясь за стол.

— Но ведь вы не коммунисты? — осторожно спросил Жерар, — вы просто грузин и русский?

— Я был кандидатом в партию... — сказал Владимир, — впрочем, тебе этого не понять, Жерар...

— Мой отец был коммунистом, — сказал Вахтанг.

— Я еще раз прошу прощения, — церемонно проговорил Жерар.

Некоторое время они ели в тишине. Постукивали о тарелки ножи и вилки. Владимир пил вино, вдруг сморщился, сплонул на пол:

— Я не могу больше пить эту дрянь, — он встал, — я поехал в город. Достану шнапсу или спирту.

— А если тебя схватят? — спросил Жерар.

— Кто? — усмехнулся Владимир и сунул в карман пиджака пистолет, — в городе давно американцы...

— Он прав... — Жерар некоторое время раздумывал, — а что, ребята? Прогуляемся в город? Действительно, надоело сидеть в этой конуре! "Майбах" большой, мы все поместимся!

..Они все забрались в просторный “майбах”. Владимир сел за руль, включил фары. Взревел мотор и машина прыгнула с места, понеслась по ровной, посыпанной битым кирпичом дорожке.

Скоро они выехали на шоссе. Два луча от фар упирались в глухую темноту, ровно гудел мотор.

— У меня такое чувство, будто снова я за штурвалом, — усмехнулся Владимир.

— Умоляю, осторожнее, — Жерар сидел рядом с ним, — ты везешь живых людей.

— Сколько до города, фройлен? — спросил Владимир.

— Примерно полчаса езды, — ответила медсестра. Она сидела между Даниэлем и Вахтангом.

— Интересно, трупы на дороге уже убрали или нет? — будто про себя спросил Владимир.

— Хватит о трупах! — умоляюще произнес Жерар, — мы едем в город за шнапсом! Как до войны!

— Боюсь, как до войны уже никогда не будет, — сказал Владимир.

Неожиданно в ночной тишине послышались странные гудящие звуки. Владимир остановил машину и выбрался на шоссе. Долго слушал, подняв голову к небу, пробормотал:

— Бомбардировщики... на восток пошли...

— Мы едем за шнапсом или нет? — спросил из машины Жерар.

..В городке, куда они въехали, было темно и тихо. Дома с черными провалами окон, нигде ни огонька.

— Фью-ить! — присвистнул Жерар, — тут, как на кладбище!

— Где тут ресторан, фройлен? — спросил Владимир, — или что-нибудь в этом роде?

— Не знаю, — испугалась медсестра, — я никогда не ходила в рестораны...

— А где ты живешь? — спросил Даниэль.

— На Терлингер-штрассе. Это совсем близко. Третья улица направо.

Впереди показалось освещенное здание. У подъезда стояли американские “джипы” и “виллисы”, прохаживался часовой. Из раскрытых окон слышны музыка, голоса, смех.

“Майбах” проехал мимо, чуть сбавив скорость.

— Веселятся... — с завистью сказал Жерар.

Они опять свернули в глухую темную улицу, и вновь впереди показалось трехэтажное освещенное здание.

— Это госпиталь, — сказала медсестра.

Неожиданно из-за угла госпиталя навстречу “майбаху” вышел патруль. Трое солдат и офицер. Они загородили машине дорогу. Офицер помахал зажженным фонариком, приказывая остановиться.

— Влипли... — сказал Жерар.

Офицер подошел к машине, спросил по-английски:

— Кто такие? Документы!

— Мы заключенные из концлагеря, — по немецки ответил Владимир.

— Документы, — нахмурился офицер, и его рука легла на кобуру пистолета.

— Нет у нас документов, — по-английски проговорил Даниэль, выбираясь из машины, — мы три дня назад бежали из концлагеря... Я — поляк, понимаете? Он — француз, он — русский...

Владимир тоже вылез из машины, встал рядом с Даниэлем.

— Документы, черт вас возьми! — выругался офицер и вынул пистолет, солдаты сняли с плеч автоматы. Один подошел к Даниэлю, сказал:

— Лейтенант, убей меня Бог — это переодетые СС. С ними еще женщина.

— Всем выйти! — офицер взмахнул пистолетом.

— В машину, Даниэль! — крикнул Владимир и ударил офицера в подбородок. Точный, сильный удар. Офицер опрокинулся на мостовую.

Но Даниэль сесть в машину не успел — он уже сцепился с солдатом, пытаясь повалить его. Двое других американцев вскинули автоматы, но стрелять не могли, потому что их товарищ боролся с Даниэлем. Жерар протянул руку на заднее сиденье и взял автомат. С другой стороны машины выбрался Вахтанг, рванул американца одной рукой, пытаясь освободить от него Даниэля.

— Не лезь! — крикнул Жерар и выставил автомат в окно, дал очередь поверх голов американцев.

Офицер в это время поднялся с земли, крикнул солдатам:

— Возьмите хотя бы одного!

И все трое навалились на Даниэля. Тот отчаянно отбивался, кричал по-английски:

— Я же поляк, идиоты! Поляк!

Офицер выстрелил по машине, целясь в Жерара. Тот ответил. Пуля офицера пробила ветровое стекло. А солдаты дрались с Даниэлем и Вахтангом. Тому, видно, зацепили раненое плечо и он согнулся от боли, упал на мостовую. Его стали бить ногами. И тогда Владимир выстрелил в офицера из пистолета. Тот упал на колени, крикнул:

— Стреляйте же! Стреляйте!

Владимир прыгнул в машину. Жерар дал очередь и автомата. Солдаты, увидев своего офицера лежащим на мостовой, отпрянули и схватились за автоматы. Одна, другая очередь полоснула по “майбаху”. Завизжала медсестра. Даниэль помог Вахтангу подняться, впихнул его в машину. Машина взвизгнула протекторами по влажному

бульжнику, понеслась вперед на сумасшедшей скорости. Сзади слышались крики, треск автоматных очередей. Видно, как от здания госпиталя бегут американские солдаты. Двое прыгнули в “виллис”, завели мотор через секунду машина понеслась в погоню.

Владимир наугад сворачивал в узкие переулки, проскакивал перекрестки. Он будто слился с машиной в одно целое, и глаза, не отрываясь, смотрели в темноту. Вот он чуть притормозил и с ходу свернул в глухую подворотню, резко затормозил. “Майбах” остановился, едва не врезавшись в чугунные ворота. Владимир выключил мотор. Стало тихо. В тишине через некоторое время послышался рокот автомобильных моторов и мимо подворотни, мазанув по стенам светом фар, проскочили один за другим два “виллиса”. Машины удалялись, и, наконец стало опять тихо.

Владимир включил зажигание, задом выехал из подворотни, развернулся в другую сторону. “Майбах” с ревом помчался по темным улицам.

— Хорошо мы выпили шнапса, — мрачно сострил Даниэль, — до сих пор ощущаю во рту его вкус.

— Слушайте, а что теперь делать? — спросил Жерар.

— Уносить ноги, жестко усмехнулся Владимир, — я убил лейтенанта, а такое не прощается... Вахтанг, как плечо?

— Ничего... терпеть можно... Не надо было мне вылезать...

— Я убил лейтенанта, — сказал Жерар, — я стрелял из автомата.

— Неважно кто, — ответил Владимир, — американцы разбираться не станут, не то сейчас время — поставят всех к стенке и точка.

— Я же кричал им, что мы из концлагеря! — возмутился Даниэль.

— У тебя на лбу написано, что ты пленный? — язвительно спросил Жерар.

— А номера? У нас на руках номера! — не сдавался Даниэль.

— Плевали они на твои номера, — ответил Жерар, — теперь главное — выбраться из этого проклятого городка.

— Здесь я живу... — сказала молчавшая до сих пор медсестра.

“Майбах” резко затормозил. Стало тихо, и все сидели неподвижно.

— До свидания, мадемуазель, — улыбнулся Жерар, — надеюсь, мы успели понравиться друг другу.

— Не поминай лихом, сестричка, — Владимир с улыбкой обернулся.

— Мы бы взяли тебя с собой, но... — Даниэль говорил с трудом. — Неизвестно, что теперь будет дальше...

— Я понимаю, — покорно согласилась она и вдруг порывисто обняла Даниэля, поцеловала его. — Я успела вас всех полюбить... А тебя... тебя навсегда...

Даниэль погладил ее по плечам, попытался улыбнуться.

— Я буду молиться за вас... — она выбралась из машины, медленно пошла к темному подъезду...

...В американской комендатуре переполох. Сержант торопливо отстукивал по телеграфу: “Всем постам и контрольно-пропускным пунктам. Неизвестными совершено нападение на американский патруль. Лейтенант убит. Неизвестных пятеро. Четверо мужчин и женщина. Машина марки “майбах”.

Рядом с телеграфным аппаратом сидел сержант патруля, платком вытирал кровь с разбитой губы...

И вот уже по всем американским пунктам сообщают по полевому телефону: “Неизвестными лицами совершено нападение на американский военный патруль. Неизвестных пятеро. Четверо мужчин и женщина...”

...Утро. Пустынное шоссе. В придорожном кустарнике укрылся за свежей зеленью “майбах”. Владимир, Даниэль, Вахтанг и Жерар сидя спят в машине, скорчившись от утреннего холода. Первым проснулся Жерар, потянулся, зевнул:

— Где мой утренний кофе, господа?

Проснулся Владимир, ладонями потер лицо:

— Все было бы прекрасно, если бы не эти проклятые янки, — проворчал Жерар.

— Эх, сейчас бы выпить... — вздохнул Владимир.

Даниэль молча достал из-под сиденья бутылку мозельского.

— Елки-палки, ксендз, ты просто свой в доску парень! — восхитился Владимир.

— Это не я, это Вахтанг прихватил, — сказал Даниэль.

Вахтанг в ответ только улыбнулся, ничего не сказал.

— Можно ехать на восток, до Дрездена... — задумчиво проговорил Жерар.

— Там русские, — сказал Даниэль, — нас троих сразу зацапают...

— А если двинуть в Париж? — спросил Владимир.

— Там американцы. Нас уже наверняка ищут, — вздохнул Жерар и взорвался: — черт возьми, только вчера мы были свободны, езжай куда хочешь, а сегодня никуда нельзя! — он опять подумал и, наконец, его осенило. — Вот что, сукины дети, мы едем в Вену! Отсюда самая короткая дорога! В Вене я знаю каждый закоулок!

— Но там же американцы, — сказал Даниэль.

— Там и русские, и французы, — ответил Жерар. — Там мы сунемся во французскую миссию и они нас выручат! Хватит раздумывать, едем!

Владимир включил зажигание, задом выехал на шоссе, развернулся, и через секунду “майбах” на скорости мчался по пустынному утреннему шоссе.

— Кстати, Вену совсем не бомбили, — после паузы сказал Даниэль.

— Это значит, что кабаки и прочие увеселительные заведения целы! — прищелкнул пальцами Жерар, — вот где повеселимся на славу!

— Мы что-то очень много веселимся, — усмехнулся Вахтанг, и все посмотрели на него, дружно расхохотались...

...Придорожный фольпарк. Домик-коттедж за проволочной оградой, дальше видны аккуратные сараи под красной черепицей, еще какие-то хозяйственные постройки. У ворот стояла женщина и овчарка. Женщина смотрела на машину.

— Притормози, — вдруг попросил Жерар, и Владимир вырулил и притормозил совсем рядом с женщиной и собакой.

Жерар высунулся из машины, длинными ручищами схватил собаку за шею и задние ноги и втащил в машину.

— Только собаки нам не хватало, — нахмурился Владимир. — На кой черт она нужна?

Жерар улыбался, глядя на овчарку. Он так властно стиснул ее своими ручищами, что собака сразу почувствовала в нем хозяина, вдруг лизнула его в плечо. Сидящему на заднем сиденье Даниэлю пришлось потесниться.

— Вы видите, сукины дети! — засмеялся Жерар, — она признала во мне хозяина! Могу поспорить, что это очень умная и настоящая добрая собака! — он гладил ее, тре-

пал за уши. — Я с детства обожал собак! В квартале, где я жил, все брошенные собаки ходили за мной толпами!

Женщина спряталась за оградой и оттуда грозила кулаком:

— Негодяи! Грабители! Как вам не стыдно!?

— Надо что-нибудь ей заплатить, — сказал Вахтанг.

— Но у нас нет денег, — ответил Даниэль.

Вахтанг вытащил из-под сиденья три бутылки вина, несколько пачек сигарет, вылез из машины и положил все у ворот.

Машина тронулась. На ходу Владимир проговорил:

— После лагеря мне хочется перестрелять всех собак.

— Вы злобные людишки! — Жерар гладил овчарку, — это замечательнейшая, умнейшая собака. Плохих собак не бывает — бывают плохие хозяева!

Некоторое время они ехали молча, каждый думал о чем-то своем. Овчарка, привстав на передних лапах, смотрела в боковое стекло.

— Жрать хочется, — сказал Жерар, — неужели по дороге не будет какой-нибудь пивной?

— У нас нет денег, — сказал Даниэль.

— И нам теперь нельзя попадаться на глаза американцам, — добавил Владимир.

— Плевал я на них! — разозлился Жерар. — Я два года просидел в концлагере, пока они чухались со своим вторым фронтом!

— Золотые речи, — улыбнулся Вахтанг.

...В пивную, стоящую на обочине дороги, к вечеру зашли четверо небритых мужчин в пропыленных костюмах. Один был в смокинге и босиком. В пивной было пусто. Два дряхлых старика сидели в углу у окна, потягивая пиво. Толстый, обрюзгший хозяин протирал мокрой тряпкой

столы. Владимир жестом подозвал его. Тот подошел, развел руками:

— Очень сожалею, господа, но пива нет.

— Нам нужно что-нибудь перекусить.

Хозяин усадил их за пустой столик, принес на тарелке кусок холодного мяса, полбуханки темного хлеба, сказал со вздохом:

— Это все, чем я могу вас угостить. Сами знаете, какие сейчас времена.

— А свежего мяса у тебя нету? — спросил Жерар.

— Что вы, господа! — хозяин даже испугался.

Жерар положил на стол две пачки сигарет. Хозяин пожал плечами, быстро забрал их:

— Сейчас посмотрю. Может, что-нибудь найду.

— Бензоколонка далеко? — спросил Владимир.

— Полчаса по шоссе.

— Там кто? Американцы? Французы? Англичане?

— Кажется, американцы, господа... Если у вас плохо с документами, то лучше не соваться.

— Сколько еще до Вены? — спросил Даниэль.

— Кажется, километров триста...

...И вновь “майбах” мчался по шоссе. Два длинных луча света от фар упирались в темноту. Жерар на заднем сиденье кормил собаку.

— Самим жрать нечего, а он кормит собаку мясом, — ворчал Владимир.

— В Вене я накормлю вас до отвала! — ответил Жерар.

...В это же время к пивной подъехал “виллис” и в пивную ввалились четверо американских солдат.

— Пива! — скомандовал сержант, и хозяин засуетился за стойкой, наполнил кружки пенящимся пивом.

— Подозрительных лиц не было? — спросил сержант.

— Что вы имеете в виду под подозрительными лицами?

— Четверо мужчин и женщина, — сержант грозно смотрел на хозяина, — на машине марки “майбах”...

— Нет, господа, никого не было, пожал плечами хозяин, — такое время, что все предпочитают сидеть дома...

...В Вену они въехали днем. По улицам спешили автомашины, большие военные грузовики, штабные “виллиссы” и “джипы”. Видны открытые двери магазинов, витрины, полные товаров, очереди покупателей.

Жерар вертел головой по сторонам, на лице ни с чем не сравнимое удовольствие и удивление. Открыты маклерские конторы, какие-то непонятные офисы, рестораны и кафе, ювелирные магазины. И везде толклись покупатели, штатские, американские, французские, английские и русские солдаты.

— Бог мой, как будто не было войны, — изумлялся Жерар, — уверен, даже публичные дома открыты! Вена — есть Вена! Золотой город!

Они проехали мимо ресторана под открытым брезентовым навесом.

— Жареным мясом пахнет, — потянув носом, сказал Даниэль.

— Запаситесь терпением, сукины дети! — ответил Жерар, — я знаю тут одно тихое местечко. Там мы сможем раздобыть немного денег, чтобы купить мне ботинки. Не могу же я ходить в смокинге и босиком?

— Как мы раздобудем денег? — спросил Вахтанг.

— Мне дадут займы. В Грузии твоей дают займы деньги?

— О-о, и даже очень часто, — улыбнулся Вахтанг.

— Здесь не любят давать, но мне не откажут. Слушайте меня и поменьше задавайте дурацких вопросов. Своерачивай налево...

Они остановились напротив большого трехэтажного универмага. Жерар выглянул из машины, окинул его изучающим взглядом:

— Так, все на месте... как будто и не было войны... На третьем этаже кабинет хозяина...

— Ты что, знаком с ним? — спросил Даниэль.

— Я в Вене со всеми знаком, — ответил Жерар.

— Неужели он тебе даст взаймы? — с сомнением спросил Даниэль. — Я что-то сильно сомневаюсь.

— Откуда вам знать, что такое Запад? — усмехнулся Жерар, — поехали, и я на ходу расскажу вам, как надо жить, чтобы не помереть с голоду в этой проклятой Вене...

...На Жераре поверх смокинга надета брезентовая куртка рабочего. Из карманов куртки торчали мотки проволоки и электрического шнура, отвертки и плоскогубцы. Он стоял на стремянке на лестничной площадке третьего этажа и ввинчивал в плафон лампочки. Отсюда виден коридор третьего этажа и массивная дверь с медной табличкой: "ДИРЕКТОР".

Пролетом ниже, между вторым и третьим этажом стояли Даниэль и Вахтанг и смотрели на Жерара. А еще ниже — торговые залы магазина, где толпился и сновал самый разный народ, слышался несмолкаемый разноязыкий говор.

— Что так долго? — нетерпеливо спросил Даниэль и рукавом вытер испарину со лба, — может, они сегодня не придут?

— Раз Жерар сказал, что придут, значит, придут, — негромко ответил Вахтанг, — такому честному человеку можно верить...

Вдруг внизу громко хлопнула дверь лифта и через секунду кабина медленно пошла вверх. Жерар смотрел вниз, на Владимира и Вахтанга, сделал им жест рукой.

Лифт остановился, открылись двери и на площадку вышли двое мужчин с черными саквояжами и двое полицейских. Мужчины с саквояжами прошли коридор и оттуда — в кабинет директора, а полицейские застыли возле открытой дверцы лифта.

Несколько минут спустя мужчины с саквояжами вышли из кабинета директора, прошли коридор и вошли в лифт. Полицейские пошли следом за ними, и в это мгновение Жерар уронил со стремянки лампочку. Она разбилась с громким хлопком. В ту же секунду Даниэль и Вахтанг прыжками понеслись вверх по лестнице, взлетели в кабину лифта, и Вахтанг наставил на полицейских пистолет, скомандовал:

— Руки! — и добавил фразу на грузинском.

Полицейские оторопело молчали, медленно подняли руки. Даниэль выдернул из рук перепуганных мужчин два черных саквояжа, и еще через секунду Вахтанг и Даниэль выскочили из лифта. Даниэль нажал кнопку, дверь захлопнулась. Кабина с ограбленными инкассаторами медленно опускалась вниз, а Жерар, Вахтанг и Даниэль прыжками через несколько ступенек неслись вниз по лестнице. Когда лифт был еще где-то между третьим и вторым этажами, все трое выскочили из магазина и уже неторопливым шагом направились к “майбаху”, стоявшему неподалеку у обочины. За рулем сидел Владимир. Он дал газ и задним ходом подкатил ближе к товарищам. Вся троица благополучно погрузилась в машину, “майбах” рванул с места, на бешеной скорости помчался по улице, свернул в переулок, визжа тормозами и распугивая прохожих.

— Ха-ха-ха! — смеялся Жерар и трепал собаку за уши, — учитесь, сукины дети! Я давно придумал эту шутку, еще до войны! Мы с моим приятелем-летчиком заходили в этот

магазин в тридцать шестом году! Эй, Вахтанг, как твое плечо?

— Болит левое, — усмехнулся Вахтанг, — а деньги я нес в правой руке! Слушай, а этот летчик не был грузином, а?

— Нет, он был итальянец, ха-ха-ха!

— Запомни, Жерар, это первый и последний раз, — жестко проговорил Даниэль.

— Конечно, последний, разве я спорю? — с готовностью согласился Жерар, — нет, а как все ловко получилось, а? Любой гангстер может нам позавидовать! Ребята, мы теперь богачи! Мы снимем шикарный номер в отеле и будем жить, как люди! И моя собака будет жить, как человек!

— Останови машину, — вдруг сказал Даниэль.

— Зачем? — спросил Владимир, но машину остановил.

Даниэль выбрался на тротуар, достал из-за пазухи Библию и остановил первого прохожего — пожилого мужчину в кепке, с большим клетчатым шарфом. Даниэль что-то сказал ему и отдал Библию. Потом сел в машину, сказал:

— Всё, Библия нам больше не нужна.

— Ха-ха-ха! — беззаботно смеялся Жерар, хотя все остальные были серьезны.

А пожилой венец еще долго растерянно смотрел вслед “майбаху”, прижимая к груди Библию.

...А в магазине паника. В кабинете директора сидели полицейские военной полиции, представитель американской военной администрации. Директор был в гневе. У дверей стояли перепуганные инкассаторы.

— Это безобразие, господа! Вся дневная выручка! — кричал владелец магазина. — В городе полно солдат четырех великих держав и вы не можете навести порядок! Вся дневная выручка, кошмар!

— Успокойтесь, сэр, — холодно говорил американец, — мы примем все необходимые меры.

— Там свидетели дожидаются, господин майор, — сказал один из полицейских, — что прикажете делать?

— Пригласите, — ответил майор.

В кабинет директора вошел высокий худой старик в очках и с увесистой палкой. Шея замотана клетчатым шарфом.

— Вы видели преступников, когда они вышли из магазина?

— Да. Их было трое. Один нес в руках два черных саквояжа.

— Куда они пошли? — быстро спрашивал майор.

— Они никуда не пошли, господин майор. Они сели в машину и уехали.

— Машина? Марку машины вы не заметили?

— Почему же не заметил? Машина марки “майбах”. Очень хорошая машина, только в ветровом стекле две или три пулевые пробоины.

— “Майбах”? — вскинул голову майор, — а женщины в машине не было?

— За рулем сидел мужчина. Еще в машине сидела собака. Порода — немецкая овчарка.

— Вы что-то путаете, сэр? — майор с сомнением смотрел на старика. — Если это та машина, которую мы ищем, то в ней должна быть женщина.

— Я не знаю какую машину вы ищете, господин майор, но в той машине, о которой я говорю, был мужчина за рулем и овчарка.

— Вы не могли ошибиться?

— Конечно, я пожилой человек, но пока в состоянии отличить женщину от собаки, — с достоинством отвечал старик...

...Жерар, Владимир, Вахтанг и Даниэль шли по коридору отеля. Перед ними семенил низкорослый портье и медленно, величественно ступал владелец отеля — сухопарый, седовласый господин в черном костюме. Портье остановился перед дверью в номер, загремел связкой ключей, открыл дверь:

— Прошу вас, господа. Один из лучших номеров в отеле.

В открытую дверь была видна громадная комната, заставленная старой черного дерева мебелью. Дальше видны двери в другие комнаты.

— Нам нужен самый лучший, — оглядываясь, сказал Жерар.

— Это недешево стоит, господа, — вежливо улыбнулся портье.

Сухопарый владелец отеля молчал.

— Сколько? — спросил Жерар.

— Шестьсот марок в день, господа.

— Дружище, заплати ему, сколько нужно, — Жерар обратился к Владимиру. Тот молча достал толстую пачку банкнот, небрежно протянул портье. Владелец отеля прощупал пачку глазами, проговорил:

— Могу предложить самый лучший номер. В нем останавливался сам Гиммлер, когда приезжал в Вену, — последние слова владелец произнес почти шепотом и величественно направился дальше по коридору, устланному темно-вишневой дорожкой. Четверо друзей и портье последовали за ним.

— Совсем забыл, — сказал Жерар, — с нами еще собака. Чудесное, добродушное животное.

Портье забежал чуть вперед, посмотрел на сухопарого владельца, как быть с собакой? Тот, чуть помедлив, едва заметно кивнул головой.

— Ну, кто же будет возражать, если господа так любят животных, — угодливо улыбнулся толстяк-портье. —

Но за пребывание животного в отеле платить придется больше. Я сожалею, господа, но такие правила.

— Дружище, заплати ему, — величественно уронил Жерар.

Владимир поморщился, но достал из кармана пиджака еще пачку банкнот, протянул портье. Тот схватил пачку на лету, а Владимир едва слышно проворчал:

— Кончится тем, что я отравлю эту подлую тварь.

Вахтанг прыснул в кулак, но тут же снова принял неприступное выражение лица.

Вдруг владелец остановился, посмотрел на всех четырех:

— Простите, господа, вы будете жить в отеле?

— Разумеется, — ответил Жерар.

— И все в одном номере? — едва заметная усмешка тронула сухие губы владельца отеля.

— Нет, дружище, мы не педерасты, — Жерар тоже усмехнулся, — нам нужен еще номер. Или два. И не хуже.

— В которых останавливался хотя бы Риббентроп, — добавил Даниэль.

— Или Кальтенбруннер, — сказал Владимир, — и еще принесите русской водки и грузинского вина. Цинандали.

— Лучше Гурджаани... — подал голос Вахтанг.

— Распорядитесь, дружище, — и еще одна пачка банкнот перекочевала в ловкие руки портье...

...Когда они вошли в номер, предупредительный портье закрыл за ними дверь со словами:

— Я надеюсь, вам понравится в нашем отеле, господа.

Жерар тут же подбежал к массивному старинному креслу с выточеными на спинке орлами, собравшись с силами, поднял его над головой и с маху обрушил на пол. Раздался треск дерева, у кресла отвалились ножки.

— Что ты делаешь? — испуганно вскрикнул Даниэль.

— Хочу почувствовать себя хозяином в этой паршивой конуре! Тем более, что на этом кресле, наверное, сидел сам Гиммлер! — Жерар обеими ногами с силой прыгнул на широкую кровать. С хрустом подломились ножки, лопнули пружины. — И он, наверное, спал на этой кровати! И уж, конечно, пил из этих фужеров, чтоб он еще раз сдох на том свете! — Жерар стал колотить об стену тяжелые хрустальные фужеры. Хрустальные осколки разлетались в разные стороны с мелодичным звоном.

— Ах, как звенят! — мечтательно прикрыв глаза, говорил Жерар. — Настоящий венский хрусталь!

Владимир хохотал, глядя, как беснуется Жерар, протянул ему огромное блюдо:

— Трахни-ка вот это! Кажется, богемское стекло!

— Давай! — Жерар с силой швырнул блюдо о стену, прицелкнул языком. — Действительно, настоящее богемское!

— Прекратите! — кричал Даниэль. — Вы с ума посходили? Вахтанг, а ты что сидишь, как на панихиде?

— Я жду мой любимый Гурджаани, — улыбнулся Вахтанг. — Я мечтал о нем четыре с половиной года...

— Прекратите же! — снова закричал Даниэль. — Варвары!

— За все заплачено! — резонно возразил Владимир.

..Когда портье в сопровождении официанта с подносом, на котором стояли бутылки водки и тарелки с закуской, появились в номере, у портье едва не отвалилась челюсть. Можно было подумать, что тут прошло стадо быков. Портьеры на окнах порваны, переломаны кресла, побита посуда. На сломанной широкой кровати лежал, раскинув руки, Жерар и кричал:

— Что еще можно сломать в этом борделе?! Владимир, Вахтанг, придумайте, что еще можно сломать! У меня руки чешутся!

— О, перекур! — Владимир кинулся к официанту, налил в фужер водки, залпом выпил, схватил с тарелки ломти колбасы, обернулся. — Вахтанг, твое любимое Гурджаани!

— Твой любимый Гурджаани, — по-русски поправил его Вахтанг и тоже подошел к официанту с подносом, взял бутылку, подержал, словно взвешивал, прочел этикетку, улыбнулся, проговорил тихо: — Ну, здравствуй, дорогой... столько лет к тебе шел...

— Господа... как это понимать? — бормотал подавленный портье. — Это дорогая мебель... восемнадцатый век, господа... дорогая мебель...

— Не волнуйтесь, дружище! — прожевывая колбасу, успокоил его Владимир. — Просто нам некуда девать силы и мы решили немного повеселиться после этой проклятущей войны. Имеем право? Или веселиться можно только Гиммлеру с Кальтенбруннером?

— Восемнадцатый век... Боже мой... — лепетал портье.

— Мы понимаем — восемнадцатый век! За восемнадцатый особая плата, так? Пожалуйста, получите, — Владимир достал еще пачку банкнот, сунул ее портье, — и выметайтесь отсюда, дружище, не мешайте веселиться! Давай шевели ногами! — он подтолкнул портье и официанта к двери, захлопнул ее...

...В ресторане дымно и шумно. Больше всего галдят американские солдаты, расположившиеся за несколькими столиками недалеко от эстрады. Дальше столики с французами, в углу четверо русских офицеров. Через плечо у одного висела на красной ленте гитара. На эстраде пела моложавая женщина, белокурая, в длинном серебристом платье с разрезом почти до пояса, так что мелькало голое бедро. На лице ее морщины преждевре-

менной усталости и только когда она улыбалась, из глубины души всплывала придавленная годами трудной жизни красота.

Жерар, Владимир, Вахтанг и Даниэль вошли в ресторан, глазами ища свободный столик. Затем Жерар пальцем поманил к себе метрдотеля, что-то проговорил ему на ухо, сунул деньги и тот повел их через зал к свободному столику, тут же приказал что-то официанту и тот, кивнув, торопливо ушел. Жерар, Владимир, Вахтанг и Даниэль сели за стол.

— Вон русские, — сказал Владимир, — два старлея и капитан... Я бы теперь, наверное, был бы уже майором... или подполковником...

— Ты теперь — живой... — сказал Вахтанг.

— И свободный человек! — ухмыльнулся Жерар. — Гражданин мира!

— Грабитель и убийца — язвительно добавил Даниэль.

— Кажется, мы одной веревочкой повязались, — парировал Владимир, — разве не так?

— Хотел бы я знать, куда она нас приведет? — спросил Даниэль.

— Боюсь не туда, куда мы захотим, — задумчиво проговорил Вахтанг.

— Слушайте, а певичка ничего! — сообщил Жерар. — Да посмотрите же, сукины дети!

Владимир посмотрел на певицу и ему показалось, что она тоже смотрит на него. Она пела и улыбалась, плавно раскачиваясь над сценой, и маленький оркестрик за ее спиной старался вовсю, и французские солдаты восхищались больше всех, кричали, аплодировали, кто-то швырнул ей под ноги букет фиалок, и она грациозно подняла их, послала французам воздушный поцелуй и продолжала петь.

— Веселый народ австрийцы, — грустно улыбнулся Даниэль. — Была война — не было войны, они веселятся и никаких гвоздей. Не то что мы...

— Они не видели настоящей войны, — сказал Владимир, продолжая глядеть на певицу, — Жерар, как ты думаешь, у нее красивый голос?

— Замечательный! — с готовностью восхитился Жерар и подмигнул Даниэлю и Вахтангу. — У нее голос настоящей оперной певицы! А фигура, как у греческой богини!

— Да? — Владимир подозрительно взглянул на него.

— Неужели я похож на торговца, который хочет всучить тебе порченный товар? — обиделся Жерар.

Владимир встал и пошел между столиков к эстраде.

— Как бы мы опять не влипли в историю, — сказал Даниэль, глядя ему вслед.

Владимир подошел к эстраде, некоторое время ждал, глядя на певицу. Теперь она смотрела на него и улыбалась. Она кончила петь и во время короткой паузы, когда гремели аплодисменты и солдаты кричали: "Браво!", Владимир спросил:

— Простите, фройлен, вы умеете петь по-русски?

— Немного, — чуть смутилась певица, — несколько русских песен...

— Каких?

— Ну... "Калитку" знаю... "Гори, гори, моя звезда"...

— Благодарю вас, фройлен, — Владимир раскланялся и пошел к своему столику. Вид у него озабоченный.

— Ты договорился с ней с пулеметной скоростью, — сказал Жерар.

— Эх, если б была гитара... Она могла бы спеть "Калитку"...

— Может, я смогу помочь? — осторожно спросил Вахтанг.

— А ты умеешь на гитаре? — удивился Владимир.

— Не только... — усмеялся Вахтанг, — я ведь консерваторию кончил...

— Ого! — выпучил глаза Жерар. — Консерваторию? Даниэль, как ты думаешь, сколько еще талантов спрятано в этом грузине?

— Затрудняюсь даже предположить, — улыбнулся Даниэль.

— Я сейчас, — Вахтанг направился к столику, за которым сидели русские офицеры.

— По-моему, он это делает зря, — нахмурился Владимир.

— Господа... мой товарищ... — на ломанном прусском проговорил Вахтанг, подойдя к столику, — он немного поет по-русски... Можно вашу гитару? Две минуты?

Русские сначала настороженно посмотрели на него, потом капитан улыбнулся, сказал:

— Василий, дай ему гитару.

Василий тоже улыбнулся, снял с плеча гитару, протянул Вахтангу.

— Спасибо, — улыбнулся тоже Вахтанг. — Виват! Победа!

Он вернулся к столику, присел и взглянул на Владимира:

— Попробуем на троих. Я тоже знаю “Калитку”, — он опытной рукой провел по струнам, взял аккорд.

— Пошли! — Владимир решительно встал. — Только голос у меня так... для компании...

— Ничего, дорогой, ничего...

Они направились к эстраде.

— Прошу прощения, фройлен, мы готовы спеть с вами “Калитку”, — сказал Владимир.

Певица сделала знак рукой оркестру и музыканты умолкли. Стало тихо, и в этой тишине начали мелодично звучать переборы гитарных струн, и певица первая начала негромко:

Отвори поскорее калитку...

Вторым вступил Вахтанг. Чуть хрипловатым голосом, с сильным акцентом, но голосом сочным и глубоким. Третьим присоединился Владимир. Зал начал невольно прислушиваться к голосам певицы, Владимира и Вахтанга. Играл он мастерски, гитара плакала и волновалась, и голоса двоих мужчин вселяли в души тревогу и надежду...

Когда они замолкли, ресторан взорвался аплодисментами и больше всех старались Жерар и Даниэль.

— Когда вы кончаете работу, фройлен? — спросил Владимир.

— К сожалению, я сегодня занята, — с извиняющейся улыбкой ответила певица.

Подлетел официант с корзиной цветов, отдал ее Владимиру, а тот, в свою очередь, протянул цветы певице.

— О-о — улыбнулась она. — Вы очень добры!

Владимир закинул в корзину пачку денег, отчего у певицы глаза стали вдвое больше. И вдруг Вахтанг легко вспрыгнул на эстраду и сделал повелительный жест оркестру, приказывавший молчать.

И заиграл. И запел по-грузински... Это был плач по родине, это была раненая надежда на встречу с ней, это были любовь и страдание. Гортанный голос легко взбирался в самую высь нот и вдруг обрушивался вниз... и оборвался на глубокой, торжествующей ноте...

Никто в зале не понял языка, но вновь взорвались аплодисменты. Вахтанг поцеловал руку у певицы, спрыгнул с эстрады и пошел к столику с русскими офицерами. Вернул гитару.

— Большое спасибо...

— Слушай, ты ведь грузин, а? — спросил капитан.

— Ты понимаешь по-грузински? — спросил Вахтанг.

— Нет. Но у нас в роте был грузин, часто пел... А почему ты... — он недоговорил, но Вахтанг понял смысл вопроса.

— Я из концлагеря, — Вахтанг присел за столик, — совсем недавно. Нас освободили американцы.

— Документы есть? — поинтересовался капитан.

— Н-нет... Мы ушли на свободу и все... Вот думаю пойти в вашу комендатуру...

— Без документа? — усмехнулся капитан. — А может, ты власовец? Или из националистического батальона? Чем докажешь?

— Вот мой документ, — Вахтанг закатал рукава пиджака и рубашки — близко у локтя был вытатуирован номер, — это недостаточно?

— Недостаточно, — нахмурился капитан, — сейчас в Вене всякие ошиваются... Пленные, вообще...

— Что вообще? — Вахтанг весь напрягся.

— Да так... сдавались, чтоб живыми остаться, а теперь...

— Ты-и... — Вахтанг дернулся и кулак сжался сам собой, но в последнюю секунду сдержался. — Извини, дорогой. Спасибо за гитару.

Он встал и направился к своему столику, русские офицеры настороженно смотрели ему вслед, потом владелец гитары сказал:

— В комендатуру бы его...

— Черт с ним. Тут выпивки сколько, только отдыхать начали, а с ним возись до ночи... протоколы, допросы... объяснения пиши... Ладно, братцы, выпьем за победу!

..Вечер. Набережная Дуная. У пристани стояло множество небольших катеров, украшенных гирляндами светящихся лампочек. Рядом полыхала неоновая вывеска ресторана. У подъезда прохаживался Владимир, курил, то и дело поглядывая на двери. Подъезжали и

отъезжали машины. Суетился швейцар, открывая двери. Неподалеку от Владимира стояли четверо французских солдат и черноволосый сержант с тонкими усиками. Они о чем-то переговаривались, смеялись и тоже поглядывали на двери ресторана.

И тут вышла певица в серебристом платье, в меховой пелерине, накинутой на плечи. Она шла прямо навстречу Владимиру, улыбалась. Владимир, растерянно смотря на нее, едва слышно вымолвил:

— Фройлен..

Но певица прошла мимо него и, оказывается, смотрела вовсе не на Владимира, а за его спину, брюнета сержанта с усиками. Он отделился от своих товарищей, встретил певицу, изящным полупоклоном, взял под руку, что-то быстро заговорил, улыбаясь и жестикулируя свободной рукой.

На лице Владимира появилась досада и разочарование. Он отшвырнул окурок и уже хотел войти в ресторан, как вдруг заметил, что остальные четверо французских солдат, подмигивая друг другу, пошли вслед за певицей и сержантом. Владимир секунду раздумывал, затем направился за солдатами. Он шел, словно привязанный, закуривая новую сигарету.

Он видел, как певица и сержант спустились по широкой бетонной лестнице на пристань. Сержант продолжал о чем-то говорить, целовал певице руку повыше локтя и жестом приглашал ее войти на катер, увешанный гирляндами лампочек. Певица послушно ступила на шаткие деревянные мостки, и скоро они скрылись внутри катера. Французские солдаты, следившие за ними, негромко смеялись, затем один что-то сказал друзьям и тоже убежал по мосткам на катер, исчез внутри. И по их жестам, сальным двусмысленным ухмылкам Владимир догадался, что они собрались делать. Один из солдат, заметив его, загородил дорогу, что-то сказал по-французски.

— Но это... нечестно, господа, — с трудом подбирая французские слова, сказал Владимир. — Дама пошла с вашим другом, но зачем второй? Так даже свиньи не делают, господа!

— Что, тоже хочешь? — улыбнулся один из солдат, высокий и носатый — Возьмем его в компанию, а, ребята? Этот немец тоже соскучился по женщине! — и все дружно рассмеялись, кто-то даже приятельски хлопнул Владимира по плечу. Владимир оттолкнул носатого солдата и решительно направился к катеру.

— Э-э, так нельзя! — остановил его носатый. — Очереды! Понимаешь, очередь! Ты — последний! — он опять засмеялся.

И тут Владимир резко ударил его в челюсть. Охнув, солдат упал. Остальные на мгновение растерялись. Владимир побежал к катеру. У самых мостков его догнали, схватили за плечи, били наотмашь по голове. Началась молчаливая драка. Слышен скрежет башмаков по бетону, хриплое дыхание, звуки тяжелых ударов по лицу.

А из катера раздался протяжный женский крик. Владимир пытался проскочить на катер, но всякий раз на его пути вырастал кто-нибудь из солдат и драка закипала с новой силой...

...Жерар, Даниэль и Вахтанг сидели в ресторане. На эстраде гремел оркестр и несколько полуголых девиц кордебалета плясали на сцене, высоко вскидывая обнаженные ноги.

— Папаша мой был моряк! — перекрывая рев музыки, говорил Жерар. — Я его почти не помню — все время пропадал в море. И погиб в Атлантике в шторм. А мать пережила его всего на три года. Умерла от воспаления легких. Мне было тогда двенадцать лет. И с тех пор я — один... А у тебя есть семья, Даниэль?

— Нет, — ответил поляк, то и дело поглядывая на дверь ресторана. — Отец погиб в начале войны на границе, мать — при бомбежке, и сестра тоже... Все погибли...

Вахтанг, казалось, не слышал, о чем они говорили. Сидел, глубоко задумавшись, глубокая складка пролегла меж бровей.

— Да-а, грустно жить, когда у тебя нет никого на свете, — вздохнул Жерар. — Скажу тебе честно, человеку нельзя быть все время одному. Становишься злым. До войны я все ждал, что, наконец, влюблюсь по-настоящему в какую-нибудь женщину... О-о, тогда я был бы счастлив! — Жерар посмотрел на Вахтанга. — А у тебя есть семья, Вахтанг?

— Отца нету... есть сестра и брат... мать умерла, — односложно ответил Вахтанг и поднял голову. — Мне кажется, с Владимиром что-то случилось.

— Что с ним могло случиться? — пожал плечами Жерар.

— Я чувствую...

— Тогда вы посидите, а я пойду проверю, — Жерар встал.

...Жерар вышел из ресторана, огляделся по сторонам. Сверкая фарами, двигался поток автомашин, польхала неоновая вывеска. Жерар подошел к "майбаху", стоявшему на углу улицы, открыл дверцу и к нему бросилась собака, виляла хвостом, лизала руки. Жерар с улыбкой гладил ее, говорил негромко:

— Что, собака? Скучно тебе одному? Ничего, дружище, скоро мы поедем домой... И я накормлю тебя мясом...

Мимо Жерара пробежали несколько французских солдат, и он услышал, как один сказал другому:

— Кажется, там наши дерутся!

Жерар захлопнул дверцу автомашины, заторопился за солдатами. Подойдя к пристани, он увидел внизу, у катера, драку.

— Владимир? — закричал Жерар. — Ты здесь?

— Здесь! — отозвался из клубка сцепившихся людей Владимир.

Жерар в три прыжка слетел вниз и кинулся в драку. От его тяжелых чугунных ударов солдаты попадали в разные стороны. На Жераре трещал смокинг. Кто-то прыгнул ему сзади на спину, но он сбросил человека, крикнул:

— Черт возьми, я ведь тоже француз, негодяи! Остановитесь!

Но к солдатам подоспела помощь, и драка не утихла...

...Даниэль и Вахтанг сидели в ресторане, ждали. Оба все время поглядывали на дверь. Наконец Даниэль сказал:

— Ты прав, теперь уже точно что-то случилось. Пошли, — и они разом встали, направились из ресторана...

...Они вышли из ресторана, направились к "майбаху". Уже издали они увидели, как в машине беснуется овчарка. Она билась мордой и лапами о стекло, скалила клыками, рычала и хлопья пены падали с морды на обшивку сиденья.

Даниэль и Вахтанг оглянулись по сторонам, потом Даниэль открыл дверь, и овчарка пулей выскочила из машины, помчалась по набережной к пристани, распутивая редких прохожих.

— Пожалуйста, будь в машине, — сказал Даниэль.

— Я с тобой, — решительно ответил Вахтанг.

— У тебя плечо. Будь в машине. Кстати, в багажнике весь наш капитал! — и Даниэль побежал по набережной вслед за овчаркой.

Овчарка влетела на пристань и с глухим, грозным рычанием бросилась в самую гущу дерущихся. Вот она впи- лась одному солдату клыками в плечо и тот отскочил в сторону с криком:

— Собака! С ними собака!

А овчарка, словно фурия, вертелась среди солдат, сби- вала их с ног, била клыками налево и направо. С крика- ми, руганью солдаты начали разбегаться.

— Что, сукины дети, получили?! — громко хохотал Же- рар и с маху ударил какого-то солдата в челюсть. — А это тебе привет из Марсея, подонок!

Солдат полетел в воду с пристани, с шумом поднялся фонтан черной воды.

— Если бы не собака, мы бы вам показали!

— Если бы не собака и если б вас был целый батальон! — закричал Жерар в ответ и присел на корточки перед овчар- кой, обнял ее, нежно погладил. — Ах ты моя собака... ты моя нежная, умная собака...

И в это время появился Даниэль — он тоже успел поучаствовать в драке: лацкан пиджака оторван, на скуле ссадина, тяжело дышал, облизывал сбитые костяшки пальцев:

— Черт бы вас побрал! Мы будто сами напрашиваемся, чтоб нас загребли в комендатуру... дураки... мальчишки...

Овчарка тяжело дышала, торопливо облизывала сса- дины на лице Жерара, и он блаженно улыбался:

— Ты ничего не понимаешь... нормальная драка...

— Из-за чего хоть сцепились?

— Разве у вас, славян, поймешь? А где Владимир? Он же был здесь!

И в это время из катера вновь раздался женский крик, и через минуту на палубу поспешно поднялся чер- новолосый сержант с усиками. Он был без берета, лицо исцарапано в кровь, галстук съехал в сторону, на куртке оторвано несколько пуговиц.

— Проклятая бабенка, — выругался сержант, пробега-
вая мимо.

За сержантом выскочил солдат. У него тоже расцара-
пано лицо, порван мундир. Жерар засмеялся, глядя на
них:

— Эй, ребята, куда так торопитесь? Может, выпьем по
рюмке “Мартеля”, ха-ха-ха!

На палубу катера вышли певица и Владимир. Сереб-
ристое платье на ней растерзано, она оглядывалась, рас-
терянно повторяла:

— Пелерина! Боже мой, моя пелерина...

— Дура! — свирепо рявкнул Владимир, — чертова дура! —
Он схватил ее за руку и потащил за собой. Прошел мимо
Жерара и Даниэля и даже не посмотрел в их сторону.

— Кажется, остаток вечера мы проведем без него, —
сказал Жерар...

...В спальне полумрак. На окне проплывали неоновые
отблески. Владимир курил, глядя в окно, говорил с глу-
хой яростью:

— Я понимаю тех, кто это делает из нужды! Чтобы не
умереть голодной смертью! Чтобы накормить детей! Но я не
понимаю, когда этим занимаются просто так... ради удо-
вольствия! С каждым встречным! С пьяными подонками!

За его спиной был слышен тихий плач. Певица сидела
на кровати и плакала, уткнув лицо в ладони. Она совсем
раздета и обнаженное тело матово отсвечивает. Кажет-
ся, оно выточено из мрамора. И мерцающие волосы рас-
сыпались по плечам.

— Тебе, наверное, хотелось, чтобы тебя изнасиловала
вся эта бравая компания! Как кобели в очереди к истека-
ющей сучке?! Шлюха!

— Перестань... перестань... — она плакала, качая головой.

Владимир молчал, ожесточенно курил, прикурив от
окурка новую сигарету, пристально глядя в темноту.

— Ты ничего не понимаешь... — плачущим голосом говорила певица, — как трудно... невозможно жить... Я пою в ресторане за пятьдесят оккупационных марок... А буханка хлеба стоит сорок пять... А у меня есть еще старуха-мать, которая тоже хочет есть... И я должна одеваться, чтобы прилично выглядеть, должна покупать пудру, духи и чулки... Я не знаю, кому эта война принесла больше страданий, мужчинам или нам... Я, наверное, была бы счастлива, если бы меня убили на фронте... Боже мой, ты ничего не понимаешь, — и она снова заплакала. — Как мне противны ваши сальные похотливые рожки! Винный перегар изо рта... жадные, нахальные руки...

Владимир медленно подошел к кровати, сел и осторожно погладил певицу по волосам, по обнаженным плечам.

— Извини... — с трудом произнес он. — Я дурак... Я просто пьяный дурак...

— Ты ведь не немец. Ты плохо говоришь по-немецки. Ты кто?

— Я русский...

— Русский? — она в страхе отшатнулась от него.

— Да, русский, — грустно улыбнулся он. — Зовут меня Володей. А тебя?

— Элиза... — вздохнула певица, подняв голову. От слез на глазах размазалась тушь, темными полосками стекала по щекам.

— Ты здорово пела. Ты так здорово пела, что я сразу потеря голову, когда услышал... — он обнял ее, поцеловал в испачканные тушью глаза, губы...

...Вахтанга в машине не было. Жерар осмотрел машину, сказал:

— Слушай, кажется, он и пистолет мой прихватил... здесь лежал, под сиденьем... Куда он пошел?

Даниэль молчал, в растерянности оглядывался по сторонам. И вдруг Жерар увидел на ветровом щитке небольшой клочок бумаги, взял его, вылез из машины:

— Смотри, что я нашел... Тут по-русски... Ты понимаешь по-русски?

Даниэль взял клочок бумаги, с трудом разобрал в прозрачном свете фонаря неровные буквы русского алфавита:

“ДРУЗЬЯ, ПРОЩАЙТЕ. Я УШЕЛ. МНЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НЕКУДА. Я ПОЛЮБИЛ ВАС ВСЕМ СЕРДЦЕМ. ВАХТАНГ”. Даниэль смял в кулаке бумажку.

— Че-черт! Где же его искать? О Бог мой, где его искать!?

— Что он написал? — спросил его Жерар.

— Он стреляться ушел, понимаешь? Стреляться! — Даниэль завертел головой по сторонам, бросился к бульвару на набережной, закричал на бегу:

— Вахта-а-анг! Вахта-а-анг!

Жерар наклонился к собаке, вертевшейся рядом, проговорил:

— Давай собака, ищи Вахтанга! Ищи! Вахтанга!

Овчарка прыжками помчалась следом за Даниэлем и последним тяжело побежал Жерар...

..Вахтанг действительно был на бульваре. Он сидел на лавочке в тени громадного дерева, и в темноте его почти не было видно. Он смотрел на ночной Дунай, на катера, освещенные гирляндами лампочек. Бульвар пустынен, с улицы доносился рокот автомобилей. Он смотрел на Дунай, и рука с пистолетом лежала на колене, а другой рукой поглаживал пистолет, и лицо его было спокойным...

...Лишь на мгновение мелькнула перед ним Кура, стиснутая горными кручами, и древний монастырь на вершине горы... старые улочки Тбилиси... Лишь на мгновение... Вахтанг тряхнул головой, приходя в себя, медленно перекрестился, медленно произнес фразу по-грузински, перевернул пистолет из левой руки в правую, передернул затвор и приставил пистолет к сердцу. Прошла секунда, другая... и вдруг из темноты послышалось частое громкое дыхание, и перед ним выросла овчарка с разинутой пастью и вываленным языком. Она остановилась как вкопанная, и завиляла хвостом, и гавкнула совсем негромко, словно, радовалась встрече. И из черной глубины бульвара Вахтанг услышал протяжные крики друзей:

— Вахта-а-анг! Вахта-а-анг!

...Жерар, Даниэль, Вахтанг медленно шли по бульвару, и Жерар громко возмущался:

— Как ты мог решаться на такое, не посоветовавшись с нами, сукин ты сын! После всего, что мы пережили на войне! В этом проклятом концлагере! И остались живы! Я думал, самый дурацкий народ на свете — это славяне!

При этих словах Даниэль усмехнулся, покачал головой, сказал:

— Слышал бы это Владимир...

— А оказывается, есть еще более сумасшедшие люди! Грузины!

— Перестань... — тихо сказал Вахтанг.

— Почему ты не можешь вернуться домой? Что это за тайны такие? Почему я не смогу понять?

— Потому что ты француз, — за Вахтанга ответил Даниэль.

— Отдай мой пистолет, — сказал Жерар.— Это наш общий пистолет, — Вахтанг впервые улыбнулся, взглянув на него.

— Черт с вами! Я решил, как мы будем жить дальше! — махнул рукой Жерар.

— Решил без нас? — улыбнулся Даниэль.

— А вы все равно ничего не смыслите в жизни на западе. И потому слушайте меня! Мы будем путешествовать! Поедем во Францию, потом в Италию, потом в Южную Америку...

— А деньги? — спросил Даниэль.

— Нам будут давать займы, — подмигнул ему Жерар. — Решено! Завтра я еду во Французскую миссию и разузнаю, как нам легче всего проехать во Францию.

— Боюсь, ничего не выйдет... — вздохнул Даниэль.

— Почему?

— Я хочу на родину...

— Ну вас к черту! И слушать ничего не хочу! Мы не для того каждый день подыхали в концлагере! Теперь надо держать жизнь за горло! Вот так! — он сжал здоровенный кулачище. — И не распускать юни!

...Они лежали в постели, и лунный свет освещал полутемную спальню. Владимир — на спине, с закрытыми глазами. Элиза, приподнявшись на локте, смотрела на него, гладила кончиками пальцев по обнаженной груди, осторожно поцеловала в лоб, щеку. Ее волосы упали ему на лицо. Она улыбнулась и прошептала:

— Володя... за столько лет я впервые счастлива... Господь услышал мои молитвы...

Он вдруг открыл глаза и посмотрел на нее в упор:

— Что тебе нужно, чтобы ты всегда была счастлива?

— Ты... — она смущенно улыбнулась.

— А еще?

— Еще... немного... совсем немного денег, чтобы мы могли жить вместе... — она наклонилась и поцеловала его, но Владимир не ответил на поцелуй, смотрел на нее в упор:

— Сколько тебе нужно денег?

— Я же сказала... совсем немного...

Владимир вскочил с постели, вытащил из-под кровати саквояж, раскрыл его и начал швырять на кровать пачки банкнот:

— На! Все бери! Хватит тебе? Хватит?

Элиза в страхе смотрела на пачки, на саквояж, на дне которого лежал пистолет.

— Что ты делаешь, Володя?

Он разогнулся, тяжело дыша, пошел к столику у окна, пошарил рукой в поисках пачки сигарет. Налил рюмку, выпил, спросил:

— У тебя нет сигарет?

— Ты все выкурил... Ты очень много куришь, Володя...

— Подожди, я скоро вернусь... — и он вышел из номера...

...Улица перед отелем пустынна. Проезжали редкие автомашины, полыхали рекламные вывески. Владимир медленно шел по улице. Спрашивал у редких прохожих:

— Прошу прощения, вы сигарет не продадите?

Прохожие испуганно прибавляли шагу, отвечая на ходу:

— Извините, не курю...

Другие совсем не отвечали. Владимир зябко поежился. И вдруг заметил патруль. Трое русских и офицер в гимнастерке. На груди офицера и солдат поблескивали ордена и медали. Владимир нетвердыми шагами направился к ним.

— Ребята... здорово, ребята, — проговорил он пьяноватым голосом. — Папиросы не будет, а? Сто лет не курил папирос.

Солдаты посмотрели на лейтенанта. Тот секунду помедлил, потом достал из кармана широких галифе пачку "Казбека", протянул Владимиру, щелкнул

зажигалкой. Владимир жадно затянулся, выпустил дым, проговорил улыбаясь:

— Вот это табак... настоящий табак, а? Вы откуда зовете, ребята?

— От Сталинграда, — ответил лейтенант.

— А какой фронт?

— Сначала Воронежский, потом третий Украинский...

— А на Кубани летом сорок второго не были?

— Нет, — ответил лейтенант.

— А-а, то-то и оно, что не были... А на Кубани было... интересно, ребята... оч-чень интересно... — Владимир жадно курил, стоял перед патрулем, покачиваясь, в расстегнутой на груди рубашке с закатанными рукавами. — Спасибо, ребята...

— А вы кто? — после паузы спросил лейтенант.

— Как кто? — пожал плечами Владимир. — Ч-человек... Я че-ло-век и больше ничего... Дайте еще папирос, а? Я заплачу, — он начал шарить по карманам, но денег не нашел.

Лейтенант вынул из пачки несколько папирос, положил их в карман гимнастерки, а пачку протянул Владимиру.

— Ребята... — хмельно улыбнулся Владимир. — Вы золотые ребята... Жаль, вас не было на Кубани в сорок втором... Спасибо, ребята...

Он все так же стоял, покачиваясь и дымя папиросой, а патруль уходил по улице. Солдаты о чем-то переговаривались с лейтенантом, оглядываясь на Владимира. И вдруг они резко повернули обратно, быстро подошли:

— Эй, как вас? Документы предъявите, пожалуйста.

— Что вы, ребята... Какие документы? — пьяно улыбнулся Владимир и вывернул пустые карманы. — Откуда у меня документы?

— Вам придется пройти с нами в комендатуру, — сказал лейтенант, а один из солдат стянул с плеча автомат.

— Да что вы, ребята... — Владимир хотел уйти, но второй солдат встал у него за спиной и тоже снял с плеча автомат.

И в это время у обочины тротуара резко, с визгом затормозил черный “майбах”, из него выскочил Жерар, подбежал к Владимиру и солдатам. Оттолкнув лейтенанта, Жерар схватил Владимира за плечо и приставил его к стене дома.

А в “майбахе” сидели в напряжении Даниэль и Вахтанг, один держал наготове автомат, другой — пистолет.

— Руки за голову! — скомандовал Жерар, наставив пистолет Владимиру в затылок, и начал обшаривать его карманы. Обернувшись к растерянным солдатам и лейтенанту, Жерар быстро сказал:

— Я инспектор военной полиции, господа! Этого человека мы давно ищем! Это опасный преступник! Спасибо за помощь, господа! В машину! Быстро! — приставив пистолет к спине Владимира, Жерар повел его к машине, открыл дверцу и втолкнул внутрь.

Затем забрался сам. Даниэль выжал газ, и машина сорвалась с места. Солдаты и лейтенант растерянно смотрели ей вслед.

— Я так и думал, что этому сукиному сыну захочется поговорить со своими соотечественниками! — зло говорил Жерар. — Один уже поговорил и решил застрелиться! Теперь этот! Ну, что с вами делать, а?

— Я еще не говорил со своими соотечественниками, — усмехнулся Даниэль.

— Попробуй. Наверное, побежишь топиться в Дунае. К черту, давайте в отель, я спать хочу!

— Я вышел за сигаретами... — оправдывался Владимир. — Шел и шел... Спрашивал, а никто не дает... А потом патруль...

Машина свернула за угол и приблизилась к отелю с другой стороны улицы. И вдруг Даниэль резко нажал на тормоз. Они увидели, что к отелю подкатили две полицейские машины, из них выскочили полицейские и побежали в отель, на ходу доставая пистолеты.

Даниэль медленно отъехал назад, проговорил:

— Кажется, это за нами...

— Выключи фары, — приказал Жерар, — слушай, а твоя певичка, — шустрая бабенка! Пока ты ходил за сигаретами, она успела донести в полицию. Вместо того, чтобы любить ее как следует, ты, наверное, напугал ее до смерти...

— Мог заявить и портье — сказал Даниэль, — или хозяин отеля.

— Ну что ж, раз вы не захотели жить в номерах, где останавливался Гиммлер, Геринг и прочая сволочь, теперь будете жить под мостом... — вздохнул Жерар.

— Как порядочные люди... — улыбнулся Вахтанг.

— Мы не против, — тоже улыбнулся Даниэль, — боюсь, твоя собака будет возражать.

— И машину придется бросить, — сказал Владимир, — наверняка нас ищут по этой машине.

— О Владимир, ты бываешь удивительно догадлив! — сказал Жерар...

...Ранним утром друзья сидели в парикмахерской, каждый в своем кресле, и четверо парикмахеров тщательно брили их.

У входа в парикмахерскую, привязанная к водосточной трубе, сидела овчарка в ожидании хозяина.

— Мне надоело в этом дурацком городе, — сказал Жерар, — давно пора отсюда сматываться.

— Угу, — не поворачивая головы, ответил Владимир.

— Давно пора, — глядя на себя в зеркало, сказал Даниэль.

— Я мечтаю об этом, — добавил Вахтанг.

— Как вы можете так говорить про Вену, господи! — развел руками и грустно улыбнулся пожилой парикмахер. — Вена — это... сказочный город. Это город музыки и любви!

— Это город воров и спекулянтов, — ответил Жерар.

— Это город певичек — предательниц, — добавил Владимир.

— Это город тоски и смерти, — сказал Вахтанг.

— Последние четверо честных людей уедут из этого города сегодня же! — решительно заявил Даниэль...

— Поймите, мадемуазель, это очень приличные люди, — говорил по-французски Жерар, облокотившись о дубовую перегородку, за которой сидела миловидная девушка. Ее большие серые глаза внимательно смотрели на Жерара.

— Но кто они, эти люди? — улыбаясь, спросила она.

— Неважно. Они мои друзья — этого достаточно. Они хотят поехать во Францию и я должен им помочь. Поймите, мадемуазель, у меня никого нет, только эти друзья...

— Но кто они такие? Как их фамилии?

— Фамилии? — Жерар растерянно смотрел на девушку. — Я не знаю их фамилий... Мы обращаемся друг другу по именам.

Девушка засмеялась, затем вновь стала серьезной.

— Они военнопленные, — нахмурившись, сказал Жерар, — мы вместе сидели в концлагере.

— Нужно обратиться в репатриационную комиссию. Кто они по национальности?

— Русский, поляк и грузин.

— Грузин? — девушка удивленно вскинула брови.

— Вы никогда не бывали в Грузии? Это... это прекрасная... удивительная страна! Она находится... но это неважно... Я не видел ничего более экзотического и прекрасного, чем Грузия! Клянусь вам! А какой там народ! Ах, какой там народ! Ах, какой прекрасный народ эти грузины!

— И что же, ни один из них не хочет ехать на родину? — перебила его девушка.

Жерар замолчал, опустив голову. Девушка добавила после паузы.

— Мне вы можете сказать. Я ведь тоже была в концлагере. Почти два года...

— Неужели, мадемуазель?! — Жерар вскинул голову, тревожно посмотрел на нее. — Значит вы знаете, что это такое?

— К сожалению... — вздохнула девушка.

— А почему вы не едете во Францию?

— Пока мы говорим о ваших друзьях, — опять улыбнулась она, — фамилии которых вы не знаете.

— Понимаете, мадемуазель, они тоже одинокие, неприканные люди... И нам не хотелось бы расставаться. Потому что единственное, что осталось у нас в этом мире — это мы сами... Понимаете, мадемуазель, мы сами...

...Владимир, Вахтанг и Даниэль прогуливались с собакой в сквере напротив французской миссии, поглядывали на подъезд. Собака все время рвалась с поводка, тащила Даниэля вперед. Владимир и Вахтанг заметно отстали. Вахтанг глухим голосом рассказывал по-русски:

— Отца объявили врагом народа в апреле... а третьего мая арестовали. Он был большой дирижер, в Грузии его знали все... Как дирижер может быть врагом народа, скажи, а? — он иногда вскидывал голову и его горячие черные глаза с болью смотрели на Владимира. — Третьего мая арестовали, а уже двадцать пятого мая отказались при-

нимать передачи. Потом матери по секрету сказали, что его уже расстреляли... Даже суда не было, ты можешь это понять? Мне пришлось уйти из консерватории. Сестренку Манану из художественной школы выпнали. Ах, как она хорошо рисует, если б ты видел! Брат Леван хотел в институт поступить — даже документы не взяли... — Вахтанг время от времени замолкал, словно набирал сил. — Два года работал учителем в музыкальной школе — тоже выпнали. Сын врага народа не может обучать детей. Но ведь я их музыке обучал, а не политике! — гнев и горечь сверкнули в глазах Вахтанга. — Ты знаешь, Володя, я все думал, думал... Дома думал, потом — на фронте, потом в лагере... Ты знаешь, не на классы людей делить надо, не на сословия, а... на честных и подлых, на злых и добрых, понимаешь?

Владимир усмехнулся, пожал плечами. А Вахтанг продолжал, с силой выговаривая слова:

— Есть люди — от Бога, а есть люди от дьявола... они везде есть, Володя... Сколько прекрасных, замечательных людей погубили, оклеветали, растоптали... Они даже прекрасную идею в страшное оружие превратили... В оружие против самих людей... Послушай, Володя, как могут близкие не верить друг другу, а? Чтобы сын отцу не верил, брат сестре! А они так сделали! Отец — враг народа, да? И старший сын пошел воевать и в плен попал, хорошо, да?

— Ну-да, лучше некуда... — нахмурился Владимир.

— Я не за себя боюсь, Володя, я новое горе всей семье принести не хочу, понимаешь, да? И домой так хочется — сердце горит. Как тут быть, а? Уж лучше “пропал без вести”.

— Не думаю, что для них это будет лучше, — вновь нахмурился Владимир.

— А по-другому как? Застрелиться? Как я докажу, что не сам в плен сдался? Что меня почти мертвого взяли? А ты как докажешь?

— Но не все же такие! — почти крикнул Владимир. — Не все!

— Не знаю...

— Сволочи... бей своих, чтоб чужие боялись. Это мне особист в полку говорил... Жерару что! Ему вся Европа — родной дом! И Даниэль проживет, устроится... А мы? Мы же сдохнем тут! Без родины! Сдохнем, как рыбы без воды! Нет, надо возвращаться, а там будь, что будет...

— Как возвращаться? — Вахтанг смотрел на него горячими, тоскливыми глазами.

— Не знаю... А может, плюнем, а, Вахтанг? И пойдем шататься по Европам? Мы вчетвером не пропадем! — гибельный восторг светился в глазах Владимира. — А если пропадать — так с музыкой!

— А вам не надоело жить в этом паршивом городе? — спрашивал Жерар. — Неужели вам никуда не хочется поехать?

— Куда? — девушка пожала плечами.

— Мадемуазель, мир так огромен! Не хватит и нескольких жизней, чтобы всё посмотреть!

— Для этого нужно много денег, — она улыбнулась, но улыбка получилась грустной и беззащитной, — а деньги, к сожалению, есть не у всех людей...

— У меня есть деньги! — выпалил Жерар. — Да-да, мадемуазель, у меня уйма денег! Если бы я предложил вам путешествовать вместе, вы бы согласились?

— И с вашими друзьями? — уже весело улыбнулась девушка.

— И с собакой. У нас есть замечательная собака! Не подумайте ничего дурного, мадемуазель, мы вовсе не жулики...

— Я вам верю...

— Правда, мадемуазель, — неподдельная радость вспыхнула в глазах Жерара. — Я счастлив, мадемуазель! Я... Что бы такое сделать? — Жерар вдруг встал на руки и пошел по комнате, болтая в воздухе ногами.

— Перестаньте! — смеялась девушка. — Перестаньте сейчас же!

В комнату вошел посетитель и, увидев гуляющего на руках человека, испуганно попятился за дверь.

— Простите, мадемуазель, я найду попозже...

...Теперь Владимир и Вахтанг сидели на лавочке, молчали. Владимир курил. Из глубины аллеи показался запыхавшийся Даниэль. Еще издали он закричал:

— Собака не с вами?

— Она была с тобой, — сказал Владимир.

— Черт возьми! Я отпустил ее побегать, и она умчалась. Я решил, что она побежала к вам...

Теперь все трое торопливо шли по скверу, оглядываясь по сторонам. Потом вышли на улицу...

— Мой папаша древний аристократ из Нормандии, — со страстью рассказывал Жерар, — вы не поверите, до чего был вредный старикашка. Но за одно ему спасибо — оставил мне кучу денег!

Девушка смеялась, лукаво грозила Жерару пальцем:

— Мне очень сильно кажется, что вы сочиняете.

Жерар некоторое время молчал, потом сказал печально:

— Конечно, наврал. Ни у меня, ни у моих друзей денег нет... Но вы не откажетесь поужинать с нами? На это у нас деньги есть...

...В переулке, куда свернули Вахтанг, Владимир и Даниэль, стояла грузовая машина с огромной металлической клеткой в кузове. Клетка была полна беспризорных собак, тощих, со свалявшейся грязной шерстью. Здесь и овчарки, и эрдельтерьеры, и пудели, и просто дворняги. Одни беспрерывно лаяли, вставая на задние лапы и царапая когтями прутья, другие метались по клетке из угла в угол, третьи, смирившись со своей печальной судьбой, неподвижно сидели и грустно смотрели.

— Смотри, вон она! — Вахтанг толкнул локтем Владимира.

Два собаколова поймали на аркан овчарку Жерара и теперь тащили ее к машине. Проволочная петля сдавила собаке шею, она упиралась, скребла по асфальту когтями, хрипела.

— О-о, черт! — Даниэль первым бросился к собаколовам.

— Эй, приятель, а ну оставьте нашу собаку в покое!

— А регистрационное удостоверение у вас есть? — спросил один.

— Какое тебе удостоверение? — зло спросил Даниэль. — У нас самих нет никаких удостоверений! — он вырвал из рук собаколова аркан, начал освобождать собаку.

— Но позвольте! — закричал второй собаколов. — На собаку должно быть удостоверение!

Подошел Владимир, с ходу вынул пистолет:

— Я тебе сейчас вот этим удостоверением компостер на лбу проставлю!

Собаколовы испуганно попятились к машине, один прошептал:

— Ганс, это бандиты...

А Владимир забрался в кузов, откинул щеколду на дверце клетки и распахнул дверцу настежь. С оглушительным тьяканьем и воем собаки прыгали с кузова на асфальт, разбегались в разные стороны. Даниэль держал

овчарку Жерара, и собака подпрыгивала, благодарно лизала его в лицо.

— Побег из концлагеря... — улыбаясь, проговорил Вахтанг.

— Ты представляешь, что с нами сделал бы Жерар, если бы эта чертова собака пропала? — спрыгивая с кузова, сказал Владимир...

...Жерар выбежал из здания французской миссии, бегом устремился через улицу в сквер. Глаза у него вытаращены, как у безумного, пиджак расстегнут и галстук съехал в сторону.

— Что-то произошло очень важное, — сказал Вахтанг, глядя на приближающегося Жерара.

— Не дай Бог, если он втюрился в какую-нибудь девчонку, — ответил Владимир.

— Ребята! — Жерар плюхнулся между Владимиром и Даниэлем на скамейку, тут же вскочил, заметался туда-сюда. — Это такая женщина! Она похожа на фюзеляж самолета! Она, как... нет, это не передать словами! Она... тихий ангел!

— Что я тебе говорил? — Владимир с улыбкой глянул на Даниэля.

— Вот только тихого ангела нам и не хватало, — сказал весело Вахтанг.

— У меня сердце чувствовало, что он в кого-то втюрился, — сказал Даниэль.

— Нет-нет, это вопрос решенный! Ребята, мы едем во Францию вместе с ней!

— А ты нас спросил? — сказал Даниэль.

— А что вас спрашивать? — удивился Жерар. — Я знаю, что вы согласны!

— Ты посмотри на этого самоуверенного индюка! — возмутился Даниэль. — Он распоряжается нами, как своей паршивой собакой!

А собака сидела перед ними и преданно смотрела на Жерара.

— Собака не паршивая! — повертел в воздухе пальцем Жерар. — Собака замечательная!

— А эта мямра... — которую ты откопал, — с ехидцей спросил Владимир, — тоже замечательная, как собака?

— Она, наверное, похожа на японскую болонку! — засмеялся Даниэль. — Такая же злобная, с вытаращенными глазами и соплями из носа!

— А как он с ней спать будет, Даниэль? — подхватил Владимир. Он же раздавит её, такой медведь!

Они не заметили, как побледнело и окаменело лицо у Жерара, лишь Вахтанг заметил, проговорил негромко, предостерегающе:

— Эй-эй, ребята...

Но ребят “понесло”.

— Нет, он будет сажать ее сверху и подкидывать до потолка! — давился от смеха Даниэль.

— Фюзеляж... хих-хи-хи! А может, китайский чайник?

Жерар медленно, вразвалку подошел к ним и вдруг по-медвежьи, мгновенно схватил обоих за горло руками, сдавил железными пальцами так, что у них перехватило дыхание, глаза выпучились из орбит. Они дергались, пытались освободиться, но пальцы Жерара сдавливали их все сильнее и сильнее.

— Грязные ублюдки! — гнев клокотал внутри Жерара, но он сдерживал себя и от того выражение его лица казалось еще более страшным. — Поганые похабники!

— Жерар, Жерар... — попробовал вступить Вахтанг, но собака, оскалившись, грозно зарычала.

— Вшивые недоноски, я придушу вас! Раздавлю, как лягушек, если еще хоть раз услышу дурное слово про эту женщину! А теперь проваливайтесь и чтобы я вас больше не видел! — Он с силой встряхнул их и оттолкнул от себя. Потом глянул на Вахтанга. — Ты тоже можешь проваливаться! Мне никто не нужен!

Владимир и Даниэль отлетели на несколько шагов, судорожно глотали воздух. Даниэль начал захлебываться кашлем, сгибался от кашля пополам. Владимир стоял, держась рукой за дерево, пытался вдохнуть всей грудью, тер пальцами горло.

Жерар сел на скамейку рядом с Вахтангом и молча гладил собаку, и слезы медленно стекали по щекам. Он смотрел перед собой, и слезы текли, губы нервно кривились, но он все же пытался улыбнуться собаке, шептал:

— Что, пес? Что ты на меня так смотришь? Ты не бойся, старина, я тебя никогда не брошу...

Владимир медленно подошел и сел рядом, молча закурил. Даниэль, наконец, перестал кашлять, вздохнул с облегчением, тоже подошел к скамейке и сел с другой стороны, рядом с Вахтангом. Они долго молчали. Затем Даниэль сказал:

— Вахтанг, спроси у него — он догадался пригласить эту девушку на ужин?

— Ты догадался пригласить ее на ужин? — тихо спросил Вахтанг.

Жерар не ответил. Владимир тогда сказал:

— Я думаю, на это у него мозгов хватило. Тогда где-то нужно раздобыть хорошую машину.

— Не хуже, чем та, в которой ездил Гиммлер! — поднял вверх палец Вахтанг.

— Точно, — кивнул Владимир, — и еще нужно где-то занять денег. То, что было во втором саквояже, мы почти истратили.

— Жерар, они интересуются, ты хочешь занять деньги, чтобы пригласить свою девушку на ужин? — опять тихо спросил Вахтанг. — Мы готовы помочь тебе в этом деле.

Жерар поднял голову, посмотрел на них. В глазах у него стояли слезы, но он улыбался, прошептал:

— Сукины вы дети... конечно, мы займем денег...

...У здания центральной венской комендатуры шла смена патрулей. Английский патруль, застыв на месте, ждал, когда к нему четким парадным шагом приблизится американский патруль. Мгновение они стояли друг против друга. Отдали честь. Затем английский патруль двинулся таким же парадным шагом. Американский занял его место. Жерар, Вахтанг, Владимир и Даниэль наблюдали за ними в толпе зевак.

— Держи собаку, — Жерар передал поводок Даниэлю, а сам быстро направился к веренице автомашин, прижавшихся к обочине тротуара. Он быстро распахнул дверцу, сел за руль и, достав кусок проволоки из кармана, начал возиться с зажиганием. Окна в комендатуре ярко освещены, горела цепочка фонарей вдоль улицы. Медленно прохаживался патруль. Собака нетерпеливо дергала поводок, но трое друзей стояли, ждали. Медленно расходилась от комендатуры толпа зевак.

Наконец машина завелась, плавно двинулась с места и покатилась в конец улицы, свернула на другую.

— Пошли, — сказал Даниэль, и собака первая рванулась с места...

...Уже совсем стемнело, когда машина подъехала к ювелирной лавке в узкой, булыжной улочке, стиснутой старинными высокими домами с острыми черепичными крышами. Здесь мало фонарей, и потому темнота казалась плотнее. Жалюзи на первых этажах во всех домах опущены.

— Кажется, это здесь, — вполголоса проговорил Жерар, приглядываясь к вывеске над входом в ювелирную лавку, — я ее заметил, когда мы тут проезжали вчера. Значит, так. Володя — за руль. Вахтанг — караулит на улице, Даниэль со мной, — и Жерар первым выбрался из машины, подошел к дверям в ювелирную лавку, склонился над замочной скважиной. Даниэль стоял рядом.

Вахтанг прохаживался в стороне, поглядывая по сторонам. Слышно, как Жерар гремел набором отмычек, шепотом ругался. Наконец дверь нехотя поддалась, и Жерар вошел внутрь лавки. Даниэль проскользнул за ним и прикрыл дверь.

Просвечивая фонариком, Жерар медленно ступал по лавке. Прошел торговый салон с застекленными прилавками, открыл дверь в конторку, вновь посветил фонариком. В луч света попал массивный железный сейф, стоящий у стены.

— Инструмент, — прошептал Жерар, и Даниэль подал ему несколько металлических предметов: фомку, дрель и клещи.

Жерар втиснул фомку между сейфом и стеной и начал тихо раскачивать сейф. Это трудная работа. На лбу у Жерара выступили капли пота. Он пыхтел, раскачивая сейф все сильнее и сильнее. Щель медленно увеличивалась, сыпалась штукатурка, железные болты, которыми сейф был прикреплен к стене, начали медленно вылезать из своих гнезд. Даниэль терпеливо ждал. Томительно тянулось время.

..Владимир сидел за рулем, курил. Прохаживался по узенькому тротуару Вахтанг, напряженно прислушивался к звукам в доме. Но там было тихо...

..Наконец болты выскочили из стены. Жерар, поднагужившись, сдвинул сейф в сторону и начал сверлить дрелью заднюю стенку. Скрежетал металл, блестящая стружка падала кольцами на пол.

— Сюда посвети... сюда... — шептал Даниэль и светил фонариком.

Потом, отложив дрель, Жерар “фомкой” и клещами резал заднюю стенку сейфа, шептал:

— Разве я не самый лучший авиационный механик на свете...

Руки у него дрожали от напряжения. Он закусил губу, смахнул капли пота со лба.

— Дай я попробую, ты устал, — прошептал Даниэль.

— Ничего, ничего...

Наконец он вырезал квадрат металла, отогнул его клещами. Даниэль посветил в отверстие фонариком. На полках лежали пачки банкнот, коробочки с драгоценностями.

— Действительно я самый лучший авиационный механик на свете! — торжествуя улынулся Жерар и запустил руку в сейф, стал вынимать оттуда пачки банкнот, швырял их в портфель, который держал перед ним Даниэль. Затем он достал коробочки с драгоценностями, потом его рука нащупала что-то странное.

— Это еще что такое? — Жерар вынул из сейфа туго набитый парусиновый мешочек, развязал его. Даниэль посветил, и электрический свет выхватил из темноты золотые коронки и целые зубы из золота, обручальные кольца, вставные золотые челюсти.

— Человеческие зубы... — удивленно прошептал Жерар, — откуда они здесь?

— Что-что? — вздрогнул Даниэль. — Покажи-ка!

Он высыпал из мешка золотые коронки, зубы, кольца, перебирал их и губы у него вдруг начали мелко дрожать:

— Да... эт-то ч-человеческие... — заикаясь, сказал он, — это из концлагеря... — он вдруг повернулся и пошел в темноту, посвечивая фонариком.

Жерар продолжал шарить рукой в сейфе, доставая все новые пачки денег и коробочки с драгоценностями. Вдруг он замер, прислушался. Откуда-то сверху доносились человеческие голоса. Жерар выдернул из кармана пиджака пистолет, быстро пошел из конторки.

Он поднялся на второй этаж, где обычно размещались в таких лавках и магазинах жилые комнаты хозяев. Голоса раздавались из спальни. Жерар заторопился туда и когда вошел, увидел на кровати пожилого толстяка в полосатой пижаме и Даниэля, который держал толстяка за волосы и тыкал ему в лицо мешок с золотыми зубами и коронками:

— Пся крев! Подлая тварь! Ты выбивал заключенным зубы!? Ты собирал их, гадина! Жирный ублюдок! На, жри их, жри, — Даниэль горстями засовывал толстяку их в рот, и его глаза наливались мутью горячего бешенства, как тогда в дороге...

— Это не я! Клянусь Иисусом, не я! Я забрал их в комендатуре, когда все уехали! Я не виноват, клянусь Богом, не виноват! — Толстяк извивался на кровати, жирные щеки его тряслись.

— Оставь его! — громко сказал Жерар. — Нам пора уходить.

— Оставить? — Даниэль повернул к Жерару белое с мутными от бешенства глазами лицо. — Чтобы эта гадюка дождала до старости? Чтобы эта тварь торговала человеческими зубами и ходила в церковь молиться!? — Глаза Даниэля заметались по сторонам и вдруг увидели на ночном столике, рядом с горящим ночником блестящее лезвие парикмахерской бритвы.

— Даниэль! — Жерар бросился вперед, но не успел — Даниэль схватил бритву и одним взмахом перерезал толстяку горло.

Черная кровь хлынула на пижаму, атласное одеяло. Толстяк задергался в конвульсиях, захрипел.

Даниэль попятился от кровати, все еще держа бритву в руках, затем отбросил ее в сторону, закричал страшным голосом: — Пусть меня накажет Господь! Пусть накажет, пусть!!

Жерар едва успел подхватить его на руки. Даниэль бился в припадке, пена выступила на губах, слова вырывались со стоном:

— Там зубы Збышека! Я помню! У него было два золотых зуба! Збышек, что они с нами сделали! Я тоже стал негодяем!

— Успокойся, Даниэль, успокойся... Нам надо уходить, слышишь? Ну, соберись с силами, дорогой... черт с ними с этими зубами...

Из темноты бесшумно вынырнул Вахтанг, замер на пороге спальни, осветил фонариком.

— Найди одеколон, — попросил его Жерар и продолжал гладить Даниэля по лицу, качал его, как ребенка.

Вахтанг шарил в ночном столике, нашел флакон:

— Кажется, это...

Жерар налил одеколону себе в рот и прыснул Даниэлю в лицо. Потом опять набрал в рот, пальцами приподнял веки Даниэля и прыснул в глаза. Тот вздрогнул, пальцами стал тереть обожженные глаза.

— Соберись с силами, — тихо сказал Жерар, — нам надо уходить...

Даниэль с трудом поднялся. Жерар поддерживал его под руки, сказал Вахтангу:

— Возьми внизу портфель с деньгами.

— Хорошо, — Вахтанг посветил фонариком на постель, на лицо убитого и удивленно воскликнул, — ты посмотри, кто это!

Жерар обернулся. Луч фонарика осветил лицо унтер-офицера Штольца, служившего в концлагере.

— Бедняга Штолец... — уронил Вахтанг.

— Что заслужил, то и получил, — жестко ответил Жерар...

...Черный “мерседес” неторопливо ехал по улицам. За рулем — Владимир, сзади Жерар, на коленях у него полулежал Даниэль. Вахтанг впереди, рядом с Владимиром.

— Надо уезжать из этого проклятого города, — пробормотал Жерар, — иначе мы скоро будем по уши в крови...

...Спали они в машине посреди огромного пустыря. Проснулись ранним утром, когда майское утро осветило древний город.

— Вот и еще один день прожили, — улыбнулся Владимир.

— Прошу не забыть, — проворчал проснувшийся Жерар, — у нас сегодня торжественный ужин. Вы обязаны, сукины дети, выглядеть не хуже английских лордов.

— Мы будем выглядеть лучше, — сказал Вахтанг, открывая глаза.

Даниэль молча выбрался из машины, прошел несколько шагов навстречу солнцу и долго стоял неподвижно, закрыв глаза. Слабая улыбка тронула губы Даниэля.

— Как ты себя чувствуешь? — Жерар подошел, положил ему руку на плечо.

— Я хочу домой... — ответил Даниэль.

...Потом они примеряли в магазине вечерние костюмы, и сам владелец магазина суетился перед ними, помогал

надевать пиджаки, выбирал галстуки, что-то советовал и долго раскланивался, получив пачку денег.

..Когда знакомая Жерара вышла из здания французской миссии, черный "мерседес", стоявший неподалеку, медленно тронулся и поехал рядом с девушкой. Затем распахнулась дверца, и выглянул улыбающийся Жерар:

— Добрый вечер, мадемуазель! Я и мои друзья давно ждем вас!

Девушка остановилась, секунду колебалась, потом забралась в машину. "Мерседес" прибавил скорости.

..Они приехали в фешенебельный ресторан. Здесь и двери величественнее, с тяжелыми, начищенными до огненного блеска бронзовыми ручками, и большой зал с эстрадой в центре, и солидная, важная публика, нет солдат и проституток.

Жерар, Владимир, Вахтанг, Даниэль и девушка расселись за столом. Тут же появился официант, поставил на стол вазу с фиалками.

— О-о! — заулыбалась девушка. — Какой чудесный сюрприз!

Жерар досадливо поморщился, пробормотал:

— Черт подери, в этой горячке я совсем забыл про цветы.

Рядом с ним за столиком сидел моложавый американец в форме майора ВВС и чопорная тощая дама в черных по локоть перчатках и широкополой шляпе с вуалью. Американец то и дело наливал в фужер шампанское, жадно пил.

— Вон твой коллега по части спиртного, — Даниэль шутливо кивнул в сторону американца. Владимир проговорил удивленно:

— А он тоже летчик...

Оркестр заиграл танго. Жерар встал, церемонно пригласил девушку на танец. Они пошли к эстраде, и друзья смотрели им вслед.

— Кажется, теперь он действительно счастлив, — сказал Даниэль.

Жерар танцевал с девушкой, смотрел на нее, не мигая. Она ощущала на себе этот жадный, тоскующий взгляд, с трудом улыбнулась:

— Ну, говорите же о чем-нибудь... Вы так смотрите, что я начинаю бояться вас.

— Да-да, — спохватился Жерар и не знал, о чем говорить, — а как вас зовут, мадемуазель?

— А вас? — негромко рассмеялась девушка.

— Жерар...

— А меня — Николь...

— Николь... — шепотом повторил Жерар, — Николь...

— Откуда у вас столько денег? Еще вчера вы говорили, что у вас нет ни сантима.

— Нам разные богатые люди дают займы, — чуть нахмурился Жерар.

— Как это безрассудно с их стороны, — вновь улыбнулась она.

— Почему же? Они перед нами в неоплатном долгу...

— А я подумала, что вы ограбили банк или магазин.

— Неужели, глядя на нас, можно такое подумать? — спросил Жерар.

— Конечно! Особенно, если вспомнить, как вы ходили в офисе на руках! — она опять негромко рассмеялась.

Жерар зачарованно смотрел на нее, встряхнул головой:

— Кажется, я действительно начинаю сходить с ума.

Звучала мелодия медленного танго, рядом с Жераром и Николь танцевали еще пары, ярко светила громадная

хрустальная люстра, и весь зал был залит светом, и у мужчин в дорогих костюмах и смокингах был важный торжественный вид. Казалось, что даже официанты в черных фраках и белых манишках, снующие туда-сюда по залу, знают какую-то значительную тайну.

— Мне здесь очень нравится, — призналась Николь, глядя на Жерара, я никогда не была в таком шикарном ресторане.

— Николь... — у Жерара перехватило дыхание, — Николь... Николь...

Мелодия танго кончилась, Жерар и Николь возвратились к столу и увидели, что вместо вазы с фиалками стояла большая корзина с густо красными розами.

— Ах! — всплеснула руками Николь. — Неужели это мне!?

Друзья старательно делали вид, что ничего особенного не произошло. Жерар даже вспотел от досады, сказал вполголоса:

— Вы что, сукины дети, решили отбить ее у меня? Ничего не выйдет.

Жерар достал из кармана коробочку, протянул девушке:

— Это вам, Николь. В честь окончания войны.

Она открыла коробочку, и на черном бархате засверкало бриллиантовое кольцо. Николь испуганно смотрела на драгоценность, потом вернула ее Жерару:

— Нет-нет, благодарю вас, но я не могу принять это...

— Почему? — искренне огорчился Жерар.

— Это слишком дорогой подарок. Такое не дарят людям, с которыми едва знакомы.

Жерар спрятал руки за спину, отказываясь взять обратно коробочку, умоляюще посмотрел на товарищей: ну, помогите же, черт возьми!

— Что вы сидите, как истуканы? — выдавил он из себя.

— Мадемуазель... — Даниэль откашлялся, — от чисто-сердечных подарков отказываться нельзя.

— Вы так ошеломили Жерара, что он готов подарить вам весь мир, — добавил Владимир.

— Наш друг никогда не лжет женщинам, — сказал Вахтанг.

— Николь... — Жерар благодарно смотрел на товарищей. — Ее зовут Николь...

Вновь зазвучала мелодия танго, и певица начала петь с эстрады. Жерар вновь пригласил Николь на танец. По знаку Даниэля подошел официант и в третий раз сменил цветы на столе. Вместо роз появились алые и белые гвоздики. Американский летчик, сидевший за соседним столом, громко захлопал в ладоши, закричал: "Браво!" Затем он поднялся с полным бокалом шампанского, подошел к Даниэлю, Владимиру и Вахтангу.

— Господа! Хочу с вами выпить! Вы мне нравитесь, господа!

Друзья с улыбками отсалютовали ему полными рюмками. Американец выпил свой бокал, бесцеремонно плюхнулся на стул, сказал со злостью:

— В этом проклятом городишке ни одной рожки, с которой можно было бы нормально выпить!

— Вы недавно в Вене? — спросил его Даниэль.

— О-о, вы говорите по-английски?! — еще больше обрадовался американец. — Здорово! — Он схватил бутылку с водкой, налил всем рюмки, а себе — в бокал из-под шампанского. — Меня прислали обучать этих недоносков, обучать летать на реактивных машинах! Вы англичанин?

— Я — поляк, — ответил Даниэль.

— Терпеть не могу англичан! Высокомерные верблюды! И я должен обучать этих верблюдов летать на реактивных машинах, чтоб они провалились!

Владимир и Вахтанг не понимали о чем они говорили.

— Что это за машины, если не секрет? — спросил Даниэль.

— Это ужасный секрет! — американец выпучил глаза. — Но вам я скажу! По секрету! — он захихикал, довольный каламбуром. — Это новые самолеты. Совсем новые! Под Веной, если ехать по Ведерштрассе, на аэродроме стоит первая партия таких машин... Всего несколько штук. Их прислали специально, чтобы обучить этих верблюдов-англичан летать! Я не хочу их обучать! — американец стукнул по столу. — Я был на Пирл-Харборе! Вы знаете, что такое Пирл-Харбор?

— Приблизительно... — пожал плечами Даниэль.

— Э-эх! — американец безнадежно махнул рукой и откинулся на спинку стула. Его чопорная спутница в широкополой шляпе делала ему страшные глаза, приказывая вернуться за свой столик.

— Скажите, майор, — спросил опять Даниэль, — а на этих... новых машинах летать сложно?

— На каких? Ах, на этих! Система управления проста, как и на прежних, но — скорость! Фантастическая скорость! В полтора раза больше звуковой! Вот где козырь! На такой скорости очень сложно маневрировать! А у русских этого нету, ха-ха! И еще долго не будет! О, эти чертовы русские! С ними надо держать ухо востро! Они спят и видят, как бы им захватить всю Европу!

Даниэль покосился на Владимира, но тот не понимал разговора, и тогда улыбнулся, сказал:

— Представляю, какой переполох поднимут русские, когда узнают об этих машинах.

— Они уже кое-что пронюхали. Немцы в самом конце войны ведь тоже работали над такими машинами. Ведь идея реактивного двигателя проста, как апельсин. Смотрите! — американец схватил салфетку, выдернул из кармана авторучку и начал рисовать схему реактивного двигателя, приговаривая:

— Вот тут форсунка распалает топливо, здесь турбина, здесь забирается встречный воздух — вот и все! А рычаги управления почти такие же, как на всех старых самолетах. Главное — скорость!

— Выпьем, господин майор, — Даниэль наполнил рюмки, а майору налил водку в бокал, спросил: — может, господин майор желает коньяк?

— Сойдет водка! — махнул рукой американец. — От водки по утрам меньше трещит башка! Ваше здоровье, господа! Нюхом чувствую, что вы свои парни! С такими можно пить каждый день и не соскучиться!

...Жерар танцевал с Николь. Он наклонил голову совсем близко к ее лицу, горячий шепот обжигал ее:

— Николь... Помните, я пригласил вас путешествовать?

— Да, конечно...

— Вас тогда очень рассмешило мое предложение. Но то, что я сейчас предложу вам, рассмешит еще больше. Николь, станьте моей женой!

— Что вы?! — испугалась она и даже отстранилась от Жерара, и она увидела его потемневшие, печальные глаза.

— Я понимаю, это очень смешно, но, поверьте... что я говорю очень серьезно. Я далеко не мальчик и немало повидал в этой проклятой жизни, чтобы бросать на ветер такие слова... Николь!

— Что, Жерар?

— Мы поедем во Францию! Неужели вам не осточертело в этой Вене? Каждый день слышать эту речь! На которой на вас орали охранники в концлагере, Николь! Я надежный человек и не подведу вас. Можете спросить моих друзей. Они понимают толк в людях. Николь! — он зарылся лицом в ее волосы, целовал их, шептал: — Николь... Николь...

И он не видел, как у девушки дрожали губы, как глаза наполнялись слезами. Она отстранилась от него, проговорила, едва не плача:

— Мы не сможем быть счастливы, Жерар... Никогда не сможем...

— Почему, черт возьми?

— Потому что... меня в лагере... меня ... стерилизовали...

— Что-о?! — Жерар остановился, будто его ударили, смотрел на девушку. Она опустила глаза и уже говорила равнодушно и обреченно:

— Они проводили опыты... и меня... и я... — она кусала губы, чтобы не разрыдаться, спрятала лицо у него на груди.

Жерар обнял ее трясущиеся плечи, щека у него начала нервно подергиваться. Он стиснул зубы, медленно цедил слова:

— Сучьи выродки... они опять меня обокрали... Не-ет, жалкие подонки, на этот раз вы просчитались... мы поедем во Францию, Николь. Мы будем путешествовать... Мы будем жить! Пусть они все подохнут от зависти... Ты слышишь меня, Николь?

Вахтанг толкнул Владимира и глазами показал на Жерара и Николь. Они стояли посреди зала, недалеко от эстрады, и девушка рыдала, уткнувшись лицом Жерару в грудь. Томно и протяжно продолжала петь певица, вытягивая шею к микрофону, танцующие пары обходили Жерара и Николь.

— Уильям! — чопорной даме, наконец, надоело сидеть одной и она протяжным голосом позвала своего спутника. — Уильям!

— Что тебе, ящерица? — американец смотрел на нее с ненавистью. — Неужели все немки такие ящерицы? Подохнуть с тоски можно! Давайте еще выпьем, господа! — он пытался налить из бутылки в фужер, но никак не мог попасть горлышком, и водка лилась на крахмальную скатерть.

— Как же доберетесь домой, дружище? — спросил Даниэль, отбирая у американца бутылку и наливая водку в фужер. — Где вы живете?

— Пока в казармах у аэродрома... — американец еле ворочал языком. — Я всего восьмой день в Вене... как начал пить, так не могу протрезветь до сих пор, черт меня подери!

— Ничего, дружище, мы отвезем вас прямо в казармы. У нас машина.

Даниэль улыбался, а глаза тревожно косились в сторону Жерара и Николь. Он видел, что они вновь танцуют. Выражения лиц были напряженные, застывшие.

— Вы поняли, о чем мы говорили? — вполголоса спросил Даниэль Владимира и Вахтанга.

— Ничего не поняли... что-то про самолеты... — ответил Владимир.

— На аэродроме под Веной стоят новые американские самолеты. С реактивными двигателями. Это то, что мы делали в подземном заводе у немцев. Он прилетел обучать английских летчиков летать на этих новых машинах... Понимаете?

— Ну и что? — не понимал Владимир. И Вахтанг смотрел вопросительно.

— Если мы украдем такой самолет и сядем где-нибудь в Варшаве или Берлине, а? Ведь русским, наверное, до зарезу нужен такой самолет, а?

— Теперь я понимаю... — раздумчиво проговорил Вахтанг.

— А что? С таким подарком простят и тебя и меня, — Владимир сжал кулак, — дело придумал Даниэль, стоящее дело...

— Это наш последний шанс... — сказал Даниэль, — только так все сможем вернуться на родину.

— А как же он? — Вахтанг кивнул в сторону Жерара и Николь.

Даниэль и Владимир тоже некоторое время смотрели на них. Жерар вновь улыбнулся, что-то рассказывая девушке, и она смотрела на него всё еще заплаканными глазами. Но вот слабая улыбка тронула ее губы, в глазах загорелись искорки доверия и надежды.

— Не будем ему мешать, — сказал Даниэль, — он и так слишком много нянчился с нами.

Чопорная дама в широкополой шляпе подошла к столу, окинула сидящих возмущенным взором. Она потрепала майора по плечу, но тот мертвецки спал, уронив голову на стол.

— Простите, фройлен, сейчас мы вам поможем, — Владимир поднял майора под руки, повел к столу, заботливо усадил, — пождите, фройлен, скоро мы поедем домой и сможем отвезти вашего спутника.

— Очень нужно возиться с этой пьяной свиньей! — подбородок у дамы оскорбленно задрожал, руки нервно теребили черную лакированную сумочку.

— Что-о! — майор неожиданно проснулся. — Ах, ты ведьма австрийская! А ну, вон отсюда! Стрелять буду! — он так рассвирепел, что схватился за кобуру. — Во-он!

Дама в страхе попятилась от стола, быстро пошла через залу. Владимир давился от смеха, успокаивая майора по-немецки:

— Ничего, господин майор. Не стоит так переживать. В Вене навалом женщин.

— Ты кто? — выпучил на него глаза американец.

— Я тоже поляк, господин майор, только не говорю по-английски.

— А-а, черт, ничего не понимаю! Давай лучше выпьем! Официант!

Жерар и Николь подошли к столу. Девушка увидела вместо роз гвоздики, смущенно улыбнулась:

— Неужели это опять мне?

— Вам, мадемуазель, — раскланялся Даниэль.

— Мы должны сообщить нечто важное, — с каменным выражением сказал Жерар, — позови, пожалуйста, Володю.

Даниэль помахал Владимиру рукой, и тот, оставив американца, подошел к столу. Майор вновь заснул, уронив голову на стол.

— Мы с Николь решили пожениться, — торжественно сообщил Жерар.

— Поздравляем вас, Николь. Поверьте, мы счастливы не меньше, чем Жерар, — сказал Даниэль.

— Теперь я за тебя спокоен, Жерар, — сказал Владимир.

— Дружище, ты позволишь пригласить твою невесту на танец, — сказал Вахтанг, — только один раз.

— Если только один раз, — Жерар сел за стол и смотрел, как Вахтанг повел Николь в центр зала. Зазвучала музыка.

— О чем вы шептались? — спросил Жерар, прикуривая сигарету.

— Мы решили уезжать на родину, Жерар, — твердо ответил Владимир.

— Каким образом? — бесстрастно спросил Жерар, затягиваясь.

— Ты видишь того летчика американца?

— Эту пьяную рожу? Вижу, конечно.

— Он приехал обучать англичан летать на новых самолетах с реактивными двигателями...

— Вам нравится ваш друг? — спросила Николь Вахтанга.

— У друга нельзя спрашивать про друга, — улыбнулся Вахтанг.

— Извините... я не то хотела спросить, — смутилась Николь.

— Но я могу ответить... Наш друг — самый лучший человек на свете. Я счастлив, что судьба свела меня с ним...

— Как же вы украдете этот самолет? — спрашивал Жерар, недоверчиво глядя на Даниэля. — Опять убивать?

— Пока не знаем... Но мы придумаем... обязательно придумаем...

Все трое долго молчали, потом Жерар сказал:

— У меня два условия. Только на этих условиях я вас отпущу.

— Какие? — спросил Владимир.

— Я буду участвовать в этом деле. И второе: моя невеста об этом деле не должна ничего знать. Я увижу, как вы улетите и мы спокойно поедem во Францию. Идет?

— Идет, — подумав, ответил Даниэль.

— По рукам, — сказал Владимир.

— Я знал, что мы всегда договоримся, — грустно улыбнулся Жерар.

— Кто знает, мы когда-нибудь свидимся еще? — спросил Даниэль.

— Может, и свидимся... — задумчиво проговорил Жерар и вдруг улыбнулся. — А все же хорошо, черт возьми, что мы приехали в этот занюханый городишко!

...Они довели пьяного майора до самой ограды аэродрома, и Даниэль сдал его с рук на руки американским солдатам.

— О'кей, ребята, — говорил Даниэль, — майор немного перебрал. С кем не бывает!

— Благодарю вас, сэр! — козырнул Даниэлю рослый сержант в белой каске.

...Владимир и Вахтанг тем временем сидели в машине, оглядывали сквозь проволочную ограду аэродром.

— Вон самолеты стоят, видишь? — спрашивал Владимир.

— Вижу... вон те, со скошенными крыльями... Да, такие мы делали в подземном заводе... — отвечал Вахтанг.

— А вон смотри — цистерны с горючим... — говорил, раздумывая, Владимир. — В самом конце аэродрома... рядом шеренга “дугласов” и еще каких-то машин. Видишь?

— Вижу... — кивнул Вахтанг. — И как же мы прорвемся на аэродром?

— Я всё придумал! — Владимир хлопнул его по плечу. — Встретимся с Жераром и все обсудим! Надо только раздобыть бикфордов шнур и толовые шашки... или какую-нибудь другую взрывчатку... Жерар достанет, Жерар всё может!

В это время к машине подходил Даниэль...

...На следующий день они встретились у пустыря на окраине города. Жерар подъехал на кофейного цвета “опель-адмирале”, затормозил рядом с черным “мерседесом”.

— Привет, сукины дети! — он выглянул из кабины.

— Привет, жених! — разом отозвались Владимир, Вахтанг и Даниэль.

Николь приветственно помахала им рукой.

— Где взял такую шикарную машину? — спросил Владимир.

— Дали взаймы, — улыбнулся Жерар.

— Поехали? — спросил Даниэль.

Две машины вырвались на шоссе, на бешеной скорости помчались прочь от города. В это время года еще быстро и рано темнеет, и скоро шоссе окутала плотная темнота, только далеко били лучи света фар и рубиново сверкали красные подфарники.

Не доезжая аэродрома, они остановились. Владимир высунулся из окна, показал рукой:

— Объезд во-он там!

— Понял! — Жерар вылез из автомашины.

Владимир, Вахтанг и Даниэль тоже вышли. Они встретились на шоссе, некоторое время стояли неподвижно, потом по очереди обнялись друг с другом.

— Прощайте, сукины дети, — Жерар старался улыбаться, — Вахтанг, береги плечо и больше не подставляй себя под дурацкие пули.

— Прощай, Жерар...

— Не поминай лихом, дружище, — хлопнул его по плечу Владимир.

— У нас были неплохие каникулы после этой проклятой войны, — сказал Даниэль.

Жерар сел в машину. Владимир, Вахтанг и Даниэль махали руками. Николь послала им воздушный поцелуй.

Машина Жерара свернула на темную грунтовую дорогу. Некоторое время в темноте сверкали красные огни задних фонарей, затем машина растворилась в темноте.

Владимир, Даниэль и Вахтанг забрались в “мерседес”, ждали. Молчали. Курили. Скоро в кабине было полно дыма.

— Откройте окно, дышать нечем, — нервно сказал Даниэль, — сейчас он должен подъехать с той стороны...

...Жерар остановил машину, посмотрел в сторону аэродрома. Видны редкие огни на взлетной полосе, тусклые прожекторы на охранных вышках. Жерар сунул в карман пиджака кусачки, сказал Николь:

— Жди меня здесь. И никуда ни шагу.

— Что ты хочешь делать, Жерар? — С тревогой спросила Николь.

— Хочу посмотреть, как они будут взлетать, — ответил Жерар и не спеша направился к ограде аэродрома.

Когда до ограды осталось метров двадцать, Жерар лег и пополз по мокрой от росы траве. Вот и ограда. Жерар неторопливыми точными движениями перекусил проволоку кусачками, раздвинул проволоку и осторожно пролез в отверстие. Пошел к огромным серебристым цистернам с горючим. Замер, прислушиваясь. Пополз дальше.

Возле крайней цистерны он остановился, вынул из внутреннего кармана пиджака две толстые шашки, моток бикфордова шнура. Связал шашки вместе со шнуром, расправил конец. Долго щелкал зажигалкой. Наконец появился слабый язычок пламени. Жерар поджег шнур и со всех ног побежал к ограде. Огонь, шипя и потрескивая, быстро двигался к шашкам.

Жерар упал на землю у ограды. Ждал...

...Даниэль, Владимир и Вахтанг тоже ждали, сидя в машине. И вот неожиданно яркий, сильный взрыв осветил ночной аэродром. Пыкнуло пламя. От взрыва, казалось, охнула и присела земля.

— Газ! — крикнул Даниэль, и Владимир выжал газ. "Мерседес" на скорости помчался к аэродрому.

Истошно завывла сирена. Солдаты охраны бежали к месту пожара. Раздался второй мощный взрыв. Это взорвалась еще одна цистерна. Пламя с новой силой взметнулось к черному небу. Лучи прожекторов на вышках развернулись в сторону горящих цистерн, шарили вокруг, и вдруг в круг ослепительного света попал Жерар. Он стоял и смотрел в сторону самолетов, стоящих на другом конце аэродрома. Загремела пулеметная очередь. Пули взорвали возле Жерара фонтанчики земли.

— Жерар! — пронзительно закричала Николь и выскочила из машины, побежала к аэродрому...

...“Мерседес” был уже почти напротив ворот.

— Газ! Газ! — кричал Даниэль, глядя вперед. Сзади сидел Вахтанг с пистолетом, выставленным в открытое окно.

Уворот охраны не было. Все солдаты убежали к месту пожара. “Мерседес” с ходу ударил в створки ворот, и они распались. Машина помчалась по полю к самолетам необычной конфигурации. Скошенные крылья. Под хвостовым оперением видно сопло турбины.

Владимир затормозил в нескольких метрах от крайнего самолета. Даниэль выскочил первым, быстро подкатил к пилотской кабине трап. Первым по трапу поднялся Владимир, за ним Даниэль. Они уже разместились в кабине, и только сейчас жуткая догадка пронзила обоих.

— Где же поместится Вахтанг? — спросил Даниэль, и они уставились друг на друга, и ужас охватил обоих — больше места в кабине не было. Ни сантиметра пространства. Она рассчитана только на двоих. Впритык!

А Вахтанг поднимался по трапу. На самом верху обернулся и увидел бушующее пламя страшного пожара, мчущиеся лучи прожекторов, услышал пулеметную и автоматную стрельбу. Вахтанг чуть улыбнулся:

— Молодец Жерар... какой прощальный фейерверк устроил... — он ухватился за край кабины, поднялся на последнюю ступеньку и столкнулся с глазами Даниэля и Владимира. Страшные глаза. Вахтанг оглядел и в секунду всё понял.

— Попробуй лечь на колени... — проговорил Владимир, — может, поместишься...

— Нет, не помещусь... — покачал головой Вахтанг...

...Жерар бежал к машине. На бегу отстреливался из пистолета. Человек десять-двенадцать американских солдат преследовали его. Вот у ограды Жерар столкнул-

ся с Николь, закричал с перекошенным от бешенства лицом:

— В машину! Быстро в машину!

— Что это, Жерар? — задыхаясь, спрашивала Николь.

— В машину!

Он схватил ее за руку и бегом потащил за собой. А солдаты все ближе и ближе. Лучи прожекторов опять “поймали” Жерара и Николь, и теперь из этого ослепительного круга не вырваться.

— Попробуй лечь на колени! — кричал Владимир, сидевший за штурвалом. — Попробуй, тебе говорят!

— Нет... — опять покачал головой Вахтанг, стоя на трапе. — Ноги не поместятся... И фонарь не закроется... Взлетайте быстрее, ребята...

— Садись вместо меня! Садись! — Даниэль силой хотел выбраться из кабины, но Вахтанг с силой усадил его обратно, придавил рукой к сиденью:

— Я сказал, взлетайте. Скорее. Бегут солдаты. Дай вам Бог счастья. Быстрее! — Вахтанг обернулся и увидел, что по полю к реактивным машинам бежали солдаты.

Загудел, задрожал самолет. Он дрожал пока на месте, из турбины вырывались пары отработанного горючего. Дрожал, позванивал, будто набирался сил для прыжка.

— Прощайте, ребята... — Вахтанг улыбнулся им и быстро спустился с трапа, откатил его в сторону.

Владимир плакал, ругался последними словами, но слов из-за рева турбин не было слышно и кому-то грозил кулаком. Потом он замотал головой и ткнулся лбом о штурвал. И плакал, плакал.

— Давай газ! — закричал Даниэль.

Самолет медленно тронулся, покатило все быстрее и быстрее, вырубивая на взлетную полосу...

...Жерар и Николь добежали до машины, освещенные кругом света от прожектора. Жерар рванул на себя ручку двери, но ручку заклинило, и дверь не открывалась.

— А-а, черт! — прорычал Жерар, кулаком разбил боковое стекло, открыл дверцу изнутри. И в это время прямо перед ним вырос из темноты американский солдат. Вскинул автомат, и загремела долгая очередь. Жерар только успел загородить собой Николь. Он обнял ее и каждый раз вздрагивал, когда пули впивались в его тело. Затем медленно сполз на землю, упал навзничь, раскинув руки. Но он был еще жив. Он смотрел в черное звездное небо и вдруг услышал пронзительный, звенящий гул турбины, а секундой позже глубокий мощный рокот взлетающего самолета. Страшно кричала Николь, упав ему на грудь. Растерянно смотрели на них подбежавшие американские солдаты.

— Жерар! Жерар! — кричала Николь, стучала кулаком ему в грудь.

Жерар увидел красные мигающие огни самолета, уходящего в небо. Слабая улыбка тронула губы француза...

...Вахтанг тоже смотрел, как взлетел самолет. Потом обернулся и пошел навстречу бегущим по полю солдатам. Загремели автоматные очереди, пули взрывали фонтанчики у его ног. Лучи прожекторов переметнулись от места пожара и теперь шарили по полю, пока не нашли Вахтанга. Он поднял руку и помахал ею, проговорил укоризненно:

— Слушай, зачем стрелять, а? Все равно ведь улетели...

В ту же секунду первые пули впились в него, но он все еще шел. Улыбнулся. Еще раз помахал рукой:

— Слушай, не надо... Иду же я к вам... иду...

Но автоматы продолжали стрелять, и вот еще, и еще одна пуля попадает в грудь, ноги... Вахтанг медленно упал

на колени, а потом на спину. И глаза смотрели в черное, звездное небо...

И в ту предсмертную секунду он опять увидел Родину... город в котловане, засыпанный огнями... а потом утро... Кура в туманной дымке и далекий монастырь на горной круче... Древний, могучий монастырь...

<1 — 5 января 1979 года, ред. 1989 года>

Леонид Мончинский
Владимир Высоцкий

ЧЕРНАЯ СВЕЧА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

“ПОБЕГ”

4/17/1917
ПАВШИМ В БОРЬБЕ
ЗА ЦЕЛИ РАБОЧЕГО
КЛАССА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Не затевайте мятежей в понедельник, тем более в Иудин день — худая примета.

Бывший майор Рысаков — разведчик по специальности, баламут по призванию — оказался атеистом в первом поколении. Свежим, до крайности убежденным, как все, что не успевает созреть, и потому считает себя вправе презирать Истинное. Хотя Господь поберег его на фронтах в ситуациях, которые имеют одно название — чудо, майор с той милостью не посчитался. В нем всегда жила опасная потребность к решительным действиям. Таким людям власть и оружие можно доверять только во время войны. Иначе жди революции или еще чего-нибудь неприятного...

Рысаков сказал, будучи уверен — слушают все:

— Через час корабль войдет в нейтральные воды, через два часа начинаем операцию по захвату судна.

Напряженно повернул голову в угол, где шла азартная игра в очко, спросил (вопрос тоже получился напряженным, не сумел скрыть):

— Воры, вы с нами?

Поначалу воры промолчали. Никто внешне не щекотнулся, игра шла своим чередом. Лишь когда сонный, вяловатый с виду Фаэтон, авторитетный каторжанин из честных блатюков, снял банк, то он же и ответил на острый вопрос бунтаря:

— Растолкуй темному человеку, хлопец, сколько там нашего? Охрана может хипшинуться раньше?

— Не исключено. Фокус рисковый. Или не привык рисковать?

— Делайте свою революцию, мужики, и Бог вам на встречу.

Вор с трудом подавил глубокий зев, продолжил, не поднимая на майора шелковисто-мирных глаз:

— Мы будем дожидаться неизбежного конца преступного мира, который ему завещал товарищ Ленин. Верно, Блоха? Как на бану: сидишь и ждешь. Глянул — нет ментов, по-шустрому вертанул у лоха уголок с барахлишком, раскоцал у богатенькой мадам гробик с мехами и снова сидишь смиренно, ждешь, когда тебя повяжут представители законной власти. Ладом тусуй, падлюка, знаем мы ваши столичные зихера!

Бывший майор Рысаков понял вора так: кроит жулик, ему надо посоветоваться с остальной блататой.

— В других отсеках ждут нашего сигнала, — продолжил он почти командирским тоном.

Но тут вмешался Кньш, притусовавшийся к воровской компании на последней пересылке. Косоглазый сказал:

— Вблудную тащишь мужиков, фраер. Вам тут не прокнает.

— Глохни, мерзавец бздливый! — со злостью выдохнул майор, уже готовый пустить в ход кулаки.— Кто еще отказывается участвовать в операции? Говорите сейчас, потом будет поздно. Потом будет бой!

Заключенные молча смотрели на майора, точно не веря, что все это может с ними случиться, а бескровные губы сомкнулись плотными швами. Тут же среди воров произошла короткая тусовка. Подогретый Блохой Кньш дернул из-за голенища нож:

— За оскорбление, пидор, придется ответить!

— Ша! — придержал его за руку Фаэтон, заподозривший в ситуации что-то неладное.— У них свой блат, Петя, пусть вас не влекут сторонние соблазны. Сдавайте.

— Да он же — во! — Кньш саданул три раза по вентиляционной трубе рукояткой ножа.— Девять пулеметов на палубе. Всех, как траву, покосят. Сука беспогонная!

И еще раз стукнул по трубе наборной рукояткой финки.

— Пошто психуешь? — спросил Кньша седой крепкий сибиряк из нечаянных убийц.— Святое дело затевается. Ежели менжуешься,— отойди.

— Ну, блин! Разбазарилось фраерское отродье! Фаэтон, дай я его заделаю!

— Оно вам надо, Петя? — подражая Фаэтону спросил Блоха и криво улыбнулся нечаянному убийце.— Не буди в нем зверя, фуцан!

Фаэтон задумчиво оглядел обоих и поначалу только пошмыгал носом, но потом сказал:

— Базар окончен,— и словно не замечая обнаженного ножа в руке Кньша, похлопал его по щеке колодой карт.— Вы, Петро, и вправду пантовитый. А фраер нынче дерзкий пошел: по запарке и грохнуть может. Не заслалит. Верно, Евлогий?

Нечаянный убийца промолчал, и в самом деле не больно испугавшись. Следящий за разговором бывший майор отвернулся от воров с подчеркнутым презрением. Обвел суровым взглядом зеков, после сказал:

— В каждом отсеке — наши люди. Их никто не остановит. Сейчас мы сделаем так. Вадим!

Из плотного строя каторжан вышел молодой парень с широким разворотом плеч и слегка прищуренными каштановыми глазами.

— Встань сюда, Евлогий, — Рысаков указал нечаянному убийце на место, где он должен встать, — Вадим поднимется тебе на плечи, чтоб вас не было видно. Когда откроется люк и будут подавать баланду, он прыгнет на заднего конвоира, что с автоматом.

— Там еще мусор. Успеет выстрелить...

— Не успеет, — у парня с каштановыми глазами был мягкий, но уверенный голос. — Я того тресну. В крайнем случае, рискую один.

Воры прекратили игру, с нескрываемым интересом поглядывая на репетицию бунта, как взрослые смотрят на забавы способных пацанов.

— Нас будут кончать вместе с фраерами, — вздохнул ростовский фармазонщик Лимон. — Они затеваются на полный серьез...

— Да-а-а, тут, пожалуй, не отмазаться. Послушай, майор, — окликнул Рысакова вор, — можем войти в долю и предложить вашему бойцу поделщика.

Рысаков вопросительно глянул на Фаэтона, пытаясь скрыть обиду.

— А чо?! — Фаэтон был миролюбиво вежлив. — Мусора сытые, могут оказать сопротивление. Что тогда? Наш хлопец тоже не пальцем деланный. Они их приберут без хлопот. Остальные повалят следом. Только веревку привязать надо вдоль трапа.

— Ее у нас нет,— процедил сквозь зубы уловивший выгоду майор.

— Блоха, у вас была веревка. Отдайте канатик революционерам. Вы что сквасились? У вас лица красивше нет?! А ну, распахните гнидник!

Беленький, похожий на херувимчика воришка провел рукой по розовой щеке, застенчиво отвернулся.

— Я же вам ее в прошлый раз засадил, Савелий Станиславович,— плаксиво пролепетал он.— Под расчет могу пожертвовать на нужды революции.

— Не заставляйте людей ждать: на дело идут! Тля крученая!

Блоха распахнул телогрейку, вытащил из штанов моток крепкой веревки.

— Нугде ваш человек? — уже совсем по-деловому спросил майор.

— Вершок! Двигай сюда, сынок,— позвал кого-то вор.— Покажешь фраерам, как это делается. Кньш, отдайте ему приправу.

Косоглазый вор чуть поколебался, но все-таки вынул из-за голенища финку и протянул ее молодому цыгану, у которого она тут же исчезла в рукаве атласной рубахи.

Тяжелая волна ударила в борт. Корабль вздрогнул всем корпусом.

— Меняет курс,— сказал парень с каштановыми глазами.

— Почем знаешь? — спросил, сверкнув фиксой, Вершок.

— Знаю,— односложно, не взглянув на цыгана, ответил Вадим.— Через полчаса будем в нейтральных водах.

— А когда — в Японии? — хихикнул и даже покраснел Блоха.

— Хватит зубоскалить,— осадил его мрачный и решительный Рысаков,— иначе прежде попадешь в парашу! Запомните все: кто менжанется — лично грохну!

— Ну, это не по-советски, гражданин майор,— Блоха язвительно, без тени страха смотрел на Рысакова, не прекращая ерничать.— Че я — кулак али троцкист какойнибудь?! Я честный вор...

— Стоп! У меня сильно не заблатуешь. Идешь с нами или...

— Какое может быть “или”?! Тебе же русским языком сказано, рог тупой, мы — в деле!

Майор нервно облизал губы и шагнул к Блохе. Он был до крайности взведен, а вор не собирался уступать. В это время в вентиляционной трубе послышался скрежет. Все, как по команде, повернули головы, даже Рысаков. Прошла минута, может, две — из отверстия высунулся гофрированный шланг.

— Дачку кум послал,— ухмыльнулся собравшийся поддержать Блоху Лимон,— пользуйтесь, фраера!

Никто не откликнулся. Зэки застыли в прежних позах. Звякнул и слегка приподнялся верхний люк, через который подавали баланду.

— Предупреждаю! — голос полковника Намина звучал с металлической твердостью.— Предупреждаю! Всякая попытка бунта будет задавлена паром. Обед отменяется! Зачинщики будут строго наказаны!

У-у-у! — протяжно взвыла сирена. Люк захлопнулся и вой потерял свою противную силу.

Все недавнее напряженно-взрывчатое состояние медленно оседало в каждом зэке, и только Рысаков не желал смириться. Майор сжал кулаки до хруста, не замечая того, что на него смотрят, выплеснул на лицо гримасу отчаяния. Затем поднял кулаки к голове, плотно прижал к вискам.

— Отблаговал пивень! — беспощадно улыбался холодной улыбкой Блоха. — Кинули вас через плешь! Это тебе не в войну играть.

— Повешу тебе серьгу на хлебальник, если не заткнешься! — неожиданно сурово предупредил своего дружка Фаэтон и сел на корточки, не спуская с Кньша внимательных глаз. — Ты помнишь, Петя, на Озерлаге был Кешка Колотый?

— Из воров? — спросил Кньш, скорчив задумчивое лицо, но оно получилось слишком напряженным. — Не тот, который Ужа кончал?

— Ну-ну! — подыграл Савелий Станиславович. — Помнишь?

— Я с ним кушал. В крытый вместе уходили. Он там хвост и откинул.

Фаэтон, потеряв вдруг всякий интерес к Кньшу, резко повернул голову вправо и спросил потрясенного Рысакова:

— Хочешь знать, кто вложил побег? Вас вложили, майор! Че тут гадать, когда оно было у них закуплено еще на материке?!

Рысаков недоверчиво вглядывался в говорящего, точно что-то припоминая. Трагичность пережитого сменялась другими чувствами. Он убрал от висков сжатые кулаки и сказал с усмешкой:

— Рабы играют только в предательство. Ну что ж, да здравствует великий творец общества негодяев товарищ Сталин!

— Гонит, — подмигнул Фаэтону несколько притихший Кньш и, вытянув ноги, привалился спиной к мешкам. — Надо было его раньше зарезать, чтоб не мучился...

Кньш улыбнулся и прикрыл глаза.

Зэки начали отходить от Рысакова, озадаченные странными словами Фаэтона, предпочитая не крутиться около человека, которого вложил с потрохами кто-то из

них. Майор продолжал стоять, с болезненным любопытством наблюдая за дремлющим Кньшом. Казалось, он лелеял и взбадривал в себе какое-то порочное желание, старательно пряча его под видимым спокойствием. Перемена произошла очень гладко, так что наблюдавший за ним Вадим ничего особенного не заметил. Но вот Рысаков напрягся — это была уже машина, готовая разрушиться. Следом, оттолкнувшись от дрожащего пола отсека, майор упал вперед. Правая рука его вытянулась, а два жестко расставленных пальца провалились в глазницы Кньша. Чвак! — откликнулась на удар хлопающая беспощадность лопнувших глаз и выплеснулась кровавой пеной на щеки. Стесненный невыносимой болью крик напомнил глубокий стон смертельно раненого зверя. Рысаков выдернул пальцы из черепа, и они, поврежденные в суставах, начали пухнуть.

Многие из присутствующих ничего не поняли, но души их успели сжаться от поступившего ниоткуда сигнала: смерть!

Тянулось время, подрагивая вместе с корпусом судна, которое тащило в своем железном чреве несколько тысяч сваленных в кучу заключенных.

“Феликс Дзержинский” шел на Колыму. Обычный рейс, обычный груз. Кого-то только что убили. Эка невидаль! Все когда-нибудь умрет, все когда-нибудь развалится. Мир условен и срабатывают в нем только условности. Впрочем, может быть и сложнее: каждому нашим поступком правит сила, в нем заинтересованная..

— Ты убил вора! — с мрачной торжественностью произнес, решительно приподнимаясь, Лимон.

Это было похоже на приговор. И это стало приговором.

Бывший майор нянчил сломанные пальцы. Он обернулся, чтобы ответить Лимону, но проглядел цыганенка. Вершок нырнул под правую руку Рысакова и тут же вы-

прямился, натянулись от напряжения жилы на тонкой шее.

— А-а-а!

— А-а-а!

Переплелись их голоса. Еще живой майор почти поймал цыганенка за глотку, успел вымазать ее кровью убитого Кньша. Большого не случилось.

— Пусть... — прохрипел Рысаков, оседая перед убийцей на колени. — Пусть.

Слово застревало в его угасающем сознании, он повторил его еще раз уже окончательно утомленным голосом:

— Пусть...

— Товарищи, — прошептал бывший кадровый партработник Житов, обводя зэков перепуганным взглядом, — что ж это происходит?

Ему никто не ответил. Вершок наклонился, пытается выдернуть оставленную под сердцем майора финку, и тогда Евлогий пинком отбросил его от умирающего.

— Сгинь, паршивец!

— И то верно! — поддержал Евлогия бородастый мужик из семейских староверов. — Тебе, нехристю, уши надрать надо али сжечь. Че ж мы смотрим-то, мужики?!

Очнувшиеся от происшедшего зэки загудели, начали подниматься, и воры уже стояли жидкой цепочкой, обнажив ножи, зная их сомнут, если все так покатится дальше. Один Фаэтон, казалось, безучастно наблюдал за происходящим. Но потом и он сказал:

— Зря убил майора, сынок. Майор кончал Кньша...

— Кончал вора, Фаэтон! — поправил его Мотылек.

— Ты глупее, чем я думал, — сокрушенно развел рука-ми Фаэтон. — Их побег вложил Петюнчик...

— Чо буровишь?! Из ума выжил! Он — вор. Я с ним из одной чашки кушал.

— Лучше бы ты съел эту пропастину! — не на шутку рассердился Фазтон. — Придется все объяснить сходке. А ты, мора, ответишь перед мужиками сам.

И уже никто не рискнул с ним спорить. Евлогий поднял с пола веревку, ту самую, что подарил для побега застенчивый Блоха, шагнул к оцетинившемуся было цыганенку. Так они стояли совсем недолго. Когда к Евлогию подошел бледный Житов, Вершок опустил руки.

— Вешать будете? — чуть слышно спросил он.

— Так уж уьем, конечно! — подтвердил Житов.

— Не надо душить, Евлогий. Не надо. Вор.... вор должен от ножа умереть.

— Законы знаешь, а совести не имеешь. Подключая порода!

Но просьбе вял: наклонился еще раз, выдернул из затихшего майора финку.

Вершок перекрестился. Дрожащие губы его сомкнулись, спрятав золотой зуб. Он стоял понурясь, опустив в пол глаза.

— Евлогий, — позвал нечаянного убийцу мягкий голос Вадима, — эта смерть никому не нужна.

Сибиряк искоса взглянул на парня, вытер о засаленную рубаху цыганенка лезвие ножа.

— Он получит свое. За хорошего человека.

Вадим поймал руку Евлогия уже на взмахе. Остановил, хотя было видно — это стоило ему большого труда.

— Ты за кого мазу держишь, гандон штопаный? — ошалело прошипел нечаянный убийца. — Он же...

— Эта смерть лишняя, — перебил его, ничуть не испугавшись свирепой рожки, Вадим. И повторил: — Понимаешь, лишняя. Она уже никого не спасет..

— Да чо ты дрочишься, Евлогий, ширяй и этого козла! — крикнул охочий до кровавых зрелищ педераст по кличке Пакентошеный.

— Дырявые на разберушках помалкивают,— глухо урезонил оравшего мрачный Лимон.— Вам только волю дай...

Евлогий толкнул Вадима, и тот откинулся на плотную стену окруживших их зэков. Затем он выкинул номер, который никто не успел разгадать: вскинул вверх руки, как бы раскрылся для удара. Увидев эту испуганную позу, нечаянный убийца опешил. Его короткого замешательства хватило Вадиму для того, чтобы нанести от виска четкий и хлесткий кросс, от которого Евлогий доской опрокинулся на заплеванный пол.

Вадим носком сапога отбросил нож в сторону, но когда за ним наклонился шустрый цыганенок, прижал наборную рукоятку подошвой.

— Пошел отсюда, гнида!

Поднял нож, сунул за голенище и еще раз с презрением посмотрел на Вершка.

— Строгий фраер,— покачал головой Блоха,— с таким лучше со спины базарить. Как он его треснул, легавый буду!

— Поинтересуйся за баклана,— Фаэтон сделал жест рукой, приглашающий Блоху сесть напротив,— может, спецом сюда кинули. Понял? Играем ваши кони?

— Воры босиком не ходят,— закокетничал форточник, стрекоча ожившей в его руках колодой.

— Тогда вынайте портсигар, что вы слямзили у Колумба. Нет, вы гляньте: эта сука собирается к нам вернуться. Хвост по-людски откинуть не может.

По телу умирающего пробежала судорога. Ноги скрючились, словно Кньш собирался сесть. Лимон даже посторонился. Но судорога вскорости прекратилась. Зэк вытянулся, еще потянулся, потом замер, будто прислушиваясь к приближению собственного конца. Что-то в нем ослабло, и он выдохнул остаток жизни, устранив все сомнения по поводу своей смерти...

— Ты точно знаешь, что Петя курванулся, или, может, подкеросинили революционные фраера? У них же за душой ничего святого, кого хошь грязью оболють.

Фазтон сквасил лицо, крякнул и сказал, держа перед собой собранные в щепоть пальцы:

— Если бы Петюнчик постучал пиковиной не по трубе, а по твоей башке, ты бы все понял.

— А!..— Блоха даже подскочил.— Ну крученьй!.. Так он, значит, еще на пересылке сбледнул... Помнишь, его кум дергал из хаты на допрос? Вернулся, колбасой от него пахло...

— Кньш прокололся раньше. Ты наш базар за Озерлаг усек? Там же одни политики и блядва, вроде этого шпидагуза. Кеша Колотый вломил сходку в Златоусте, слинял туда. Того же поля ягодка.

— Получается, майор казнил подлеца справедливо? Поспешил Вершок... С другой стороны: они могли выпустить нас на палубу и там из пулеметов... А?

— Никак вы думать начали, гражданин Блоха?! Казните ваш бой! Мимо денег. Дайте сюда портсигар. Что еще играетя?

В дальнем углу поднялся мужик с перебитым носом и большими оттопыренными ушами:

— Копченьй, черпни воды, зверек просит.

— Может, ему еще водки захочетя! Куда бежать прикажешь?!

— Не шуми. Отходит человек...

— Разбаловались уголовнички,— ворчит черный, как головешка, зэк,— умереть втихаря не могут. Воды ему, видишь ли, подай!

Зачерпнул из деревянной бочки консервной банкой воду, и банка пошла по рукам. Приняв ее, ушастый сказал:

— Все. Не дождался... помер.

Покачал головой и не торопясь выпил мутную солоноватую жидкость. После плюнул.

— Ссаки. Хорошо Тофик пить не стал, а то б отравился...

2

“Феликс Дзержинский” пришвартовался в порту назначения утром. Открылись люки, холодный морской воздух ворвался в трюмы корабля. Вадим видел, как в проеме появилось бордовое лицо.

— Трупы есть? — спросило оно в утвердительной форме.

— Четыре, гражданин начальник! — бодро доложил Житов.

— Пять, — поправил бывшего партработника ушастый мужик с перебитым носом. — Брательник того зверька тоже помер. Как сговорились..

— Подавать по одному! — последовала команда.

В люк спустили рваный брезент с привязанными по углам канатами.

— Петюнчика — первого, — по-деловому распорядился Фаэтон. — Они стесняться не станут, ежели ихний.

Труп приняли. Опять наклонилось бордовое лицо старшины, заслонив кусок серого, хмурого неба.

— Кто кончал Кньша, выходит первым.

— Он тоже трупом заделался, гражданин начальник.

— Давай эту суку наверх!

Фаэтон ласково улыбнулся, весьма уважительно к себе расположенный:

— Все в масть, граждане фраера. Ворик-то был с гнильцой.

Подняли трупы, спустили трап. С палубы заключенные, сомкнув за спиной руки, тонкой цепочкой, соблюдая

дистанцию, спускались на пирс, где стояли, подняв воротники бушлатов, автоматчики. Овчарки сидели у ног проводников, готовые выполнить любую команду.

— Шестьсот сорок второй! — кричал у конца трапа молодой подтянутый сержант, рисуя номера на спинах заключенных.

“Я буду шестьсот шестьдесят девятый”, — решил тот, кого звали Вадимом.

Взгляд его остановился на подъехавшем к краю пирса американском “додже”. Из машины вышел водитель и открыл дверцу перед заспанным или просто неухоженным полковником. Тот небрежно махнул рукой вытянувшегося перед ним пожилому капитану, медленно зашагал вдоль этапа, не скрывая брезгливого выражения лица.

“В плохом настроении”, — эск проводил грузную фигуру полковника и тут же вернул взгляд к машине. Он понял, почему это сделал, когда увидел оставленный в замке ключ зажигания... С этой секунды заключенный Упоров не мог думать уже ни о чем другом.

“До машины — метров тридцать. Надо бежать вдоль строя, чтобы они не посмели стрелять. Ворота открыты. Куда ехать?!”

На обдумывание времени не оставалось.

— Шестьсот шестьдесят восьмой! Упоров Вадим Сергеевич.

“Странно, ошибся”. Он сделал вдох. Рука сержанта выводила последнюю цифру. “Пора!” Сержант ойкнул и согнулся от удара по колену. Три метра до ближайшего конвоира эск одолел одним прыжком. Левая ладонь отвела ствол автомата с каким-то убежденным спокойствием. Заключенный ударил не целясь. Головой снес того самого капитана, что минутой раньше тянулся перед неухоженным полковником.

“Я еще живой! Живой!” — повторял беглец, увернувшись от невесты откуда взявшегося человека в штатском. В тот момент он напоминал зверя, познавшего разницу между клеткой и свободой, и был готов отдать любую цену за каждый новый шаг к дверце “доджа”, понимая, что цена одна...

Громадный пес возник перед ним уже в прыжке. Упором скинул его с груди, но когда собака прыгнула вновь, припечатал кулак меж злобно-желтых глаз, вложив в него всю свою ярость. Овчарка упала, хватая вялой пастью воздух, вскочила, очумело сунулась в ноги бегущему конвоиру. Они свалились вместе...

Тра-та-та — прогремела над этапом пулеметная очередь.

— Ложись! — рявкнул капитан, выхватывая из кобуры пистолет.

Водитель “доджа” слишком поздно разгадал замысел бегльца. Он заслонил собой дверцу, однако удар по затылку бросил его лицом на бампер, и, откинутый той же рукой, он с воплем шмякнулся в лужу.

Машина вздрогнула, крутнулась почти на одном месте. Пожилой капитан спокойно поднял пистолет до уровня глаз. Сразу после выстрела беглец почувствовал, как перекосило “додж”. Он давил на газ. Следом прозвучал еще один выстрел, и машину кинуло к телеграфному столбу.

Зэк ударился о руль, но не почувствовал удара. Подумал: “Сейчас меня застрелят. Хорошо стреляет капитан...”

3

Это было странное, необъяснимое состояние: маета рождения мыслей. Они толклись у какого-то невидимого порога, напоминая словно не его собственной памятью —

лица, предметы, события. Чувствовал он себя как-то беззаботно, пусто, как бы не утвердившимся в разуме существом. Человек находился на грани разумного и того, что не имело названия.

Прежнее — далекое, пережитое состояние возвращалось к нему в облаке серого омрачения. Облако касалось просыпающегося сознания, оживляя сдержанной болью. Но оно никак не могло устояться; его вытеснял свет. Просто свет, где не было привычных мыслей о боли, а следовательно, и о теле. Он ни о чем не думал. Он жил другой жизнью, которую даже не мог оценить, временами лишь вяло догадываясь о каком-то внутреннем мире, обнаруженном им самим случайным образом.

Тот, кто отмерял ему земное, вдруг изменил замысел, позволив лишь потоптаться на пороге будущего, и снова вернул в свое законное время. Тогда-то и появилась боль, приятный безначальный свет удалился и удалилась легкость в том святящемся сознании. Да, оно было заполнено светом, как праздник в детстве, когда еще не знаешь, что такое настоящая жизнь...

Все началось с нового познания себя, и он поначалу испытал отвращение к будущим страданиям, даже вроде бы хотел попроситься назад. Но двери закрылись, боль проявилась неожиданно, стянув к себе слабые еще мысли.

Постепенно человек ощутил вкус собственной крови на засохших губах, а слух его уловил чью-то едва узнаваемую по смыслу речь:

— Дышит, товарищ старшина, ей-богу, дышит!

Звук — прикосновение сумерек к коже: почти неощутимый.

— Не шуткуй, Степан. Таки хлопцы старались!

— А я... рю ч... он ...ит.

Кто-то выкусывает кусочки из первого голоса и вместе с ними сглатывает смысл сказанного.

— Да перестань! Пошли, покурим.

— Живой! — голос уже четкий, как близкий крик.

— Фэномен! Ни, ты тильки подумай: целый взвод дубасив, а вин живой! Бэс бэзрогий! Може, добьем, Стэпан? Я его вже и с довольствия зняв.

— Что вы, Григорий Федорович! Человек ведь!

— Який же то чоловик, колы он у замок попав?! Сюды, браток, чоловика не пошлють. Туточки содиржатся врагы народу. Цэй нумер 753. Усик?

— Так точно, товарищ старшина!

— Ну и молодец, сержант! Так може, добьем гада? Начальство тильки дякую скаже.

— Не могу, товарищ старшина. Как хотите — не могу!

— А ще комсомолец, поди! Як же ты Родину защищать будэш от врагов, Сидоренко?! Змолк. Тоди иды у канцелярию. Скажи — одыбал 753-тий. Нехай карточку восстанавливать.

— Слушаюсь, товарищ старшина!

— Ни, пидожды...

Старшина осторожно задумался, как о чем-то ему непонятном, по-детски закусив ноготь большого пальца.

— До завтраго потерпим. Глядишь — сдохнет. После такого нормальные преступники долго не живут... Ты, Сидоренко, сам себе працу ищешь. Иды, чого ждешь?

Сержант не послушался, остался стоять, с подозрением поглядывая на старшину.

— Та иды, не боись. Нужон он мени! Ладно, пишлы вмисте.

Шаги унесли ровный стук сапог, и он постепенно увяз в тиши длинного коридора. Заключенный попробовал вздохнуть глубже — не получилось. Воздух застрял в глотке тяжелым комом, причиняя боль. Она быстренько разбежалась по телу, отзываясь на каждое движение тупым уколом в мозг. Он вздохнул еще раз, крикнул и потерял сознание...

Шагов за дверью заключенный не слышал, пришел в себя, когда где-то у затылка звякнул ключ, сделал два скрипучих оборота и замер...

“Сейчас он войдет, чтобы убить меня. Не стоит об этом думать”.

Однако думает только об этом и говорит себе: “Трус. Это совсем не больно. Ну разве что еще разок потеряешь сознание. Зато потом...”

Двери подаются ржаво, но уверенно, двигая впереди себя застоявшийся воздух камеры, и старшина становится в тесном сознании зэка на первый план, отстранив даже боль. Вскоре, однако, ему делается не по себе вовсе не от присутствия старшины — это зэк принимает, как приговоренный признает необходимость палача, — а от того, что он видит приземистого человека в диагоналевой гимнастерке с двумя планками орденских колодок на груди... закрытыми глазами. Видит какой-то предмет в его правой руке, но важная деталь ускользает, потому что ему хочется крикнуть от своего открытия. И приходит мысль: “Кричать нельзя, потеряешь сознание. Тут-то он тебя этим предметом и по голове... Боишься? Значит, хочешь жить”.

Старшина переложил предмет в левую руку и перекрестился. Непонятно: то ли перед ударом, то ли совесть мучает? Это у старшины-то совесть?! Зэк начал волноваться, дышать стало совсем невыносимо.

Охранника смутил появившийся на щеках лежащего румянец. Он осторожно вытянул трубочкой губы, спросил полупшепотом:

— Слышь, 753-тый, одыбал, чи шо?

Заключенный напрягся, стараясь распахнуть глаза или что-нибудь произнести. Усилие стоило ему потери сознания...

Но раньше, чуть раньше, были шаги по коридору. Решив, что это судьба, старшина сунул в карман галифе молоток, закрыл за собой дверь камеры и почувствовал

себя спокойно, как человек, которого Бог не обделил ни разумом, ни совестью.

4

“Он меня не добил”, — подумал зэк, очнувшись, и сразу вспомнил последнее, что удержала память о побеге. Кажется, он поскользнулся или тот рыжий, с рыбьими глазами, ударил сапогом по пятке. Только и успел — вцепиться зубами ему в шинель, прежде чем на затылок обрушился приклад. Сознание еще оставалось: удар смягчила шапка. Следом перед глазами возник другой приклад, окованный белым металлом. Прямо в лоб! Скрип костей собственного черепа — последнее, что сохранила память..

Теперь боль сидела в самой середине костей, связывая его с внешним миром насильственной усталой связью. Он так и подумал: “Даже боль устала”. Дальше мысль не пошла, потому как открылся смотровой глазок и в камеру проник неясный свет. Затем что-то заслонило его, снова стало темно и прозвучал голос:

- Почему нет света, старшина?
- Не нужен он ему. Скоро преставится.
- Устав существует даже для мертвых. Откройте!

Темнота бесшумно распахнулась. На пороге камеры — трое в аккуратной воинской форме. Первым вошел гладко выбритый лейтенант с узким бледным лицом и запоминающимся выражением глубоко озабоченных глаз. Коверкотова гимнастерка перехвачена блестящим кожаным ремнем, широкие броджи чуть приспущены к собранным в гармошку хромовым сапогам. Щеголь. Сопровождающий его сержант на полголовы выше и держит широкое непроницаемое лицо чуть в наклон.

— Встать! — выныривает из-за них уже знакомый ээку старшина.

— Будет вам, Пидорко! — досадливо отмахнулся лейтенант. — Его сам Господь Бог не поднимет.

— Бога нет, — конфузливо шутит Пидорко, — а мы уси — от обезьяны.

— Вижу. — Лейтенант наклонился над ээком. — Вы меня слышите, 753-тий?

Заклученный слегка приподнял веки.

— Моя фамилия Казакевич. Я начальник этого блока. Прошу неукоснительно выполнять правила внутреннего распорядка. Письма писать запрещено, как и разговаривать с кем-либо, петь песни, читать вслух стихи, иметь при себе колющие, режущие предметы, веревки, ремни...

Заклученный закрыл глаза, подождал и едва заметно улыбнулся: он уже не видел с закрытыми глазами. Все было нормально.

— Чему вы улыбаетесь, 753-тий? Вам здесь нравится?

— Он без сознания, — сказал тот, кто сопровождал начальника блока.

— Зробым сознательным, — опять пошутил старшина Пидорко.

— Вы уж постарайтесь, Пидорко. Только не перестарайтесь. Знаю я вас.

Казакевич вышел из камеры, именуемой в профессиональном общении “сейфом”, продолжая думать о странной улыбке заклученного под номером 753. Тюрьма для особо опасных преступников включала в себя полторы тысячи одиночных камер-сейфов, сваренных из стальных листов, и была заполнена теми, кто уже не мог рассчитывать на обретение свободы или хотя бы изменение жизни.

Железный замок “Спящая красавица” каждый свой день заканчивал в полной тишине. Сумрак ночи неслышно вставал из-за пугающих неприступностью стен, зату-

шевывая незрелой темнотой далекие спины гор. Ветер, шаставший весь день по безлесой долине, прятался в ельник у ручья до следующего утра, временами поскуливая заблудившимся псом. Весь мир становился серо-синего цвета, а тюрьма — не сказка ли! — неожиданно вспыхивала хищным бдительным светом, напоминая огромный лайнер в пучине океана. Он манит и пугает, как праздник ночи и приют одиночества, где люди кожей пьют свои мучения, расплачиваясь по всем счетам за праздник и приют.

— 715-ый повесился!

Голос приходит из смотрового глазка:

— 753-тий еще живой!

— Тягучий, сука! Назло, поди, старается...

Через час в камеру вошел врач. Осмотрел заключенного, с некоторой растерянностью и непониманием почмокал губами:

— Пожалуй, он будет жить, Пидорко.

Тот с некоторым сожалением посмотрел на прыщавого доктора, почесал затылок:

— Та хай живэ, вражина! Сам толком определиться не може: чи жить ему, чи сдохнуть. В сомнениях, рога мет!

— Через неделю... Нет, через десять дней перевести на общий режим.

— Нам бумага нужна, товарищ доктор.

— Завтра напишу рапорт. Вы что курите, Пидорко?

— Махорку. Ее туберкулез, говорят, боится. Годится?

— Годится. Знаете, как в том анекдоте: при отсутствии кухарки, живем с дворником.

— Педераст, значит, у вас дворник.

Доктор вздохнул, принимая от старшины пачку махорки:

— Вы мудрец, Пидорко, большой мудрец.

— Да уж не глупей этого,— кивнул на зэка весьма довольный похвалой надзиратель.— Учerness мене говорить: “Душа вернулась”. Я аж взопрел: поверил дурагону... А он лежить и улыбається. Ну, сумасшедший, какой с него спрос...

5

Зэк попробовал подняться на следующий день после посещения доктора: очень захотелось есть. Чашка с баландой и пайка хлеба находились под дверью. В продолжение часа, а то и более, он осторожно спускался с нар, но в конце концов треснулся лицом о бетонный пол. Баланду он все же выпил, по-коровьи опустив в чашку потрескавшиеся губы, заглатывая вместе с кусками переваренной селедки стустки собственной крови из разбитого носа. Все делалось по-животному терпеливо, и язык плотно облегал каждый бугорок на дне чашки, когда он вылизывал предполагаемый жир.

Пайку заключенный взял в зубы, с ней пополз к нарам, чувствуя грань утомленного сознания и не переставая думать, что сейчас он снова начнет видеть сквозь закрытые веки. Зэк этого не хотел, он просто боялся страхом дикаря, увидевшего электрическую лампочку, предпочитая жить в земном, низменном измерении, без чудес и всяких других не осиленных мозгом потрясений.

“Надо жить своей жизнью, этой, которая есть”,— убеждал себя 753-тий, не замечая, как выпала изо рта пайка сухого хлеба. Тогда он наклонился и выкусил из нее маленький кусочек. Усилие оказалось лишним...

Открыв глаза, заключенный увидел перед собой яловый сапог.

— Яка ж людина настярна,— сокрушался где-то вверху старшина,— столь кровищи потеряв, абы нажраться.

Голос его уже не был тем вкрадчивым, приторно-сладким голоском, каким он обращался к нему в первое зна-

комство, и потому Упоров решил: старшина не пустит в ход молоток.

Пидорко с сержантом бросили его на нары. И сержант сказал:

— Здесь всегда селили каких-то ненормальных.

Пидорко по привычке насторожился, спросил с интересом, чтобы подзадорить сержанта:

— С чего ты узяв таку глупость?

— Ну как же! Помнишь того, за которого твой земля пострадал?

— Умничал много, вот как ты,— похолодел лицом и голосом Пидорко и, развернувшись, пошел по коридору, тверже чем всегда чеканя шаг.

— Да я же... Просто так я...— мямлил ему вслед растерявшийся сержант и даже плюнул с досады, услышав слабый стон очнувшегося зэка.— Пропади ты пропадом, козел!

...У Пидорко был повод обидеться. Полгода назад в этой камере содержался генерал НКВД. Большой, изнеженный столичной жизнью человек, с одним и тем же, отработанным на многочисленных допросах, властным выражением лица. Он даже плакал сурово, когда допрашивали его самого.

Старший надзиратель шестого блока старшина Коротич генерала боялся и потому сочувствовал. Однажды, засидевшись у своего преданного подручного Пидорко, он распахнул душу перед тем, кто был и тих и кроток, а еще послушен.

— Такого чоловика загубылы, мабудь, без вины! — Коротич вытер рот рукавом гимнастерки и продолжил:— Ты глянь, Григорый, який сановитый. Я к ему пидходить робею, а его... Ошибка произошла, самый настоящий произвол!

Пидорко по-уставному кивал головой, слушал внимательно, чтоб той же ночью изложить содержание совме-

стной пьянки на вырванном из школьной тетради дочери листке. Безграмотно, но с четкой мыслью: старший надзиратель усомнился...

Днем позже утративший бдительность Коротич валялся в ногах начальника тюрьмы Челебадзе, рассказывая ему свой послужной список:

— Двадцать рокив верою и правдою... Три раны от беглецов имею, две медали за боевое отличие.

— Какое, говоришь, отличие, дорогой? — не прекращая чистить ногти весело спрашивал полковник, сам вручавший награды старшине.

— Боевое, товарищ полковник!

— На фронте, значит, отличился?

— Ни! При задержании беглых злыдней. Усю банду политических — одним махом. Лично наводил.

— А знаешь ли ты, дорогой, где работаешь?

— Так точно! У турмэ особого назначения, для врагов народа.

— Что такое турма? — измывался, испытывая внутреннее удовольствие, кутила и бабник Челебадзе.

— Ну, как это говорится... — морщил лоб Коротич, — крепкий дом, где самы яры злыдни сидять.

— Не точно, дорогой, — улыбнулся старшине полковник, — очень даже приблизительно. Турма — место наказания и исправления особо опасных преступников. Как же ты будешь исправлять, Коротич, преступников, когда сам не веришь в их виновность?!

— Верю я! Ей-богу, верю! Дайте возможность исправиться!

— Дадим, — черные оливы полковничьих глаз сбросили ленивую поволоку. В них появился хищный блеск. — Мы не звери. Дадим тебе возможность.

Ухоженными руками полковник пошевелил папку с личным делом Коротича.

— С завтрашнего дня заступаешь на дежурство. Старайся. Вон преступники исправляются, и тебя исправим. Твой 571-ый вчера умер, когда узнал, что ты ему сала не принесешь. Это ж надо додуматься: врага народа салом кормить!

— Виноват, гражданин полковник!

— Ладно, я человек не злопамятный. Иди. Можешь поздравить Пидорко с повышением: теперь он — старший надзиратель. Достойный, преданный делу. Ты как думаешь?

— Так точно, товарищ полковник! Мой ученик.

— Товарищем гордишься? Это хорошо...

Выздоровливал 753-тый медленно, но через десять дней, как распорядился доктор, заключенного перевели на общий режим, и каждое утро он был обязан поднять нары, проводя время до отбоя на ногах. Видеть с закрытыми глазами Упоров перестал окончательно, страх тоже его покинул, и он старался не ворошить прошлого, только боль продолжала сопровождать каждое движение. Однажды он подумал: нет нужды жить в таком неловком состоянии, есть нужда его изменить. В общем, как получится. Даже если боль тебя доконает, это все же лучше, чем быть ничтожным и бессильным.

Первый момент новой жизни едва не стал последним. От резких движений внутри образовалось так много боли, что казалось, она имеет огромный вес и давит им на все органы сразу. Заключенный сделал паузу, а когда немного полегчало, продолжил приобщение к движению. Умирные болью помыслы не погоняли тело. Руки легко взлетели над головой и так же мягко опустились на бедра, легкие с хрипом втянули в себя пахнущий железом воздух. Движение повторялось до тех пор, пока не возникло головокружение и не было больше сил, чтобы бороться со слабостью.

Он поклялся себе, что не произнесет ни одного слова до того дня, пока не отожметя от пола сто раз.

— Сто! — повторил заключенный вслух для пущего самоутверждения и замолчал.

Руки трещали в суставах, полосатая роба прилипала к мокрой спине. Зэк трудился, с воловьим упорством раскачивая себя, как человек, готовый совершить великий подвиг или великое сумасбродство.

Как-то ночью ему приснилась женщина. Упоров говорил с ней, потом она требовательно обняла его, а он оказался не в силах ответить на ее страсть, сидел с опущенной головой, точно скопец.

— Утрудился, соколик! — ерничала женщина, похожая голосом на ту, случайную, оказавшуюся с ним в бане на Хабаровской пересылке. Они так ничего и не успели тогда: помешал настырный дежурный, и женщина явилась в сон, чтобы высказать ему свою обиду. Уходя она сказала:

— Больше не приду...

Заклученный проснулся в плохом расположении духа и все пытался угадать: к чему бы женщине его тревожить?

В тот день он отжался девяносто раз. Долго не мог подняться с холодного пола, думал: "Зачем это? В чем смысл? Отсюда нет выхода. Сильные умирают дольше..."

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

— Что 753-тий? — спросил у старшины Пидорко лейтенант Казакевич.

— Мовчить. Так, прикидываю, полгода не гутарить. Заметил за им ще одну странность.

— Я вас слушаю, Пидорко! — поторопил начальник шестого блока.

— Отощал, як гонный волк, а телом, вроде, укрепился.

— Это все?

— Та еще одна странность, говорить неловко.

— Ананириует? Валяйте, рассказывайте: я ж не девица. Я ваш начальник и должен все знать о заключенных.

— Зараз подкрался я к глядунку. То в аккурат в четверг было, да, в четверг — сусид баню топыв. Глянул тихонько, а вин стину кулаками дубасыть. Загэпнул я глядунок. Думаю — померещилось. Трохи переждав, шасть ище... Дубасыть! Мобудь, умом подався? По времени — пора...

— Есть опасение — может повредить стену?

— Шуткуете, товарищ лейтенант! Таку стену гаубица не пробье. С ума спрыгнул.

— Запретить ему сходить с ума мы не в силах.

— Почему? — искренне удивился Пидорко.

Казакевич улыбнулся и погладил старшего надзирателя по вьющимся волосам:

— Замечательно вам живется, Пидорко. Просто и ясно.

— Та не худо,— заваяничал надзиратель,— нынче кабанчика зарезу, салом вас угощу. Теща скоро уезжае... Жить можно.

— Сверьте поведение 753-го с правилами. Если есть отклонения — накажите.

— Слушаюсь! Нэпрэмэнно накажем!

— Пидорко! — вспыхнул Казакевич, но, взглянув в чистые, как степные роднички, глаза надзирателя, тут же остыл.

— Надежный вы человек, Пидорко: в вас невозможно ошибиться. Кстати, для чего у вас голова?

— Соображать. Гы-гы!

— Попробуйте этим заняться, чтобы не беспокоить меня по пустякам.

— Поняв, товарищ лейтенант! — козырнул старшина и четко замаршировал по коридору.

Через несколько минут из торчащей в потолке трубы в камеру заключенного номер 753 хлынула ржавая вода. Старший надзиратель открыл глазок, крикнул, находясь в приподнятом настроении:

— Охладысь, придурок лагерный! Будэшь знать, як стину дубасыть! Гы-гы..

Ключ поворачивается в замочной скважине, делает оборот, но почему-то замирает. Он должен повернуться еще раз и тебе прикажут нести парашу. Девять шагов по желтой кишке безлюдного коридора. Выплеснул содержимое и вернулся в сопровождении молчаливого охранника. Все знакомо. Или войдет старшина, последует команда: "Лицом к стене!" Тебе сунут под колени расшатанный табурет.

— Повернитесь! Руки за спину!

Парикмахер из крымских татар с лицом, на котором плясала старая ведьма, будет крушить тупой бритвой недельную щетину. Кажется, татарин специально не то-

чит ее: ему нравится наблюдать за мутнеющими от боли глазами “клиентов”. Садист!

Он ничего не угадал.

— Лицом к стене! Смирно!

За спиной шелестят бумаги, голоса звучат по-деловому, без сильных интонаций. Должно быть, большое начальство.

— Где карточка 753-го?

— У начальника тюрьмы, товарищ генерал.

— Пусть Челебадзе принесет ее сам.

— Слушаюсь, товарищ генерал!

Шаги усыхают за дверью. Кто-то задержался. Кажется, Казакевич. Он говорит, голос его не всегдашний, а ближе к человеческому.

— Не шевелитесь, Упоров. Вы находитесь здесь в качестве шпиона. Постарайтесь корректно объяснить генералу. И забудьте наш разговор.

Дверь встала на место. Ключ сделал положенные обороты. Заключенный прижался лбом к стене и немного погодя сообразил: у него появился шанс. Неужели?! Он вспотел так, словно стоял перед раскаленной топкой и жар обнимал его огнедышащим вихрем.

— Ну Господи...

Потер виски, пытаюсь восстановить душевное равновесие.

— Стоять смирно!

— Зураб Шалвович, доложите ситуацию по 753-ему.

Челебадзе помедлил, наверное, нарочно, чтобы дать понять всем — его не пугают генеральские погонь. Он начал говорить чуть с юмором, как за обеденным столом:

— По картотеке он — шпион, по жизни — дурак. Верно я говорю, 753-тий? Молчит уже восьмой месяц, стену кулаками бьет...

— Давайте по существу, Зураб Шалвович,— перебивает генерал.

— Можно по существу. Казакевич, расскажи генералу об этом подонке. Одни хлопоты с ним, понимаешь!

— Слушаюсь! — щелкает каблуками начальник шестого блока.— Статья 58 прим, пункты 17 и 19. Провоз из Америки нелегальной литературы. Три тома Есенина, два тома Ницше, Бунин. Контакт с иностранными гражданами. И последнее — избиение начальника режима парохода “Парижская коммуна”.

— Чекиста ударил! — кончик хищного носа начальника тюрьмы лег на щетку подкрашенных усов.— Такое должно караться высшей мерой!

— 753-тый, кругом!

Заклоченный повернулся и увидел, что генерал похож на корабельного повара с “Парижской коммуны”, у которого не было даже имени, потому что все, включая замкнутого испанца капитана, звали повара Егорычем. Генерал тоже был слегка кособок, но особенное сходство проявлялось в положении широко поставленных глаз, страдательно распахнутых и одновременно грустных. Еще он чуть-чуть смахивал на больного ребенка.

— В чем выражался ваш контакт с иностранцами? — спросил генерал.

— Боксировал с чемпионом Лос-Анджелеса без ведома капитана.

— С негром?! — грузный Челебадзе сразу же оживился и, забыв про генерала, ехидно поинтересовался снова:

— Хочешь сказать, что дрался с негром?

— Я нокаутировал его, гражданин начальник.

— Ты?! — у Челебадзе испортилось настроение.— Он что, больной был? Ты кого хочешь обмануть?! Чемпион Лос-Анджелеса!..

— Ну и что? Я сам был чемпионом Тихоокеанского флота.

Челебадзе покрутил мягкой, как подушка, ладонью у виска, словно ввинчивая лампочку, но не нашел нужных для выражения своего состояния слов и тем раздосадованный, крикнул, багровея оплывшим лицом:

— Повернись к стене! Какой подлец! Нет, вы посмотрите, товарищ генерал,— страна его боксу учила для защиты Отечества, а он чекиста... челюсть сломал! Что он тебе — негр, что ли?!

Генерал молча глядел поверх головы начальника особой тюрьмы, и тот вдруг осознал, что у генерала есть о чем доложить там, в Москве, потому-то он такой неприступный. Но Челебадзе было известно и другое: пока его полковничьи погоны весят больше генеральских. Только зачем весь этот сыр-бор? Лучше решить дело миром...

— Много накопили хлама, товарищ полковник. Место этого уголовника — в колонии строгого режима!

Голос генерала прозвучал сурово, но все же начальник тюрьмы уловил в нем внутреннюю дрожь от неполной решительности. Желание и возможности были явно не равнозначными. К толстому грузину тотчас вернулось прежнее благодушие:

— Дорогой, враги народа — не грибы, я их не собираю. Мне их присылают такими, какие они есть.

— Существует инструкция! Ее надлежит неукоснительно выполнять!

— Много чего существует. Но мало еще людей тщательных, преданных делу товарища Сталина. Они позорят звание советского чекиста!

Отработанную фразу Челебадзе говорил всем проверяющим, всем подчиненным, которых отправлял в командировку, чтобы без лишних нервных издержек переспать с их женами.

— Вот недавно звонил Лаврентий Павлович. Спрашивает: “Зураб, ты куда Алиева девал?!” Ну, этого, который хотел стать над партией.

“Зачем они говорят при мне? — с тревогой думал заключенный.— Неужели я уже списан? Или привычка не замечать нас? Все равно, не к добру такие разговоры...”

Зэка потряхивал легкий озноб. Генерал мельком глянул на Упорова, сохраняя во взгляде то же незлобное выражение, с которым появился в камере, и, не обращая внимания на жестикулирующего грузина, шагнул за порог.

— Дорогой,— донеслось уже из коридора,— я живу в мире со своей партийной совестью.

— А как же отец Макарий?

— Вах! Вах! Сплетни!

Заключенный номер 753 не знал, что Зураб Шалвович исповедуется в 47-й камере у отца Макария, и это стало предметом разговоров и поводом для доносов. Заключенный думал о своей дальнейшей судьбе, и когда за спиной раздался голос Казакевича, вздрогнул от неожиданности:

— Вы что, на самом деле побили негра-чемпиона?

— Я же сказал, гражданин начальник, нокаутировал в четвертом раунде.

— А начальника спецотдела?

— В первом.

Казакевич хохотнул и прикрыл дверь.

2

— Встать!

Крик бьет по расслабленным нервам. Заключенный не сразу находит себя в реальном мире. Цепкая рука старшины сдергивает его с нар. Удар о цементный пол приводит зэка в чувство, но он еще лежит у яловых сапог надзирателя. Притворился.

— Встать, сказано!

Пидорко кричит для повышения чувства собственного достоинства. Он вкладывает в крик скрытую ярость за перенесенные от начальства оскорбления и желание еще раз убедиться, что кто-то стоит ниже.

Старшина, в сущности, не такой уж злой человек, просто жизнь его украшена единственным для души удовольствием, и если это можно получить так легко, — почему бы и нет?

— Слухай сюды, 753-тий! Ну че чухаешься?! Ушибси, цаца! Уразумей: какво хорошим людям от твоих кулаков! Тебе велено отсель убираться. Хватит жировать на дармовых харчах! Ты даже враг-то не настоящий! Туфтовый вражина! Вещи е? Ни? Тоды повертайся. Спеленаем тебе крыльшки.

Наручники лязгают с тупой уверенностью собачьей пасти.

— Выходь!

В коридоре ждет Казакевич. Тонкое лицо лейтенанта корбит полусонная гримаса недовольства: рано подняли. Он вяло отбрасывает гибкую плеть руки, указывая направление зэку.

— Не оборачиваться! По сторонам не смотреть!

Прямой желтый тоннель покрыт литыми щитами в рубчик. Двери камер слегка утоплены в стены. Коридор напоминает гнойный свищ в каменном теле тюрьмы. 753-тий уперся взглядом в жирные лопатки шагающего впереди надзирателя. Неокрепшие после сна ноги шаркают по неровностям цементного пола. Шаги Казакевича звучат будто на параде — четко, и заключенный мучается желанием подстроиться под этот шаг. Начинает задыхаться от дурацкого напряжения и столь продолжительной ходьбы.

Бум! Бум! Бум!

Ударный звук подбитых каблуков стаптывает мозг, тело начинает слегка покачивать из стороны в сторону.

Наконец лопатки идущего впереди надзирателя замерли. Заключенный с хрипом втянул в себя воздух.

— Стоять!

Условный стук в квадратное оконце. Глаза из открывшейся амбразуры осмотрели всю группу.

— Номер?

— 753-тий!

— Упоров Вадим Сергеевич?

— Так точно!

Его лицо сверено с фотографией. Дверь ушла в желтую стену почти бесшумно, и забытый запах извести напомнил о доме из детства. После стальной коробки-камеры комната показалась огромным залом, каждый предмет на фоне свежeweыбеленных стен смотрелся с поразительной четкостью.

В центре стоял небольшой обтянутый дерматином стол, рядом с ним — кудрявый лейтенант с погасшей папиросой во рту. На скамье, что у самой стены, сидел уже переодетый заключенный с типично уголовной рожей, которой он всячески старался придать скорбное выражение. По обеим сторонам от ээка — два охранника с автоматами. В левом углу, почти напротив стола, — поставленный на попа гроб, который создавал настроение торжественности, какой-то недоговоренности, словно сейчас должен был появиться его будущий хозяин. Упоров не успел продумать до конца эту деталь.

— Распишитесь здесь, товарищ лейтенант, — дежурный ткнул пальцем в раскрытый журнал, добавил: — Там, где галочка.

Вадим натянул пахнущие прогорклым жиром ватные брюки, широкую, но без пуговиц, телогрейку. Сапоги были стоптаны внутрь, ноги болтались в них, сдирая кожу о жесткие ранты. Он поднял на дежурного глаза.

— Че копаешься, мудило?! На вот, да побыстрей.

Дежурный бросил ему две скрипящие от грязи и пота портянки.

— Треножить будете?

Из-за спины Казакевича вынырнул вездесущий Пидорко и весело заворковал:

— А як же! Цей вот — дюже бегучий. Давай сюды, 753-тий!

— Он уже не 753-тий, — поправил веселого надзирателя Казакевич, несколько раздосадованный его действиями. — Он заключенный Упоров Вадим Сергеевич.

— Ишь ты, подлюга, фамилию заработал. Все одно — стреножим! Хлопцы, где ваши обручальные колечки? Счас мы их, шакалов, повенчаем.

Носатый конвоир стряхнул сон и молча достал из рюкзака кандалы.

— Ну, теперь я за тебя спокоен, гражданин баклан.

И повернувшись к сидящему со скорбным выражением лица зэку, приказал:

— Встать, мерин!

Лицо зэка начало розоветь. Он, поменяв скорбное выражение на злую гримасу, ответил грубо:

— Ты меня не выкладывал, мусор вшивый!

Сидевший с правого бока конвоир среагировал первым, он припечатал кулак к переносице зэка, а онемевший от наглости старшина только успел поддеть падающее тело сапогом.

— Ну вот, — кудрявый лейтенант брезгливо передернул плечами, — опять задержка.

И натянув на голову шапку, распорядился:

— Веркопуло, заканчивайте передачу. Я — в машине.

Он кивнул Казакевичу и пошел к боковой двери, натягивая на ходу меховые рукавицы.

Ноги заключенных стянули кандалами. Упоров перекинул вялую руку побитого через плечо, потащил его почти волоком.

Звезды он увидел неожиданно. Он их больше никогда не видел такими. Были они крупные и, как показалось, зеленые. Но, главное, настоящие, на настоящем небе — холодном и бесконечно глубоком. От свежего воздуха голова наполнилась хмельным звоном, а легкие сжались, и Упоров закашлялся.

Три шага до стоящего во дворе тюрьмы “воронка” даются с трудом. Щелкнул замок. Тот конвоир, что первым ударил арестанта, открыл зарешеченное оконце, предупредил:

— Ведите себя тихо, подлюги!

Машина вздрогнула. Избитый выругался и потряс головой.

— Одыбал? — спросил Упоров.

Ответа не последовало, лишь засаленный рукав телогрейки медленно, как-то неуверенно стер с лица кровь.

Рев задыхающегося на подъемах мотора жестоко резал слух. После тихого “сейфа” это казалось невыносимым испытанием, и Вадим зажал уши руками. В конце концов дорога выправилась, тогда он и увидел или, скорее, почувствовал взгляд сокандальника.

— Эй, как тебя? — пришел из угла осторожный вопрос.

Упоров ответил внутри себя: так привык делать, беседа с собой в одиночке.

Сосед тяжело перевел дыхание, снова спросил, уже громче:

— Какой масти будешь, мужик?

Тогда Упоров повернул к нему отсутствующее лицо, долго не убирал взгляда, рассматривая чахлого, но довольно молодого человека, прежде чем ответил:

— Сам по себе. Без масти. Зовут Вадим.

— Фраер, значит,— облегченно улыбнулся побитый.—
Моя кликуха — Каштанка. Должен знать.

— Не знаю.

— Понятно. Там, где ты отдыхал, одна масть — враги народа. Для тебя назовусь просто — Федор. Но ты точно фраер?

— Сказано тебе: без масти я.

— Так не бывает, Вадик! У всех есть свой цвет: мужик, фраер... Это близко и не противопоставлено. Лишь бы не сучья или беспредел, хотя и это близко.

Федор шмыгнул распухшим носом, сморщился, но разговор продолжил.

— Позволю полюбопытствовать: в замок-то с чем попал?

— Не знаю.

— И статью забыл, конечно? Ты меня за кого держишь?! Срок-то хоть помнишь?

— Четвертак.

— Солидно...

Каштанка заерзал на месте, даже немного просветлел лицом.

— Без компании содержались али как?

— Полтора года один. Отвык.

— То-то я смотрю, вы немного не в себе. Прибацанный малость.

Машину подбросило на ухабе, Каштанка лязгнул зубами, заорал.

— Права украл, сука! Забыл, кого везешь?!

Упоров улыбнулся. Это была первая улыбка за последние полтора года. Он даже сам не поверил, но ведь действительно улыбнулся...

— Оживаете понемногу,— подметил изменение сосед.— А у меня все наперекосяк. Как вспомню про трюмиловку... Эх, проскочить бы “Линковый”!

— Что такое “трюмиловка”? — среагировал на незнакомый термин Упоров.— Сам-то я моряк, бывший, конечно...

— Ой, Господи! — притворно встрепенулся Каштанка.— С таким темным фраером в одних кандалах! На вашем языке это называется перевоспитание, на нормальном — ссучивание: бьют до тех пор, пока не сдохнешь или их сучью веру не примешь.

— Вас могут поставить перед выбором?

Каштанка вдруг утратил петушиную дерзость, горестно усмехнулся. На впалых щеках его проступила заметная бледность:

— Мне что... мне выбирать не из чего: я — вор, Вадим...

3

Наконец машина остановилась, но мотор продолжал работать, как в ознобе, потряхивая железный кузов “воронка”.

— Спокойно, Жулик, спокойно,— кто-то в темноте успокаивает собаку. Она рычит, утробно сбрехивая коротким густым лаем.

Дверь с грохотом выпала в ночь. Ночь похожа на сплошной кусок черного льда. На Кольме темнота особенно плотная перед рассветом.

Вспыхнул фонарь. Яркий свет резанул по напряженным глазам эков. А следом металлический голос выкликнул:

— Заключение Упоров Вадим Сергеевич!

— Я!

- Заключенный Опенкин Федор Маркович!
- Здесь, гражданин начальник, не волнуйтесь.
- А куда ты денешься, говно в кандалах?!

Он хотел еще что-то добавить, но вспыхнувший собачий лай заглушил голос, и только немного погодя раздалась команда:

— Выходи!

Зэки спрыгнули на землю, загулявшую под ногами зыбкой болотной шубою. Огни лагеря горели совсем близко. Сырая метель перечеркивала их тусклый свет строчками липкого весеннего снега. Отблеск лучей прожектора лежал на затворах автоматов охранников, одинаково безликих и молчаливых.

Каштанка опять шмыгнул разбитым носом, как можно любезней поинтересовался у того, кто назвал его “говном в кандалах”:

— Гражданин начальник, место не шибко знакомое. Что это за командировка?

— Пovyлазило, не видишь — “Крученный”! Ты ж тут уже благовал тем годом. Ну и память! Дрочишь, поди, часто?

— Все по распорядку, гражданин начальник. А верхней на “Крученом”?

“Гражданин начальник” расплылся в довольной улыбке. В этот момент с вахты крикнули:

— Прекратить разговоры! Дежурный, принять двоих по спецнаряду.

Ветер ударил снежным зарядом в провода, они загудели голосом затухающего колокола.

— Шагом марш!

Кандалы, цепляясь за мерзлую землю, побрякивали, и хрипевший от злобы пес вдруг заинтересовался этим фактом, по-щенячьи закрутив головой.

— Любопытный песик-то! — подмигнул проводнику Каштанка.

Тогда тот дернул за поводок, и собака снова задохнулась от злобы, пытаясь дотянуться до зэка.

..В помещении вахты было жарко. Солдаты спали на лавках возле круглой печи. Один из них — с курносым веснушчатым носом — вскочил при появлении зэков, уставился непонимающим взглядом.

— Вы чо гремите? Чо шум подымаете?! — с трудом проговорил он заспанным голосом. Взглянув на кандалы, смачно потянулся. — Козырные, видать, изловились. Все равно не гремите. Дайте поспать.

Упоров едва подавил в себе желание подойти к печке, прижаться спиной к ее нагретым кирпичам, вбирая живительное тепло измученным телом. Он смотрел и искренне завидовал беззаботному сну солдат: в такие сны приходят загорелые девки, их можно любить открыто, как только любят в сытых снах, да еще где-нибудь в далекой деревне без сельсовета...

Из боковой комнаты вышел коренастый лейтенант в небрежно накинутой на плечи шинели. Глубокие залысины придавали его совсем юному лицу выражение взрослой озабоченности, отчего лейтенант был похож на играющего в шахматы малолетнего вундеркинда. Дежурный остановился перед кандалниками, начал покачиваться с пятки на носок.

— Душевно с вами побеседовали, Опенкин, — произнес он насмешливо, но без улыбки, — свои или?..

— Ваши, гражданин начальник. Почерк не узнаете?

— Значит, заработал!

И уже забыв о побитом воре, уставился на второго заключенного, слишком спокойного, чтобы лейтенант мог в это поверить.

— У вас, Упоров, было время подумать о своей судьбе. Советую не примыкать ни к каким группировкам, особенно к той, к которой принадлежит этот тип...

Телефон за дверью прервал его нудные наставления. Короткий сигнал перешел в дребезжащий металлический хохот.

— Снимите кандалы, — лейтенант говорил уже с порога боковой комнаты. — Обоих — в карантинный барак.

Он пробыл в комнате не более минуты и снова появился на пороге, но без шинели.

— Старшина Мякшин! В шестом бараке — труп. Убийцу — в карцер!

— Взвод! — рывкнул пожилой старшина, застегивая широкий офицерский ремень. — В ружье!

Солдаты загрохотали сапогами и, разобрав оружие, выбежали на улицу.

Носатый конвоир терпеливо дождался их ухода, подавив зевок, скомандовал зэкам:

— Руки за спину!

Снял кандалы, положил в рюкзак и кивнул в сторону двери с короткой табличкой “Стоп! Предъяви пропуск!”

...Рассвет уже подбил соболиную шубу ночи голубым песцом молодого утра. Стало проглядней, и фигуры часовых на вышках обозначились застывшими куклами. Звездный свет пошел на убыль, растворяясь в робком рождении дня, звезды окрасились какой-то чахоточной серостью — смотреть на небо стало неинтересно.

Вадим вспомнил свое последнее утро во Владивостоке с такими же серыми звездами на небе. Он возвращался на корабль по утренним улицам вместе со старым официантом ресторана “Золотой Рог”, и тот устало кивал на копшившихся в подворотнях дворников:

— Удивляюсь! Нет, это меня просто поражает! Раньше каждый дворник мечтал найти золотой червонец, кото-

рый потерял пьяный купец. Интересно, что ищет советский дворник?

Позже ему объяснили в кабинете следователя и про дворников и про многое другое, о чем он шутливо спрашивал у своих клиентов.

Взволнованный старик попросил воды, ему дали в лоб, и задавать вопросы стало некому...

“Дед мог обслужить в долг,— думал ээк, шагая по мерзлой дорожке.— Если бы такой нашелся среди чекистов и дал тебе в долг немного свободы... Недельку! Нет, мало-вато. Хотя бы месяц. И тогда можно досиживать... Дурак! Ты еще сидеть не начал!”

Уйдя в эти переживания, он даже не почувствовал, как его обыскали у входа в карантинный барак.

Двери барака открываются после двух длинных звонков и удара по рельсу. На пороге возникает высокий простуженный старшина и, кашлянув в кулак, спрашивает с раздражением в хриплом голосе:

— Кого еще тут черти принесли?!

— Двух прими, Кokoшкин. По спецнаряду прикатили.

— Масти какой?

— Один из воров, Каштанка это. Другой — политический, из замка.

— Шманали?

— Да. Оттуда че привезешь?

— Есть ловкачи... Из замка? — бубнит Кokoшкин.— По запарке, небось, залетел. Оттуда добры-то не возвращаются.

— Залетел, как положено, гражданин начальник,— не утерпел, задетый небрежным тоном старшины, Каштанка.

— А ты вообще глoхни! Не то под раздачу попадешь!

“Не стоило с ним заводитьсь”, — думал Упоров, наблюдая за тем, как старшина поднимает задвижку и смот-

рит в камеру. Затем поворачивает в замке ключ и отбрасывает со звоном засов.

— Входите!

Они вошли и остановились в шаге от порога. За спинами лязгнул засов.

4

Камера встретила новичков выразительной настороженной тишиной. Но тишина была нетерпеливой, а потому скоро кончилась, и Каштанка, чуть ерничая, проговорил:

— Приветствую уважаемых каторжан!

Ему не ответили. Тогда он повернулся к Уповору и сказал:

— Не обижайтесь: народ устал на трудовой вахте!

Уповор пожал плечами, продолжая осматриваться. Камера была опоясана двухъярусными нарами, сколоченными из толстого листняка. Посредине стоял стол, привинченный к заплеванному полу массивными болтами. Справа от двери находилась параша, на ней сидел старый узбек, сохранивший вид почтенного аксакала.

Пахло человеческим потом, прелой кожей, еще чем-то тюремным, наверное, страхом.

Вадим остановил взгляд на задумчивом узбеке, и тот сразу начал тужиться, имитируя запор.

Каштанка неожиданно психанул:

— Да что это за кодык, в котором нет места приличным людям?! Или вам глаза не служат?!

В левом углу на верхних нарах, где двое играли в карты, закутили головами. Не принимавший участия в игре громадный зэк с наколотой на щеке бабочкой потребовал с угрозой:

— Кажу масть, гости!

Тут же с нижних нар соскочил шустрый, похожий на зачумленную обезьянку кавказец и пощупав телогрейку Упорова, предложил:

— Сльшь, мужик, играем гнидник?

— Оставь меня в покое,— попросил шустряка Упоров.

— Ну че ты менжуешься, легавым буду! В нем уже двадцать сидельцев умерло. Ставлю рубаху с одной заплатой.

— Ты можешь стать двадцать первым,— уже сурово предупредил кавказца Вадим, чувствуя: он подскочил не случайно.

— Я вас спросил за масть, гости! Почему молчим?

Тот, с бабочкой на щеке, уже спустил с нар ноги в сапогах ручной работы.

— За мою масть, хозяин, можешь спытать у Заики. И придержи язык, пока он у тебя во рту, а не в моем кармане!

Один из играющих захлопнул в ладони три карты, сощурившись поглядел вниз.

— Ба-ба-батеньки, никак Каштанка?! Говорили, тебя в Замок устроили, поближе к врагам народа.

— Рылом не вышел для Замка. Вчера мы слиняли с той командировки. Этот каторжанин,— Федор Опенкин положил руку на плечо Упорова,— почти два года пролежал в “сейфе”.

— Надо же! — Заика сделал удивленные глаза.— Из воров?

Федор вздохнул, развел руками, избегая глядеть на своего сокандальника и одновременно изображая разбитой рожей высшую степень огорчения:

— Увы, мастью не вышел: он политический.

— Может быть, сын Зиновьева или этого, как его, ну...

— Можешь не продолжать! Каштанку с сукой в одни кандалы не закуют! Где наше место?

— О чем ты спрашиваешь, Федя?! — огорчился тот, кто только что пытал их “за масть”. — На верхних нарах.

Они легли рядом, расстелив на неструганные доски телогрейки. Заика сбросил карты и вытащил из-под телогрейки кусок хлеба:

— На, Федя, подкрепись с дороги.

Опенкин подмигнул Вадиму заплывшим глазом, разломил хлеб на две половины:

— Я же говорил тебе, Вадим, плохих воров не бывает. Че играешь, Заика?

— Чу-у-увствую — голый васер.

— А с кем садился и зачем?

— Вором назвался.

Они разговаривали в полный голос, словно их беседа не касалась сидящего напротив Заики крепкого, но какого-то суетливого, не по ситуации разговорчивого зэка.

Между тем игра подходила к концу. Тот, кто играл с Заикой, смахивал трясущейся ладонью капельки желтого пота со лба, хотя в камере было совсем не жарко, и говорил, пытаясь разрядить обстановку и смягчить сурового партнера:

— Фартунынче немає, а на “Широком” я усю зону обыграл...

— Ты тогда богатый, — ехидничал большой зэк с бабочкой на щеке.

— Та не при мне оно усе. Но оно е, можете не сумлеватьсь. Вор вору должен верить...

— Почему тогда Седому не поверил, телогрейку с него сдернул? Через тебя он легкие застудил. Помер через тебя...

— Че ты буровишь?! — вскинулся потный зэк. — Он мне свой гнидник законно засадил! При свидетелях!

— Шпиляй, шпиляй, не отвлекайся,— посоветовал тихий, как осенняя морось, голос от самой стены камеры,— карты слов не любят.

— Ой! — обрадовался Каштанка.— Есиф Пальгч, не ожидал вас видеть.

— Здравствуй, Федя. Не ходи меня обнять, у меня насморк. Еще с Одессы, когда менты везли нас в открытой пролетке.

— Когда ж это случилось, Есиф Пальгч?

— Девять лет назад. В Одессе самый стойкий насморк и самый поганый мент. Они ловят даже стариков, немощных пенсионеров карманной тяги. За свою долгую жизнь я вытянул не меньше миллиона, а лежу на одних нарах с бездельниками или такими, как этот...

Иосиф Павлович что-то разглядел в игре и поменял голос:

— Эй, как вас там? Пузырь! Бросайте бой, ваши не пляшут!

— Помолчи, пархатый! — прокричал громче, чем следовало кричать в таких случаях, потный зэк, обнажив крепкие зубы.— Это наша игра! Верно, Заика?

— Верно,— подтвердил Заика и тихо прибавил: — Расчет. И не грубите старшим.

— А чо он в карты лукается?!

— Расчет,— повторил тверже Заика, при этом его светло-голубые глаза омрачились вспыхнувшей злобой,— был договор.

— Куды спешить?! Не последний день сидим. Вор вору должен...

— Вор фуфло не играет. Ежели он, конечно, настоящий вор, а не...— Иосиф Павлович сделал паузу. Пузырь напряженно скосил глаза в его сторону и затаил дыхание. — ... церковный. Клюквенник поганый! — Иосиф Павлович закончил фразу, и вся камера глянула в сторону Пузыря с презрительным неодобрением.

— Брешет жид! — отодвигаясь от Заики пролепетал потный зэк. — Вот вам крест — неправда!

Он действительно перекрестился. Только это никого не убедило.

— Чем платить — у меня есть. Думал, в одну камеру схвают, сунул ему гроши...

— Как кличут твоего подельника?

— Цыпой. Из честных он..

— Он из тех же, что и ты, Пузырь, — безжалостно наседал Иосиф Павлович, — а церковный вор, сам понимаешь, хуже мента. И еще...

— Не тебе, щипачу пархатому, за мою масть судить!

— И еще, — как ни в чем не бывало продолжал Иосиф Павлович, — Цыпа — бандит. Он был штопорилой до тех пор, пока ты не предложил ему грабить храмы. Такой грех, такой грех! Вас надо резать в колыбели.

— Расчет! — уже не скрывал угрозы Заика. Рука его нырнула за борт бушлата и вернулась с широкой турецкой бритвой.

— Не психуй, Аркаша! — отпрянул Пузырь. — Мьшь врет. Зараз у Кенаря спытай за меня. Спрячь перо! На вора руку подымаешь.

— Кенаря зарезали суки. Ты же знаешь.

— Ашот! — коротко позвал Иосиф Павлович. Так окликают послушных псов.

— Не надоть, мужики! — Пузырь толкнул Заику в живот и сиганул с нар.

Приземлился он на бок. Вскочил. Но сверху на него тяжелым кулем свалился тот — с бабочкой на щеке. Сцепившись, они покатались по грязному полу. Проигравший полз, волоча на себе уже двух зэков. Свинцовые вены на его шее вздулись, и ногти ломались, царапая грязный пол камеры. Подскочил дерганый кавказец, ударил ползущего каблуком по затылку. Двое других затащили на

его горле полотенце и, приподняв рывком, треснули лбом об пол.

— Что они делают?!

Упоров попытался вскочить, однако тут же в бок уперлось острие ножа.

— Без шорохов, дружочек! — посоветовал невзрачный тип с синими губами залежалого покойника. — Слышь, Каштанка, уйми своего кента: он двигает лишка...

— Ну че ты, Вадик, — укоризненно покачал головой Опенкин, — это церковный вор, к тому же — бандит по совместительству. С таким букетом болезней в зоне долго не живут. Сейчас его отпустят на свое место, чтобы люди знали: воры — за справедливость.

Нож все еще жалил бок. Его рукоятку сжимала опытная рука. Она не дрогнет, если ты... Лучше не дергаться. Вадим почувствовал, как слабнет тело от близости смерти. Но беспомощность, странное дело, не вызвала даже стыда. Он держался на самом-самом краешке и сумел это осознать.

Словно в полусне Вадим видел продолжение страшного спектакля. Артисты двигались медленно, почти величественно, как древние жрецы на жертвоприношении. Хрипящего от напряжения Пузыря бросили на нары, еще раз ударили по затылку рукояткой ножа и стащили с него ватные штаны. Из них выпала бритва и кусок белого хлеба. Зэк уже почти не сопротивлялся, лишь как пьяная уличная девка пытался оттолкнуть от себя навалившихся палачей.

Коренастый длиннорукий армянин обхватил его под живот и приподняв, со всего маху бросил на нары. Пузырь задохнулся.

— Она согласная, — армянин обвел камеру счастливыми маленькими глазками, почмокал от удовольствия губами.

Теперь уже он сам снял штаны и потребовал мыла. В нижнем углу, ближе к железной параше, где все еще сидел задумчивый узбек, захихикали педерасты. Ашот готовился степенно, растягивая муки полузадушенного церковного вора. Он сладостно погружался в темную, ничем не подавляемую страсть, подогреваемую общим вниманием.

— Здесь все по совести, Вадим, — послышался извиняющийся голос Каштанки. Но его прервал глубокой силы рев Пузыря.

— Ы-ы-ы!

Бордовый от раздражающей его боли поверженный зэк повернул к насильнику умоляющий взгляд человека, по которому проехал грузовик. Но ни мольба, ни что другое уже не могло остановить похотливое колебание озверевшего наездника. Ашот отменил жалость, неистово кусая спину визжащего церковного вора. Рядом с ним зашелся в истерике большеротый педераст из первых строителей Комсомольска-на-Амуре. Кто-то пнул его ногой:

— Заткнись, шалава!

С верхних нар начали подбадривать выдыхающегося Ашота. Похожий на зачумленную обезьянку кавказец толкал его в толстый зад совсем детскими ручонками. Узбек на параше скулил, не меняя при этом задумчивого лица.

— Скоты! — прошептал безнадежно Упоров. Он оглядывал их изуродованные страстью физиономии и вдруг подумал о том, что среди них нет пострадавших: они все — на месте, там, где и должна обитать мерзость. И был поражен своим открытием, и закрыл глаза, чтобы не уподобиться своим сокамерникам.

— Уф! — произнес наконец Ашот. — Какой упрямый.

— Утомился, Ашотик? — сочувственно кивал, ничуть не возбужденный насилием Иосиф Павлович. — И зачем было бодаться этой дырявой козе? Счастья своего не понимает. Верно?

— Нэт. Нэ понимает.

— Бандит был безгрешен?

— Да! — подтвердил Ашот, радуясь неизвестно чему.

Иосиф Павлович запустил в карман Заики гибкую руку профессионального щипача и извлек оттуда кусок сахара. Сахар был похож на придорожный булыжник. Вор дунул на “булыжник”, протянул его армянину, но тут же предупредил:

— Не подходи ко мне близко: от тебя чем-то пахнет.

— Дерьмом,— смущенно признался Ашотик, отправляя сахар за щеку,— так всегда пахнет...

— Догадываюсь, шалунишка. Пошел отсюда! Разулыбался, падла!

И тут же повернувшись к Уповору, Иосиф Павлович сделал удивленные глаза:

— Таки Скрипач вас не зарезал?! Господи, какое общество: одни гуманисты и педерасты. Почему вы такой бледный? Вам сорвали выступление? Ну, это можно пережить: живой стыд всегда лучше мертвой гордости. Впрочем, вывернулись, значит, вывернулись...

Нож давно расстался с его боком, однако ощущение опасности не прошло. К тому же слова старого вора напомнили первый рейс в океане на корабле “Парижская коммуна”...

Судно сближалось с терпящим бедствие сухогрузом “Восход”.

— Все будет в порядке,— сказал скорее себе, нежели молодому штурману, капитан Альварес, не выпуская изо рта мундштук с погасшей сигаретой.— И запомните: моряк должен точно знать, что с ним ничего не случится. Сблизиться до предела!

— Большой риск, капитан,— предупредил второй помощник, — при такой волне мы столкнемся.

— Через час он сядет на рифы, через три — пойдет ко дну. Понаблюдаем? Сблизиться до предела! Выброс!

— Удачно, капитан!

— Право руля!

Из глубины океана на днище “Восхода” надавила мощная сила. Стальная машина поднялась и застыла на мгновение в воздухе. Пауза была короткой. Нос корабля падал, словно нож гильотины. Штурман зажал зубами крик. Он уже чувствовал холод воды и тяжесть пучины.

— Право руля! — капитан чуть усилил интонацию.

Удар потряс “Парижскую коммуну” до дрожащего гула.

— В левом отсеке — течь!

— Включить насосы! Навести пластырь! Аварийную команду — в отсек!

После аврала капитан пригласил штурмана в свою каюту. Он выглядел устало, но продолжал шутить:

— Мы так и не въвернулись. Зато спасли эту дурацкую посудину. Хочу заметить, Упоров, вы недолго носили в себе страх. Правильно делали.

Капитан подвинул к нему пузатую рюмку с коньяком.

— Моряк должен уметь забывать, иначе воспоминания будут ходить за тобой, как голодный пес за слепым нищим, и выхватывать лучшие куски жизни. Ваше здоровье, штурман!

“Интересно, почему он меня не зарезал, этот сумасшедший Скрипач? Сволочь пустоглазая!”

Упоров осторожно пощупал то место, куда упирался нож. Он ощутил под пальцами биение сердца. Так близко. Одно движение — и сердце могло остановиться. Надо забыть.

— Уже б и вздремнуть не мешало, — потянулся рядом Федор Опенкин. — Баланду только утром приволокнут.

— Кто этот тип? — спросил, глядя в потолок, Вадим.

— Тише ты, не базарь шибко. Из блатных он. И не затевайся с ним лучше — враз срок укоротит.

— Я уже забыл.

Скрипач храпел как ни в чем не бывало...

5

Вначале осторожно звякнул засов, следом скрипнула дверь, и камера, мгновением раньше погруженная в сон, замерла. Лишь притомившийся Ашот продолжал сладко похрюкивать во сне, причмокивая мокрыми губами. Остальные затаились по какой-то неведомой разуму команде.

Дверь открылась без всегдашнего пугающего скрежета. Первым в камеру вошел мрачный человек в бешмете из черного сукна, плотно облегающем необыкновенно длинное туловище. Гость оглядел всех цепким взглядом черных глаз и, сняв с головы баранью папаху, сказал, не поворачивая к дверям головы:

— Спят, хозяин. Входи.

Слова шли с легким вороньим скрежетом, словно из глубины желудка.

— Зоха! — как имя собственной беды выдохнул мгновенно осунувшийся Каштанка. — Отгуляли воры...

— Надзиратель? — спросил недоуменно Упоров.

— Сука! — Опенкин закрыл глаза. — Наручники за спиной разгибает. Подельнику моему на "Широком" кадык вырвал пальцами. Из живого человека — кадык...

И опять повторил шепотом:

— Отгуляли воры.

На пороге появился еще один гость. На этот раз необыкновенно располагающий к себе человек в надраенных, без единой морщинки, хромовых сапогах. Он озирал мир полными сдержанной нежности голубыми глазами, и возникало невольное желание ему улыбнуться. Гость

был солнечный, откровенно счастливый и составлял полную противоположность Зохе.

Прямо с порога человек прошел к скамье у стола. Сел, сцепив в лихой крендель слегка кривоватые ноги, отчего стал еще более по-деревенски приятным парнем.

— Саловар, главная сука Советского Союза! Это гроб, Вадим! Ну да вором жил, вором и сдохну.

— Кто им позволил? Где надзиратели?!

— Не шуми. Они по запарке и фраера замочить могут. Саловар нынче и судья и надзиратель. Трюмиловка!

Шепот вора разбудил в нем наконец чувство собственной опасности и вместе с тем непонятную потребность в ней. Зэк догадался: он рассчитывает остаться зрителем, это просто животный интерес. Ему стало противно от безразличия к чужой судьбе, захотелось снова уснуть, чтобы ничего не видеть далее...

В камеру входили новые люди, по большей части — крупные, сытые. Они сжимали в руках стальные забурники. Каждый сразу занимал свою позицию, оставляя место вокруг себя для замаха и удара.

Время торопливо жгло невидимые минуты. Оно словно чувствовало запах будущей крови, спешило утолить свое кровожадное любопытство. И он ненавидел время...

Под конец двое здоровых мужиков внесли лист железа, а третий — две кувалды с железными ручками.

— Зачем это? — едва слышно спросил Упоров.

— Сказано — трюмить будут. Ты только не смотри, когда меня начнут...

Каштанка о чем-то вспомнил, окликнул соседа:

— Аркаша!

Заика скосил глаза, но не откликнулся.

— Дай мойку, сам уйду.

И рывком обнажил на руке вены. В это мгновение из-за столба, подпирающего верхние нары, выскочил Скри-

пач и кинулся к Саловару. Ближний из сук вскинул забурник, но тут же осел, схватившись свободной рукой за распоротый живот. Скрипач был почти у цели, когда огромная клешня Зохи поймала его кисть. Окровавленный нож вывалился на пол, и тогда чечен захватил в тиски шею вора, багровея поднял над землей. Все произошло так быстро, что никто не успел осознать: в камере стало на две жизни меньше.

— Зачем же так? — опечаленный Саловар смахнул с сапога брызги утерянной Скрипачом кровавой слюны.— Он умер непозволительно легко. Это награда, а не наказание. Наказание есть очищение, а это... больше походило на расправу.

Саловар поднялся со скамьи, широко всем улыбнулся. Улыбка его опять смутила настороженных обитателей камеры, а он продолжил, по-видимому зная ей цену:

— Негодяй заслужил наказание. Мы будем продолжать воспитывать...

— Кувалдой? — насмешливо спросил с верхних нар Иосиф Павлович.

Саловар искусно сыграл удивление, голос его наполнили новые, искренние нотки:

— Этого не может быть! Что вы здесь делаете, богубийца?

— Не понтуйся, Ерофей! Ты все знал наперед и пришел убить меня. Но когда ты, судья морда, хлял вором и ел из этих рук...

Мьшь показал камере свои узкие ладони, как хороший купец показывает хороший товар.

— Хватит! — хищно оборвал Саловар.— Сегодня вы покушаете из моих рук, и мы в расчете. Зоха!

— Обожди, Ерофей,— Иосиф Павлович сел на нарах, повторил: — Обожди. Позволь переодеться. Рубаху сменить...

— Позволю, если вы не будете открывать рот и произносить разные глупости.

— Спасибо, Ерофей.

Иосиф Павлович благодарил спокойно, с достоинством, словно ему приходилось умирать неоднократно, и он знает, как это делается, без страха. Спокойствие приговоренного испортило настроение судьи. Саловар топнул ногой и строго спросил:

— Еще воры есть? Слышите, мрази, делайте объявку добровольно!

— А куды ж им деться? — прохрипел, с трудом поднимаясь, изнасилованный Пузырь. — Здесь они, Ерофей Ильич. Вон Заика ховается — ворюга первостепенный. За ним... Куды ж он подевался, козел? Щас я вас всех на чистую воду выведу...

— Тю-тю-тю! — присвистнул Саловар. — Тимошенко. Никак вас невинности лишили? Получается, вы теперь не вор, а воровка?!

— Зараз не признаю ихнего закону и желаю...

— Обидели, значит, попку порвали. Заруби себе на носу: в советах педерастов не нуждаюсь! Воры есть?! Честные.

— Есть!

С нар без суеты спрыгнул Заика, а следом — тот, с бабочкой на щеке. Рядом с Упоровым дернулся Каштанка, и тут же на его челюсть упал кулак моряка. Все произошло почти бесшумно, но Саловар уловил неладное. Однако оно не было осмысленно им до конца.

— В чем дело? — спросил он и сощурился, глядя перед собой недобрый взглядом.

Упоров растерянно развел руками. За него ответил доселе не выказывавший себя молодой грузин:

— Пустяки, генацвале. Фраер грохнулся: крови не терпит.

— И я, признаться, крови не терплю,— уже смиренно сообщил Ерофей Ильич.— Потому прошу этих преступников смягчить участь свою покаянием. Кто кается первым?

Заика быстро сунул руку за борт бушлата. Стоявший за ним Зоха был настороже и ребром ладони ударил вора по шее. Тот упал.

— Раскаяние не может быть актом формализма,— не замечая лежащего Заику, решил продолжить свою мысль Ерофей Ильич.— Человек должен внутренне так настроить себя, чтобы вести другую жизнь и поиметь большое отвращение к прежнему скверному существованию. Но ежели в вас не искоренена склонность к желанию благовать...

Снова был кроткий взгляд, укоряющий слушателей за непослушание, и с мукой произнесенные слова:

— Готовьтесь к худшему.

Лежащего Заику растянули на залитом кровью полу, придавив сверху листом железа. Вор попытался подняться, но две кувалды обрушились на то место, где находились почки. Удары сыпались не переставая, наполняя камеру гулом. Лицо зэка корчилося в немых стенаниях, как будто он пытался рассмешить пресыщенную подобными зрелищами публику.

Саловар поднял руку. Гул смолк. Молотобойцы отошли в сторону, тяжело дыша и косясь на погнутое железо.

— Поднимите!

До неузнаваемости обезображенного зэка держали под руки. Эмалевая струйка крови поблескивала на сером подбородке. Было очевидно: он почти умер и стоит в сумраке перед вечной ночью, а руки его, как руки слепца, пытаются что-то нащупать перед собой.

— Надеюсь, дружеская критика понята правильно?

Вор с трудом вобрал в себя воздух, а выдохнул вместе с кровавым плевком — в лицо главной суки Советского Союза.

— Га-га-га,— хрипел Заика, пытаясь протолкнуть застрявшее в горле ругательство.

— Не надо,— остановил его жестом Саловар, брезгливо вытирая лицо белоснежным платком.— Суд освобождает тебя от последнего слова. Правда, Зоха?

Тупой удар в спину Заики дошел до каждого. Вор качнулся вперед, глаза его расширились до невероятных размеров, скосившись на выросшее из левой части груди острие кавказского кинжала.

— Насквозь! — ахнул один из молотобойцев.

Ерофей Ильич уронил под ноги платок, отшвырнул его начищенным носком сапога, сказал по-деловому:

— Бросьте эту тухлятину! Тащите богоубийцу!

Зоха сам, как барс, прыгнул на нары, раскидав эзков, наклонился над Иосифом Павловичем, приподнял и снова бросил на прежнее место.

— Он ушел, хозяин.

— Старый обманщик! Верь после этого слову вора! Видите, граждане, кто паразитирует на вашем терпении?! Ну, а ты? — Вопрос был обращен к тому, кто тоже назвался вором. — Ты, Леший, с кем пойдешь по жизни?! Говори быстрее, у меня кончается не только время, но и терпение!

— С вами,— сказал, глядя в пол, Леший.

— Подними глаза-то! Ты теперь свободный человек. Подними и покайся как положено!

— Я больше не вор! — на этот раз было сказано громко, даже слишком громко.— Я раскаиваюсь за позорное прошлое!

— Идешь с нами! А вас, граждане мужики и фраера, прошу подбирать себе компанию почестнее. Обращайтесь к нам с совершенным доверием. Не подведем — всегда заступимся за трудового человека. До свидания!

Вышел он скромно, без излишней театральности, унося на открытом крестьянском лице опечаленную доброту хорошего человека.

Ссученный Леший двинулся было за ними следом, но о чем-то вспомнив, прыгнул на нары, схватил сумку тихо ушедшего в мир иной Иосифа Павловича.

— Оставь,— придержал его за руку молодой грузин,— зачем покойника грабить? Он же тебе товарищ был.

— Не твое дело, зверек! Эй там, тормознитесь: фраер буянит.

Один из сук взмахнул забурником, тогда Упоров поймал его за руку, да так ловко, что она хрустнула в суставе. Парень заорал, и крик стал сигналом к действию.

— Ломай нары, мужики! Всех кончат!

— Что за шум? — Саловар недоуменно оглядел камеру.— Мы же друзьями расстались! Леший, запомните: нельзя переть буром против народных масс. Запомните, животное! Вы призваны защищать их интересы от преступных посягательств воров! Иначе поссоримся.

Сразу забыв про Лешего, он перевел свое внимание на Упорова. Смотрел с прищуром, но не враждебно. Возможно, хотел запомнить новое лицо.

— Неблагодарное занятие — выкручивать руки своим защитникам, молодой человек. Постараюсь вас не забыть.

Преданный Зоха заглянул в глаза хозяину, но тот сделал вид, что не заметил, и легко поклонился:

— Еще раз до свидания, друзья!

Такого оборота никто не ожидал, и когда за Ерофеем Ильичом закрылась дверь, бывший директор прииска “Коммунистический” по фамилии Ведров подвел итог второму посещению Саловара:

— Теперь они тебя убьют. Он зря не обещает.

Упоров не стал отвечать Ведрову, подошел к баку с водой, зачерпнул пахнущую хлоркой мутную жидкость, чтобы с ладони брызнуть себе в лицо, а затем — в лицо Каштанки. Белесые ресницы вора дрогнули, с пьяной от-

решенностью открылись глаза. Федор сел и потрогал челюсть.

— Тебе чо, бык, силу девать некуда? За что ты меня треснул?!

— Надо было.

Он пришел к выводу: Каштанка притворялся, но почему-то сам покраснел от этого открытия и, отвернувшись, пошел ставить банку на место.

— На нож просишься, баклан! — рычал ему в спину Опенкин, поминутно сплевывая и матерясь.

— Они бы вас убили,— философски заметил Ведров, разглядывая его припухшую челюсть.— Гляньте на Аркадия, его Зоха ножом насквозь прошил с одного удара. Кто бы сказал — не поверил.

— А рядом кто?

— Не знаю. Он из ихних, из тех, что приходили трюмить.

— Худую ты мне службу сослужил, морячок: воры не поймут...

— Поймут, поймут,— успокоил его молодой грузин с мягкими движениями дикой кошки.— Ты сам — вор. Ты бы не понял?! Не надо думать обо всех плохо, иначе я, фраер, тоже так начну думать о ворах.

Закончив разговаривать с Каштанкой, грузин протянул руку Уповову.

— Меня зовут Ираклий. Ты поступил честно. Давно не видел человеческих поступков. Можешь на меня рассчитывать.

Спокойно поклонился и вернулся на нары, легким прыжком подбросив гибкое тело.

— Фраер-то не простой,— пробормотал для Уповова Опенкин,— девять касс,— незаконченное высшее образование. С ним считаются воры.

— Он княжеского рода,— встрял в разговор Ведров.— Господи, что за время! Князя грабят банки, воры правят государством...

— Мало тебе дали, Ведров,— глухо произнес Каштанка,— все свое гнешь. А того не знаешь, что не воры, а суки Россией правят. Историю партии читать надо внимательней. Сталин, правда, из воров, но курванулся на втором съезде и стал своих душить.

— На втором съезде Сталина не было!

— А ты что, там был? Вот и молчи, раз не знаешь! Ой! Что ты наделал, Вадик?! Мусала не работают.

Опенкин взобрался на нары, ворчливо приговаривая:

— Менты — бьют, кенты — бьют, суки — ловят, воры — зарежут. Да что я, племянник Гитлера, что ли?!

Постепенно ночные страсти улеглись, и камера начала жить своей обычной жизнью: зашелестели в ловких руках шпилевых самодельные карты, кто-то дал кому-то в рожу под расчет, начались разборюшки. Покинувший парашу узбек молился перед дверью, вздымая к сырому потолку коричневые ладони. Имущество Иосифа Павловича, состоявшее из двух именных серебряных часов с цепочками, куска сала и отточенного до остроты бритвы перочинного ножа, которым он вскрыл себе вены, перешло на законном основании к Опенкину. Сало он тут же поделил меж ближайших сидельцев.

Проворные педерасты успели обобрать трупы еще до того, как в камеру вошли четыре санитары с носилками в сопровождении вальяжного старшины, похожего на швейцара столичного ресторана.

— Опенкин! — старшина вскинул кустистые брови и, кажется, даже обиделся.— А ты как проканал между порченных?

— Я им сказал, гражданин начальник,— поморщился Федор,— что вы — мой персональный кент. Обниматься полезли, суки!

— Никак не можешь без хитростей. И кто ты теперь — вор?

— Нет, гражданин начальник, — старшина сверхсрочной службы.

— У, пропадлина, в другой раз не сорвешься! У них нынче полномочий хватит на таких крученых. Считай, отсрочку получил.

— Спасибо, товарищ старшина, что побег мне не сорвали.

Старшина дернулся всем телом и уже открыл рот, но словесного выражения его возмущение не получило, и он пошел за санитарями, поправляя длинные волосы на яйцеобразной голове.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Саловаровская команда больше не появлялась, а карантин через неделю кончился, и заключенных выптали из барака на широкий грязный двор, где они толкли холодную хрустящую грязь рваными обувками, кутаясь в засаленные телогрейки и бушлаты. Первые минуты на вольном воздухе доставили немного удовольствия, но постепенно становилось все холодней и холодней. От тех неприятных перемен арестантская масса заволновалась.

— Строиться! — затянул наконец бабьим голосом костлявый дежурный с негнущейся спиной от застарелого радикулита. После чего он куриной трусцой подбежал к седому скучному майору, стал что-то торопливо объяснять.

— К черту! — прервал радикулитчика майор. — Это что, девицы из Смольного или преступники?! Не забываете, где работаете, Гладилин!

Майор решительно шагнул к строящейся колонне, сложил рупором ладони и объявил:

— Этап идет на “Новый”, можете успеть к ужину, если поторопитесь.

— Что за командировка? — осторожно спросил у Ираклия пожилой карманник, близоруко щура глаза.

— Не знаю, дорогой.

— А кто знает? — нудил карманник.

— Гражданин майор, дорогой!..

Но вопрос уже запрыгал по этапу. “Кто знает за “Новый”?” Он прыгал, прыгал, да и пропал где-то в середине строя, утонув в молчании нелюдимых бандеровцев.

Конвой повернул автоматы к строю, возбужденные запахом немых тел зэков собаки скалили клыки, вопросительно заглядывая в глаза проводников.

— Хоть бы раз в жизни поесть, как эта собака! — мечтательно произнес Ведров.— Господи, пошли мне ее пайку.

— А поводок? — спросил пожилой карманник.

— За такую пайку можно и поводок. Я ж не вор. Я простой, временно изолированный, но советский человек. Я жрать хочу, а не благовать.

— Разговорчики! Этап идет на “Новый”, — еще раз повторил майор, несколько озадаченный реакцией зэков.— Шаг в сторону считается побегом. Конвой стреляет без предупреждения. Копченый, что скалишься?

— Да вот, зверек здесь обгадился, гражданин майор.

— Пусть несет с собой: в дороге пригодится. Шагом марш!

Через час ходьбы Упоров почувствовал: мерзнут ноги, и пожалел, что не снял портянки с покойного Заики. Побрезговал или постеснялся, теперь дорожка форс собьет. Этап одолел небольшой, но крутоватый перевал, и за ним открылся великолепный вид с прекрасным лесом в лучах восходящего солнца. Открылся, как правда, которую кто-то прятал от этих сбившихся в кучу людей.

— Эх, раздолье какое! — не выдержал шагающий впереди Упорова кособокий Ведров.— Столько места, а нам тесно. Махнуть бы в лес!

— Кто тя держит, махай! — предложил Опенкин.— Старшина, отпусти мужика в лес за подснежниками.

— Хай бежит! — конвоир похлопал ладонью по автомату. — С сопроводиловкой. И ты за им. Здесь на всех хватит.

— Стой! — кричит замыкающий колонну лейтенант.

— В чем дело, лейтенант?

— Заключенный помер. Старик этот: то ли математик, то ли еще кто.

— Ему бы на печи сидеть, а он по тюрьмам шляется.

— Труп — в машину. Спрячьте оружие, лейтенант, он мертвее мертвого.

Лейтенант, однако, выстрелил на всякий случай в затылок маленькому седому человеку по кличке Пифагор, и этап двинулся дальше. Дорога муторно тянула восемьсот голодных зэков. Многие уже выдохлись, становились на четвереньки.

— Ползите, ползите,— подбадривал их веселый старшина,— кто не доползет, доедет с Пифагором.

Отъярились собаки, перестали облаивать ползущих зэков, лишь изредка норовя хватить кого-нибудь из них за бок. Но перед вершиной Мертвого перевала они и сами стали ложиться на снег, прижимаясь к отполированному ветром насту лохматыми животами.

Хозяином тех мест был ветер. Он не знал отдыха в любую погоду, ни днем ни ночью, вот и сейчас заполнял легкие измученных людей пронзительным холодом, принесенным из далекой тундры.

Наконец выбрались на более плоское место. Стоять на ногах могли немногие.

— Сейчас бы умереть,— выдавил из себя Ведров, опускаясь на корточки.

— Попроси Стадника,— высунулся с новым советом пожилой карманник, оказавшийся выносливым ходоком.

— Загорайте, лодыри!— разгоряченный ходьбой старшина Стадник скрутил сигарку, затянулся, внимательно осмотрел этап. Медленно, но уверенно взгляд его соскользнул с измученных зэков и замер в немом удивлении.

— Ха! — коротко воскликнул, точно гавкнул, Стадник.— До чего тильки люди не додумаются! Гляньте, граждане бандюги, яки гарны хлопцы!

Метрах в тридцати от дороги белели вмерзшие в лед трупы. Их было много подо льдом и на его голубой, отполированной ветром глади, со впальными животами и ушами, отъеденными песцами.

— Не дрожат, обвыклись! — продолжал радоваться Стадник. — Воля есть — гнидника не треба! Надо ж так закалиться!

Этап мрачно молчал, и Стадник, уловив настроение разбитых дорогой заключенных, положил палец на спуск автомата.

— Ну, чога змолклы? Шуток не понимаете?

— Понимаем, земля, — улыбнулся через силу старшина Каштанка.

— У мене таких злыдней в земляках не водится! — строго поправил вора старшина.

— Так получилось, — покаянно опустил глаза Опенкин. — А вас дома, небось, матка жде?

— Ни, тильки тятко, — Стадник подозрительно косился на посиневшего под ветром зэка, медленно вползавшего ему в душу. От неудобства внутреннего состояния он кашлянул и стал шагать широко, строго, держа автомат на изготовку.

— Давненько батю не видел, гражданин начальник?

— Тебе шо за дило?! Десять рокив.

— Ух ты! Соскучились, должно?

— Скучать мэни служба не велить.

Он уже собирался отойти от этого прилипчивого, но чем-то привлекательного злыдня, как тот спросил вкрадчиво:

— Повидаться-то, небось, хочеться? Хочеться, хочеться, не отпирайтесь, гражданин начальник!

— А як же! — тоскливо и искренне признался растроганный старшина.

Опенкин приспустил штаны, показал напряженно соображающему Стаднику голую задницу.

— Узнаешь, гражданин начальник? То ж твой тятя. Иди целуй!

— Что?! — взревел старшина, хватая широко распахнутым ртом холодный воздух. — Ну, злыдень синий, помяни мое слово: купаться тебе с теми “моряками” в одном болоте!

— Не признали что ли, гражданин начальник? — натурально огорчился Опенкин. — То ж батько ваш ридный. Постарел, правда, малость. Хочешь братку покажу?

И не торопясь начал расстегивать ширинку.

Стадник сбросил с плеча автомат, ствол дернулся, выплонув в низкое небо короткую очередь.

— Лягай, сволочи! — орал Стадник, топая ногами. — Усих покрощу!

Заключенные присели, но ложиться никто не стал. Все разглядывали оплошавшего старшину с ехидными улыбками.

— В чем дело, старшина? — подскочил достреливавший Пифагора лейтенант, на ходу расстегивая кобуру.

— Нарушают порядок, товарищ лейтенант. Особливо вот тот, из воров. Воду мутит, понимаешь!

— Запишите фамилию. А вас предупреждаю: положим на землю, будете лежать до утра!

— Мы-то причем, гражданин начальник?!

— Молчать! Порядок существует для всех.

Лейтенант застегнул кобуру и быстро ушел. Стадник остался перед строем, выглядывая из-за поднятого воротника бдительным отличником боевой и политической подготовки, держа ствол автомата на уровне голов эков.

— Ябеда вы, гражданин начальник! — громко крикнул Опенкин. — Не буду вам больше тятку показывать. Скучайте...

В это время колонна тронулась, и под ногами эков снова волновалась тугая колымская грязь. Люди шли в лагерь, не сводя глаз с приземистых барачных, наспех сколоченных из старых досок, должно быть, долго служивших другому делу, а сейчас призванных беречь тепло и защищать от ветра отринутых от нормальной жизни людей. Многочисленные щели были кое-как забиты паклей, тряпками, мхом, завалинки заменяли поднятые до окон земляные валы. Да и окна-то — одно название: без стекол, просто зашитые потрескавшейся фанерой рамы. На каждом была решетка, а на двух последних фанеру просто подпирали гнилые жерди.

— Это же кладбище, гражданин начальник! — ужаснулся Ведров.

— Кладбище ты видел, — уточнил Стадник. — Туды — опосля, прежде туточки поживете.

— Подыхать привели!

— Вертаемся, мужики! Гольная смерть!

Тогда-то и отворилась дверь единственного бревенчатого здания. Из нее вышел майор с выражением непреклонной воли на интеллигентном, немного озабоченном лице. Следом выскочила овчарка. Громадная ухоженная собака пошла рядом с хозяином, тычась лобастой мордой в замшевую перчатку.

Майор оглядел этап, как опытный пастух оглядывает новое стадо, остановился точно посредине колонны и, указав пальцем на перекошенного мужичка, спросил:

— Почему вы кричите?

Мужичонка дернул плечом, нервно затоптался на месте, никак не желая встретиться с майором глазами. Взгляд майора излучал нечто большее, нежели реши-

тельность. Он излучал беспощадность, было от чего волноваться.

— Та не кричу я, гражданин начальник,— с трудом пролепетал зэк, так и не подняв лица.

— А кто кричит?

— Та не знаю, гражданин начальник. Уси балакали.

— В карцер!

Рослый охранник выдернул зэка из строя, поставил рядом с собой.

Майор сделал несколько шагов. Глаза задержались на спокойной позе, казалось, отрешенного от событий человека в черном, забрызганном грязью, пальто.

— Почему вы кричите?

Безучастный блондин опустил на майора мягкий взгляд, ничуть не испугался его строгого вида:

— Хотел разбудить вашу совесть, гражданин начальник.

— Кто еще хотел разбудить?

— Моя душа, гражданин начальник.

— Значит, вам не будет скучно в карцере.

Он закурил дорогую папиросу и, подумав, указал на трясущегося у барачной стены мужичонку.

— Того — в строй, этого, вместе с душой,— в карцер. Остальные должны уяснить: здесь рабочий лагерь. Работа вас кормит и дает право на досрочное освобождение. Нарушение лагерного режима лишает вас этого права. Лейтенант!

— Я, товарищ майор!

— Раздайте пищу. Людей — в баню, вещи — в прожарку. Утром всех, кроме тех, кто будет ремонтировать лагерь, отправить в карьер. Небольшая просьба, лейтенант. Позаботьтесь о тишине — я буду музицировать.

Он бросил окурок под ноги молодому, простоватому на вид зэку, жадно глотавшему табачный дым. Несколько се-

кунд тот колебался, пожирая дымящийся окурок жадными глазами, и вдруг грохнулся на колени, схватил его.

Майор был к этому готов. Хромовый сапог вбил окурок в расквашенный рот зэка. Овчарка кинулась и выволокла из строя попавшегося на нехитром трюке простака.

— Оставь его, Ганс! — дружески попросил майор, потрепав собаку по вздыбившейся холке. Вздохнул и указал на застывших по стойке смирно трех мертвецов у “Доски почета”:

— Это беглецы. Обратите внимание и сделайте вывод. Здесь никто не может рассчитывать на удачу. Ее здесь не бывает..

Он уже почти пошел в направлении единственного деревянного дома, когда из строя раздался срывающийся от волнения голос. Майор остановился, а точнее — задержался, скосив в ту сторону серые глаза.

— Почему один должен отвечать за всех? — спросил кто-то рядом с Упоровым.

Майор не ответил. Он только вопросительно поднял брови.

Из строя вышел бывший директор прииска “Коммунистический”, взволнованный и оттого еще более перекошенный Ведров.

— Не стану прятаться, гражданин начальник. Он рта не открыл, а его — в карцер. Почему один должен..

— Двое. Лейтенант, и этого в карцер!

Начальник лагеря “Новый” забыл о Ведрове, обращался уже только к лейтенанту.

— Еще раз прошу — позаботьтесь о тишине.

В баню шли партиями. На помывку отводилось тридцать минут, ложка зеленого мыла в ладонь и шайка теплой воды. После бани однорукый зэк выбрасывал из прожарки прямо на двор воняющее хлоркой белье, приговаривая:

— Хватайте шмутье, сидельцы! Кто смел, тот и успел.

Увидав Каштанку с наколотым на груди крестом и профилем Ленина, он постарался спрятать чувства поглубже, равнодушно процедил сквозь зубы:

— Был слух, тебя трюманули на “Крученом”?

— Обошлось,— лаконично ответил Опенкин и тут же спросил: — Что там за “моряки” в озере?

— Местные. Все местные. И вам здесь не обойдется. Три месяца, а потом или на проволоку или в купальню. Здесь человеку при любом здоровье не сдюжить. За зиму ползаны передохло.

— Спасибо, успокоил.

— Чем богат. Дальше сам додумывай. Ко мне больше не подканьвай — спалишь.

— Сарай за вахтой, ну вон тот, что в нем?

— Не зарься. Керосин, бутор хозяйский. Сто раз проверен.

— С тобой ясно, Культяпый. Даешь отмычку, и я тебя не знаю.

Культяпый бросил очередной тюк с бельем, слегка задумавшись, пошамкал широким ртом. Исчез он незаметно, в тот момент, когда Федор осматривался по сторонам, а вернувшись, сунул ему в руку аккуратный сверток.

— Выиграл у одного беса.

Каштанка развернул серую тряпку, удивленно посмотрел на Культяпого:

— Этот инструмент — Нежного.

— Какая разница?! Не сдюжил он, а ведь подковы гнул...

Культяпый с силой швырнул ком белья в амбразуру и, проверив обстановку скорыми глазами, закончил мысль:

— Жизнь здесь дешевле подлости. Иди, Федя, Царство тебе Небесное.

Трое сидели у остывшей, сделанной из куска широкой трубы печи и пытались понять друг друга перед тем, как на что-то решиться.

— Такой ночи больше не будет,— говорил взволнованный беседой с Культяпым Федор Опенкин.— Это не ночь, а подарок! Все устали. Все хотят отдыхать. Усталый человек не может быть бдительным. Вы уж мне поверьте: я всегда работал ночами.

— Бежать, бежать! Куда?! — спрашивал его Ираклий.— Карты нет. Продуктов нет! Друг друга кушать станем?

— Зачем друг друга? “Сухаря” прихватим пожирней, “корову”!

Ираклий выразительно скрипнул зубами:

— Помолчи, слушай, а?! Людей кушать не могу! Еще раз скажешь — знать тебя не хочу.

— Разборчивый! Видал — каким скоро будешь?! Гольный, синий, главное — мертвый.

— Какой буду, такой буду! Людей кушать не хочу!

Упоров слушал молча. Он предполагал, что этот полуразвалившийся барак может их всех пережить. Попробовать все объяснить заключенным? Разобрать барак и с колями пойти на пулеметы? Кто-то обязательно вложит... Да и пулеметы не пройти. Барак не обязательно ломать, не обязательно. Почему? Он сухой, как солома. Его высушил ветер. Сухой...

— Стоп! — выдохнул он вслух, и двое, перестав спорить, устались на него, ощутив живое присутствие интереса. Они подошлись друг к другу. Тень стала общей.

— Так что хранится в том сарае?

— Керосин. Разный бутор, нам не сподручный. Бежать надо, Вадим!

— Мы не убежим. Все равно поймают, поставят у “Доски почета”, как тех троих. Надо спалить этот гроб. Поджечь бараки! Ветер снесет огонь на караульное помещение..

— Ты... — Опенкин не мог найти подходящие слова.— Ты прямо это... гений какой-то!

— В бараках люди, их надо предупредить,— предложил Ираклий, но глянув на собеседников, понял, что сказал глупость.

— Федор, ты идешь?! — решительно спросил Вадим.

— Спрашиваешь! Ну и фраер нынче пошел отчаянный. Другой вор позавидует.

Они по одному исчезли от печи. Крались вдоль нар, стараясь не попадать в узкие полоски лунного света из оконных щелей. Бесшумно вошли в подсобное помещение. Ираклий держал решетку, Упоров выламывал скобой ржавые гвозди. Первым прилип к подоконнику и соскользнул во двор Опенкин. Через минуту его голова возникла из темноты:

— Мотай портянки на сапоги: скрипуче шибко. Сидор оставь!

Вдоль стены крались на четвереньках, лоя за воем ветра каждый посторонний звук. Вадим не дополз до угла с метр и замер, усмиряя расхолодившееся дыхание. За углом таилась опасность. Он думал о ней, как о живом человеке, напряженно сжимавшем автомат.. Предчувствие не обмануло: человек стоял, приплясывая на ветру. До него было метров десять, не больше. Ираклий молча протянул к Опенкину раскрытую ладонь, вор сунул ему нож. Грузин полежал совсем немного, вернул нож обратно, Фе-

дор с одобрением выставил большой палец. У всех сразу поднялось настроение. Ираклий неслышно поднялся, выскользнул из-за угла. Пошел, чуть надвинув на глаза шапку, ступая на носки. Ему удалось пройти больше половины пути, прежде чем скрюченный охранник увидел выросший из ночи силуэт арестанта.

— Ты! Ты! — оцепенело бубнил он, пытаясь сдернуть с плеча ремень автомата.

— Тс-с-с! — грузин прижал к губам палец. И вдруг словно тугая пружина сработала внутри его тела: он прыпнул до уровня головы часового, пяткой ударив его в лоб. Соучастник-ветер тут же скрутил звук и вытянул, отнес в дальний угол зоны.

Ираклий вытряхнул охранника из тулупа, с блаженной улыбкой забрался в теплую овчину.

— Я их покараю. Они в бане гужуются.

Потом поднял автомат и перевел затвор на боевой взвод.

Опенкин справился с замком без хлопот. Зэки не зажигали спичек — бидон с керосином нашли по запаху. Ираклий прикрыл тулупом охранника, снял с автомата диск и спрятал под доски.

— Может, подожжем? — кивнул на баню Опенкин.

— Не надо. С карцера замок сними.

— Попа жалко? Серьгу с сарая я уже сдернул! Он свободен.

На земле застонал часовой. Разговор сразу смолк.

— Тс-с-с, мент очнулся. Крепкий гад и каблук его не берет.

После чего расчетливо пнул солдата в челюсть. Охранник затих.

— Теперь не скоро разговорится.

— Одеваются! Одеваются! — заспешил Ираклий. — Двое уже в сапогах. Пошли, ребята!

— Я подпалю первый барак,— сказал Упоров,— Ираклий — второй, ты, Федя, — третий. Сейчас льем. Считаем до ста и поджигаем одновременно! Ну, мужики, не знаю, чем это кончится, но желаю удачи!

...Огонь родился не сразу. Прежде он мелко побежал по сухим доскам, подпрыгивая и смеясь,— этаким веселый хулиган — притих и неожиданно дал мощную вспышку, подбросив ввысь пропитавшиеся керосином опилки. Пламя закрутилось на месте, начало расти, как огромная змея из горшка заклинателя. Змея обвила угол барака, подстегнутая стремительным ветром, расплескалась по всему торцу здания, выросла гудящей стеной, согнулась под ветром, багровея и набирая неудержимую силу. На крышу барака огонь обрушился, как ни странно, сверху. Он упал на нее, и крыша сползла набок, рассыпавшись на отдельные пожарища.

Ветер все плотнее и глубже вбивал жар в глубокие щели, срывал куски толя, бросая горящие полотнища на казармы охраны.

Через час огонь охватил весь лагерь. Через шесть часов “Нового” не стало... Заключенные лежали на земле, прижатые к ней автоматными очередями. Свет погас, только огромные чадающие костры освещали безлесые горы. Скрипнула и завалилась вначале одна, затем другая вышка.

— Как же без охраны-то? — занудный Ведров толкнул в бок Культяпого. Тот не откликнулся: он только что умер.

День обещал быть трудным...

3

Утром по команде “Встать!” с земли не поднялись пятнадцать человек: старики, больные да сидельцы из но-

веньких, не догадавшиеся по неопытности прихватить на подстилку кусок толя или доску.

Трупы лежали в каком-то напряженном ожидании, точно и мертвые люди продолжали отбывать свой законный срок.

— К морякам! К морякам! — тыкал пальцем пожилой лейтенант.

— Их бы усих — к морякам! — рычал, постукивая покойников прикладом по голове, заспанный Стадник. — Злыдни, своих не пожалели. Девять голов тильки сгорело...

— Ваших сколько, земля? — поинтересовался Опенкин.

— Четверо, — по инерции ответил Стадник, но, узнав вора, показал ему кулак, а после устало отмахнулся. — Выжил-таки, змей чахоточный.

Старшина подошел к лейтенанту и доложил без излишних формальностей:

— Вроде сдохли. Стрелять будем?

— Как хотите. Только побыстрее!

— Уси куды-то торопятся, а порядок кто соблюдать будет? — ворчал Стадник, переводя автомат на одиночную стрельбу.

Тем временем с покойников уже стадили рубахи, сапоги и даже кальсоны. Старшина методично выстрелил в грудь каждому заключенному, кроме Культияного, чья грудь была занята портретами вождей мирового пролетариата: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Культияного пришлось стрелять в живот.

Арестанты подвезли тачки, не торопясь погрузили в них покойников, повезли к озеру пополнять команду "моряков". Не успевшие окоченеть руки умерших свисали с бортов дощатых коробов, покачиваясь, прощались с бывшими товарищами по несчастью.

— Досрочно освобожденные, — сказал вслед похоронной процессии Ведров, шмыгая простуженным носом.

— Не глумитесь,— попросил недавний сосед по карцеру,— на все воля Божья.

— Чепуха! Было время — мучился загадками, а Бога вашего не познал.

— Неверие есть духовная слепота. Пребывание на земле в том состоянии не наказуемо, ибо Всевышний больных не карает.

— Да кто вы такой, чтобы морочить людям головы?!

— Монах,— просто ответил блондин неопределенного возраста. Скорее всего, он был молодым.

— Что ж тогда Господь о вас не позаботился? По знакомству мог бы оказать милосердие.

Блондин запахнул свое черное драповое пальто без пуговиц, с отеческим сожалением посмотрел на Ведрова:

— Вы не в том расположении духа, потому останетесь при своем мнении. Но сказано: “Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явное...”

— Да пошел ты! Все извилины заплел!..

Монах не обиделся, что весьма удивило прислушивавшегося к их беседе Упорова. А Ведров и дальше продолжал выкрикивать полусшепотом что-то о моральной трусости и опиуме для народа. Бывший его сокамерник улыбнулся одними глазами и ушел в себя. Он видел далеким зрением души угасающего от телесной ветхости отца Никодима и слышал его шелестящий голос:

— Уйми гордыню, брат мой, изгони крамолу из речей своих. Паства наша должна знать одно: всякая власть — от Бога!

— От кого нынешняя, святой отец? — спрашивает молодой монах.

Отец Никодим молчит смущенно... Игумен искренне хочет, чтобы слуга божий Кирилл переплыл мутное житейское море без катастроф.

Кудрявая борода бесстрастного красавца лежит на литом кресте, белые руки скрещены на черной рясе, как

два ангельских крыла, а голубые глаза ждут ответа. Молодой монах знает о доносе, написанном соседом по келье Лазарем при свете свечи, источающей медовый запах. Слогом мягким, но разящим. Знает о том и отец Никодим, но оба берегут свои тайны, дабы не приносить друг другу большего огорчения.

— Власть нынче антихристова, — решается на ответ отец Никодим. — Обличать ее воздержись: терпение дарует терпеливому мудрость...

— Благодарствую, Святой отец. Только “возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царства Божия”, кое стремимся стяжать мы с вами...

Старец перекрестил спину удаляющегося монаха, едва сдерживая слезы. Ему не дано совершить подвиг по причине крайней немощи, оттого жизнь, прожитая в послушании и служении, кажется какой-то незаконченной.

— Смирно! — гремит на студеном ветру хриплый голос злющего, как собака, лейтенанта.

Эхо прошлого не сразу покидает отца Кирилла, он еще улыбается своим воспоминаниям и немного похож на счастливого человека, позабывшего свое имя.

— Смирно, сука небритая! — кричит на него окончательно взбешенный лейтенант.

Упоров дергает монаха за рукав черного пальто, тот медленно возвращается в действительную жизнь. Закопченные лица эков поворачиваются в сторону появившегося из обгорелого рубленого дома начальника лагеря с таким подкупающе интеллигентным и одновременно жестким лицом. Вадим окрестил его про себя “Черным человеком” и смотрит на него с тайным злорадством, вспоминая случай с парнем, которому майор сапогом вбил окурочку прямо в рот.

Стало известно: спасая роля, великолепный белый “Беккер”, погибли двое из охраны. Ганс порвал сухожилия, вытаскивая одного охранника из огня, и теперь, при-

храмывая, тащится сзади, лишенный былой мощи и грациозности. Его хозяин выглядит благородно-усталым. Темные круги под глазами придают ему выражение какой-то недосказанности: майор похож на революционера-разночинца, возвращающегося после неудавшегося террористического акта.

Он кашлянул в кулак, поднял глаза. Впечатление усилилось, и даже грязные сапоги как бы подчеркивали колебленный душевный порядок Черного человека.

— Бандиты, совершившие поджог, находятся среди вас... — опечаленный голос не дрожал, в нем еще осталось достаточно воли.— В результате их кровавого преступления погибло двадцать пять человек, в том числе — восемнадцать ваших товарищей. Пусть каждый из вас спросит у себя — заслуживает ли это наказания?

Этап загудел...

— Пусть ответ даст ваша совесть. Они так или иначе буду найдены. Долг тех, кто желает заслужить досрочное освобождение, назвать их имена. Мы будем ждать.

Они ждали сутки. Голодные заключенные сбились у затухающих костров, жуя заплесневелые сухари. Утром умерло еще четверо, у одного из груди торчал огромный гвоздь. Стадник пристрелил их менее охотно, а целясь в заколотого гвоздем, сказал:

— Этот знал злыдней...

— Чого ж мы уси должны лягать в могилу, гражданин начальник?! — затравленно озираясь по сторонам спросил вислоусый казак, прирезавший по пьянке родного брата.

Из четверых стоящих подле него бандеровцев только один сочувственно поддакнул. Это взбудрило казака:

— За що страдаем, братцы?! Аль жить никому не хочца?! Выходь, колы виноваты!

— Верно! — поддержал казака идейный педераст с веснушчатым бабым лицом. — Мы не желаем отвечать за чужое преступление!

— Не копти, Маруся, — одернул его бывший командир танкового батальона. Правая часть лица танкиста парализована, левая обожжена. — Из этой зоны живьем не уйдем.

— Дело к теплу. Выдюжим! Давай выходи, поджигатели!

Упоров туже запахнул полы телогрейки и пощупал большим пальцем лезвие опасной бритвы, подаренной Каштанкой.

“Это быстро, — думает он, одновременно ощущая бие-ние крови в артерии на горле. — Одно движение... И порядок!”

Неподалеку от Вадима задыхался человек. Вероятно, он хотел пройти вперед, но его начал колотить кашель, и кровь обагрила сухие губы. Опенкин с пониманием посмотрел на него, протянул свой клетчатый платок:

— На, сопли утри, мужик.

Человек задыхался, острые лопатки бились крыльями раненой птицы. Одет он был, как говорится, не по сезону: ветхое латаное пальтишко поверх рваной кофты.

— Худые дела, — покачал головой Опенкин. — Такое здоровье надо в карты проиграть.

— Нет уже дел, товарищ, — больной попытался улыбнуться. Улыбка получилась вымученной, скорее даже не улыбка, а гримаса боли. — Я врач, все понимаю, да сделать ничего не могу. Надо еще подождать...

Он торопился высказать случайному слушателю самое сокровенное:

— Ждать не хочется. Ничего не надо ждать! Вы, я вижу, не потеряли здесь сердце. Вот конверт. Это письмо сыну. Отправьте, пожалуйста.

Каштанка стушевался от неожиданного доверия, враз утратив всегдашнюю привычку ерничать.

— Да, еще очки. Оправа золотая... О каких пустяках я говорю! Простите. Но все равно, возьмите.

— Бросьте вы, доктор! Нехай меня казнят, отправлю! Хотите, я вам свой гнидник дам, а вы мне — свой “шикарный макинтош”?

Доктор снова закашлялся, благодарно улыбнулся взволнованному вору. Затем, худой и узкоплечий, он протолкнулся сквозь бандеровцев, осторожно похлопав по плечу самого широкого из них, загородившего ему путь:

— Разрешите.

— Я зараз знаю, кто “петуха” пустил. Здесь они, поджигатели! — громко произнес, до сих пор напряженно молчавший секретарь парткома колхоза “Путь Ильича”, что на Херсонщине, Шпаковский, подарив Упорову осатанелый взгляд.

Тот догадался: секретаря ничем не остановишь, его надо только убить. Еще он знал — это придется сделать ему самому. И постарался успокоиться, объяснить себе, что выбора нет. Так хоть кто-то спасется из тех, кого ты вел за собой на поджог. Прилив решимости очистил голову от посторонних мыслей.

— Гражданин начальник! — раздался впереди знакомый голос доктора из Ленинграда.

— Ну що тобі, що, голубчик? За гробиком пришел, купаться не хочешь?! — ухмыляясь, шутил Стадник, однако, послушав доктора, сменил тон:

— Що, що? Сдурела, падла чахоточная! Ты пиджог?!

Этап заволновался. Зэки начали подниматься на носки, чтобы разглядеть поджигателя.

— Вылез сам! Не менжанулся! Из воров, поди?

— Тю, придурок, — не видишь разве — политический. Из интеллигентов.

— Кирова им мало — лагерь спалили!

Доктор стоял перед Стадником, смущаясь от общего внимания, комкая в руке забрызганный кровью платок.

— Вы так и доложите кому следует: Стольпин Федор Федорович поджог весь этот ужас лично. А я пошел...

— Куды ты пошел, козьявка?! — ошалел от нахальства зэка старшина.

— В побег! — выкрикнул доктор и опять задохнулся кашлем.

— Застрелю, — благодушно улыбнулся Стадник, — чтобы собаки не разорвали. Так что вертайся в строй, я майора кликну. Марш в строй, гнида!

Доктор с выдохом толкнул старшину в грудь обеими руками и побежал к завалившемуся проволочному заграждению ходульной трусцой, смешно выбрасывая перед собой непослушные ноги.

— Стой! — заорал рассвирепевший Стадник, поглядел на этап и снова крикнул: — Стреляю!

Доктор быстро выбился из сил, едва шевелил ногами, загребая тяжелую грязь. Он повернулся в тот момент, когда успокоившийся старшина поднес к плечу приклад автомата... Доктор хотел что-то крикнуть, но пуля пришла чуть раньше. Он медленно поплыл к земле, развернулся спиной к стрелку, сделал шаг вперед и, получив еще одну пулю, упал лицом в стылую грязь.

Упоров позавидовал доктору. В тот, неожиданный для всех момент, такой скорый, вроде бы безболезненный конец виделся ему идеальным вариантом избавления от холода, голода и дурных надежд. Все равно когда-нибудь убьют или зарежут, так ведь пока дождешься того, о-го-го как намучаешься! И взглянув на человека, принявшего в себя его, Упорова, пули, зэк вдруг сказал себе: "Дурак!" И внутренне содрогнулся, почувствовав или увидев боль расставания души с телом. Душа была застрелена вместе с доктором, она кричала в каждой клетке этого остывающего существа и не хотела с ним расставаться. Ей было

страшно, потому что было страшно ему, даже без пули меж лопаток...

“Всему свое время,— Упоров закрыл глаза, чтобы не видеть жуткого прощания.— Твое время еще не пришло...”

— Шпаковский! — позвал посуровевший Стадник.— Ты чо хотел донести до нашего сведения? Знаешь, кто лагерь спалил?

Упоров снова взглянул на бывшего парторга. Тот был уже не так решителен, зато оказавшийся рядом с ним Ираклий рассматривал его с явной угрозой.

Шпаковский открыл рот, глянул на Ираклия, снова закрыл, определенно нервничая, в конце концов сказал:

— Чахоточный и есть, которого вы сразили, гражданин начальник! Ночью в окно лукался, когда я парашу искал.

— Ты ничего не перепутал, Шпаковский? Мабуть, другой злыдень был? Ночью они уси на одно лицо.

— Он не ошибся, гражданин начальник,— подтвердил Ираклий,— такой и ночью врага разглядит.

Шпаковский кивнул, продолжая заботиться о себе уже с большим старанием и не спуская с грузина насто-роженных глаз.

— Ты, Шпаковский, должен был раньше сказать; сам видишь, сколько людей страдает. Но все одно — молодец! А этот...

Старшина кивнул в сторону проволочного заграждения.

— Надо ж, гадость какая! За интеллигента канал! С виду-то и не подумаешь!

Подошедший майор молча осмотрел труп доктора, недоуменно пожал плечами, затем, остановившись около вытянувшегося в струнку старшины, спросил безразличным голосом:

— Нашли поджигателя, Стадник?

— Так точно, товарищ майор! Убит при попытке к бегству.

— Этот? — майор указал пальцем в сторону лежащего доктора.

— Он самый. Свидетель есть. Эй, Шпаковский!

— Не надо! — майор недовольно поморщился. — Этап возвращается. Выдать сухари, чай, селедку. Вас благодарю за службу.

— Служу Советскому Союзу! — прогавкал старшина и, повернувшись к заключенным, не выдержал, осклабился, потеряв всю свою молодцеватость, и каждая оспинка на его грубоватом простодушном лице расплылась в счастливой улыбке.

— Поздравляю, гражданин начальник! — Каштанка услужливо вытянул из-за плеча бандеровца тощую шею. — Такому выстрелу товарищ Ворошилов позавидует!

Старшина был начеку, но праздник вор ему испортил.

— Молчать, заключенный Опенкин! Не понимаете по доброму, тоды усэ будэ по закону!

— Тогда чеши за селедкой, пидор. Не слыхал — товарищ майор приказали?!

— Какой он тебе товарищ, вошь тюремная?!

— Иди — спроси! Но вначале тащи селедку!

Заключенные понимали. Стадник непременно застрелит вора при случае, однако забава им нравилась — этакая игра с ощущением неизбежного конца. При этом многие из них, окончательно разуверившиеся во всяком добре, испытывали что-то похожее на удовольствие от того, что кто-то уйдет раньше их. Даже обезноживший после лежания на холодной земле профессор математики Футорьянский смотрел на все с тихой улыбкой, освободив мочевой пузырь и забыв на время о своих бесполезных конечностях, размягчившихся до состояния студня.

Упоров взглянул на Шпаковского. Какая-то часть его души еще жила ожиданием неприятностей, но он нарочито небрежно вынул бритву и начал срезать ногти. Он хотел доказать себе, что ничего не боится, потому останется в выигрыше при любом раскладе. Он хотел себя обмануть...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Наверное, его долго будили. Когда Упоров открыл глаза, то молодой блатарь с хищной улыбкой раздраженно спросил:

- Ты чо, на курорте, боров?
- А у тебя есть запасные фиксы?
- Нет, а чо?
- Тогда спрячь те, что есть! Зачем пришел?

Упоров сел на нары, пощупал натруженную поясницу. Сто ходок в смену с тяжело нагруженной тачкой по прогибающемуся дощатому трапу. Это норма. После трех дней работы он вернулся к мыслям: не вскрыть ли себе вены?.. Именно на третий день ему стало казаться, что в коробе лежит тонн десять породы, а сзади грохотала такая же махина, и при малейшей остановке она могла сбить с ног, покалечить или убить. Ему все-таки удалось убедить себя — тачка катит не породу, а куски его бесконечного срока. Надо его вывести весь, до последнего камешка, чтобы выбраться из сырой шахты на волю, где не будет постоянного ощущения голода и опасности, как сейчас, при виде этой нахальной рожки молодого блатаря.

— Тебя ждут в третьем бараке,— сказал блатарь,— надо торопиться...

— Кому надо, пусть торопится,— ответил он со всем доступным ему в эти минуты спокойствием.— Ты только не погоняй!

Зэк что-то уловил в тоне Упорова, промолчал с угрюмым выражением податливого к гримасам лица. Они

прошли мимо дежурного, сделавшего вид, что дремлет, и, подняв воротники, вступили в холодную северную ночь.

“Все-таки ты рожден для потерь,— Упоров старался идти так, чтобы посыльный не оказался со спины.— Потерял сон, теперь можешь потерять и жизнь: там у них круто...”

В третьем бараке было светлее и чище, чем в остальных. Воры любили порядок. Возможно, не все, но те, кто любил, могли его и обеспечить. Они сидели вокруг стола, передавая по кругу кружку с чифиром, которая постоянно наполнялась расторопным татарчонком с порванной левой ноздрей короткого носа.

Человеку несведущему наверняка бы показалось: собрались крестьяне обсудить свои дела, и происходит это не в Стране Советов, где на собраниях положено кричать и обличать, а в какой-то другой, тихой, может быть, даже без тюрем, сказочной державе с трезвым королем у власти. В межвременье странного века душевного покоя...

На самом деле все было не так. Хороший вор — всегда талантливый актер, и сыграть мирное настроение ему ничего не стоит. При этом он не выдаст истинного расположения своего мятежного духа. Естественно, до поры до времени...

Воровской дух — тайна, непостижимая для случайного человека с улицы или с нар рабочего барака, где каждый фраер только и думает о том, как бы выжить. Выжить! И никаких там тонкостей в образе жизни, без которых вор — не вор, а обыкновенная порчушка, озабоченная низменными потребностями желудка.

Настоящих воров, одаренных в греходуховном понимании, так же мало, как и настоящих сыщиков или святых. Воровской дух есть данность не от мира сего, именно он každодневно возобновляет падение своего обладателя с таким же злонамеренным неистовством, с каким дар Божий возобновляет взлеты доброго гения. В ночной пустоте их души наполняются светом черной свечи. Он, не-

изъяснимым образом покоряя рассудок и сердце, диктует им законы Бытия, ничего общего с законом Божьим не имеющие. Но крест, который носит на груди каждый настоящий вор, есть тусклый отблеск Истинного Света, бессильная надежда на то, что Господь не оставит грешника без своих утешений...

Большинство же людей, объявляющих себя ворами, — суррогат, болтающийся в проруби; от лени и бездарности не достигли они собственного взгляда на жизнь. Это церковные, дачные и прочие воришки, выскребающие ценности не из кармана, а из человеческой души. О них говорить — не по мистическим, а по гигиеническим соображениям — противно.

Проблему истинного вора бессмысленно обсуждать на уровне социологии или другой какой науки. Вор — существо, оснащенное самим Сатаной еще в утробе матери. Все усилия объявить его продуктом общества тщетны: он всегда вне общества. А вор как продукт общества — просто жулик.

Непостижимость воровской природы рождает одно чувство — страх. Никуда от этого не денешься. Упоров ощутил как вспотели ладони. Пот — холодный.

Вошедшего, однако, никто не заметил, и это тоже органично входило в их игру маленьким изящным штрихом, когда человеку дают понять: он — ничтожество, жертва, и потому должен ждать, когда о нем вспомнят.

Зэк привалился к нарам, но ему сказали: “Садись!”, указав при этом место на лавке, и снова забыли.

Мысли вели себя суетливо и слишком самостоятельно. В них созревало что-то роковое, постепенно остывая до безразличия к собственной судьбе, чтобы через секунду снова вспыхнуть необъяснимым беспокойством.

Через нары от Упорова хорошо одетый вор переплавлял одно из своих походов в безобидный рассказ с картинками, не меняя при этом загадочного выражения лица:

— ...Толкую менту: произошла ошибка; я иностранный подданный, незаконнорожденный сын неаполитанской принцессы Шарлотты и товарища Шалапина. В этой варварской стране оказался совершенно случайно. А он мне — сто в гору: банк, говорит, на Ямщицкой тоже взял по наколке товарища Шалапина? Нет, отвечаю, с достоинством и по-английски.

— Ты?! — не выдержал желтушный зэк из профессиональных барыг.

— А кто же еще?! Мне задают вопросы, я и отвечаю: по политическим убеждениям, мол, банк молотнул. Необходимо было заплатить гонорар личному парикмахеру товарища Берии. Мент — в полуобморочном состоянии, я — в наручниках. Сидим и смотрим друг на друга. Он выпил воды, успокоился и спрашивает: “Это еще зачем?” Не теряя приличествующего иностранной особе чувства собственного достоинства, объясняю, опять же по-английски: “Чтоб он глотку этому козлу перерезал”.

— Ха-ха! — взорвались хохотом слушатели.

— Тише можно? — вежливо попросил сидевший особняком Аркадий Онуфриевич Львов и повел в сторону смеющихся крепко посаженной головой. Мягкими, не пугающими манерами Львов был чем-то неуловимо похож на начальника лагеря “Новый”, имея при этом значительное преимущество: среди людей своей масти он обладал огромным авторитетом.

Упоров прикинул: в этой компании ножа нет только у Львова да еще, может быть, у Никанора Евстафьевича Дьякова — им ножи ни к чему, за них есть кому заступиться. Тебе хуже: ты один и не знаешь, зачем позвали.

Он только успел подумать о Дьяке, как тот спросил, заботливо окатывая слова русским оканьем:

— Ты в карантинном был с Каштанкой?

Только сейчас Упоров увидел Опенкина, сидящего на дальних нарах. Рядом с ним — два плоских, ничем не оза-

боченных лица, настолько внешне равнодушных, что кажется — лиц и нет, одни маски.

“Они его кончат”, — догадался Упоров и ответил.

— Нас везли в одном “воронке”. В карантинном спали на одних нарах.

— Кенты, значит? Что ж ты ему по роже врезал?! — спросил квадратный человек с похожей на перевернутую репу головой. — Знаем мы эти зихера! Федор менжанулся, апосля подговорил фраера...

— Мужик говорит правду. Ираклий подтвердил, — возразил ему голубоглазый вор — тот самый, что рассказывал про свои похождения — и отхлебнул из кружки глоток чифира.

— У тебя все просто, Малина: фраер ударил вора, который мог помочь Скрипачу зарезать Саловара, и оба теперь в чистые прут.

— Почему ты его ударил? — спросил внимательно следящий за разговором Дьяк.

— Так получилось. Я не хотел, чтобы его убили. Мне незачем придумывать.

— Ираклий не должен врать, — глубокомысленно изрек Резо Асилиани. — Он никогда не врал.

— Ты спи, спи, Ворон, — попросил пожилого грузина не по возрасту седой зек, сохранивший от прошлой жизни уютную округлость живота, и обратился к Упорову. — Надо было придумать что-нибудь поостроумней, Вадим.

Седой дружески обнял Упорова за плечи легкими, словно лишенными костей руками.

— Саловар знает Каштанку. Он бы его живым не отпустил. Скажи нам правду и канай на нары, досыпай.

— Действительно, зря ты влез в эту историю, фраерочек, — худой и желчный львовский домашник говорил, улыбаясь той самой поганой улыбкой, которую не могли выносить даже судьи, — чистосердечное признание может облегчить...

— Хочешь чтобы я соврал?! Тебе надо непременно убить?

— Цыц! Куда прешь?! Тебя уже нет, падаль!

— Сам ты мерзость! И рожа твоя поганая!

— Что?! — Иезуит поднялся. — Воры, с каких это пор...

— Вначале надо доказать его вину, — синеглазый балагур по кличке Малина неторопливо придержал Иезуита. — Это же сходка, а не советский суд. Ты перепутал, Евгений.

— Вину? — спросил все еще обнимающий Упорова зэк и убрал свои воздушные руки. — На их глазах кончали Мыша, Заику, Скрипача, а Каштанка жив, потому что курवानулся!

— Криком делу не поможешь, Пельмень, — Дьяк не хотел разжигать страсти. — Мы решаем судьбу своего товарища.

— Ленин бы тебя давно кончал, Федька, — зевнул пожилой Ворон.

— Ты картавого не трогай, ты лучше спи.

— Хватит! — Иезуит поднялся. — Их надо заделать обоих. В назидание другим.

— Резать! — тяжело опустил ладонь на стол мрачный татарин с наколкой на высокой волосатой груди.

— Кто еще скажет?

В бараке прекратились игра и разговоры. Упоров понял: сейчас все решится. Он повел глазами... Тот, кто должен нанести ему первый удар, стоит близко. Он не видел его лица, но слышал спокойное, ровное дыхание человека, который ни в чем не сомневается...

— Вспомните Голгофу, — Аркадий Онуфриевич Львов обвел присутствующих хорошими безвредными глазами и позволил себе длинную паузу. — Иисус сказал о палачах: “Боже, прости им, ибо не ведают, что творят...”

Он волновался настолько естественно, что даже противный Иезуит не усмехнулся, замкнувшись в своем решенном несогласии.

— ...Распятые рядом с ним два вора плевали в лицо жандармов, ибо таково наше главное правило — умереть тем, кем жил. Если мы убьем Каштанку, он умрет воров, без греха...

— Не туда кроите, Аркадий Онуфриевич.

— Иезуит, я тебя слушал! Шесть человек из карантинного барака подтверждают то, что сказал моряк. У меня лежит письмо от Фазтона, он с ним шел на Кольму. Таким образом, фраер вне подозрений. Теперь о главном: где нас хотели сгноить, Пельмень?

— На "Новом". Удобное место, господа воры.

— Когда ты узнаешь, кто его спалил, тебе будет стыдно. Впрочем, о чем я говорю?! Мужики подумают: воры сошли с ума. За умалишенных никто не скажет доброго слова, а оно нам сейчас весьма необходимо. Я против смертного приговора моему брату Федору.

— Кто еще настаивает на виновности Каштанки? — спросил Дьяк, с презрительной полуулыбкой, обводя взглядом присутствующих.

— Я! — мрачный татарин опять хлопнул по столу ладонью.

— Один! Ты не виновен, Федор! Воры, тормознитесь. Еще не все. С "Юртового" пришла ксива: на "Крученный" привалил церковный вор. Грабил храмы на Псковщине, кончал в селе батюшку с попадьей, а блатует как честный вор...

— Зачем лишний базар, Никанор Евстафьевич, неужели мы допустим, чтобы церковный вор хлял за вора честного?!

— ...Вложил побег с Сучанской зоны.

— Он нагреб себе беды на две смерти. Свидетели?

— Есть! — поднялся с нар, держась за спину, мужик в цветастой рубахе, подпоясанной обыкновенной веревкой.— Белим — церковный вор, но это не весь его позор. В зоне поощрял “крыс”, целый крысятник вокруг себя развел.

— А за побег что скажешь?

— Так ведь Китаец жив еще был, когда их в зону привезли. Он мне в коридоре крикнул за Белима.

— Сенатора зарезал Белим,— Малина дал понять всем своим видом — признание дается ему непросто.— Сенатор был честным вором. И Белим был таковым, пока не пошел по церквям. В Питере мы с ним подельничали...

— В том твоей вины нет.— Дьяк поднялся.— Кто желает защищать Белима?

Они смотрели на Никанора Евстафьевича, подчеркивая общим молчанием отношение к судьбе обвиняемого.

— Ворон! — Дьяк сел, скрестив на груди руки.— Идите. Сходка вынесла приговор. Фраера с собой прихватишь. Толковый оказался, без подлостей.

Он одобрительно кивнул Уповору, точно перед ним стоял воспитанный ребенок:

— Иди с имя, Вадим. Вам по пути.

Все еще бледный Опенкин поймал взгляд Уповора, подмигнул блестящим глазом и тут же включился в разговор по делу:

— У Сенатора мамаша в Калуге. Вдовствует...

— Колокольчик поможет. Он при средствах.

— Сеню в Ростове повязали...

— Кто нынче из деловых на свободе?

— Рябой с Сидором. Им надо сообщить...

Дверь за его спиной закрылась. Он не почувствовал холода, почувствовал облегчение да еще вялость во всем теле. Испытание оказалось не из легких. Уповор собрался

было присесть на завалинку, но мрачный татарин, тот, что хотел Федькиной смерти, прорычал:

— Канай за нами, Фартовый!

А чуть погода спросил уже не таким злым голосом:

— Ты, видать, в детстве говно ел?

— Не досталось: ты съел его раньше меня.

— Борзеешь, фраер!

Он промолчал. Он был безгневен. Им владела приятная пустота чувств, и перекошенная рожа татарина не вызывала ничего кроме улыбки.

Люди шли в ночи словно ее родные братья, с кошачьей уверенностью, обмениваясь только взглядами, когда в тишину проникал посторонний звук. Они и в барак вошли незаметно, без шума, показав дремавшему у печи дежурному нож.

Тени опытных убийц плавали по потолку, по стенам, перевоплощаясь то в забавных кукол, то в сказочных чудовищ. Упоров наблюдал за ними уже лежа на нарах.

— Здесь, — прошептал сердитый татарин, пряча нож за голенище.

Остальное произошло быстро. Татарин схватил спящего за руки, двое держали ноги, а Ворон с утробным криком “гэ!” затянул полотенце на горле еще не проснувшегося Белима.

Белим забился в конвульсиях, изворачиваясь пойманным угрем, но следующий рывок остановил его мучения.

— Все, он пошел каяться...

Ворон спрыгнул на пол, вытер ладони об одеяло и встретился взглядом с поднимающимся с нар человеком. Это было не в правилах зоны — вмешиваться в дела воров, а проявлять своеволие в такой откровенно вызывающей форме и вовсе не рекомендовалось.

— Ты что хочешь, генацвале?

— Проводить душу убиенного раба Божьего,— ответил мягко и смиренно зэк.

— Не надо сорить хорошими словами: он был плохой человек. Пусть им занимаются черти!

Сердитый татарин чуть отвел от бедра руку с ножом:

— Убирайся, гнида!

Зэк, однако, не испугался, сделал даже шаг вперед, оказавшись таким образом в зоне удара. Тогда Ворон попросил:

— Не мешай ему, Али. Тебе никто не мешал, и ты не мешай. Делай свое, генацвале. А нас забудь.

Они покинули барак осторожно, без шума и суеты исчезая в темноте ночи.

Густой голос Монаха шептал вслед убийцам:

— В покоищи Твои, Господи: иде же вси святии Твои упокаиваются, упокой и душу раба Твоего, яко Един еси Человеколюбец...

Оцепенение проснувшихся обитателей барака постепенно ослабло. Первыми зашевелились слабонервные новички, неуспевшие привыкнуть к лагерным судам.

— Ужас какой-то! — тер нос проворовавшийся хранитель партийной кассы Иркутского обкома.— Пришли, убили и ушли. Кто хоть такие?

— Об этом тебя завтра спросят,— хихикнул из-под одеяла секретарь комсомольской организации Днепрогэса, сменивший в зоне имя Лазарь на Людмилу.

— Кто спросит? — заволновался хранитель.

— Кум, он любопытный...

— Но я ничего не видел. Я спал!

— Людка, перестань дразнить вахлака! А ты спи, пивень пузатый, никто ничего не видел.

“Все истекают страхом,— Упоров закрыл глаза, прислушиваясь к долгой молитве отца Кирилла над церковным вором,— тихо, в себе, как умирающие деревья...

Видит ли это Бог? А если видит, то что это за Бог?! И где милость Его или гнев? Где Божья воля в созданной Им жизни?"

Постепенно он изнемогает от неразрешимых вопросов и недавних переживаний, груз их влечет его в тяжкий сон, на пороге забытья он видит мать, склоненную над горящими свечами, простирающую над ними свои тонкие прозрачные руки, сквозь которые проходит другой, розовый свет несказанной красоты, и думает о Боге уже без раздражения, постепенно примиряясь со всем, что Им послано...

2

— Где Рознер? Рознер где?! — орет хромоногий капитан.— Как это болеет?!

Он бросает к коленям обе руки, а затем грозит кулаками в небо:

— Нарочно, сука, закосил! Ну я тебе сделаю обрезание: в кармане яйца носить будешь! Стадник!

— Да не волнуйтесь, Марк Борисович, зараз доставим вместе с дудкой.

Два охранника выволакивают из шестого барака первую трубу Европы Эди Рознера. Хрясь! Сапог попадает в бок тщедушного музыканта. Трубач кубарем катится по дороге и падает потным лицом в грязь.

— Братцы! — укоризненно ворчит Стадник.— Шо ж вы по брюху колотитя? Бейтя жидка по голове, щоб в ем коммунистично сознание пробуждалося. Який вы, пан Рознер, нежный: болеть задумали в любо время. Посля разводу пидете сральню чистить.

Но вот все на местах. В конце плаца появляется начальник колонии строгого режима полковник Губарь.

— Смирно! — командует дежурный капитан.

Рознер подносит трубу к окровавленным губам. Капитан ждет. Трубач набирает в легкие воздух, краснеет и тут же опускает инструмент:

— Нет, не могу, гражданин начальник. Грудь заложило...

— У-у-у! — рычит Стадник. — Люди на амбразуру кидались, а ему в дудку трудно дуднуть. Цаца пархатая! Лешков!

Не сводящий со старшины глаз Лешков жмет на клавиши аккордеона, колонна трогается, и над плацем несетя: “Утомленное солнце нежно с морем прощалось...”

Упоров думает о своей тачке:

“Надо смазать подшипник колеса. Еще надо успокоиться. Обязательно. Чтобы все думали — ты смирился. Скоро все будет по-иному. Изменится”.

Даже про себя он не осмеливался произнести слово “побег”. Но знал: это время рядом, оно приближается осторожно, неслышно, чтобы однажды распахнуть перед ним весь мир, и долгое умирание сменит безрассудство короткой жизни; а может быть — вспышка без звука выстрела, после которой сгустятся тени, упадут на тебя непроглядной темнотой, и оправдаются или опрокинутся предсказания о Мире Вечном...

Вадим чувствовал приближение этого момента — вначале просто так, без видимых признаков, одним беспричинно обострившимся желанием, а затем — в промелькнувшем на разводе чем-то внимательном взгляде, слишком пристальном, чтобы оказаться случайным. Он принес волнение, совпавшее с тем, что хранилось на дне мечущейся души.

После обеда учетчик из бывших воров, приписав несколько лишних ходок, сказал, делая вид, что целиком погружен в свои расчеты:

— Вали за будку. Ждут.

Вадим опустил голову — понял. Прихватив на всякий случай кайло, направился по указанному адресу, избе-

гая коротких, но внимательных взглядов всегда любопытных зэков. За будкой, под хилым дощатым навесом, где хранился подлежащий ремонту инструмент, на корточках сидел Никанор Евстафьевич. Он улыбался, но глаза его светились упреком, и потому улыбка была неживой.

— Добро вооружился, Вадик.

Упоров промолчал, но не смутился, а положил кайло и сам устроился на сломанных носилках.

— За зону сходить собрались нынче,— начал Дьяк без словесных излишеств. Недавняя его искусственная веселость исчезла вовсе, лицо окаменело, стало тяжелым, властным — лицо беспощадного человека.— Ты о том один знать будешь. Сам знаешь, какие мы бываем неласковые. Побег воровской. Федор за тебя поручился. Против твоих прав выступать не станем: хочешь — беги, не хочешь — откажись...

— Далеко собрались, Никанор Евстафьевич? — неожиданно дерзко перебил авторитетного урку Упоров.

Дьяк не обиделся, может, просто не подал вида.

— Вопросы на воле задашь, коли согласен.

— Согласен. Давно согласен! Хоть сейчас бы рванул.

— Не торопись. Подумай: на куды идешь? Тут половинка на половинку...

Овладевшее зэком состояние покоя, наконец-то свершившейся устроенности намерений, помогало ему открыться с бесхитростной откровенностью, как на исповеди:

— Я бы и без вас ушел, но раз уж так подвезло... Спасибо!

На другой день видел, как вели в БУР пятерых отказников, последним шел Каштанка. Вор чуть прихрамывал и почти не смотрел по сторонам. Вероятно, Дьяку понадобилось что-то передать в барак усиленного режима. Хитрая механика казалось бы не связанных, внешне

обыденных фактов, крутилась на одной оси, и Вадим, сам того не ощущая, был включен в это скрытое движение. Он крутился по тайной воле воровского схода.

Слушая философствующего перед сном Ведрова о том, что у Сталина вот-вот откроются глаза и вождь наведет в стране порядок, Упоров переставал думать о победе, боясь, что больше никогда не сможет уснуть, охваченный влекущим состоянием непокоя.

— ...И в партии начнутся перемены, каким положено быть. Сознательная дисциплина партийца должна быть подкреплена моральным и материальным стимулом.

— Та кто ж еще акромья коммунак тащит?!

— Тащить-то как раз и не надо будет, если включить систему стимулов. Возьми тех же воров,— Ведров перевернулся на бок, изо рта его аж до верхних нар пахнуло кислой капустой.— Они выживают за счет жестокой дисциплины и взаимной заботы. Сходка решила — вор кого-то зарезал. Ему — расстрел, семье, коли есть семья,— помощь.

— У воров семьи нет. Не положено,— возразил давний сиделец Якимов.— Вор, он сам по себе. Его ни с кем не спутаешь...

— То было. Нынче многие семью имеют. Домом живут. А глянь, как они обиженных слушают или в душу, кому надо, лезут, таких душеведов среди коммунистов нету.

Ведров улыбнулся, как улыбался своим подчиненным, когда был директором прииска, и добавил:

— Или своих не щадят...

— Ну здесь-то они с коммунаками похожи...

— Что ни говори, а есть в них рыцарское начало. Вот этот, ну, что нынче задушили...

— Белим, что ли?

— Именно, Белим. Церкви потрошил, субчик. Самый позорный факт воровского ремесла. Большевики, между прочим, этим гордились.

— Не знаешь ты ихой жизни, Ведров, вот и несешь всяку околесицу,— вздохнул Якимов.— Темная она, как твоя ночь. Все в ней кроваво. Коммунисты, марксисты, воры, суки, беспредел. Люди где, Ведров?! Люди?! Им среди той шерсти места нету, потому как живет та шерсть не по людским законам.

— Ничего ты не понимаешь, Филимон Николаевич! Жан Реклю говорил: “Рабский...”

— Кто такой-то? Больно кликуха мудреная.

— Он француз.

— Пуцай к нам не лезет, раз француз!

— Ты слушай вначале. Он говорил: “Рабский ум создан таким образом, что не придает никакого значения событиям, если они не закреплены кровью”.

— Все про нас! — сладостно переменялся Филимон Николаевич, помнивший многое из того, что полагалось забыть.

Он помнил, как мельчали сытые столичные воры, придавленные кольмскими морозами, превращались в трясущихся попрошаек пижонистые одесситы. Колыма беспощадно ломала не подготовленную к социалистическим лишениям дореволюционную уголовную аристократию.

Он помнил кольмского императора полковника Гаранина, одним движением бровей отправлявшего на верную гибель сотни рабов, кирками пробивавших тоннель в монолитной скале со скоростью самого современного и мощного комбайна.

Однажды Гаранин заехал на “Еловый” по какому-то непредвиденному случаю. Его машина не могла подъехать к столовой. Заключенные взяли автомобиль на руки и поставили у входа. Местный повар уже суетился у печи, готовил все самое лучшее, потом мучительно долго ждал решения своей участи, сидя на кухне под охраной двух автоматчиков. Открылась дверь... Истопник Якимов видел, как теряет

лицо бывший шеф повар столичного ресторана “Метрополь”, адъютант Гаранина манит его пальцем. Он идет непослушными ногами к молодому человеку с расстегнутой кобурой... Гаранин с привычной медлительностью всех великих судьбодержателей рассматривал седого нескладного человека сквозь дым американской сигареты. Полковник убивал его еще до того, как прозвучат выстрелы. Потом икнул, сказал неожиданно простые слова:

— Ты хорошо меня накормил. Ты свободен. Совсем свободен.

Повар сошел с ума. Он показывал кукиш истопнику Якимову и, не выпуская изо рта щепку, говорил голосом колымского императора:

— Ты свободен! Ты совсем свободен!

Сумасшедший кричал даже на улицах поселка, будоража полупьяное население, и комендант уже собирался его застрелить, но бывший повар, оказывается, был не совсем дурак: почувствовав опасность, крадучись ушел в тайгу, чтобы замерзнуть свободным, как распорядился полковник Гаранин...

Отвыкший за двадцать лет добросовестной неволи от мыслей о свободе, Якимов хорошо воспринял высказывание француза с таким мудренным именем насчет рабского ума и крови, потому еще разок с удовольствием повторил:

— Все про нас. Как в книжке прочитал, зараза!

— Хочешь, я тебе расскажу о нем подробнее? — расщедрился польщенный Ведров и сел на нарах.

Якимов покосился на спящего Гнускова, о чем-то поразмышлял про себя, ответил с внезапным раздражением:

— Да отвяжись ты со своим французом! Нужен он мне, как зайцу — триппер! Его б на нары, пуцай бы здесь писал всякую там хреновину!

— Глупый ты, Якимов,— Ведров снова забрался под одеяло.— О Кольме никто никогда не напишет. Кольма — край без истории. История, сказано,— свет истины, а истина Кольмы — смерть...

Упоров закрылся с головой, ему не хотелось слушать о смерти и каких-то других человеческих трагедиях. Подобные разговоры выводили его из состояния спокойной уверенности, коей он проникся во время беседы с Дьяком.

...

Он бежит! О чем рассуждать, о чем?!

Приближение странного сна с реальным видением предметов и столь же реальным чувством отказа от самого себя было встречено с тревогой, прожившей, впрочем, совсем недолго. Вскорости он уже не удивлялся маленькой узкой нише, в которой стояла тоненькая, прозрачная как утренний полусвет, белая свеча. Вид ее вызывал сочувствие и в то же время теплую доверчивость к чему-то собственному, потаенному, сокрытому в самом сердце, как вроде бы только эта хилая свеча надежды способна была высветить тропинку, ведущую к познанию необходимого, единственно верного пути, который надлежит тебе одолеть.

Рядом с ней, в нише пошире, поудобней, да просто в просторной нише, стояла другая — уверенная, надежная, как плаха, черная свеча... И хотя поначалу свеча не вызывала никаких чувств, он не мог оторвать от нее глаз, завоженный глубоким черным светом.

“Это твоя свеча!” — сказал настойчиво властный голос, тоже черный, несмотря на то, что звук не должен иметь цвета.

В душу, как заблудившийся в пургу ребенок, просилась молитва. За ее уже опознанными словами стояли мать, дед, еще кто-то, доселе не известный, но близкий. На мгновение все они стали иконой из другого мира, и он сложил чуть дрогнувшие персты в щепоть, чтобы осенить

себя крестным знаменем. Не случилось. Теми же перстами он зажег черную свечу...

3

Колесо тачки юзнуло на скользком гольше и сорвалось с дощатого настила.

— Эй, Фартовый, не тормози работу!

Вадим вытер со лба пот, отмахнулся от дубоватого нарядчика с беспалой правой рукой.

— Спрыгнула, стерва! Не видишь, что ли?! Где Бойко?

Из темноты, растопырив короткие сильные руки, появился улыбающийся зэк.

— Пособи, Кондратик! Каменьев набросали...

Бойко молча берет тачку под низ с хозяйским сапом, будто норовит рывком подкинуть ее к низкому потолку шахты. Говорит:

— По-стахановски грузишь, Вадик. Будь ласков, налягни на ручки. Ну, взяли! Гэп!

Колесо встало на середку трапа, скрипнула просевшая доска.

— Спасибо, Кондрат!

— Шо ты, Вадик! Яки могут быть счеты меж родными людьми: мы ж с тобой — враги народу.

— Поехали! — торопит нарядчик.

Тянется вереница тачек из провала штольни, со скрипом мучается под их тяжестью трап. Жилы на обветренных шеях заключенных вздулись синими веревками. Кажется: лопни хоть одна — и вся кровь из человека выплеснется, словно теплое шампанское из бутылки.

Кто-то ослаб донельзя. Может, пайку проиграл, а может, просто отняли. Толкает из последних сил, загребая

неустойчивыми ногами липкую землю. Буксует, рычит почти по-звериному, упираясь искаженным лицом в беспощадный груз.

— Давай! Давай, падла гнилая! — подбадривает рядчик.

Подбежит, подтолкнет малость. Заскребся сиделец дальше, не думая о том, что сердце его уже свое отработало и завтра, возможно, откажет. Тогда от всего освободишься, а тачку твою покатит другой...

Колесо опять юзнуло. Но на этот раз Упоров удержал тачку на трапе, хотя казалось — ее неуправляемая тяжесть вывернет локти. Он знал: все это — от мыслей о победе, однако не мог о нем не думать даже в то время, когда надо отдавать все силы перегруженному колесу. Порой казалось — он везет весь ворох своих переживаний в корзине вместе с золотоносной породой. Вот сейчас бы вывалить их в бункер и освободиться от нестерпимого гнета. Опрокидывал тачку, сипел сквозь стиснутые зубы:

— Да будьте вы прокляты! Убирайтесь вон!

Они вроде бы уходили, но следующая ходка была не слаще...

И все-таки что-то приближалось.

Вечером в третьем бараке вернувшийся из БУРа Опенкин угощал салом. Наверное, воры хотели взглянуть насколько он измотан ожиданием. Упоров прятал себя в пустых разговорах, хотя его неудержимо влекло к Дьяку. Хотелось спросить: “Ну когда же, наконец? Когда?!” И надеялся — после станет легче.

Но вор его не замечал.

Никанор Евстафьевич сидел на скамье у стола, прихватив в горсть квадратный подбородок, слушал хитро-сплетенные речи привалившего на “Крученный” очередного вора по кличке Шалун. Новенький был покрыт наколками с головы до ног и всячески подчеркивал

свои художественные ценности, обнажив до локтей руки и расстегнув рубашу.

— О чем толковище, Федя? — спросил Упоров Каштанку.

— Путаное дело. В непонятное залетел Шалунишка от большой ловкости. На “Веселом” полосатики охрану заделали, пошли “Горный” освобождать. Там тоже полосатики. Трое воров — с ними, а Шалун с Горошком в зоне остались. Ну, понимаешь, не по-воровски это как-то...

— Что с теми полосатиками?

— Ты слушай, Вадик, не то прогонят. Любопытным здесь не доверяют. Слушай!

— ...Я же не политический, мне с ними тусоваться понта нету. Зачем мне с ними? — спрашивал Шалун, но при этом смотрел только на Дьяка или Львова, стараясь не прозевать их сочувствия.

Когда Львов отвернулся, чтобы достать из-под матраца портсигар, Шалун нервно сглотнул слюну и, подмигнув Дьяку, спросил с хохотком:

— К чему такие вопросы, Никанор? Может, ворами нынче положено в партии состоять?

— В партии свои вору, Гоша. Ты говори, тебя слушают. Пошто из зоны-то не вышел?

— Не вышел, да и не вышел. Не счел нужным. Допрос устроили, легавый буду! Не доверяете?! Посылку дербанули утром. Меня как последнего ффраера кинули!

— Тебе и вправду в партию пора: о кишке даже на сходке думаешь.

— Так это сходка? Тогда зачем здесь ффраерская накипь?!

— Ну-ну,— Львов зябко потер ладони и лег на нары,— такие разговоры уважающему себя вору не к лицу. Не хотите объясняться — не надо. Но мужики сказали: “Вору на “Веселом” менжанулись.” Это неприятно.

— Я расскажу. Мне скрывать нечего. На “Веселом” режим — кто не знает — Бухенвальд курортом покажется. Полосатики — все бывшие фронтовики.

— Сучня? — спросил Резо Асилиани.

— Там, Ворон, одна масть — полосатая. Все дерзкие. Друг друга не кладут. Такие самого Берию не испугаются. Ну, их и постреливали без всякого учета. Потом выискался полковник из самых центровых. Мищенко фамилия. Ключки нет. Он к нам пришел. Трое с ним ушли, а мы с Горошком в бараке остались. Давно, видать, они готовились. Охрану в один час сняли. Нож за двадцать метров в спину по рукоятку вгоняют. Оружие захватили и пошли на “Горный”...

— Вы в зоне тормознулись новых ментов дожидаться, без охраны не можете? — вставил безразличным тоном Пельмень.

— Куды бежать? Патрули кругом на машинах. Стреляют без предупреждения! У меня своя, воровская правда. За чужую подыхать не хочу.

— А те трое, которые тоже воры, они...

— Не кусай его, Пельмень. Сам, поди, герой не лучше. Все сказал, Георгий, али еще че есть сказать?

— Кончали их десантники. Часов пять шмалялись. Трупы на грузовиках вывозили, а недобитков, ну, раненых, пленных, уже за зоной расстреливали. Лягушонка видел. Все были в полосатом, а он — в цыганской рубахе и прохорях. Таким бравеньким умер...

— Это лишнее, Георгий, — глухо остановил рассказчика Дьяк. — Горошек, товарищ твой, значит, к сукам намылился? Ничем не погнушался за ради спасения собственной шкуры. Видать, от недоразумения на свет появился. Зарезать придется дружка твоего, Гоша...

— Э-э, не туды гнешь, Никанор Евстафьевич, я с ем не кушал. Рассудили одинаково, так что в том? Вор — человек свободный...

— Он хоть путный вор-то? — не слушая Шалуна, с сомнением в голосе спросил Дьяк и откинулся спиной к нарам.

— В детстве бандитизмом увлекался.

— О! — искусно удивился Малина. — Какой же он тогда вор?

— Доскажу, коли перебивать не станешь, — продолжил старый маклер Шарабан, умудрявшийся делать приличные ксивы даже в зоне. — Поначалу с кровью грабили. Его Арсен грохнуть собирался...

— Почему не собрался?

— Самого грохнули. Тоже рыба бала еще та. Но потом вроде одумался, прибился к хорошим людям и на всех командировках катился воров.

— Ситуация деликатная, — сказал Львов, поигрывая серебряным портсигаром. — Намерения сделать зло у них не появлялось, но и поддержать святое дело...

— С чего ради?! — взвился Шалун, выплюнув окурок. — Вам хорошо за мои грехи базарить, Аркадий Онуфриевич. Сами бы там!.. По-вашему, я должен был как Лягушонок...

— Как Лягушонок ты не сможешь, — спокойно возразил Резо.

И только тут Упоров понял: Шалуна ведут, будто телка на веревочке, на забой. Осторожно, чтобы не нарушить, соблюсти неписанные воровские законы, дразнят его природное бешенство и ждут, когда оно себя проявит удобным для сходки образом.

В этот ответственный момент Шалуна и подвели нервы.

— Замолчи, зверь! — крикнул он, выхватывая нож.

Большого не требовалось... Львов перестал играть серебряным портсигаром, Дьяк прикрыл глаза, чтобы не выдать своих чувств. Пережитая в напряженном молча-

нии пауза была прервана сухим бесстрашным голосом Ворона:

— Желаю твоих извинений, Георгий. Ты должен знать: на сходке нет ножей.

Упоров почувствовал, как от этих слов в нем проснулось воспоминание о странном видении, и спросил себя: “Почему ты зажег черную свечу? Ты же не хотел...”

Шалун метнул вопросительный взгляд в сторону Дьяка, но тот уже открыл глаза и разглядывал бегущего по столу таракана...

Перед сходкой стоял человек, почти готовый лишиться воровской чести ради того, чтобы сохранить жизнь. Он знал: Ворон его убьет, если не последуют извинения, а извинения сводили на нет все усилия оправдаться перед сходкой.

Посетившая его решительность, новая вспышка гнева повели Шалуна навстречу окаменевшему Резо. Но сделан был только шаг, и снова пришлось пережить унижительный момент бессильного отчаяния. Упоров видел, как он вернул за голяшку нож, с легким чувством злорадства прикинул: завтра опальный вор будет вместе с ним катать неуправляемую тачку, потому что сейчас потеряет бессудное право блатного...

— Я... я,— Шалун кривил губы, желая придать извинениям некоторую небрежность,— в общем, лишка двинул малость. Ты знаешь, Резо, как я к тебе отношусь!

Асилиани не проронил в ответ ни слова. Он ждал большего, рассматривая Шалуна с тем же холодным спокойствием, и ничто не могло укрыться от его черных, как зажженная Упоровым свеча, глаз.

“Похоже... Очень похоже!” — Ээку казалось: он уже ощущает какую-то связь между черной свечой и ненавистью Ворона, но в то же мгновение Шалун сказал совсем другим голосом. То был голос кающегося ффраера:

— Прости меня, Резо. Я был во всем не прав...

Георгий стиснул замком ладони, они стали белыми от нечеловеческого напряжения, по всему чувствовалось: ему непросто расстаться с выгодами своего положения, однако он все же нашел в себе мужество спросить:

— Дьяк, я отречен?

Никанор Евстафьевич промолчал, гоня по столу таракана, а уловивший общее настроение Каштанка расслабленно, но хлестко махнул рукой, и брошенный нож по рукоятку вошел в стену барака. Все видели: Федор делает это не хуже тех, расстрелянных на “Веселом”, полосатиков...

Вначале он ощутил постороннее присутствие в своем сне, испытал смутное беспокойство, однако не проснулся, а сжавшись, продолжал доигрывать очередной сценарий своего спасения.

... Воздушный шар болтался над бушующим океаном, то застревая в вялых, полных мокрого снега облаках, то с бешеной скоростью мчался в сторону сияющего огнями острова. Но как бы ни был стремителен полет шара, рядом с ним парил зеленый ангел с брезентовым лицом Стадника. Огромные крылья старшины без малейшего усилия рассекали горы облаков. Ангел был величественно-грозен, только колочий взгляд его неподвижных глаз напоминал о земном происхождении.

Упоров боялся этого взгляда, и чтобы не встречаться с ним, дергал за стропы с таким усердием, что обжигал ладони. Ангел приближался, с каждым витком сужая круги, и когда зэк в очередной раз потянул за стропу, она лопнула... Открылся бушующий океан. Вадим стремительно падал вниз, а ударившись о макушку гигантской волны... проснулся.

...

Перед ним сидел Ираклий Церетели, примостившись на самом краешке нар.

— Кто-то с рогами приснился, да? Стонешь, ругаешься... Нервы не бережешь. Нервы умирают навсегда.

Упоров протер рукавом грязной рубахи глаза, спросил.

— Ты по делу, Ираклий?

Церетели кивнул. Всклипывает на нижних нарах корсотый Ведров; ровно, чуть с присвистом дышит даже во сне благостный отец Кирилл.

— Прежде всего ничему не удивляйся. Мой земляк, ну этот, Джугашвили (сказано чисто по-грузински — как о плохом человеке: с некоторой забывчивостью), скоро умрет...

— Сдохнет,— поправил его Упоров и уже с интересом поднялся на локтях.— Об этом пишут в газетах. Ты пришел провести траурный митинг?

— Я пришел сказать: в тот день ты бежишь.

Упоров не смог справиться с ознобом, обхватил плечи руками.

— Побега будет два,— шептал ему в ухо Церетели.— Один поведет мой земляк Гога. Ты постарайся с ним не ходить.

— Почему?

— Во-первых, не шуми — люди спят. Гога — хорошая душа. Жаль, голова безмозглая. С ним красиво ходить на смерть. В побег ходить не надо.

— Спасибо, Ираклий.

— Ты мне не чужой, Вадим. Я хочу тебе доброго.

Грузин спрыгнул с нар и растворился в барачном полумраке. Всегда скрипучие половицы вели себя тихо, словно были с ним заодно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В столовой напряженно стучали ложки. Изредка поверх стука возникал властный голос старшины:

— Шестая бригада отстает! Шурка, отдай Лариске пайку. Отдай, говорю, он еле ноги таскает. Я те дам “проиграл”! Ишь, разыгрались, дырявые!

Пахнет гнилым луком, затхлой овсянкой, сваренной в немытом котле. Похлебка иногда выплескивается на стол из чашки, но высыхает и следа не остается: вода... Или, может быть, даже жиже.

— Говорят, на “семерке” вчера кобеля изловили,— оставив чашку, мечтательно вздыхает сморщенный, как сухой гриб, зэк.

— Кобель тот голодней тебя: одни мослы.

— Жарили?

— Так ведь не живьем его жрать.

— Жарили! — уже в утвердительной форме повторил зэк и со вкусом почмокал губами.— За один только запах недельную баланду отдал бы. Нынче Шурик Чесаный выиграл у повара ведро очисток. Вдвоем съели — должок за им был. Шо ты думаешь? Пузо полно, а сытости нету. Хоть бы крысу словить...

Упоров дохлебал баланду, смел в ладонь крошки от пайки, осторожно высыпал в рот и глянул на сидевшего за другим столом зэка по фамилии Колос. Даже в нынешнем своем невзрачном состоянии бывший начальник спецчасти самого крупного на Украине оборонного предприятия выглядел мужественным красавцем. Восемь лет он получил за изнасилование. Сын соратника легендар-

ного Ковпака мог рассчитывать на полную невиновность, если бы жертвой стала обычная или точнее — одна из обычных, прошедших через его кабинетную спальню, девиц. Он притащил ее с комсомольского актива, почувствовав сопротивление, с яростью ударил кулаком по переносице. Оксана Ярошинская оказалась дочерью начальника НКВД... Единственная дочь генерала. А мама — дочь члена ЦК Украины. Очень серьезно... Непреодолимо серьезно!

Ковпак прикинул и защищать насильника не считал нужным.

— Хай як уси! — сказал партизанский вожак, стоя у высокого окна кабинета. — Колы он настоящий чекист, выдюжит. Тогда подмогнем.

— Як скажете, батько, — вытянулся Игнат Колос, собиравший со стола фотографии красавца-сына.

Первое время на Кольме Михаил Колос был под опекой начальника оперчасти Андрощука. В нарушение всех правил он кормил собак в питомнике, торопливо вычерпывая из котла ладошкой собачью еду. Его сгубила красота. Супруга Андрощука Изабелла Мефодьевна не устояла. Ей с детства морочили голову герои оперетт, а здесь — вот он, несчастный! Любовь повлекла ее в темный закуток собачьего питомника. Там их и прихватил с полным начальником оперативной части.

Андрощук бил грешную супругу рукояткой табельного оружия, однако не посмел выпустить из него пулю в высокий потный лоб сына соратника легендарного Ковпака. Боялся, что когда-нибудь... В общем, всякое может случиться.

“Как чекист бывшему чекисту я дарю тебе жизнь, — сказал он, отдышавшись. — Откроешь рот — заберу подарок обратно.”

Колос надернул штаны и упал перед ним на колени. Мрачный Андрощук, сунув в карман панталоны супруги,

ушел не обернувшись. Он был добрым человеком, но не любил, когда с его женой спит кто-то посторонний...

В зоне, на общем режиме, Колосу стало невыносимо тяжело. Он лазил по помойкам с одним желанием: бросить в требовательный желудок корку хлеба. Хорошо играющий Руслан Чащаев все подметил и предложил страдающему человеку постоянную связь.

— Я тебя люблю! — сказал, прижав Колоса к сушилке, страстный Руслан. — Никто не узнает. Давай попробуем? Белый хлеб будешь кушать...

У Колоса хватило сил для сопротивления, но с каждым днем голод все настойчивей гнул его волю. Тихий голос из пустого желудка шептал: "Плохой человек лучше хорошего мертвеца. Скоро ты упадешь..."

Он нес в морг тело покойного секретаря обкома партии Антипина, который отравился на помойке крысиным ядом, и думал о том, что Руслану придется уступить. Иначе — смерть. Такая же — на помойке или в другом месте, какая разница?! Руслан не хочет насилия, хочет по-хорошему. Говорит — любит... Тьфу, мерзость какая!

"...Похоже, этот тип нервничает, — решил наблюдая за Колосом, Упоров. — Тоже завязан с воровским побегом? Но каким образом? Чекист..."

— Встать! Выходи строиться!

Вадим встал. Мысли остались при нем.

"Бандитов и насильников воры к себе не допускают. Значит, дело в чем-то другом..."

Около Колоса завертелся Руслан. Погладил по заду, сунул в карман телогрейки небольшой сверток.

"Явно клеит в невесты чекиста. Ничего не понимаю! На мясо берут? А может, тебя — на мясо? Хрен пройдет!"

Кокетливо краснеющий Колос вызвал отвращение. Но ему было необходимо взять себя в руки и видеть то, что происходит с этим опускающимся типом.

Развод начался строго, почти торжественно, без привычных окриков и угроз. Команды заметно сдержанны, даже спокойны. Лица конвоиров не столь равнодушны, если не сказать — слегка растеряны. Что-то случилось. Только не дознаешься, все словно воды в рот набрали.

Тысячное разнобашмачье ног стирает до летучей пыли мерзлую землю лагерного плаца. Пыль поднимается над колонной коричневым облаком, оседает на жухлой траве и самих зэках.

— Вольно! — командует дежурный по лагерю. — Можно покурить.

Вот те раз — курить на разводе!

— Щас амнистию объявят! — шепчет изработанный в шахте мужик с печальным взглядом терпеливой лошади. — Иначе умру завтра.

— Вы за что устроились, провидец? — интересуется у мужика зэк в приличном коверкотовом пиджаке.

— За хлебушек, сокол мой, за хлебушек. Стянул мешочек. Он червончик и вытянул. Тяжелый оказался...

— Сподручней было кассу взять.

— Не обучены. Испокон веку — при хлебе. И без хлеба.

— Вы что, по кассам практиковали? — вроде от нечего делать спрашивает у того, что в коверкотовом пиджаке, Малина.

— Нет, что вы! — зэк натурально сменился в лице. — Случайный человек, по случайному делу.

— А лепень ваш играет, простите за навязчивость?

— Я не из мастаков, но по-немногу шпилю. Для души и лучшего время препровождения.

— Но часики-то на вас игранные. Уж сознайтесь, игранные?

Зэк в коверкотовом пиджаке прячет глаза под красными веками.

— Совершенно неожиданно у одного бедового фронтовичка выиграл. До сих пор удивляюсь.

— Так вы, рассказывают некоторые осведомленные товарищи, на мокром деле отличились?

— Как вы смеете! Взгляните на меня, я же интеллигентный человек. Шел на свидание к даме сердца, а вместо нее пришел муж. Ударил меня головой в лицо. Я говорю: “Давай помиримся. И иди к моей жене.” Три свидетеля говорили то же, что говорю вам я. Все происходило у фонтана, в который мочился пьяный Пушкин. Там же этот ревнивый тип вынул нож, а мне знакомый армянин одолжил бутылку шампанского. Перед тем как он хотел меня зарезать, я ударил его бутылкой. Чуть раньше и по голове. Что было дальше?

— Да, что было дальше? — Малина принял игру.

— Голова оказалась некачественной, а он — беспартийным, еще и уголовным типом. Это меня спасло. Вначале мы дали следователю, затем — судье и прокурору. Последние двое оказались людьми честными: они дали мне сдачи — шесть лет за непреднамеренное убийство.

— Так они грохнули Фрукта, — прокомментировал исповедь Пельмень, лениво слушавший их разговор. — Фрукт шел их вложить, а Филон стукнул его бутылкой по голове. Все правда.

— Фрукт был бяка, — улыбнулся Малина, — не будем о нем вспоминать. Часы, насколько я уяснил, играютя.

Филон нажал кнопку. Часы открылись. Упоров — он мог в этом поклясться — видел, как рука Малины сняла из-под крышки бумажку.

Филон вздохнул.

— Согласен. Но учтите: бока — швейцарские.

— Когда они успели сменить гражданство? Прошлым годом на Челбанье их играл покойный Мьшь; они были французские.

— Мьшь-таки покойный? Быстро он это умеет делать!

— Губарь идет! — ожил укравший мешок пшеницы мужик.— Злой шибко. Плохие, поди, вести.

— Ну это точно — амнистия, а ему с тобой расставаться не хочется.

— Дал бы Бог!

— Богу нынче не до нас: Гуталина ждет на Страшный Суд.

Продолжая наблюдать за листком, Упоров видел, как он попал вместе с папиросой в руку Ворона и тут же — к Каштанке. Конечного адресата разглядеть не успел. Раздалась команда:

— Смирно!

Губарь прервал рапорт дежурного каким-то обреченным движением руки и весь потемневший прошел мимо. Вислые щеки лежали на стоячем воротнике кителя серой мешковиной, лоб стянут в ребристые складки, отчего довольно стройное тело полковника казалось случайно подставленным под отжившую голову.

Он остановился, сцепив за спиной ладони, и, глядя на выпирающую за зоной лосиным горбом сопку, начал говорить:

— Должен сообщить вам важное правительственное сообщение.

— Про амнистию! Про амнистию! — скулил хлебный вор.

— Вчера скончался...

Упоров почувствовал, как все в нем задрожало мелкой, противной дрожью.

— ...Великий вождь советского народа Генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин...

Дознаватель Шерман приложил к глазам платок. Стало очень тихо. Руки зэков потянулись к шапкам.

Полковник переждал некоторое волнение в рядах заключенных и с пониманием посмотрел на дознавателя Шермана, не скрывающего своих слез.

— Прекратить разговоры! — ни с того ни с сего крикнул дежурный.

— ...Ушел из жизни гениальный продолжатель дела великого Ленина.

— Все бы вы ушли за ним следом!

Губарь побагровел, однако сдержался. И продолжил:

— Остались бессмертные идеи Сталина, его убежденность, твердость, чистота и безжалостность к врагам социализма! Сталин умер. Дело его живет и будет жить вечно! Нет на свете силы, способной одолеть им созданное!

— Как же теперь дальше-то? — спросил, прикрывая рот, испуганный мужичонка, хлебный вор.

— Не переживай, коллега, — успокоил его Филон и взглянул на свои часы без гражданства. — Все останется на своих местах. Даже ты.

— Равняйся! — разнеслось над плацем.

Стадник пнул в зад плачущего комсорга Днепрогэса:

— Педерастов тож касается!

Колос вздрогнул, точно в зад пнули его, и с презрением посмотрел на Руслана.

“Передумал”, — решил, наблюдая за Колосом, Упоров. Его охватила непонятная веселость.

— Миша, горе-то какое! — сказал он. — Плакать хочется, а Стадник, сука, дерется.

— По вам не скажешь, Упоров: улыбаетесь. Для меня действительно горе. А отец... Не знаю, переживет ли...

— Переживет! Старая гвардия. Ты, говорят, успел вчера с лауреата хорошие кони сдернуть?

Колос ухмыльнулся, опустив голову, глянул на ботинки.

— Ботинкам все равно, кто их хозяин — лауреат или бывший чекист. Они должны служить живому человеку. Петр Тимофеевич скончался...

— В один день с Иосифом Виссарионовичем. Вот бы тебе со Сталина ботинки стащить!

— Не кощунствуйте, Упоров! Нас может рассудить только будущее.

— На хрена мы ему нужны?!

2

Пельмень, чуть пыжась, сказал:

— Если побег поведу я, то и подельников мне подбирать.

— План кажи,— прервал его Федор Опенкин.

— Взрываем новую штольню. Пока будут откапывать дубарей, уйдем левым, за топленным ходом, там уже подкапались.

Сидящий на корточках у порога сутуловатый детина в меховой безрукавке поверх брезентовой рубахи и в мягких эвенкийских ичигах громко вздохнул.

— Хочешь говорить, Чалдон? — спросил Дьяк.

— Сколь там копать-то надо?

— Час-полтора, не больше. Замокнем только.

— Кто имеет сказать?

— Мне можно? — спросил Упоров. Он вздумал было подняться, но Чалдон положил на плечо руку.

— Будете рвать штольню, в побег не пойду.

— Тогда тебя нет! — Чалдон воткнул перед собой нож и оперся на рукоятку, как на трость.

— Спрячь приправу,— посоветовал Малина.— Он не из тех фраеров, которых можно напугать.

— Значит, договорились,— не обратив внимания на возникшее разногласие, сказал Дьяк.— Побег поведет Малина. С тобой идут Пельмень, Чалдон, Вадим, и этот

самый, Колос — проводником из зоны, а завтра сами решите. Понесете кассу: пуда четыре золотишка царского да камушки. Две фигуры. Сорок патронов и граната. Чалдон знает, где остановить машину. Добудете если, ее поведет Вадим. Но шибко не рискуйте. Груз надо донести до места.

— Зачем нам Колос, Никанор?

— Сказано: за зону выведет. Груз понесет. Потом решите, не дети.

— Когда? — спросил Пельмень.

— Сейчас, — ответил Малина, пряча под телогрейку наган со взведенным курком.

Михаил Колос вошел в сарай в сопровождении Ираклия, который тут же снова выскользнул за дверь.

— Встань сюда, — Малина указал угол, куда надлежало встать бывшему чекисту, — и слушай. Это побег. Мы будем уходить через старый водовод.

— Он завален, — механически проявил свою осведомленность перепуганный Колос, но тут же, спохватившись, стал сопротивляться. — Зачем вы мне это рассказываете? Знать не хочу ваших дел!

— Тебя просили только слушать! Со вчерашнего дня там есть лаз. Охрана спустила собак. Сегодня сторожит Герда...

— Герда, — повторил Колос, пытаясь изобразить недоумение. — Но причем здесь я? Никакой Герды я не знаю.

— Ты ее кормил, помнишь — Герда щенилась. Сам сек: она лизнула тебе руку, когда ты вешал над вахтой флаг. Хочешь дожить до коммунизма?

— Но я... я не знаю, как она отнесется ко мне сейчас. К тому же я вовсе не хочу!..

— Это не имеет значения, сучий твой потрох!

“Тебя впутали в крупное дело, — подумал, слегка сожалея, Упоров. — Они ни перед чем не остановятся. Черная свеча...”

Дверь распахнулась так поспешно, что Малина не успел выхватить наган. На пороге стоял взволнованный Ираклий:

— Стадник! Откололся от комиссии, прет сюда. Нас кто-то вложил!

Ээки переглянулись, Колос воспользовался их растерянностью, бросился к выходу. Чалдон был готов ко всему. Он поймал его за ухо и прижал к горлу нож:

— Тебе не туда, профура!

— Спрячьте его за ящички, — распорядился мгновенно оправившийся от потрясения Дьяк. — Старшина один?

— Один.

— М-да, — Никанор Евстафьевич покачал головой, — страх потерял Ипполитыч...

Он был совершенно спокоен и говорил почти ласковым голосом, без фальши:

— Пельмень, вы с Чалдоном задушите мента. Ираклий, покарауль это животное за ящичками. Нож-то при тебе?

— Все есть.

Никанор Евстафьевич не спеша вынул из мешка веревку, отрезал кусок, бросил Пельменю.

— Ему положено помереть тихо.

Стадник распахнул дверь так свободно, словно входил в родную хату, шагнул и лишь перед следующим шагом заподозрил неладное.

— Ну, здравствуй, Ипполитыч! — грустно произнес Дьяк.

— Я здесь, гражданин начальник! — прокричал Колос.

Захлестнувшая горло старшины петля опрокинула его на пол сарая. Он захрипел, бордовый от напряжения, начал медленно подниматься, ухватившись за края веревки и не давая петле затянуться до конца. Воры тянули изо всех сил, но Стадник вставал, скаля зубы и тараща глаза. Он почти выпрямился, когда перед ним возник Упо-

ров. Еще оставалось сомнение, в глазах напротив — мольба. Как перешагнуть такое? Вопрос не родился. Раньше был мощный апперкот в солнечное сплетение старшины. Он издал глухой звук, а через секунду был мертв...

— Ну и бык! — Дьяк заметно волновался.— Положите его под пол. Фигура-то при нем? Нету? Инструкцию соблюдает... Ираклий, веди сюда то гнойное существо!

Вор поймал Колоса за пуговицу телогрейки, укорил с отцовской простотой:

— Пошто баловал-то? Убьет тебя горец. Он такой! Поведешь, и знай наперед другого пути у тебя нету.

— Никанор Евстафьевич...

— Буде каяться. Время торопит. Держи вот, собачке дашь.

Дьяк протянул Колосу кусок колбасы, тут же предупредил:

— Сам не слопай. Яд в ей. Сожрешь — и прощай твой коммунизм.

— С вами доживешь...

— С нами зачем? Со своими жировать будешь. Нам одну услугу только оказать придется. Дело свое сделаешь строго. Иначе у этих головорезов пощады не проси. Сам видал, что они с Ипполитьчем сотворили. Царство ему Небесное!

Дьяк перекрестился, приподняв над головой кепку восьмиклинку.

— Загорится в старой котельной. Начальство знает: там вся накипь собирается, может, шибко горевать не станет. Коли словят вас, дело-то обоюдное, Ипполитьча на себя не берите. Найдем, кому грех одолжить. Поклажу не теряйте — многих воровских жизней она стоила. Вам доверена, с вас спросится...

Глухой взрыв потряс сарай. С потолка посыпалась земля.

— С Богом!

Дьяк опять перекрестился. Помог беглецам приладить половчее мешки с грузом. Молча пожал каждому руку, ладонь Упорова придержал, чтобы сказать:

— Не бери воровского креста, парень. На том кресте себя распнешь!

— У меня свой крест, Никанор Евстафьевич.

Упоров успел заметить, как Ираклий уронил в дыру под полом тело старшины Стадника, и подумал о черной свече, что будет освещать ему дорогу...

Колос постарался усмирить дрожь в голосе:

— Зачем курок взвел? Зачем?!

— Чтоб знал тебя не бросят.

Пельмень скрипнул зубами с особенной выразительностью, и это подействовало лучше всяких слов. Колос приклеился грудью к плоскому песчанику, пополз, стараясь держаться против ветра. Овчарка все-таки поймала его запах. Шерсть на ее загривке поднялась, верхняя губа освободила два белых клыка.

— Герда, — задыхаясь позвал человек. Уши собаки заострились, голова медленно склонилась набок. Она узнала голос.

— Иди сюда, собачка, иди! — Колос с трудом выговаривал слова, шаря в кармане телогрейки. Запах колбасы вызывал головокружение. Зэк боролся с диким желанием: сожрать! Он ел ее кожей, чувствуя, как превращается в мешок слюней, они уже текут через край. Невыносимо дышать!

Собака приблизилась осторожно, но и не агрессивно.

— Герда, — прочмокал Колос, — вот, возьми, возьми!

Она повела глазами в сторону водовода, где прятались зэки, слегка рыкнула.

— Тише, тише, собачка, — успокаивал ее трясущийся человек, зная наверняка: первая пуля достанется ему. — Кушай, кушай!

Герда взяла колбасу, съела без жадности, признательно вильнула хвостом.

— Вот и молодец, — облегченно вздохнул Колос. Повернул голову, но, увидав торчащий из куста ствол нагана, почувствовал себя плохо. Собака лизнула ладонь, он ее тут же отдернул, вытер о телогрейку. Герда решила: с ней играют, лизнула его прямо в губы. Он спрятал лицо в землю, вытер губы и отполз. Герда присела и распрямиться уже не смогла, свалилась на бок, загребая сухую траву сильными лапами. Он все полз, вернее — пятился, стараясь не замечать страдающих собачьих глаз.

— Вы куда, Михаил? — спросил подползший Малина. — Двигайте вперед!

Гримаса ужаса стерла траур с лица бывшего чекиста, оно стало землистого цвета.

— Вы же обещали, — прошептал Колос. — Никанор Евстафьевич лично...

— Ползи вперед, Михаил! — голос обрел тон приказа. — Ползи, у меня немеет палец...

Колос всхлипнул. Он не хотел умирать, потому и полз, изредка вытирая слезы, проклиная родного отца, не сумевшего отстоять сына перед выжившим из ума партизанским вожаком. Что-то булькало в его большом теле от неудобства передвижения по мерзлой земле, покрытой в углублениях зачирелым снегом. Отношения с Русланом уже не казались столь унижительными. Хотелось вернуться на нары, к водянистой баланде и обещанному ему отходчивым Андрощуком месту нарядчика.

Теперь при нем остались одни мечты да трижды проклятые воры с оружием.

В кочкарнике, возле тощих, настеганных лютыми ветрами березок, сделали первый привал. Зэки, распаренные быстрой ходьбой и оглушенные нахлынувшей свободой, сидели на мешках, похрустывая сухарями, черпая пригоршнями из темной лужицы меж кочек еще не успевшую хватить весеннего духа безвкусную снеговую воду.

Первым поднялся Пельмень, ткнув стволом в сторону Колоса, приказал:

— Поднимайся, боров! Идешь впереди нас. Ты! — ствол указал на Упорова. — За ним. И предупреждаю, Фартовый. В случае...

— Оставь свои ментовские замашки! Меня уже предупреждали. — Упоров потянулся, выражая полное пренебрежение к нагану в руке вора. — Слишком много погонял для одного побега.

Пельмень побагровел, но Малина его одернул:

— Спрячь фигуру, Шурик. Ты ведь не хочешь спалить всех нас?

— Побег воровской!

— Согласен. Бери у фраеров три сидора, тащи! Теперь слушайте меня: если кто-нибудь попробует замутить поганку, у нас появится лишний сидор. Менты очухаются часа через четыре, тогда вам будет не до склок, Шурик.

— Отпустите меня,— промямлил Колос, пряча лицо в ладони.

— Нет, Михаил,— Малина вздохнул, — друга я не брошу. Двигай!

Беглецы пересекли болото с волчьей осторожностью, хоронясь за высокими кочками. Минут через сорок болото начало переходить в лес. Появились ели и лиственницы с причудливо изогнутыми ветром мускулистыми ствола-

ми. Бездонные ключи тайги еще не начали серебристые разговорчики о своих темных тайнах, спрятанных где-то глубоко под моховой подстилкой.

Треск слева лавиной обрушился на обострившийся слух беглецов. Пельмень выбросил в сторону шума руку с наганом, успев взвести курок.

— Не дергайся, Шура,— прошептал не совсем твердо и сам заволновавшийся Чалдон. — Лось ломится. Спал, должно, или кормился. С подветру оборотились, он и чухнулся...

На северном склоне небольшого хребтика, где снег держался плотной, слегка зачирелой поверху массой, пошли след в след, с напряжением одолевая трудный подъем. Через пару часов идти стало полегче. Шли по льду ручья, радостного и певучего, как молодой скворец.

— Отсюда до тракта двадцать минут хода. — Денис Малинин поглядел на те самые часы, которые Упоров видел в руках Филона. — Полковник Губарь уже волнуется.

— На ночь глядя собак не пустят. Да и траур у них нынче...

— Траур трауром, а рвать когти следует пошустрей. Верно, Михаил?

Колос обидчиво отвернулся, хотел сдерзить, но Малина покачал укоризненно головой:

— И зачем ты меня только в это дело втянул?! Хрен теперь отбазаришься от прокурора!

Метров за сто до дороги начинался низкорослый ерник, и эски пошли полуприсядью, а где и ползком. Наконец Денис остановился, сбросил мешок, переведя дыхание, произнес вполголоса:

— Сидора оставляем здесь. Мишу связать. Ты же не будешь обижаться на тех, кто подарил тебе свободу? Договорились!

Чалдон повалил Колоса на живот, завернул руки, ловко спеленал его припасенной веревкой. Потом на всякий случай встряхнул и бросил рядом с мешками.

— Теперь ты упакован, Мишаня. Лежи и помни: я промахов не знаю. Двигай первым, Чалдон!

По пути эки спугнули стайку куропаток. Птицы кружнули над березовым околком и уселись возле большой ели, от которой дорога начинала забираться вверх.

Беглецы нашли старую валежину, приволокли ее к тракту, положили сразу на выходе из поворота, так, что водитель не мог увидеть бревно заранее.

— А если сверху поедут? — спросил Упоров.

— Некому сверху: у них сегодня поминки, собрания по поводу будущей бдительности. У всех, кроме оперативников и почтарей. Давай еще одно бревешко приволокем для верности, Вадим.

Принесли еще одну крепкую валежину, присели на нее все четверо.

— Дай закурить, Денис, — попросил Чалдон и протянул руку, но не взял протянутую папиросу, замер, чуть приоткрыв широкий рот. — Кто-то катит...

— Еще не время, — шепотом возразил Малина. — Поме-рецилось.

— Тс-с. Катит!

Все осторожно поднялись, сохраняя на лицах выражение глубокой озабоченности. Рев мотора возник неожиданно. Упоров прислушался и сказал:

— “Додж”.

— Значит — оперативники. Три человека с автоматами, не считая водилы.

— Сегодня менты могут быть пьяными.

— Дал бы Бог! Пельмень, если они проскочат бревна, шамальнешь водилу. Дальше разберемся. Линяем!

Машина выскочила на перевал, лихо срезав вираж и обдав грязной галькой плотную стену кустарника. Она почти заканчивала поворот, когда шофер увидел преградившую путь листовенницу. Не успев нажать на тормоз, он рванул руль влево. Устойчивый “додж” прыгнул на край высокого кювета, царапая беспомощным левым колесом пустоту, проюзил на брюхе и ткнулся тупым носом в ерник. Потом медленно наклонился и завалился набок.

Выскочившего из машины сержанта Пельмень сразил выстрелом в голову, тот сел рядом с колесом, уронив автомат на колени. Через несколько мгновений автомат оказался в руках Чалдона, который тут же кубарем откатился от “доджа”.

— А ну выходи! — крикнул Пельмень из-за большой ели.

Скрипнула дверца. Шофер прежде высунул руки, сказал просяще:

— Братцы, я без оружия!

— Ползи сюда, раз без оружия! — весело распорядился Денис. — Кто еще есть в машине?

— Товарищ старшина, — пролепетал юный ефрейтор, не опуская рук. — Ранен он. Стонет.

— Ежели он хипишнется — убьем тебя! Так и передай товарищу старшине. А ну, ползи сюда!

Ефрейтор лег на землю и пополз, не спуская глаз с Пельменя, повторяя только для него одного:

— Я ж без оружия, братцы, без оружия...

Чалдон мягким шагом подошел к машине, распахнул вторую дверцу, глянул и облегченно усмехнулся. По-деловому вытащил еще один автомат, сказал тому, в кабине:

— Отвоевался, мусор. Щас подсоблю.

Он запустил обе руки в кабину, потянул к себе. Сразу раздался крик:

— Нога! Ой, лишенько! Пощади, ирод!

Старшина был белый от терзавшей его боли, но оказавшись на земле, попытался подняться. Чалдон стукнул его по голове прикладом автомата. Старшина упал на четвереньки.

— Стой! — поднял руку с наганом Пельмень. — Боле не бей.

На лице вора играла шаловливая улыбка. Он выдернул из кобуры старшины пистолет ТТ и протянул его белобрысому ефрейтору. В этот момент старшина произнес с усилием:

— Сволочи...

Пельмень забрал ТТ, опустил к себе в карман, пошевелил старшину носком сапога:

— Не заговаривайся, мусор! Как бы пощады просить не пришлось.

Вадим проверил показания приборов. Бензобак был почти полон. Он мельком взглянул на старшину, а тот упрямо повторил:

— Сволочи! Все равно вас изловят.

— Хочешь жить? Как там тебя? — Пельмень слегка скривил губы. Им владело дурное чувство. Вероятно, он еще не остыл после убийства автоматчика и желал продолжения...

— Тимофей! — вытянулся передним ефрейтор. — Жить я хочу. Не убивайте меня, дяденька!

— Застрели эту падаль и живи!

— Да нет... Этого нельзя делать, — ефрейтор смотрел завороченно на протянутый ему ТТ. — Не могу я. Кто же меня потом пощадит за такое злодейство?!

Чалдон ткнул в зад белобрысого ножом.

— А-а! Не надо, дяденька!

— Целься, сука! В лоб целься!

— Как же так?! — ефрейтор все еще не мог прикоснуться к оружию. — Не хочу я! У меня мама одна-одиношенька, пощадите, дяденька!

Он все время обращался к Пельменю, словно чувствовал, что судьба его находится в руках этого безжалостного человека.

— Обожди, Тимофей, не блажи, — попросил все понявший старшина. — Дай подымуся. Негоже фронтовику лежа умирать.

Поднимался он тяжело, но без стопа, сцепив зубы.

— Вроде все, — сказал он, опираясь на голый ствол листовенницы. — В сердце целься, Тимофей, это мой приказ!

— Да не могу я! — опять запричитал расстроенный ефрейтор. — Ой, Боженька, Боже! Как же так можно?!

Упоров глянул на Дениса Малинина, зло захлопнул капот машины и сказал

— Одумайся, Денис!

— Ну же, ну! Ткни его еще раз, Чалдон, чтоб не менжевался!

— Не надо, мужики, — попросил старшина, — малого хоть пожалейте. Ты, Тимофей, стреляй. Одна нога ведь...

Начинало уже казаться — сейчас будет выстрел, но Малина шагнул к ефрейтору, вырвал из его рук пистолет, рукояткой наотмашь ударил в челюсть. Тимофей грохнулся спиной на землю, схватившись руками за лицо.

— Все в машину! Цирк устроили! Прощай, старшина. Шутка была глупой.

— Очко жмет, Малина?! — Пельмень крутнул пистолет вокруг указательного пальца, ловко поймал рукоятку. — Кого жить оставляешь?!

— Я сказал, в машину! Не перечь мне, Шурик!

Они уже захлопнули дверцы, уже взревел мотор, когда раздались два выстрела подряд. Старшина, скрючив-

шись, осел на жухлую траву. Третью пулю Пельмень послал ему точно в лоб.

— Уважаю только мертвых ментов. Живых не терплю! — Пельмень смерил Дениса оценивающим взглядом, устраиваясь на заднем сиденьи.

— Ну чо ты, в рот меня кормить! Чо ты лупишься?! Замазал вас всех и себя тоже. Никто теперь не проканает чистеньким. Две мокрухи хватит на всех!

Малина опустил недобро сверкнувшие глаза и пожал плечами. Он бы успел выстрелить раньше Пельменя, но как быть с лишним мешком...

— Поехали, — произнес сквозь зубы Денис.

А Пельмень, держа пистолет в боевом положении, продолжал рычать:

— Чтоб не кроили! Любого грохну, кто пасть откроет! Вор должен умереть воров!

Вадим старался его не слушать, он думал о своем и не хотел умирать воров. Вообще не хотел умирать. Ну разве что неожиданно, чтобы не мучиться...

4

— Свет! Впереди — свет! — Малина выбросил вперед руку, затем рукояткой нагана стукнул по голове напрягшегося Колоса. — Пригнитесь, Михаил! Пригнись, сука, застрелю!

И ткнул бывшего чекиста в шею стволом.

— Лесовоз, — успокоил Упоров заволновавшихся беглецов. — Больше трех человек в кабину не войдет.

Он прижался к самому краю правой колеи. Громкая “татра”, пахнув отработанной соляжкой, пронеслась мимо, быстро исчезая в наступающих сумерках.

— Ты чо фары не включаешь? — рычит все еще не успокоившийся Пельмень. — Залетим куда-нибудь!

— Да пошел ты, животное! Не лезь не в свои дела. Погонял мне и в зоне хватало!

— Ты!.. — Пельмень задохнулся от неожиданной дерзости фраера. — Ты! Слышь, Малина, я его замочу. Пешком пойду, но...

Денис поднес к носу вора автоматный ствол. Вначале разглядывал Пельменя с равнодушной издевкой, а затем сказал:

— Какие фары, лошадиные твои мозги?! Менты засекут нас за пять километров. Сиди и молчи! Пока мне не надоел твой базар...

Пельмень смотрел на автомат с тухнувшей злобой и молчал.

Поселок открылся далекими огнями, слегка приподнявшими покров ночи. Машина сбавила ход, пошла на малой скорости, осторожно переваливаясь по растолканной дороге. Свет впереди таил опасность, она, как холод, проникала и в без того промерзшие души эзков.

— Это Юртовый, — стараясь говорить спокойнее, произнес Чалдон. Чихнул и вытер лицо о телогрейку Колоса. — Кассу здесь брал...

— По наколке?

— Вслепую не работаю. Местный наводил, партийный. Так при делах и остался. У них партбилет — как шапка-невидимка.

— Останови, Вадим. Вон туда приткнись, чтоб с глаз долой. Пойдем, Чалдончик, проведем твоего поделничка.

Малина сунул в темноте Уповору ТТ. Они осторожно выползли из машины и ушли в сторону огней. Настороженная ночь чутко берегла молодую тишину. Минут через тридцать ее нарушил характерный скрип, и по дороге проехала телега. Она начала рассказывать о своих хво-

рых еще до того, как поравнялась с машиной, укрытой в плотной тени ельника.

— Тпр-р, халява! — проснулся возница. — От себя ша-рахнешься.

Голос и скрип ушли в темноту, остался теплый запах конского пота, принесенный ветерком со стороны дороги.

— Фить! Фить! — донеслось из ельника.

— Малина, — выдохнул Упоров, опустив пистолет. Уже по тому, как они подошли к машине, было ясно: в поселке не все благополучно. Денис отхлебнул крепкого чая из фляжки убитого старшины и указал большим пальцем за спину.

— Засада! Нас пасут с шести вечера. Такой день, а они людей ловят! — ему трудно шутить, но он старший в побе-ге, который нельзя провалить. — Объездной дороги нет, наша лайба, насколько я разбираюсь, не летает. Что по-советуешь, Михаил?

— Сдаваться надо, все равно поймают! — Щас я те, сука, сдамся!..

— Да оставь ты его в покое, Пельмень. Он дело говорит. Поканали сдаваться! Минут через десять поделник Чал-дона организует короткое замыкание. Их машина стоит с проколотыми шинами. Остальное в твоих руках, Вадим. Всех предупреждаю: по цели не стрелять — над головами, иначе они начнут чесать всю тайгу.

Машина выползала из укрытия с приглушенным ур-чанием. Стволы автоматов легли на опущенные стекла.

— Страшно, Миша? — хихикнул не очень весело Пель-мень. — Лежал бы сейчас на теплых нарах с шерстяным Русланом...

В это время в поселке погас свет. Мотор не прибавил оборотов, “додж” продолжал подкрадываться к первым барачным постройкам. Где-то во дворе испуганно взлая-ла собачонка, оборвалась пьяная песня, но немного пого-дя возобновилась:

*Выьем за Родину!
Выьем за Сталина!
Выьем и снова нальем!*

Певец споткнулся, упал в грязный снег. Шлепок получился коротким, как удар конского хвоста о воду. Но его будто ждали замлевшие от сдерживаемой злости цепняки. Их дружный лай заглушил шум мотора. Упоров даванул на газ. Луч мощного фонаря ударил ему по глазам, Малина полоснул очередью из автомата выше света, и перепуганный человек шархнулся в темноту.

Фары выхватили из мрака четырех солдат, бегущих к дороге. Их прижала автоматная очередь. “Додж” зацепил кого-то бампером, перепрыгнул через кювет, объехал приготовленный завал и понесся вдоль улицы. Машина мчалась по глубоким рытвинам не снижая скорости. Временами казалось, что, взлетев, она уже никогда не приземлится.

— Жми, Вадим! — Чалдон повис над водителем. — За тем хребтом — лежневка метров двести, а дальше — хорошая дорога. Жми!

“Побег был продуман”, — Упоров взял руль круто влево, фары выхватили из темноты четкий силуэт лося. Зверь вздернул голову и одним прыжком покинул полосу света.

“Впереди их нет! Раз зверь гуляет, значит, путь свободен!”

Гремевшие за спиной выстрелы не волновали беглецов: они были надежно защищены стеной леса.

Лежневка оказалась старой и едва держала “додж”, то и дело задирая вверх сгнившие концы бревен.

— По такой дорожке тяжелая машина уже не пройдет! — радовался Пельмень.

— Бензина осталось километров на тридцать!

— Хватит, — успокоил Чалдон. — Через двенадцать верст будет обрыв. Спустим лайбу, а дальше пёхом, южным склоном. Там сухо. Посуху собакам трудно...

— Я не пойду с вами! — ожил Колос. — Я все сделал, как вы хотели. Имейте совести!

— Чо ты кокетничаешь, падлюка?! — Пельмень поймал Колоса за подбородок. — У меня терпение не алмазное, хоть сам я и золотой!

Минут через пятнадцать Чалдон попросил остановить машину. Первым выскочил Колос, поскользнулся, на четвереньках пробежал несколько метров, но встав на ноги, произнес с внушительной угрозой:

— Прошу запомнить: если с моей головы упадет хоть один волос, этим вопросом займется лично Ковпак!

— На кой хрен нам такая голова?! — Пельмень уже был в хорошем настроении. — Я лучше из твоей прямой кишки ножны сделаю.

— Да вы интеллигентный человек, Шура! Вы изучали анатомию, — Малина жестом показал Колосу, что он пойдет впереди. — Постерегите Мишу, пока мы отправим машину под откос.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Они шли каменистой грядой, стараясь не оставлять следов на голой земле. С гряды спустились в болото, где на ходу хватали вытаявшую прошлогоднюю клюкву. Пельмень толкал прикладом автомата в спину Колоса всякий раз, когда тот пытался задержаться у кочки, чтобы хорошо загрузить живот.

Шли полный день с одним коротким привалом, уже не заботясь о промокших сапогах и стертых до крови пятках. Лишь когда солнце начало скатываться к белым вершинам Волчьего хребта и Упоров уже подумал, что теперь придется двигаться по звездам, Чалдон втянул в себя воздух и присел.

— Дошли! — сообщил он и поставил автомат на боевой взвод. Остальные сделали то же самое.

— Пойдем взглянем, — Малина сбросил со спины надоевший мешок, с силой толкнул его ногой к стволу листовенницы.

— Дыхало не работает, — пожаловался Пельмень, завалившись прямо с грузом на снег. — Если нас там пасут, чо тогда?

— Чо тогда? — повторил Денис Малинин вопрос и сморщился, потрогав замлевшую шею. — Пока мы ходим, Вадим перетаскает сидора вон к той болотине. — И уже Упорову. — Сховай под мох. Начнут шмалять — беги куда подальше.

— А я? — с гонорком спросил Колос.

Впервые за весь побег Малина не ерничал, объяснил всё ладом:

— Тебя застрелит Шурик.

Потом они ушли и отсутствовали минут сорок. Вернулись с просветлевшими лицами, а еще — с прежним нахальством лихих людей.

— Там все на мази. Шура, развяжите Мишу.

Дверь большого, собранного из сухих стволов зимовья открылась бесшумно. На крыльцо, чуть щурясь от лучей заходящего солнца, вышел бородач в накиннутой на плечи оленьей парке. Упорова удивил вдумчивый, запоминающийся взгляд самостоятельного человека из-под кустистых седых бровей.

— Здравствуй, Камьш! — хрипло бросил Пельмень, не протягивая руки бородатому. — Где Барма?

Хозяин зимовья не ответил ни на приветствие, ни на вопрос. Он просто кивнул всем вместе. Спокойно и независимо. После чего Упоров понял. Пельмень придавал холодному приему серьезное значение, опустив в карман телогрейки правую руку.

Малина сел на изрубленное топорами крыльцо, гостеприимно похлопал по нему ладонью, приглашая того, кого звали Камьшом, присесть рядом.

— Я задал вопрос, Камьш. Не темни.

— Барму убили.

— Кто?! — Пельмень покосился на Малину, ища поддержки.

— Бармы нет. Будешь очень любопытный — спросишь у него сам.

— Ты что себе позволяешь, белогвардейский волк?!

Он протянул руку к автомату, лежащему на пне, тут же из ельника стеганул выстрел. Пуля пробила насквозь пень в пяти сантиметрах ниже автомата. Пельмень отпрыгнул за угол зимовья, выхватил наган, не целясь выстрелил в ельник.

— Что это значит, Ферапонт? — чуть приоткрыв глаза, спросил Малина.

— Ничего. Просто вы не в зоне.

Бородач зашел в зимовье, но через пару минут вернулся и сказал:

— Идите вечерничать. Наган-то спрячь, Саша. Чай, не грабить сюда явился.

Пельмень промолчал, Упоров сразу проникся уважением к хозяину зимовья. Сидя на широких полатях, он видел в оконце, как из ельника не спеша вышел человек, держа в опущенной руке винтовку. Суконная куртка на его поникших плечах висела мятым мешком, большой вязаный шарф, точно пойманный на помойке грязный удав, обвивал тощую шею. Человек шел прогулочной походкой пожилого бездельника и даже, кажется, что-то напевал. Только птичий взгляд близко посаженных к горбату носу глаз был настороженно-внимателен. Перед входом в зимовье он слегка дернул рукоятку из деревянных ножен, прислонив винтовку к стене, осторожно тронул дверь.

— Здравствуйте, уважаемые! — Голос вошедшего был хорошо поставлен. Здравовался он, как выходящий на сцену артист.

— Это ты, Мухомор, хотел меня грохнуть?! — Пельмень держал в одной руке кусок оленины, в другой — наган.

Человек сконфузился, недоуменно посмотрел на Феррапонта Степановича, словно ища защиты от бестактного вора.

— Кабы хотел — грохнул бы! — произнес хозяин зимовья с некоторым раздражением. — Садись, Тиша. Еще не разливали.

Тиша сел, успев деликатно всем поклониться с приятной улыбкой воспитанного гостя. От него даже в этом прокопченном доме пахло лесом и дымком. Он походил на лесного гнома, нечаянно доросшего до величины среднего человека.

Поднятая из-под стола бутылка со спиртом поклонилась каждой аккуратно обработанной по краям консервной банке, последний луч пропадающего солнца коснулся потянувшихся к ним рук.

Все еще не успокоившийся Пельмень поднялся, обвел всех налитыми кровью глазами и сказал

— За то, чтобы наши следы остыли раньше, чем на них встанут псы!

К его банке потянулся только Колос, остальные смотрели на хозяина зимовья. Он произнес сидя:

— За то, чтоб с земли русской исчезли воры и коммунисты!

— Значит, каждый — за свое, — миролюбиво предложил Малина.

Некоторое время в зимовье слышалось только сопение простуженных носов и голодное чавканье. Колос ел с двух рук, не обращая внимания на подтрунивавшего Дениса.

— Дальше бежать будет потрудней, граждане бандиты, — заговорил Камыш, разливая по второй. — В северах снега еще живые. Провианту на пару деньков дам, а там уж сами будете питаться, чем Бог пошлет. Денег у вас сколько?

— Десять тысяч.

— Мало. Тиша, дай им еще десять.

...Кружился по пустеющей бутылке спирт, исчезая в закопченных банках. Упоров сидел, сложив руки на груди, ощущая себя в теплом мешке покоя, отгородившего душу от полыхающих вокруг страстей. Люди бормотали о чем-то своем, неясном, их бормотание напоминало разговор загулявших в болоте лягушек.

Тиша растопил печь, в зимовье быстро набралось тепло. Коптилка высветила смоляные слезинки на желтоватых сучках.

“Ты был ишаком, выполняющим чужую волю, — грустно улыбнулся Вадим, — Воры везли на тебе свою кассу.

Ладно... Зато ты свободен и у тебя есть маленькая надежда..."

— Денис! — рычал захмелевший Пельмень. — Какого лешего касса доверена фраеру, который нас презирает?!

— Так решила сходка.

— Врешь! Сходка решила передать груз Барме.

— Савелия застрелили два дня назад. Завязывай, Шура! С такой занудой я еще не бегал!

Упоров увидел, как плотный дым отделил чуть приплюснутую с висков голову Пельменя от туловища, она будто висит самостоятельно под потолком. Его взгляд переместился в угол, где лежали мешки с воровской кассой. И тут же, уже не лениво, даже слишком остро подумалось: "Вот оно, твое благополучие! На всю оставшуюся жизнь хватит. Дом, яхта, нормальное человеческое существование в нормальной стране".

— Ты нас с коммуняками поравнял, Ферапонт, — стонал Пельмень, истекая потом. — Думаешь, тебе пролезет?!

— Пожалуй, я переборщил, — Ферапонт Степанович с улыбкой огладил роскошную бороду и прикрыл глаза. — Согласен. Переборщил. Куда вам до коммунистов. Они вон какую прекрасную страну в лагерь превратили. Это надо было до такого додуматься: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Соединились — теперь места на нарах мало.

— Воры, воры-то при чем?! — Пельмень готов был заплакать от посетившей его обиды.

— Как это "при чем"?! Тоже работать не хотите. Вон Дьяк — каким хозяином мог стать!.. Партсобрания проводит, людей приговаривает.

— Сходки, Ферапонт Степаныч, — лениво поправил разомлевший Малина.

— Разницы не вижу. Что там, что сям — все равно не от труда живут. От обмана и ножа! Страх человеческий эксплуатируете!

Упоров увел сознание от разговора, сосредоточив все внимание на брошенных у печи мешках с бесценным грузом. Он решил рисковать до конца. Осторожно перевел глаза в сторону автомата.

“На это потребуется три секунды, от силы — пять...” В душе что-то шевельнулось нехорошее, тогда он снова закрыл глаза, чтобы спокойно доиграть весь спектакль до конца. С выстрелами, диким метанием захваченных врасплох людей и их последними стонами. Последними... Больше ничего не будет. Через пять минут — ты богатый человек. Он увидел свои шаги по залитому кровью полу. Откроется дверь зимовья, откроется тайга, любой ключ спрячет твоё богатство.

Упоров сделал глубокий вздох, расслабился, однако почувствовать себя богатым человеком не успел: только что мирно дремавший Тиша, глянув в его сторону, с доброй усмешкой отстегнул у автомата диск, ещё немного погодя сделал то же самое с другим автоматом. К Вадиму пришло ощущение, что он умер. Провалился в другой мир или слишком туда захотел. На самом деле все обошлось остановкой сердца, короткой, но чувствительной...

“Поганый гном чуть больше сука, чем ты — гад!” — сквозь внезапную слабость подумал Упоров.

Тиша доверчиво подмигнул птичьим глазом, протянул кружку с крепким чаем.

— Выпейте для поднятия настроения.

Бывший штурман принял кружку, что-то неразборчиво произнес в ответ. Попробовал забыть о кровавом, но не случившемся, и вернул своё внимание к жаркому спору тех, кто должен был лечь под автоматной очередью, как сорная трава. Он старался их слушать, не получалось.

Все было плохо, неинтересно, хотя и громко.

— ...Ты ведь, красавец, тоже, поди, не коммунистом родился, — не теряя благодушия спрашивал у Колоса Ферапонт Степанович.

— Коммунистом! — хмельной Колос попробовал встать для убедительности, но Малина ему не позволил. — Коммунистом родился, коммунистом умру!

— Вот она, убежденность грубого довольства узурпатора. Он — тот же вор, Денис, только феня у него другая: марксизм, ленинизм, коммунизм. Робот, которого заправляли привилегиями, и он делал то, что скажут. У него чувств человеческих не осталось. Партийное животное! Все чувства — на конце члена, а мозги — в желудке!

Камышин допил свой спирт, понохал хлеб и продолжил:

— Отторгнут человек от человеческого. Разве позволит себе душа высокая и чистая паразитировать на несчастье ближнего? Отступничество ваше не политическое, а животное. Животом живете. Вы паразит, молодой человек!

Упоров отхлебнул глоток предложенного чая, не очень ловко вступил в разговор:

— Вы-то, Фералонт Степанович, тоже в деле. А дело — воровское.

И тут же почувствовал, как внутренне напрягся доселе дремавший Тиша.

“Этот может тебя опередить...”, — пронеслась жалающая мысль. Упоров большим пальцем взвел курок пистолета.

Неловкая пауза длилась достаточно долго. Все это время он не сводил глаз с Тиши, вернее — с его костлявой руки, сжимающей берестяную рукоятку ножа.

— Дело мое кончилось в сентябре 1919 года атакой на батальоны красных, — Фералонт Степанович говорил с явной неохотой. Возвращение в прошлое причиняло ему боль. — Потом пошли тюрьмы, ссылки и, естественно, должки, о чем Никанор не преминул напомнить человеку, имеющему представление о чести. Частный случай. Личный расчет за оказанную услугу...

Малина с улыбкой потянулся:

— Знал Дьяк, кто доброе не забывает. В Барме были сомнения...

— Значит, он разговорился? — Камьшин не был удивлен, скорее — озадачен.

— Сходка просила объяснений. Сами понимаете...

— Не понимаю! И понимать вас не хочу. Но расчет есть расчет. Кстати, — Феропонт Степанович указал пальцем на Упорова, — вы какой масти будете?

— Надежной! — ответил за него Малина.

— Хотите призвать меня остепениться? — спросил Упоров.

— Поздно. В такой войне победителей не бывает. Вы будете уничтожены...

Упоров решил: белогвардеец рассчитывается с ним за тот неудачный вопрос, но возражать не стал.

— ...Смерть придет к вам из-за угла или войдет, чеканя шаг, в камеру. Вопрос не в методе. Она непременно придет.

— Ну уж нет! — взвизгнул Колос. — Товарищи разберутся! Они знают — я не виновен! Меня принудили!

— Товарищи излишне заботливы о собственной карьере и жизни. Вы — носители тайны. А такие ценности... — Феропонт Степанович кивнул в сторону мешков с грузом: — Приговор!

— Нет! — заорал Колос. — Отпустите меня. Зачем я вам? Товарищи, дорогие мои!

Прикорнувший Пельмень очнулся от завываний бывшего чекиста и, приставив к виску Колоса пистолет, потребовал:

— Сколько же мне терпеть можно, насильник! Снимай штаны!

Дальнейшее произошло как по нотам: Камьшин коротким хватом поймал вора за руку. Раздался выстрел.

Пуля ушла в потолок, а пистолет упал на стол и его тут же накрыл ладонью Тиша.

— Все! — Ферাপонт Степанович толкнул вора на полати, где уже храпел пьяный Чалдон. — Будете демонстрировать свое бесстыдство в камере смертников.

— Изменщица! — погрозил Колосу кулаком обалдевший Пельмень, обнял Чалдона и через пару минут они храпели вместе.

— Ложитесь спать, ребята, — предложил Камьшин. — Я пойду посмотрю оленей.

— Сколько у вас голов, Ферапонт Степаныч?

— Не мьлься. Тебе даже за хвост подержаться не придется. Каждый уйдет в свою сторону.

— А я?! — опять начал Колос.

— Ты спи, Михаил, — Денис обнял Колоса за плечи, — у тебя впереди светлое будущее...

2

Упоров проснулся от холода. Двери зимовья были открыты настежь, в первом проблеске надвигающегося утра он увидел оленей. Тиша неторопливо пристраивал на покрытые войлоком спины животных мешки с грузом.

— Прокоцанные мужики, — зевнул Денис. — Таких изловить непросто.

И тогда Вадим подумал, что все происходящее здесь проникнуто какой-то необыкновенной тайной, разрушившей его собственный замысел уничтожения этих людей. Ему помешал не Тихон, другой, посторонний, почти невидимый пришелец из ниоткуда. Он здесь был... Ну как же, как же! Такая необыкновенно плотная тень за спиной Тихона. Ничья... Собственная тень телохранителя Камьшина косо лежала на краешке стола. Ты бредишь...

Чтобы прогнать свои нечаянные мысли, он сказал:

— Думаешь, прорвутся?

— Гадать не хочу. Раз Камыш в деле, дело верное. Феррапонт Степанович вошел порозовевший от морозца, увеличил огонь коптилки и внимательно осмотрел зимовье. — Вроде, ничего не забыли, — произнес он и, словно подыскивая нужные слова, осторожно посоветовал: — Ты, Денис, уходи с Вадимом к Оратукану. Шалить не будете, глядишь и проскочите. Благослови вас Господь!

— Прощайте, Феррапонт Степанович!

— Еще вот что, — белогвардеец стоял в проеме двери. Глаза смотрели с усталым безразличием. — Зимовье спалите. Есть надобность.

Дверь скрипнула. Немного погодя всхрапнули олени, и их цокающие шаги растаяли в тишине утра.

— Вставай! — Денис толкнул в бок Чалдона. Тот сразу сел, точно не спал, уставившись на пустые бутылки. Проглотил тягучую слюну и сказал:

— Сука буду: пить — вредно... Слова Чалдона вызвали в Пельмене протест. Он попытался подняться, но не смог и, хрюкнув, повалился на бок. Сесть ему удалось только со второй попытки. Тут он заговорщически подмигнул Малине, прошипел, прижав к губам палец:

— Тс-с! — И со всего размаха хлопнул по задку Колоса.

— Руки в гору, ментовская рожа!

Спящий не шелохнулся... На опухшем лице вора появилась почти испуганная растерянность.

— В рот меня ка-ля-по-тя! — произнес он со сложным чувством страха и восхищения. — Не вякнул...

Рывком опрокинул Колоса на спину, обвел зимовье внимательным взглядом. Михаил был мертв. Он смотрел перед собой огромными голубыми глазами очарованного скитальца, внезапно встретившего несказанную красоту будущего мира.

— Отслужил Мишаня, — вздохнул Денис. — Хорошо, хоть не мучился.

Чалдон икнул и, погладив по голове Пельменя, прочувствованно сказал:

— Что, падла, овдовел?

— Тиша-то — мастер! Всех ведь мог, змей тихий!

— Будет вам понтоваться, Шура. Вашу работу сделали другие, все равно зарезать пришлось бы. Уходишь с Чалдоном. О другом не говорю, потому как знаю: каждый из вас умрет воров...

— Я тя понял, Денис. Как поступим с фраером? Это ведь не твое личное дело. Сообща бы и решить...

Пельмень говорил подчеркнуто небрежно, будто того, о ком шла речь, здесь не было, и Упоров целился в живот вора сквозь карман телогрейки, не сомневаясь — выстрелит.

— Твои заботы кончились, — сухо произнес Денис. — За свои отвечу.

— Перед прокурором? Нас живыми брать не будут.

— Вот и ошибаешься, — Чалдон с трудом оторвался от носика медного чайника, перевел дыхание и продолжил: — Им узнать интересно будет, куда рыжье уплыло.

— Сам-то знаешь?! Нет! Никто не знает. Камьш — могила. И вам советую.

— Это лишнее, Денис.

...У поросшего мхом скальника, где речка на изгибе пробилась сквозь податливый мартовский лед, Пельмень и Чалдон ушли с тропы. Прощание было вялым. Все знали, что их ждет впереди...

— Ты, фраерок, помни, — не утерпел напоследок Пельмень, — везде достанем...

Потный, не опохмелившийся толком, он был похож на обыкновенного доходягу с рынка. Упоров смерил его равнодушным взглядом, кивнул Чалдону, повернулся и по-

шел по тропе, уже не думая о злобном воре, словно его тоже зарезал услужливый Тиша. Малина ждал, когда пойдет Вадим, пристроился за ним, загородил бывшего штурмана своей спиной. Он не верил Пельменю...

— Высоко о себе думает Шура.

Вадим промолчал. О чем говорить? Прошлое ушло в другую сторону, будущее обещало быть покруче. Тропа свернула в стройный медовый соснячок, островком пригнувшийся на солнечном взлобке. Они шли пахнущим смолой зеленым коридором, погруженные в приятное очищение души целебным прикосновением заботливой природы.

Денис вернулся все же к разговору, когда позади остались и веселый взлобок и безжизненная гарь прошлогоднего пожара.

— Шура — дурковатый. Особливо во хмелю: как кол во льду — не свернешь. Удивляюсь Фералонту Степаньчу...

Он легко перескочил через валежину, но поскользнулся и упал на бок. Сидя отряхнулся, продолжил, будто ничего не произошло:

— Думал, замочит Шурика. Не сам, конечно, есть кому...

— Давно знаешь Камьшина?

— С "Широкого" освобождался. С ним даже администрация вежливо обращалась. А этот, Тиша, — темная личность. Говорят, в Питере консерваторию кончал. При Камьшине который год живет... .

— Он не только консерваторию кончал, но и Колоса.

Малина шутку не принял, ответил серьезно, желая прекратить пустой разговор:

— Колос, сказано было, лишний...

Они поднялись на пологую возвышенность. Отдышавшись, Денис указал в сторону, где сбегались два хребта:

— Там, на водоразделе, зимовье. Мусора про него знают, лучше обойти. От зимовья до Таежного часов шесть

хода по Оратукану. Идти будем ночью. У нас, как у приличных людей, начался ночной образ жизни. Садись, перекусим.

Денис старался говорить открыто, без всяких хитростей, желая расположить к себе товарища по побегу. Но к вечеру иссяк и был утомленно-угрюм.

Они сидели на сваленной ветром кедрушке, пережевывая вяленую оленину. Где-то внизу ухнула сова. Крикнул заяц, окончивший жизнь в ее когтях. Уповоров показалось: он почувствовал запах крови, хлынувшей из разорванного заячьего живота. Он не знал, как пахнет кровь животного, скорее всего это был запах человеческой крови, который он нес с собой от самого зимовья, не ощущая. Нужен был толчок, чтобы запах ожил.

Достоверно известно: весна на Севере отнимает силы у всех, кроме беглецов. У них организм работает по-другому, в особом режиме погони, когда страх вытаскивает скрытые ресурсы, заставляя тело трудиться с колоссальной перегрузкой.

Они отмахали километров двадцать, прежде чем ощутили настоящую усталость и сбавили шаг.

— Интересно, о чем сейчас думает начальник отдела по борьбе с бандитизмом Важа Спиридонович Морабели? — спросил с серьезной рожей Денис, стащив шапку с потной головы.

— О нас с тобой. О чем ему больше думать?

— Нет. Узко мыслишь. Он думает, как жить дальше. Гуталин умер! Грузин начнут отлучать от кормушки. Что делать?

Уповоров остановился и медленно закрутил головой. Прицепившийся запах крови вытеснил другой, знакомосладковатый. Он пытался вспомнить, что может так пахнуть. Наблюдавший за его поведением Малина осторожно переступил с ноги на ногу, взвел курок пистолета.

— Дым... — прошептал Уповоров.

— Точно дым!

— В зимовье — люди. Нас ждут, Вадим. Но мы к ним не пойдем.

Они стояли рядом, почти касаясь друг друга лбами, похожие на молящиеся тени. Даже голоса их стали частью наступившей ночи, приобретя сходство с шумом деревьев.

На небе медленно, словно плесень по мокрому камню, ползли серые облака. Беглецы двинулись вперед, сжав зубы, упираясь в темноту стволами пистолетов. Но постепенно притерпелись к таящейся за каждым деревом опасности, заставив себя поверить: нынче пронесет.

Собачий лай принудил остановиться. Густой, но не слишком уверенный, он раскатился по распадкам, едва поднявшись к вершине хребта.

— Придется уходить северным склоном, — сказал Упоров.

— Там снега выше колен!

— А мусора с автоматами? Двигай за мной, Денис!

И пошел, не оборачиваясь на вора, с решительностью знающего выход человека. Лай снова загрел, на этот раз требовательно и зло.

— Засекла, стервоза! Похоже — отбегались, Вадим!

— Помолчи! У нее одна работа, у тебя — другая. Бежим!

Наст хрустел тонкой жестью, хватая за ноги и отнимая у беглецов последние силы. Они падали на наст, поднимались, снова падали, ползли на четвереньках, шепотом проклиная собачью бдительность.

Упоров первым подполз к подошве хребта, сделал несколько шагов по набитой тропе и, обхватив кособоковую ель, остановился. Минут через пять рядом с ним свалился Денис.

— Вставай! — потребовал Упоров. — Вставай, говорю, им будет не легче на этом склоне.

— Сейчас, сейчас! — Малина стоял уже на коленях. — Сердце выскакивает. Считай до трех, Вадим.

— Бежим, дурак! Здесь все простреливается сверху.

Метров двадцать зэк двигался на четвереньках. Его уже никто не подгонял. Слова иссякли, на них не хотелось тратить силы. Потом он выпрямился и, шатаясь, побрел за Вадимом.

3

К Оратукану они подошли с зарей. Речка лежала спокойной зеленоватой лентой, укрытая еще крепким льдом. В голубой дымке утра и речка, и непроснувшаяся долина с тонкой строчкой волчьих следов виделись немного надуманным произведением городского художника, создающего свои картины в удобной теплой мастерской.

— Я иду сто шагов, — прохрипел в спину Упорову Денис. — Дальше можешь меня пристрелить.

— Двести! — отрубил Вадим. — Дело чести, доблести и, если хочешь знать, геройства каждого уважающего себя советского заключенного — дойти до того стога сена.

Малина поднял голову, увидел огороженный жердями стог.

— Во масть пошла, легавый буду! Поканалы, Вадим! ...

Сено пахло потерянным летом и мышами. Зэки лезли в его удушье, с трудом разгребая слежавшиеся травы. От забытых запахов кружилась голова, возникала иллюзия полной безопасности. Чмокнуло под коленом раздавленное мышинное гнездо, уцелевшая мамаша с писком пронеслась по шее. Но Упоров уже засыпал и не придал этому факту никакого значения.

Глубокая темнота начала втягивать все мысли и чувства в свое бездонное нутро, оберегая их от надоевших потрясений. Впрочем, рядом с покоем образовалось чье-

то постороннее внимание, значительное и угрюмое. Он не понял. Но оно было, тревожило уснувшие мысли, будило далекие воспоминания. Через некоторое время в это состояние явилось уже зримое нечто — глаза с мутно-серыми зрачками, крапленными белыми точками. Они жили самостоятельной жизнью на блеклом пятне с размытыми контурами. Пятно напоминало лицо выходящего из густой темноты человека. Но вот Вадим вспомнил выпуклый лоб над острыми надбровными дугами, и на пятне образовалась верхняя часть знакомой головы с гладко зачесанными волосами. В нем загорелся интерес, устранивший очнувшееся состояние опасности. Тут же широкий, словно раздавленный нос ляпнулся в середину пятна, подперев переносицей тяжелые мешки под глазами.

Игра захватывала все больше. Он рисовал врага. Жестко закрутился подбородок, а немного оттопыренные уши вытянули лицо из темноты почти готовым. Оно начало жить, устремив на беглого зэка требовательный взгляд. Лицо напряглось. На нем образовались тонкие слепленные губы. Они стали расходиться и вскорости обнажали краешки редких зубов. Враг улыбнулся.

— Ну что, Упоров, вы готовы отвечать честно на мои вопросы?

— Все честно, гражданин следовательно. Я купил книги. Мне никто не объяснил, что их нельзя читать. Я до сих пор не могу понять: почему читать их нельзя?!

На этот раз улыбка была другой. Следовательно Левин стал похож на старуху, жующую лимон.

— Скажите, Упоров, вы зачем прикидываетесь придурком?

“Началось! Надо было заткнуть ему рот сеном”. Он едва не заткнул. Но Левин успел продолжить:

– Ницше – фашистская сволочь! Вы об этом не знали? Три тома Есенина... Кто он такой, понятно из его собственных слов.

Следователь достал большую книгу в картонном переплете, открыл ее на том месте, где торчала газетная закладка, и прочитал:

“Самые лучшие поклонники нашей поэзии – проститутки и бандиты. С ними мы все в большой дружбе. Коммунисты нас не любят по недоразумению”. Понял, Упоров, на что намекает этот подонок?!

Теперь уже старуха не улыбалась. Она кричала, широко разевая тот самый рот, который он не хотел дорисовывать:

– Ты устраивал коллективные чтения на корабле. Есть свидетели. Честные, порядочные люди!

– Неправда, гражданин следователь. Кто свидетель-то?

– Все! Кому скажем, тот и свидетель. А ты – бандит! Бандит с комсомольским билетом!

Обрывки слюны летели в лицо молодого штурмана, а он боялся пошевелиться. Вдруг – тишина. Левин выправил лицо, стал похож на самого себя.

– Цитирую выступление товарища Сталина в газете “Правда”, – полушепотом сообщил он подследственному: – “Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом”. А ты тащишь буржуазную гниль, гниль обреченного трупа в наш здоровый социалистический дом и спрашиваешь, в чем твоя вина? Сколько тебе заплатили? Кто выходил на связь с тобой?

— Нисколько. И никто не выходил.

— За драку с негром ты получал доллары?

— Это была не драка, товарищ Левин. Это был честный бой.

— Что?! Какой я тебе товарищ?! — Опять полетели слюни с матом. А когда следователь успокоился, то поднял трубку и сказал:

— Пусть войдет.

Вошел Семенов: кругленький, с аккуратной бородкой и тоненьким выбритым пробором на лысющей голове. Он озабоченно, точно врач, посмотрел на подследственного. Слова были дружескими, произнесенными от чистого сердца:

— Вадим, твои товарищи все рассказали. Так положено комсомольцам. Вина твоя велика, но попробуй и ты поступить, как твои товарищи.

В голове подследственного пронеслось восторженное: “Бей, Вадик! Бей!” — Семенов сидел почти у самого ринга и его было слышно даже во время обмена ударами обливающимся потом негром.

И еще: “Вадим, прочитай что-нибудь этакое, для души!” Семенов, ты же... ну ты же сам просил. Зачем же так, Семенов?! Подследственный путался в словах и мыслях. Он ничего не мог понять. Он нервничал под пристальным взглядом вновь прератившегося в смеющуюся старуху Левина.

Семенов по едва заметному жесту следователя подошел к нему и положил на плечи пахнущие кремом “Люкс” руки:

— Взвесь все, Вадим. Дай правдивые показания, как подсказывает тебе твоя комсомольская совесть. Я знаю — ты не потерян для общества. Советский суд не бездушная машина...

Упоров поднялся одновременно с ударом. Форменные ботинки начальника спецчасти корабля

“Парижская коммуна” промелькнули перед глазами и... исчезли в колышущейся темноте.

...Зэк освободил кулак из колючего сена, сразу забыв о следователе Левине и сломанной челюсти Семенова. Мысли вернулись к побегу.

Денис спал спокойным сном человека, уверенного в том, что его непременно поймают. Ему хотелось подольше побегать, как можно подольше. Упоров же хотел убежать...

“Судьба может выбрать одного-единственного из всех бегущих и сделать его счастливым. Одно-единственного!”

Мысли о дарованном ему чуде избавления жили где-то в стороне, за границей сосредоточенного сознания беглеца. Денис похлопал во сне ресницами и улыбнулся.

“Наверное, уже убежал. Снова ворует, кутит, разъезжает на такси с портновскими шляхами. Сейчас проснется — каково ему будет?”

Малина проснулся минут через двадцать. Повернулся к Упорову со счастливым лицом и спросил:

— Хочешь, я почитаю тебе любимые строки из Шекспира?

— Ты что... Ты серьезно или гонишь?

— Почему? Думаешь, я никогда не сидел с приличными людьми? Алтузов Петр Григорьевич! Иванов Сергей Никанорович! Кремизной! Педераст, но удивительно тонкая натура...

— Лучше пожрем. — Упоров посмотрел на Малину с некоторым разочарованием: вор знает Шекспира. Какой-то не настоящий попался...

Он растолкал руками сено и достал из-под головы мешок.

— Гадость, — отхлебнув из фляги медвежьего жира, поморщился Вадим. — А Камьш сказал — полезно.

— Ферапонт Степаньч в практической жизни — гений! Если бы он повел побег, мы бы точно убежали. С ним к любому делу безопасно приступать. Порой даже не верится: такую породу выкосили товарищи большевики. И чем взяли? Сами — мелкие, ленивые. Какой грех ни возьми — всяк ихний, а одолели. По судьбе, видать, вышло. От нее никуда не денешься...

Стог они покинули в сумерках и пошли под высоким берегом Оратукана. Мускулистое тело реки играло под надежным льдом. После ночной беготни мышцы болели, но идти было куда легче. Однажды на противоположном берегу реки вспыхнули огоньки волчьих глаз. Постояли, будто догорающие свечи в глубине спящего храма, и так же незаметно исчезли.

Денис вздохнул:

— Если жить ночью, как волки, можно долго не изловиться. Ты бы смог — ночью?

— Нет, та же смерть, только в движении. Волку достаточно лунного света, а я без солнца не могу. Особенно после “сейфа”...

— Но там обходился?

— Куда денешься? Я там такое видел... говорить не хочется. Ты понять не сможешь.

— Ну, — обиделся Малина, — такой умный фраер! Такой умный, что только в “сейфе” сидеть может.

— Не залупайся. Сам врубиться не могу: тело — на нарах, а то, что внутри, — душа — смотрит на все это, как я на тебя.

— Подумаешь! Вальтанулся немного. Лева Лихой, что Вертела замочил, два года отсидел в одиночке. Вышел, начал с валенком сожительствовать и Юлей его звать. У тебя еще хорошо обошлось. Стоп! Никак, опять волки?

Вдалеке появились едва различимые огоньки. Они светились призрачным расплывчатым светом, как кусочки белого мрамора на дне омута в ясный день.

— Таежный, — сказал Упоров.

— Побегали, пора работать, — голос Дениса потерял обычную шаловливость, даже ломался от волнения. — Если здесь не пофартит...

Вор спрятал под мышки замерзшие ладони, спросил вроде бы без всякой связи:

— Ты в Бога веришь?

— Зачем тебе знать? Да и сам я по-разному думаю...

— Хочу, чтоб ты усек: в поселке Он — наш главный поделщик. Больше надеяться не на кого. Если изловимся, пощады не жди. Пельмень концы отрубил. Грохнут! Будем вместе приводить в порядок Млечный Путь. Нравится мне это название.

Денис сунул наган во внутренний карман бушлата, перевел дыхание, точно поднимался в гору.

— Давай малость похаваем, после бомбанем кассу и рвем когти до стойбища якутов. За деньги Серафим увезет нас куда надо.

— Кто такой?

— Темный бес. Всякое за него болтают, но выбирать не из чего. Тут уж кто кого сгребет, тот того и любит. Деньги...

— У нас есть деньги.

— Думаешь, мне хочется подставлять голову под пули из-за грязных бумажек?! Серафим знает настоящую цену нашим головам. Он ее запросит.

Огни поселка медленно надвигались на беглецов, и они снова, не сговариваясь, стали говорить шепотом.

— Контора там, — указал Денис в сторону двухэтажного здания.

— Ты здесь бывал?

— Нет. Раз флаг и фонарь, значит, контора.

Зэки свернули в проулок, загаженный кучами смерзшихся помоев, крадучись двинулись вдоль забора, не выпуская из рук пистолетов. Проулок оказался тупиковым, он упирался в пекарню. Пришлось преодолевать забор, чтобы попасть на соседнюю улицу. По мерзлой земле шли шумновато, но собаки взбреднули только раз, да и то для порядка.

Часовой у конторы был виден издалека. Он сидел на завалинке, завернувшись в огромный тулуп, и курил.

— Поговори с ним, Вадик, — шепнул Малина. — Я брошу камень, ты успевай. Стрелять ему никак нельзя.

Сомнения ушли. Он ощутил себя способным перехитрить человека с винтовкой. Пошел, осторожно ступая по скользкой дороге, и смрад черной свечи на мгновение перебил устойчивые запахи помойки.

Стук камня о завалинку как-то не очень всполошил часового. Он лениво высунул голову из воротника, стал похож на хищную птицу, выглядывающую из гнезда. Часовой посмотрел туда, где родился звук, и в тот момент под ногой зэка хрустнул ледок. Поднятый воротник помешал сторожу быстро оценить опасность. Упоров бил по испуганному лицу с нужной дистанции, как на тренировке.

Часовой ударился затылком о мерзлую землю, но зэк на всякий случай стукнул его еще разок.

— Оттащи товарища со света, — на ходу приказал Малина и плечом высадил окно.

4

В конторе пахло сгоревшим углем, бумажным клеем, в общем, тем, чем всегда пахнет во всех поселковых конторах. Дверь в кассу Денис открыл отмычкой, сорвал сургучную печать и вошел, как в собственный кабинет. Массивный сейф стоял в углу тесного помещения, побле-

скивая серой краской. Он был похож на упавший с неба метеорит.

— Фирма Ландорф, — разочарованно произнес вор, — это знаешь ли... Плохо это, Вадик. Поганый немец!

— Не одолеешь? — Инструмент-то дачный. Денис провел ладонью по холодной стальной двери. Раз, потом еще раз.

— Перестань его гладить! Надо уходить.

— Обожди, Вадик! Немец, по-моему, обрусачился. Малина оторвал кусок бумаги от какого-то отчета и, лизнув языком, приклеил белый лоскуток к сейфу. Пригладил и приклеил еще три лоскутка.

— Прижми плотнее двери и затаи дыхание. Номер на бис!

Стволнагана дернулся. Короткое пламя высветило лицо покойного вождя всего прогрессивного человечества в траурной рамке. Спрессованный грохот вломился в уши грабителей, заставив вздрогнуть зарешеченные окна.

Через секунду стало тихо, но возникли подозрительные шорохи и голоса. Упоров поглядел на Дениса, тот спокойно отмахнулся:

— Не понтуйся, Вадик. Это с непривычки. У всех бывает попервости. Из такой ловушки звук далеко не ходит.

И уложил на едином вздохе еще три пули. Не спеша подошел к расстрелянному сейфу, спрятал в карман пистолет и вынул нож. Внутри стальной коробки что-то звякнуло. Денис еще раз ввел лезвие финки, пошевелил, нащупывая только ему известную зацепку. Пот выступил на матовом лице вора, сквозь полураскрытые губы прорывалось сдержанное дыхание. Работал он сосредоточенно, словно от удачного поворота финки зависела судьба мирового открытия. Вдруг взгляд Малины быстро взлетел вверх и нашел Упорова.

— Ты его надежно треснул, Вадик?

— Сам видел. Не отвлекайся! Нож повернулся против часовой стрелки, раздался щелчок, похожий на взвод курка.

— Крути колесо влево! Тяни на себя! — На последних словах волнение подвело вора: он дал “петуха”. Деньги были на месте. Солидные плотные пачки пробудили в обоих надежду на будущее, где есть все, не говоря уже о свободе.

— Дай свой мешок, — шепотом попросил Денис.

Он сунул руку в глубину сейфа и одним махом сбросил денежную пирамиду в холщовую пасть.

— Много денег, — Упоров облизал губы. — Ты будто знал, Денис.

— Работа у нас такая, — улыбнулся польщенный вор. — Четыре года ассистировал профессору Аркадию Онуфриевичу Львову. Скажу тебе, Вадик, зная, что ты меня не продашь: жмот профессор. Но работает — Чайковский! То, что я тебе исполнил, — легкомысленный фокстрот из низкопробного иностранного боевика. Львов — фигура мирового масштаба! Посадили его внаглую, без единого доказательства. Так сказать, за одну репутацию.

Денис отвесил низкий поклон портрету Сталина:

— Вы уж не обессудьте, Иосиф Виссарионович.

И, забросив за спину мешок с деньгами, пошел на выход, сохраняя на лице чувство собственного достоинства. Наверное, в эти мгновения он видел себя не в прокуренном коридоре приисковой конторы, а на белой мраморной лестнице славы, у подножия которой стояли онемевшие от зависти воры Страны Советов.

— Как мало надо человеку для душевного равновесия, — философствовал Денис, — мешок денег и свобода.

Его силуэт только прорисовался на фоне синего неба в проеме входной двери. Он собрался что-то сказать, но чуть раньше слов по окнам ударил свет автомобильных фар. Денис присел.

— Без паники, Вадим. Тикаем тем же ходом.

Зэки бежали в полный рост, успели перемахнуть через забор.

Машина резко затормозила. Вначале дробно застучали каблучки по мерзлой земле, затем раздался голос:

— Он здесь, товарищ лейтенант. Живой!

— Сейчас начнется, — покачал головой Денис, — эти бандиты хотят отобрать у нас деньги!

Впереди, за частоколом молодых елей, взвыла сирена. Воздух накалился звенящим нетерпением погони, в окнах домов начал вспыхивать свет. Упоров успел подумать о проснувшихся как о зрителях, торопливо собирающихся на спектакль травли зверей. Ему захотелось выстрелить в каждую лампочку, а заодно и в голову того, кому пришла мысль травить их этой ночью. Зло сменил страх. Обыкновенный страх, испытанный им не однажды. Показалось: время расплаты наступило. Надо стоять и ждать, а того лучше — сесть на землю, чтобы не видеть, когда в тебя прицелятся...

— К сараям! — крикнул Денис. Но именно от тех нескладных самодельных строений им навстречу кинулась громадная овчарка.

— Стой! Стрелять буду! — закричал кто-то из укрытия.

Денис выстрелил первым, навскидку, и собака свернулась визжащим клубком.

— В лес, Вадим! Шевелись, чо раскис?! Убежим!

Он перехватил мешок с деньгами под мышку. Автоматная очередь посекала ели над их головами. Они продолжали бежать до тех пор, пока не выскочили на ровное голое поле. Впереди виднелись казармы или склады.

— Брось мешок! — сказал Упоров.

— Спятил?! Сам видел, как они достаются.

За спинами послышался прерывистый хруст мерзлой земли и голоса. Чекисты шли цепью, скрываясь за деревьями.

— Рекс! — позвал собаку густой бас. — Ищи!

Зэки переглянулись, быстро пошли по самой кромке лесного склона. Рекс был опытной собакой и быстро вышел на их след. Упоров стрелял уже в прыгающую овчарку. Он никогда не думал, что поступит так хладнокровно: будет ждать приближения распахнутой пасти и нажмет спуск не раньше, не позже. Собака рухнула ему под ноги, зэк отскочил от последнего удара ее зубов, но в этот момент автоматы открыли огонь. Денис уронил оружие на землю. Они смотрели друг другу в глаза, прижимаясь щеками к скрипучему снегу.

— Застрели меня, Вадим, — по-домашнему просто попросил Малина и улыбнулся беспомощной детской улыбкой. — Сам не могу, да и грешно...

— Дурак! — коротко оборвал его Упоров. — Брось мешок за ту колоду. Ты бежишь к водокачке, я — к пекарне. Встречаемся в стогу. Еще хочу сказать: ты настоящий, ты просто замечательный парень, Денис!

— Сдавайтесь, курвы! — раздался крик из леса.

Денис бросил мешок, выстрелил на голос, но тотчас по нему прицельно ударила очередь. Зэк упал на колени. Так падают голодные каторжане перед коркой хлеба: камнем, чтоб никто не успел опередить. Вначале он так и стоял — на коленях, упершись лбом в дерево. Затем с трудом повернулся и прошептал через силу, пытаясь быть понятным:

— Беги, Вадим, беги... Мне не больно.

Кровь переползла через слабеющие губы, потекла по подбородку широкой полосой. Самостоятельной полосой, ибо порвалась какая-то неведомая связь; все устроилось по судьбе и согласно инструкции о задержании особо опасных преступников.

Мир качнулся живым маятником, звон в ушах поглотил крики и выстрелы. Он объяснил себе сам: выбора нет. Почти не целясь, разрядил обойму в то место, откуда пришла смерть Дениса, побежал.

Всё, что должно было с ним случиться, все, что должен он был пережить в будущем, выросло из этого слепого бега и было так же безнадежно. Но он бежал. Бежал, перепрыгивая через валежины и коряги. Бежал, как бегают во сне, умоляя Господа дать ему хотя бы возможность потерять все мгновенно. Жизнь утратила ощущение бесконечности, готовая прерваться в любую секунду. Но игра продолжалась. Он падал, полз, увертывался, хотел раствориться, чтобы стать воздухом. Прозрачным, бесплотным, способным пропустить сквозь себя пулю и не ощутить тупого разрыва тела.

Пули ложились рядом, рождая маленькие снежные вулканчики, как взрывы возмущения тех, кому надо было в него попасть. Все решил разыгравшийся случай. И он оказался на стороне зэка. Выстрелы прекратились, потому что он бежал мимо жилых бараков.

Упоров залетел в проулок, проскочил между сколоченных из фанерных листов кладовок. Впереди закашлялся вышедший до ветру мужик в заячем треухе. Глухое буханье трясло его тело, завернутое в рваный полушубок. Мужик постоянно отхаркивался и матерился, вспоминая при этом чье-то женское имя.

“Не стоит на глаза ему попадаться, — Упоров прижался к стене фанерной кладовки. — Скорей бы убирался, дурак ленивый!”

Справа загремела цепь, в колодец упало ведро, а чуть позже послышался стук сапог.

- Левонтий, тут кто пробежал?!
- Кому в такую рань бегать? Вы, что ли, стреляли?
- Мы.
- Убили кого?
- Одного.
- Сколь их было?
- Да пошел ты! Замыкайся крепче. Такие рыси бегают...

И сапоги застучали в обратную сторону. Зэк подождал, глянул за забор. Никого. Он перелез, пошел вдоль бревенчатого дома, кланяясь низким окнам. Остановился перед сараями, от которых на них с Денисом кинулась первая собака, ножом подвинул видимый в широкую щель язычок внутреннего замка. Дверь открылась спокойно, пропустив его в обыкновенный дровяник, где огороженное толстыми досками пространство заполнял смолистый запах лиственницы.

Беглец прилег на поленницу свежерубленных дров, погружаясь в усталую дремоту. Ему ничего не хотелось, даже медвежьего жира, фляга с которым отчаянно колотила по бедру во время погони. Сладковатый аромат свежего дерева вливался в кровь, наполняя ее медовой тягучестью, отчего мысли при нем остались только ленивые и спокойные.

В соседнем сарае петух прокричал зарю, под его бодрую песню подумалось: "Хорошо бы сонного застрелили..." Но дальше того пожелания не пошло: о том, как лопнет голова, переполнившись болью от входящей в нее пули, он не успел додумать — зэк заснул.

5

Уповор спал без снов, но даже в столь глубоком забытьи почувствовал на себе внимательный взгляд. Он явно не имел отношения к его сну. Был настоящий.

"Мент или собака. Больше ходить за тобой некому. Собака бы уже кинулась. Значит, мент. Любуется, гад. Лучше б стрелял!"

Он мысленно представил путь руки за голенище, где был нож. Чуть приподнял ресницы. Прямо перед ним на земляном полу стояли валенки, подшитые кусками старых покрышек от полуторки.

“Пора, парень!” — скомандовал себе зэк и, выхватив нож, быстро вскочил. Он не сразу сообразил, почему лицо человека оказалось на уровне его груди, но интуитивно отдернул к себе лезвие. Незнакомый ойкнул. Голос был слабый и не мог родить крик. Чуть погодя Упоров увидел, как на узкой, почти детской ладони, расходится короткая рана.

— Тихо! — предупредил изрядно смущенный беглец. — Не надо шуметь! Я нечаянно...

— Не буду, — так же шепотом ответил неизвестный и поднял большие, наполненные слезами глаза. Они были зеленые, как мокрый нефрит.

Девчонка! Это, конечно, лучше, чем чекист с автоматом, но все равно неловко, да и глаза глядят прямо в душу. Неловко...

Из зажатого кулака выпадали капли крови. Он не мог на них смотреть, спросил:

— Тебе больно? Надо чем-то перевязать. Сейчас же! Извини, я не хотел. Со сна принял тебя черт знает за кого. Извини.

Она кивнула, не убирая взгляда.

— Дома есть бинт и йод. Вы можете меня отпустить домой?

— Отпустить? — Вадим понял, девчонка видит в нем бандита, и горько усмехнулся. — Ну конечно же! Только не надо солдат. Вечером освобожу этот отель. Как тебя зовут?

— Наталья.

— Иди домой, Наташа. Не сердись на меня. Я, понимаешь ли, беглый, потому злой. А злой, потому что беглый. Заколдованный круг.

Он никак не мог справиться с ощущением своей вины и пытался смягчить впечатление говорливой бесшабашностью.

— Вы не волнуйтесь, — очень просто сказал она, будто давно знакомому человеку, — у меня дядя тоже поселенец с поражением в правах. Я приехала к нему из Ленинграда. Бросила балетную студию и прикатила. Меня даже из комсомола хотели выпнать. Ужас!

Девчонка изобразила ужас на лице, лица не стало видно — одни глаза.

— Да, серьезное дело. Ну, ты иди, не то тебя хватят. Если можно, я здесь побуду до вечера?

Ему вдруг расхотелось погибать, он проклинал эту ворвавшуюся в сарай девчонку с ее детской непосредственностью и такими огромными зелеными глазами.

Наталья понимающе кивнула, вытянула перед собой руки:

— Положите мне поленья.

— Как же ты с такой рукой?

Она улыбнулась:

— Грузите. И считайте, что “отель” в вашем распоряжении.

В щель между досками Упоров видел, как девчонка пересекла двор, забавно раскачиваясь под тяжестью дров. Поднялась на крыльцо, прижала поленья подбородком и оттопыренным мизинцем левой руки открыла дверь.

“Сейчас успокоится, в ней заговорит долг комсомолки и... Но бежать все равно некуда. Может случиться — она не побежит? Не может! Вся страна доносит!”

Он воткнул нож в чурку и отхлебнул из фляги медвежьего жира. По двору, заваленному хрустящими на морозе нечистотами, прошла толстая баба в засаленной телогрейке. Остановилась, глянув по сторонам, стала подтягивать сшитые из байки панталоны. Еще раз с коровой стеснительностью глянула на окна, пошла вразвалку. И он почувствовал себя окончательно отторгнутым

от всякой надежды человеком, куда несчастней этой бесконечно несчастной бабы.

“Она — просто не видевшее другой жизни животное, а ты — загнанное в западню, живущее на волосок от смерти. Кому лучше? Ей! Она не понимает своей трагедии: день прожила — и ладно. Ты все знаешь, поделать ничего не можешь. Девчонка, однако, никуда не побежала. Странно...”

От размышлений эка отвлек знакомый уже мужик, справлявший нужду возле дома. Кашель его сейчас не мучил, держался он с несколько театральным достоинством, даже громко испортив воздух, остался при том же многозначительном лице.

“Член поселкового Совета, не меньше, — подумал Упоров. — Тоже меня ищет. Все кого-то ищут. Работали бы лучше, суки!”

Серьезный мужик явно шел в гости, но по делу. Вытер подошвы о березовый веник-голяк, потянул к себе ржавую ручку. В бараке он долго не задержался и вышел расстроенный. Харкнул на крыльцо, оглядел двор внимательным взглядом человека, опытного в вопросах сыска, и задержал взгляд именно на той двери, за которой находился беглый каторжанин. Глаза сыскаря остановились, только что рыскающие, они начали обретать смысл, концентрируя все внимание на одной точке.

Взгляд обладал почти притягательной силой. Упоров хотел посторониться от щели, однако сдержался, понимая: главное — не суетиться. В настроении мужика произошла резкая перемена, отразившаяся на испитом лице гримасой внутренней заостренности. Оно, словно морда легавой, подалось вперед, а ноздри выразительно зашевелились.

“Или засек, или вспомнил, где можно опохмелиться. Ты осел дверь забыл закрыть за девчонкой! Может, поленом — по башке? Заорет. Успокойся: это его с похмелья трясет”.

Минут через десять после того, как бдительный бухарик ушагал в сторону водокачки, на крыльце появилась Наташа с дымящейся чашкой и куском хлеба. Рука, встретившая его нож, была перевязана стираным бинтом. Зэк смотрел на нескладное длинноногое существо, пытающееся по-мальчишески тощим задом захлопнуть дверь, со сложным чувством вины и умиления. Поведение ее было естественным, домашним.

Она справилась с дверью, сделала шаг с первой ступеньки крыльца, остановилась, сурово собрав к переносице брови. Ребенок сразу исчез. Зэк видел перед собой маленькую обманутую женщину. Потом она сказала кому-то, кого Вадим не мог разглядеть:

— Ну и подлец же вы, дядя Левонтий!

Автоматчиков он увидел мгновением позже. У них сводило скулы от напряжения, автоматы были готовы открыть огонь. Следом в поле видимости появился капитан, вызывающе аккуратный среди загаженного бытовыми отходами двора.

— Это кому? — капитан указал на дымящуюся кружку в руке девчонки и улыбнулся.

— Собачке, — Наташа покраснела, вновь став ребенком.

— Должен тебя огорчить, — капитан почесал твердую переносицу, изобразив подлинное сожаление, — твою собачку мы пристрелим: бешеная она. Такие вот дела, красавица!

Он подождал, пока сожаление покинет его запоминающееся лицо, и продолжил уже другим тоном:

— Убирайся вон, дрянь! Иначе твой дядя вернется на тюремные нары за укрывательство особо опасного преступника!

“Это о тебе. Объявка сделана. Твой выход, Вадим!”

Упоров распахнул ногой двери сарая, двинулся к офицеру, не обращая внимания на вскинутые стволы. Он решил: самое время!

Но офицер сказал:

— Стоять!

И он остановился. Наверное, за следующим шагом мог последовать выстрел, отсекающий настоящее от будущего. Зэк видел, как напрягся палец сержанта на спуске. Однако именно этого шага он и не сделал. Не от страха, по другой, неизъяснимой причине, установившей запретную грань.

У всякой смерти — свое время. Предназначенная ему стояла так близко, что зэк чувствовал ее землистый запах, привыкал к нему. Смерть не взяла его, точнее — не приняла, дала возможность сказать:

— Капитан, девчонка здесь ни при чем.

— Я так и думал, — офицер снова стал вежливым, попросил, повернувшись к Наташе: — Иди домой, детка, мы отведем твою собачку на живодерню.

Она поглядела на него, не скрывая сожаления. Опять взрослая, строгая, поднялась на одну ступеньку и ушла. Он подмигнул стоящим напротив автоматчикам, потому что хотел выглядеть бесстрашным, хотел, чтобы Наташа видела через тюлевые занавески на перекошенном окне: ему совсем не боязно. И все-таки образ его был разделен на внешнюю лихость и внутреннюю напряженность. Что поделаешь — человек...

— Обыскать! — приказал капитан, подбодрив автоматчиков нетерпеливым жестом.

— Руки в гору!

Сержант поставил автомат на уровне живота, выследивший беглеца Левонтий выдернул из-за голенища нож. Ловко обшлепав карманы быстрыми профессиональными движениями, выкинул под ноги сержанту флягу с медвежьим жиром.

— Снять сапоги! — сержант его ненавидел. — Быстро, гадость!

Опуская руки, ээк кулаком наотмашь ударил Левонтия в лоб так, что локоть откликнулся гудящей болью, следом сам получил по затылку прикладом автомата. Они рухнули почти одновременно, но первым пришел в себя ээк.

— Хватит валяться, Упоров! — капитан давил каблук сапога на ладонь лежавшего, стараясь побыстрее привести его в чувство. — Вставайте, вставайте! Мы еще не обедали.

Упоров сел, осторожно потрогал голову. Сержант пнул его под зад:

— Подымайся! Возимся со всякой пакостью, застрелить давно пора.

— Товарищ капитан, Левонтия Ивановича рвет! — доложил молоденький солдатик.

— Сотрясение. Ловкость потерял Левонтий. Сержант, наденьте наручники и постарайтесь довести живым. Он там кому-то нужен.

— Товарищ капитан, а Левонтия Ивановича куда? — гундосил рыкловатый боец с постным и заботливым лицом царского санитаря.

— Левонтия — в медпункт. Думать будет.

6

Упорова вели через тот же лесок, той же тропкой, по которой он бежал. Сейчас все выглядело по-иному: не так враждебно. Посеченные автоматными очередями деревья, земля, схоронившая в себе сотни посланных в беглецов пуль, были обыкновенными, какими им и положено быть.

У приисковой конторы толпились люди, отыскавшие повод для безделья. Они обсуждали ночное происшествие. Коротконогая женщина в собольей шапке и соболь-

ем воротнике, пришитом грубыми нитками к старому залоснившемуся пальто, заметив зэка, крикнула:

— Вот он, бандюга! Присмирел сразу!

И отмахнувшись от подруги, пошла навстречу, шустро перебирая толстыми ногами. Зэк понял: она пьяна. Успел подумать: “Хоть праздник людям устроил, и то хорошо”.

На том мысли кончились. Женщина плюнула ему в лицо и под одобрительные возгласы толпы вернулась на свое место, подбрасывая в такт энергичным движениям вислый зад.

Упоров вытер плевки рукавом телогрейки, подумал: “Наверное, член парткома — слона больно ядовитая!”

Его втокнули в комнату, похожую на спичечный коробок. Посредине стояли фанерный стол и шесть самодельных табуреток. Портрет Сталина, как и в ограбленной ими кассе, был забран в траурную рамку. Захотелось встать под портретом, но сержант указал стволом автомата на табуретку, рядом с которой лежал человек. Упоров не сразу узнал Дениса: лицо вора потеряло не только цвет, но и форму. Оно съежилось до размеров детского личика и больше напоминало маску, снятую с несчастного Пьеро. Денис, как показалось, узнал Вадима и пошевелил ресницами, на что обратил внимание сержант и удивленно произнес:

— Живучий, шакал!

Покачал голову Дениса сапогом, прислушался, после чего произнес с видимым удовольствием:

— Нет, кажись, умер. Еще до того как тебя взяли, пузыри пускал.

На столе деликатно зазвонил телефон, и только что вошедший капитан снял трубку.

— Ярцев слушает! Да, взяли, в сарае у поселенца... Фамилию забыл. Разберемся. Дрался. Вернее, оказывал сопротивление при задержании. Гецу, который с “Широкого” демобилизовался, мозги стряс. Второй уже

готов или почти готов. Разницы нет, как и толку. Акт будет. Минуточку, Важа Спиридоньч...

Капитан ладонью зажал трубку, приказал долговязому солдату, дремлющему у входа:

— Шмыгалов, сбегай за фельдшером!

Солдат встрепенулся, перекинул через плечо ремень автомата и побежал, стуча по коридору сапогами. Шаги еще не успели заглухнуть, а на пороге комнаты возник улыбающийся якут в армейском ватнике. Темные проталины веселых глаз прятались в тяжелых складках пористой кожи. Якут бы крепок и подвижен, словно живая ртуть. Посаженная на короткую шею голова поворачивалась по-волчьи, вместе с туловищем. И всякий раз такой поворот вызывал невольную настороженность.

Капитан взглянул на вошедшего с наигранной приветливостью, сказал в трубку:

— Серафим пожаловал!

Якут показал ему брезентовый мешок, из которого капала кровь.

— С добычей, — продолжал капитан. — Какие там соболя! Наши упущения. Нет, еще не видел.

Ярцев подбородком указал на промокший мешок:

— Кто там у тебя, Серафим?

Якут пошевелил широким носом с загнутым кончиком, прикрыл глаза и произнес с расстановкой:

— Значит, так... Скажи полковнику. Кафтан, Японец, третьего не признал. Но шипко блатной! Жена хотел играть. Я — хытрый, сказал: "Надъха сипилис болеет". Пугался, руками махал. Больше не будет... Легким шагом якут подошел к столу и вывалил на пол к ногам капитана три обрубленные кисти.

— Кафтанов, Снегирев, третьего не знает. Пристрелил на всякий случай.

И снова якуту.

— Важа Спиридонович спрашивает: он точно беглый?

— Еще какой! Прятать просил. Деньги много обещал...

— Обещал или дал?

— Обещал только...

— Гостеприимный ты человек, Серафим! Важа Спиридонович передает тебе привет и благодарность. Расчет получишь за троих.

Якут серьезно оглядел присутствующих, обеими руками пригладил лоснящиеся волосы.

— Серафимушка шестный, ему нешестный деньги не надо. Он служит партии и советскому народу.

“Мы несли деньги этой дешевке, — беззлобно подумал Упоров. — Могли разделить участь этих троих... Тогда отрубленных кистей было бы пять. Одна из них — твоя”.

Улыбающаяся рожа якута стала враждебной, напомнила о пугающей близости смерти. Подумалось: все люди ходят в масках, пряча свою внутреннюю правду так глубоко, что не могут до нее докопаться. Актеры! Поганые актеры!

В комнату вошел еще один человек, в поношенном драповом пальто и солдатской шапке без звездочки. Человек был откровенно пьян, хотя старался, по мере возможности, скрыть свое нерабочее состояние.

— Всё, Важа Спиридонович, — крикнул в трубку капитан, — фельдшера привели. Как всегда. Я же сказал “привели”. Минут через тридцать отправим вместе с пойманным акт. До свидания!

— Позвольте заметить, товарищ Ярцев, я пришел сам! — обидчиво выпалил фельдшер. — Нацепили, понимаешь ли погоны, думаете, можно унижать мое человеческое до... до...

Он не смог одолеть слово. Капитан миролюбиво прервал его:

— Будет вам, Петр Платонович. Надо подписать акт о смерти, и мы вас не задерживаем.

Фельдшер икнул, обвел комнату неустойчивым взглядом, наконец указал пальцем себе под ноги:

— Этот, что ли?

Ярцев, поправляя португепю, сказал:

— Этот.

Петр Платонович наклонился, поднял веко, затем пощупал пульс Малинина. Выпятив вперед облепленную хлебными крошками губу, с сомнением поглядел на капитана:

— Он пока еще с нами...

— Его нет, Петр Платонович! И перестаньте ломать комедию!

Фельдшер вздрогнул, засуетился, повторив всю процедуру с веком и пульсом, и сказал, не поднимая на капитана глаз:

— Нет, тут все ясно: состояние агонии...

— Он умер! — перебил Ярцев. — Вот здесь надо подписать. А вы что ждете, Серафим? Идите, получайте в кассе. Не забудьте передать привет супруге.

Капитан взял со стола подписанный акт, сделав на ходу замечание фельдшеру:

— Вы что, трупами закусываете? Вонь такая!.. Эй, Мамедов, задержанного — в машину, труп — в сарай! Шишов, распорядитесь, чтобы вымыли полы.

Упоров положил стянутые наручниками руки на холодную ладонь Дениса. Зрачки вора смотрели в свое лихое прошлое...

То был прощальный взгляд из загона, когда уже не нужны слова, — лишь исходящий из бесконечной пропасти глаз покойного отблеск вечности оставляет провожающим надежду на то, что поезд идет по назначению.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

В тюрьме его опять били. Били не юнцы-автоматчики, а досконально знающие свое ремесло профессионалы. Он ужом крутился под градом ударов. Печень екала, взлетая к горлу. Та часть тела, куда метил тупой носок кованого сапога, за долю секунды неведомым образом уже знала об этом — такой молниеносный телеграф, сработанный диким желанием выжить. Весь мир колебался подобно чашам весов, перегруженным нечеловеческой болью.

Бить прекратили, когда он потерял сознание после “гвардейского” удара. Старшина Жупанько вытер платком потную шею, но глянув на эка, заволновался:

— Ни, ты дывись — шаволится. Притворился, симулянт! А ну, хлопцы, еще разок по-гвардейски, так, щоб его бабке икнулось на том свете.

...“Гвардейский” удар был личным вкладом Жупанько в дело перевоспитания беглецов. Он говорил своим подчиненным:

— Прежде чем чоловика допустить до строительства светлого будущего, с него необходимо стряхнуть темное прошлое. А як же!

Даже за обеденным столом, пережевывая массивными челюстями пайковый гуляш, Остап Сильч думал о незаконченности возмездия, того хуже — симуляции наказуемого. Однажды (классический пример больших открытий), во время перевоспитания беглого вора по кличке Стерва, охранники, не сговариваясь, сделали паузу. Вор облегченно вздохнул. Тотчас четыре сапога одновременно подняли его над цементным полом. Раз!

— Во! — радостно произнес Жупанько. — Це по-нашему, по-гвардейски!

Стерва умер еще в полете, успев перед смертью послужить доброму делу и внести свой личный вклад...

Заключенный Упоров оказался ловчее доверчивого вора. Он извлек из опыта общения с улыбочивым Жупанько главное: не доверяй, не надейся, не расслабляйся. И перенес второй “гвардейский” мальми потерями: ему сломали два ребра да вбили куда-то аппендицит, который чудом не лопнул.

Полуживого зэка бросили в одиночку, а старшина Жупанько пошел мыть руки цветочным мылом столичной фабрики “Свобода”, напевая любимую мелодию “Дылось я на небо...” Оба они еще не знали, что через час им придется встретиться снова — по обстоятельствам, от них не зависящим.

Пока старшина обедал, зэк лежал на нарах вверх лицом, хватая спертый воздух камеры короткими порциями, словно кипятком, пользуясь отведенной ему малостью вдоха и выдоха. Чтобы отвлечься от мыслей о будущем, он уводил их в прошлое, но там путаницы было не меньше. Тогда зэк пытался проникнуть в предпрошлое, вневременное существование, когда его зачатие еще не значилось даже в планах виновников. Они просто ничего друг о друге не знали. Маленькая еврейка-пианистка была домоседкой и втайне презирала своего брата-боевика, столь же кровожадного, сколь и трусливого. А лихой командир кавалерийского отряда Буденного носился по полям гражданской войны и рубил головы тем, кто стоял на пути голодранцев и пьяниц в царство свободы. Все определил случай, отряд Упорова остановился в Белой Церкви на двое суток. Первый вечер она играла “Марсельезу”, героически складывая две тоненькие морщинки над прекрасными черными глазами. Во вторую ночь уже аккомпанировала командиру отряда. Их единственный сын появился на свет после окончания мужем Академии красных командиров. Мама шутила:

— Сергей, тебя хорошо подготовили.

Сергей Упоров погиб в первые дни Великой Отечественной войны...

“Если бы это случилось раньше...”

Мысль была не по-сыновьи жестокой, но он тут же нашел ей оправдание: не кто иной как папа завоевывал ему одиночную камеру.

“Господи, какая боль! Лучше бы мне не родиться!”

Зэк ухватился за это и представил себя в резерве жизни — маленьким, розовым, с крыльшками.

“Тогда бы все получилось иначе, точнее, ничего бы не получилось: ни судей, ни тюрьмы, ни боли. А ты, укрытый от земных забот, безмятежно парил бы в мечтах влюбленных”.

Ему и вправду полегчало, но совсем ненадолго. Зэк опять начал смотреть на миропорядок с грубой подозрительностью, решив: “Господь не сможет долго терпеть твоё бесполезное мечтательное тунеядство. Когда-нибудь Всевышнему надоест, и он бросит тебя в потное сопение двух человеческих существ. С мрачной решимостью они совокупятся на грязной постели. Ты станешь вершиной их пьяного экстаза. Твое крохотное начало побежит со скоростью, равной напруге животных страстей будущего родителя. И там, в чреве женщины, не отягощенной бременем любви, обретешь плоть, в которой явишься на свет Божий сыном... Жупанько”.

Мысль выпрыгнула неожиданно, как холодная жаба на ладонь спящего ребенка, перепугав его до боли и отворачивания. Он так разволновался, что схватил вгоряча слишком большой глоток воздуха... Расплата наступила незамедлительно. Зэк застонал, но все-таки продолжил спор с собственной гордостью: “Ну и что?! Подумаешь, папа — чекист! Зато оставил бы тебе наследственную ограниченность. Спокойно отсиделся бы в ее стенах при любом режиме. Тебе сказали — ты сделал, сказали — сделал, сказали...”

Он повторял это до тех пор, пока не увидел, как Остап Сильч, перекинув веревку через березовый сук, тянет на ней к чистому синему небу Сергея Есенина, и тот, тоже синий, но еще чуточку живой, пытается всунуть пальцы между петель и шеей. Красный от напряжения Жупанько просит: “Сынок, подсоби родителю!”. А потом как закричит уже настоящим, до ощутимой боли знакомым голосом, впивающимся в каждый нерв спящего зэка:

— Встать, подлюга! Тикай отседова, симулянт!

— Папа... — прошептал, улыбаясь, заключенный, понимая всю комичность ситуации, но от того не чувствуя себя несчастным.

— Що?! — опешил старшина, забыв закрыть рот. — Ни, ты тильки послухай, Лигачев! Этот тип меня тяткой кличе. Гонит, чи що?

— Осознал, должно быть, — отозвался из коридора Лигачев. — На пользу пошло. Так бывает...

— Дурак ты, Лигачев! Седой, а дурак по всей форме. Такой разве осознает?! Такой и тятку ридного не пощадит. Встать! Тюрьма горит.

И тут зэк почувствовал едкий дым, а затем опознал до конца Жупанько, загородившего зеленой тушей вход в камеру. Он едва поднялся, едва поковылял, держась за стену. Даже получив увесистый пинок, не ускорил шага, не обиделся на “родителя”, но подумал: “Хорошо, что это животное не знает, кто моя мама...”

Мысль была забавная, с ней легче ползлось по заполненному дымом тюремному коридору.

2

Пожар в третьем блоке тюрьмы был результатом поджога. Шестеро подследственных задохнулись. “Хата” Упорова оказалось в удачном месте: недалеко от служеб-

ного входа. Прележи он в ней еще с часик, тоже бы задохнулся. Но, как говорится, кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Его бросили в общую камеру, переполненную разномастной публикой, вызывающей у администрации не столько опасение, сколько раздражение. Здесь были мастырщики, прокальвающие грязной иглой ноги, злостные отказчики, барачные боксеры-бакланы, симулянты всех мастей, вольные на язык политиканы и вольнодумствующие педерасты.

Тут было трудно дышать, но еще трудней выжить от тесноты человеческих отношений...

Пожилой благообразный зэк, штопающий черную коворотку, глянул на сгорбленного Упорова и распорядился незвучным голосом:

— Шпилявые, кыш с нар!

Этих слов оказалось достаточно, чтобы повергнуть в уныние двух играющих на верхнем ярусе чеченов. Тем не менее, они прыгнули вниз, даже помогли ему забраться на нары.

Он лег поудобнее и осмотрелся. Оказанная услуга не могла быть обыкновенным актом милосердия: здесь никто не мог рассчитывать на милость ближнего. Значит, ты снова в чужой игре. Веселей от такого открытия не стало. Вокруг копошились люди, каждый искал спасения за чей-то счет, совершая поступки, коих не могла желать душа, но придумывал перепуганный мозг, придумывал и осуществлял, искажая человеческую природу таким невероятным образом, что, казалось, другого состояния для человека не существует, что это и есть его истинное состояние.

Вадима отвлек легкий вежливый кашель справа.

— Кхм! Кхм!

Рядом образовался цыган с серьгой в левом ухе и стоящей колодой карт в руках без единой наколки. Кар-

ты вели себя удивительно послушно, совершая цирковые трюки. Они то рассыпались веером, то прыгали из руки в руку хорошо обученными солдатиками, доставляя видимое удовольствие плутоватому хозяину.

Цыган спросил скрипучим голосом:

— Шибко худо, братка?

— Тебе-то что?! — Упоров не хотел осложнять себе жизнь лишними знакомствами.

— Просто. Семен — добрый человек, ему хороших людей жалко.

— Не лоци, мора. Кто послал?

— Дьяк, — шепнул цыган. И карты склеились в одну колоду.

— Первый раз слышу. Ошибся, мора!

— Не доверяешь, братка? Мамой клянусь!

— Я все сказал. Привет маме!

— Э-э-э! — зевнул зэк с лицом, посеченным бритвой. Протяжно и очень ненатурально. Глаза его были замершими, настороженными.

Металлический скрежет двери оборвал их напряженный разговор. Цыганенок обернулся на звук и ужом соскользнул с нар, а еще через несколько секунд Упоров потерял его из виду.

Дверь открылась. Угрюмый мятый старшина втокнул в камеру Федора Опенкина. Федор сплюнул и поздоровался за руку с тем мужиком, который определил Упорову место на нарах. Затем, как бы случайно, задержал взгляд на человеке, который читал старую газету, прислонившись плечом к нарам.

— Хай меня казнят, если хоть раз я был в таком приличном обществе! Это же парламент, а не камера. Такие люди! Народные артисты среди народа.

Опенкин вытер руку о штанину и протянул ее крупному человеку с породистым лицом интеллигентного фармацевтика.

— Думал, вы давно откинулись, Александр Николаевич. Вас заждались новые роли.

Каштанка незаметным движением извлек откуда-то из-под полы пачку “Беломора”.

— Увы, — заключенный прилично сыграл разочарование, не спуская алчного взгляда с пачки папирос, — оставили еще на сезон в этом театре.

— Дело временное, — успокоил Опенкин. — Не завтра, так через червончик откинетесь. Держите вот от благодарных почитателей.

— Что вы! Что вы, Опенкин! — артист сопротивлялся, уже держа пачку в руке. — Махоркой обойдусь. Привычный!

— Вам здоровье беречь надо. Вы же не просто — с моста. Легавый буду! И здоровье ваше — народное, товарищ Очаев.

— Было народное, — подыграл ему артист, переходя на феню, — пока меня не кинули через каргальгу на пятьдесят восьмую, как последнего порчка.

Федор оценил слова Очаева поощрительной улыбкой и сказал, махнув тонкой ладонью:

— Обойдется. О! Вдруг откуда ни возьмись появилось в рот несись!

Опенкин указал пальцем на Упорова:

— Ты-то как притусовался к приличным людям?! Говорили, тебя грохнули. Получается — вторую жизнь живешь. Ну, ера!

Зэк скакнул на нары и блаженно вытянулся рядом с Вадимом. Он прежде осмотрелся и спросил шепотом, когда о нем уже забыли:

— Где вас повязали?

— В Таежном, — так же тихо ответил Упоров. — Денис решил взять кассу и уходить через Серафима.

— Взяли? — интерес был неподдельный, с легким огоньком в прищуренном глазе.

— Взяли. Мы — кассу, нас — менты. Дениса кончали на месте.

— Чалдона тоже шмальнули. Он грабки вскинул, а ему — пуля в лоб. Мусор погорячился. И Пельмень не жилец. За Стадника ты ничего не знаешь, понял?! Тех двух, из опергруппы, взял на себя Шура. Ты чистый. Скажешь: к хвосту привязали. За рыжье помалкивай. Не было рыжья!

Федор задумался и с неудовольствием произнес:

— У ментов было бессудное право тебя кончать. Помилвали. Ты им живой нужен...

— А вам? — спросил вспотевший от возмущения Упоров.

— Кто-то вломил с опозданием, — Опенкин не ответил, продолжая разговаривать сам с собой. — Все было сделано умышленно. Это не вор. Или вор, но не допущенный. Сходка не хотела оставлять свидетелей. За тебя поручился Львов, ну и я, само собой...

— Дьяк?! — Упоров даже приподнялся, преодолевая боль, и посмотрел на Федора.

— Никанор Евстафьевич воздержались. Большим сказался Никанор Евстафьевич. Ты его не суди. Вам жизнями платить, ему еще и именем, а оно в воровской России... сам знаешь.

— Скажи прямо, Федор: убрать решили?

— Не решили... — три глубокие морщины: одна — на лбу, две — у кончиков губ — разделили его лицо на самостоятельные части. Федор переживал. — Львов сказал: “Дурное дело не хитрое. Нож, как крот, слепой, а человек нам пользу принес”. Он от своего слова не отступится, и я, само собой...

— Псы вы! Бешеные псы!

— Тише, Вадим, тише! — Опенкин огляделся по сторонам. — Прокурор может для тебя вышку попросить. Колотья все одно не надо. И сам знаешь, почему... Понял?

Бледный, обессиленный внезапной вспышкой ярости, Упоров глянул на него с презрением, изучающе:

— Ты как думаешь? Ты же меня знаешь!

— Я жду ответа, Вадим.

— Пусть воры знают: не продам. Не глупее вас. А кто посылал ко мне вон того цыгана? Он сказал — Дьяк.

— Ты что ему ответил?

— Послал подальше.

— Все правильно. Всех — подальше. С цыганом разберемся. Могли менты кидняк сделать, мог и сам Никанор Евстафьевич...

— Успокой его, Федя. Он из-за этой кассы готов кого угодно сожрать.

В эти минуты зэк презирал себя, как можно презирать постороннего человека, совершающего поступок, который осуждает собственная совесть. И понимал другой путь — это смерть, столь же неизбежная, сколь и неожиданная.

— Возьми, — Опенкин сунул в карман его телогрейки сверток с едой. — Тебя уже дергали?

— Нет. Передай сходке: Серафим кончал Кафтана и тех, кто был с ним. Он — мерзость!

— Серафим? У них нечем было платить. Якут за просто так не рискует. Да и Кафтан... только хлял воров. На самом деле крысятничал, грабил мужиков.

— Хватит, Федор! Ваше право на суд мне известно. Когда-нибудь расскажу, как умер Денис. Сейчас иди, не вмоготу мне от твоих разговоров.

Ему не удалось заснуть. Он дремал, вздрагивая от смеха и криков, изредка будораживших тяжелое забытье

камеры. Упоров пребывал в полусонном состоянии до тех пор, пока вновь не заскрипела дверь, и тот же самый старшина вошел в камеру, а из-за его спины появилось еще одно лицо — суровое, чем-то приятное. Вадим подумал, что для тюремщика такое лицо — роскошь.

— Упоров, на выход!

— Донцов, на выход!

— Серегин, на выход!

Спина стала влажной, словно весь пот вылился наружу из ослабевших пор, и где-то в глухом закутке души затрепетал страх. Он поднялся, преодолевая навалившуюся вялость. Объявившая о себе боль прояснила голову. Очаев помог ему спуститься, на что старшина посмотрел косо и сказал:

— Иди на место, артист.

— Мое место на сцене, любезнейший.

— Это еще как прокурор посмотрит, где твое место. А ты канай живей, симулянт! Твоя песенка спета.

3

Следователь спросил с вежливой полуулыбкой:

— Вы любите удить рыбу, Упоров?

Вопрос с трудом перевалил через пухлую нижнюю губу, при этом розовые щеки по-детски коротко схватили и выпустили воздух.

Подследственный пожал плечами, не ответил и вновь почувствовал, как мокнет спина. Чтобы успокоиться, сосредоточил внимание на большой, удачно перезимовавшей мухе, перебиравшей тонкими лапками по свежепобеленной стене кабинета.

“У нее есть цель, — он старался забыть о толстом, странном следователе, задающем дурацкие вопросы. — И у тебя есть цель. Тебе надо выжить”.

— Выходит, не любите, — вздохнул толстяк. — Я-то думал, хоть о рыбалке поговорим. С делом вашим, к сожалению, полная ясность. Из него вырисовывается личность, лишенная необходимых понятий о дозволенном и запрещенном. Для вас не существует запретов. Человеческие законы требуют для своего выполнения сознательности. Таковой в вас, судя по показаниям, обнаружено не было...

— О каком деле вы говорите, гражданин следователь?

Толстяк пошлепал губами, выразив тем самым сожаление, и, запустив в кудрявую шевелюру короткие пальцы левой руки, положил голову на ладонь. Ладонь провалилась в розовую щеку, большой, добрый голубой глаз лежал прямо на кончике украшенного золотой печаткой мизинца.

— Поражаюсь вам, Вадим. Комсомолец, из крепкой революционной семьи военных...

— У меня мама пианистка.

— Ничего страшного. Мой отец дворянин. Революция провозгласила честный девиз: “Дети за родителей не отвечают”. Помните Павлика Морозова. На этом — точка! Впрочем, пример не очень удачный, но ты меня прекрасно понял. — Следователь перешел на “ты”, как бы не заметив этого. — И вдруг сын легендарного красного командира уходит в побег. Ворует принадлежащее государству золото, убивает выполняющих свой долг чекистов, грабит кассу, стреляет по советским солдатам. Не понимаю! Мрак! Но идея справедливости требует, чтобы за всякое зло было воздаяние. Предположим на мгновение невероятное: прокурор на суде — твой дружочек Дьяков...

Толстяк озорно хохотнул и вытер ладони носовым платком.

— Даже он будет вынужден вынести тебе смертный приговор. Прошу тебя, Вадим, объясни мне, как такое могло произойти?

— Из перечисленных грехов, гражданин следователь, моих два: побег и касса. Если б мы шли с золотом, на кой хрен нам та касса?

Следователь вскочил со стула, прикованного к полу массивной ржавой цепью, заметался по кабинету от за-решеченного окна к белой стене, щелкая от возбуждения пальцами.

— Какая глупость! Ты все-таки думаешь, я жажду твоей крови. Да я же прекрасно понимаю: в твоём деле главная вина лежит на тех, кто стоит за твоей спиной.

— Возможно и так, гражданин следователь.

— Георгий Николаевич. Забудь о протоколе хотя бы на время. Помоги моей вере в твою невиновность, Вадим, — почти с мольбой произнес он. — Дай мне почву, и я начну за тебя бороться. Твое преступление включает в себе великую общественную опасность: погибли три чекиста, а ты жив-здоров. Еще требуешь справедливости. Нас не поймут, если мы не сумеем доказать, что преступление совершал кто-то другой. Вместе. Только вместе! Вот моя рука.

Упоров осторожно пожал пухлую ладонь, признательно взглянул на Георгия Николаевича. Следователь пригладил волосы долгим движением, полностью открыв высокий лоб.

— После десяти лет работы в следственных органах я почувствовал некоторую неуверенность, сомнение в том, что наказание всегда достигает необходимой цели...

Вдруг он спохватился.

— Может, ты куришь, Вадим?

— Нет, — ответил заключенный и подумал, не спуская со следователя внимательного взгляда: “Ты, дружок гладкий, похитрей Дьяка будешь”.

— Так вот, мой личный опыт подсказывает: прощение, даже с некоторой долей нарушения законности, порой бывает нисколько не вредно, безусловно, в том случае, когда прощенный примет меру с надлежащим пониманием. “Отдайте, и вам вернется!” — сказано. Но надо проявить не только сочувствие, но и соучастие в борьбе за выявление истины. Наказание неотвратимо. Сам подумай, можно ли вернуть жизнь расстрелянному?! В соседнем кабинете мой коллега бьет подследственного лицом об сейф, и тот дает показания. Есть ли в них истина?

Следователь доверительно наклонился к уху Упорова, прошептал:

— Сомневаюсь. Ты должен как комсомолец, сын красного командира, по-товарищески помочь мне. В общем, давай начнем по порядку: расскажи, как убивали Стадника?

Вопрос был задан тем же доверительным голосом, он будто вполз ему в уши, чуть было не заставив поверить в искренность Георгия Николаевича. Зэк прикрыл глаза, принудил себя подождать с ответом.

— Без протокола, Вадим. Каждый шаг следствия будем обдумывать вместе...

Зэк открыл глаза. Взгляд его был растерян, словно в толковании этих ясных слов он нашел для себя скрытое оскорбление:

— Да вы что, Георгий Николаевич! Я же его за день до того проклятого побега видел, как вас. Убили, значит... Или шутите? Чепуха какая-то!

— М-да... — толстяк потух, опустил глаза, но затем трогательно всплеснул руками. — Нет, ты мне действительно симпатичен. Однако, прикинь: кого защищаешь?! Вся страна сегодня встала на борьбу с этой гнилью. Она скоро будет полностью уничтожена, а ты, боксер, боишься назвать имена тех, кто убивал! Я знаю: они сделали это без твоей помощи.

Следователь вынул носовой платок, протер дряблую шею.

— Определи, Вадим, свое место в нашей общей борьбе. Испытай себя внутренней свободой. И снова будет все: солнце, друзья, море, любовь. Но может и не быть. Ничего!

— Ну, вы даете, Георгий Николаевич! — натурально заволновался зэк. — Что ж мне — чужую мокруху на себя грузить для установления доверия?! Живым его помню, мертвым — нет!

— Не торопись, Вадим, портить наши отношения. На некоторые вопросы у меня есть абсолютно точные ответы.

— С них бы и начинали, Георгий Николаевич. Все расскажу, как оно было. Думаете, мне помирать охота...

Дверь кабинета неслышно распахнулась, из коридора донеслись чьи-то голоса, следователь вскочил и вытянулся в струнку.

Важа Спиридонович Морабели стоял, упершись рукой в дверной косяк. Упоров тоже поднялся. Рука на косяке держала его взгляд.

...Он уже видел в этой руке пистолет неизвестной ему марки. Ствол был направлен в сторону шагнувшего из строя полосатика.

— *Встать туда, где был, — приказал начальник отдела по борьбе с бандитизмом. Полосатик имел три ордена Славы всех степеней, но это не имело никакого значения. Он шел и повторял нудным голосом человека, не дорожащего такой жизнью:*

— *В стаде этих подонков умирать не хочу. Стреляйте, гражданин начальник!*

Три последних слова будили Упорова по ночам. В них жило то самое состояние, которым окрылялся и он, когда в минуты отчаяния желал найти свой конец и предложить при всех кому-нибудь из охранников: "Стреляйте, гражданин начальник!"

Морабели выстрелил. Полосатик упал на снег. Но поднялся и сделал шаг на следующую пулю. Пистолет вернулся в кобуру, а рука расслабилась, стала такой же, как эта, на дверном косяке кабинета следователя...

— Кто кого допрашивает? — спросил Важа Спиридонович.

— Беседую с подследственным Упоровым, товарищ полковник!

— Беседуешь, значит? С кем?! — жеребьячья улыбка открыла сверкающие зубы грузина. Его бешенством уже было заражено все вокруг. Полковник, кажется, излучал ненависть в чистом виде, независимо от произнесенных слов. — А ты почему живой, сволочь?! Это же бандит, Скачков! Бандита допрашивать надо, а ты беседуешь!

— Но, товарищ полковник...

— Все! Иди и думай, где работаешь, с кем борешься! Я с ним буду по-своему “беседовать”.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

Капитан Скачков не очень ловко щелкнул каблуками, но на подследственного взглянул ободряюще.

Дверь за ним закрылась, Морабели устало махнул рукой:

— Садись, в ногах правды нет. И у тебя ее нет, потому что ты — жертва. Сильный человек с мелкой душой, за столько лет не познавший правило жизни: каждый должен отвечать за свое. Ты ответишь за всех!

Полковник остался стоять. Поджарый и сильный, будто только что спрыгнувший с коня джигит.

— Тебя расстреляют.

— Должно быть, гражданин начальник, — осмелился поддержать разговор подследственный. Его неудержимо влекло продолжить игру того полосатика, тем более, что пистолет неизвестной ему марки был на месте.

— Никаких сомнений. Слово чекиста! У тебя — пусто, все шансы — у прокурора, а он не твой родственник, верно? Вышка! Пуф! Один раз, и ты свободен. Согласен?

— Моего согласия не требуется, гражданин начальник.

— Думаешь — значит, хочешь жить. Ты много успел рассказать этому комсомольцу?

— Он спрашивал меня про убийство Стадника. Я не убивал, гражданин начальник. В это время я был в побеге.

— А Горсткова на Волчьем перевале? Не скромничай, есть свидетель. Говорит.

— Тогда вам должно быть известно, гражданин начальник, что Горсткова я не убивал. У меня и оружия не было. Не дали...

Упоров поднял глаза. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом улыбался той же яростной улыбкой:

— Он скажет то, что скажу я. Ты должен об этом помнить. Такой еще молодой... Давай по-простому, без объяснений в любви...

“По одному плану работают, благодетели!” — успел сообразить Упоров прежде, чем полковник продолжил:

— Ты говоришь, куда ушел груз, я спасаю тебя от расстрела. Нарушение закона, совершенное по принуждению, — поступок, заслуживающий снисхождения. Кстати, этот Колос куда подевался?

— Не знаю, гражданин начальник.

— И правильно делаешь. Иди, хорошо думай.

— Но я не знаю, о чем, гражданин начальник. Груз? Какой?!

— Думай! Такой еще молодой. За чужое похмелье жизнь положить хочешь?! Тебе это нужно?!

Он распахнул дверь ударом ноги, позвал:

— Георгий! Иди сюда! Продолжай беседовать. Может, он думать начнет.

— Вроде бы не безнадежный, товарищ полковник, — сообщил со скрытым значением Скачков. — Запугали человека. Сами знаете, как бывает.

— Я-то знаю, он пусть сам о своей жизни заботится! Прокурор торопит. Из общей камеры убрать.

— Нет одиночек, товарищ полковник.

— В тридцать шестую!

— Там Рассветов с бандой.

— Не беда. Он тоже бандит. Посмотрит, поймет.

Георгий Николаевич мялся, перекладывая на столе листки протокола допроса, всем своим видом подчеркивая: он не одобряет полковника.

— Как снег на голову свалился... Мне очень неприятно, Вадим, но сами понимаете, приказ есть приказ. Этот Рассветов — настоящее чудовище. Вы бы подумали и рискнули на правду. Один мужественный поступок, и вы в безопасности. Разве это золото, кстати вам не принадлежащее, стоит...

— Какое золото?! То мокруху шьете, Георгий Николаевич, то золото. Давайте заодно и Азовский банк на меня грузите!

Капитан разочарованно вздохнул. Он был искренен и твердо верил в свою искренность, только подследственный догадывался о чем-то другом, слушая самую низкую, недоступную нормальному слуху ноту тайного умысла, руководившего всем движением дела. Он был фигурой второстепенной, главный объект притяжения — воровская касса.

— Мужайтесь, Вадим, — напутствовал его Георгий Николаевич, поглаживая ладони. — В вас обязательно проснется надежда. В вас — кровь революционера. Дам один совет: в камере не поддавайтесь на провокации. Проявляйте терпение. В своих же интересах.

Подследственному даже показалось, что капитан погладил его спину мягкой ладошкой. Такой ласковый...

В тюрьме каждая дверь скрипит по-своему, будто их настраивает плотник-психолог с музыкальным образованием и знанием слабостей человеческой души. Ржавый голос навесов поражает психику сжавшегося новичка как дополнительное наказание, отнимает остатки собранного по крупницам мужества. По ту сторону порога заключенный стоит, если еще не сломленный, то готовый сломиться. Камера об этом знает.

Хотя Упоров переступал не первый порог, скрип этой двери подействовал на него разрушающе. Он увидел перед собой затянутую в тельняшку грудь, с трудом поднял голову, чтобы взглянуть в лицо человека, преградившего ему путь. Ничего не выражающие глаза торчали из-под обритых бровей потухшими стеклышками. Бледно-розовый шрам пересекал рябое плоское лицо, которым можно было бы пугать даже взрослых. Человек открыл рот, полный золотых зубов... Ну, конечно же, он спросил:

— Мать?

Упоров знал, банда Рассветова не щадила ни сук, ни воров. Резали всех. Дьяк говорил: "Почище большевиков будут! Они бы и меня не пощадили". Это, по-видимому, казалось ему верхом несправедливости.

Зэк убрал с плеча тяжелую ладонь гиганта, сказал:

— Осторожней, у меня сломаны ребра.

— Сломаю шею, если не назовешь мать.

— Заключенный я.

От окна, где стоял перекошенный, но крепкий стол, раздался добродушный смех:

— А он веселый... Пусти его, Ведьма. Епифан, Петя отбросил кони.

— Куда его девать, ума не приложу? — почесал плешивый затылок тот, кого называли Епифаном.

— Под дверь. Там ему спокойней будет.

Ведьма наконец освободил дорогу Уповору, и он увидел главаря банды. Рассветов сидел под забраным в мощную решетку окном, одетый в желтую атласную косоротку. Он указал Уповору на место, куда тому надлежало сесть. Потом спросил:

— Начнем, помолясь, али кто заочковал? Сознавайтесь, пока есть время и настроение простить отступника.

Вокруг перекошенного стола сели четверо зэков с одинаковыми кривыми ухмылками, каждый сунул палец в дырку, просверленную, должно быть, ножом.

— Прошу товарища Калинина, — позвал Рассветов, пошевелив мощными плечами профессионального борца.

Тотчас юркий старичок с бородкой клинышком нырнул под стол и, расстегнув ширинки штанов, туго привязал члены играющей четверки сыромятными ремнями. Концы ремешков прошли в те же дырки, куда сунули пальцы игроки.

— Готово, Юрий Палыч! — крикнул из-под стола “товарищ Калинин”.

— Держи! — Рассветов бросил на пол бритву. — Не того секанешь, сам играть садишься.

Мимо Уповора пронесли труп молодого парня, тогда он сел на то место, еще хранившее тепло бывшего человека.

— Тянуть ровненько, чтоб всем было одинаково хорошо, — предупредил Рассветов. — Все одно греходелы вам боле не понадобятся. Будьте терпеливы в своих скорбях. Пошло дело!

Играющие потянули, меняя просто на глазах цвет лица: белый-красный-синий-серый. Пот струился по их сосредоточенно-сердитым лицам. Первым не выдержал молдованин с посеченным ухом. Он заскрипел зубами, укусил сам себя за язык, но не сумел удержать рвущегося из груди крика, сразу наполнившего всю камеру.

— Режь! — скомандовал Рассветов.

Сидевший напротив молдованина зэк с облегчением отвалился навзничь. Веревка вытащила из дыры кусок окровавленного члена. Молдованин оборвал крик, сунул под стол руки, не спуская страдающих глаз с добычи более терпеливого соперника.

— Выбыл, Николай, — Рассветов был мягок в слове, хотя и не успел остыть от переживаний. — Да и пусть! Греходел тебе не потребуется.

— Даст Бог, в один котел попадем, Юрий Пальч, — просипел молдованин, вытаскивая из-под стола окровавленные ладони.

— Таки что будет? — недобро улыбнулся Рассветов.

Опять с противным скрипом открылась дверь камеры.

— Не дрожите! — пророкотал Рассветов. — Казнить вас будут утром, по расписанию.

Втолкнули высокого зэка с русой кудрявой бородой. Он загнулся о труп у порога, упал плашмя, беспомощно разбросав худые руки.

— Лягай рядом с Петром, земля!

— Може, из него крест сделать: такой сухущий?

— Ша! — остановил остряков хозяин банды. — Это Монах. Подними гостя, Ведьма.

Упоров признал его не сразу: заключенный был худ и желт до такой степени, что его действительно можно было ставить вместо креста на кладбище. Лишь глаза по-прежнему голубели чистыми глубокими родниками. Ведьма одной рукой поднял Монаха и, не опуская на пол, усадил рядом с Рассветовым.

— Постерся попик в мирских заботах, — Юрий Павлович оглядел его с сочувствием. — Все в добре совершенствуешься, а оно, вишь, чем платит...

Странный заключенный молчал и, похоже, слушал сам себя, не обращая внимания на грозного главаря банды. Рассветова его настроение не обидело. Было видно: его

томила внутренняя неустроенность, и он хотел ею с кем-то поделиться.

— Презираешь меня, Кирилл? — со вздохом спросил бандит, стараясь изобразить на закаменелом лице подобие доброты.

— Презирать мне не дано, — ответил Монах, и Упоров вспомнил этот бесстрастный баритон на плацу лагеря “Новый”. — Человека, существа одухотворенного, разглядеть в вас, простите, не могу. Нет в вас человека, Юрий Пальгч...

— Цыц, пададь небритая! — рявкнул Ведьма, пинком отбросив Монаха к стене.

Рассветов поднялся, оказавшись одного роста с Ведьмой. Вначале поглядел на него так, что тому стало не по себе, лениво поднял руку и щелкнул Ведьму по носу. Снова застыл, обдумывая свои будущие действия, весь поникший, раздраемый внутренними распрями. Наконец сказал

— Чепи отседова, баклан!

И со всего маха пнул под зад оробевшего уголовника кованым сапогом. К разговору он вернулся после того, как Монах, не торопясь, поднялся с пола, отряхнул свои убогие одежды.

— Выходит, презираешь меня? И уйду я нынче без отпущения. Но ведь других-то, мне известно, кто худое творил, ты исповедовал. Так, нет? Выше Христа себя ставишь...

Поднес к шершавому лицу Монаха прищуренный глаз. Ждет с затаенным интересом, так что и не угадаешь: шутит он или на самом деле желает каяться.

— Грех ваш зрячий, Юрий Пальгч. Кровь пили, потому и похмелье — кровавое. Как и низменный способ вашей жизни. Верните ее Дарителю с покаянием...

— Жесток, Монах... Но ты мне не ответил.

— Ищите ответ в Книге Божей, там все сказано и про правителей нынешних, и про нас, грешных: “И Вы — ничто,

и дело ваше — ничтожно; мерзость — тот, кто избирает вас”.

Рассветов выслушал и уважительно протянул:

— Да-а-а! Без Высшего вразумления так не скажешь. Есть, получается, путь за гробом, а куда по нему поведут нас — неизвестно. Ну да ладно, проживем — увидим.

Юрий Павлович повернул голову к нарам, позвал Вадима:

— Иди-ка сюда, сиделец. Глянь, Кирилл, на человека. Зачем, думаешь, они этого арестантика послали?

— Здравствуйте! — поклонился Монах.

— Чтоб мы его пидором сделали.

— Он достойный человек...

— Это ты мне говоришь, Кирилл?! Им скажи!

— Они меня не слушают.

Рассветов вздохнул:

— Ах, Господи, темный ухожу! Стоило творить этот мир, чтобы он стал таким?! Товарищ Калинин, проиграйте свою бороду!

— Жалковато, Юрий Пальч. У меня окромя бороды...

— Тьфу ты, что за народ?! Всего им жалко. Дураки, вас поведут на расстрел, а не на съезд колхозников. Сидайте, товарищ Калинин!

Утром бандитов выкликали по списку.

Рассветов, переодетый в чистое, спросил, положив к ногам отца Кирилла холщевый мешок:

— Что передать Богу?

— Он все знает, Юрий Пальч.

— Тогда прощайте!

Рассветов повернулся, и Монах трепетной рукой перекрестил его мощную спину. Рука упала. Он стоял, утомленный внутренним сопротивлением, погруженный в свои раздвоенные чувства...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

— Меня, возможно, тоже расстреляют, — неожиданно для себя проговорил Упоров и, окончательно не желая льстить слабости, добавил — Расстреляют, что гадать...

— Так грех велик? — отвлекся от своих трудных мыслей Монах.

Его сочувствие было не оскорбительно, спокойно. Он как-то не заметил стоящей за признанием смерти, отнесся к ней как к чему-то естественному, словно речь шла о смене времени суток, и после предполагаемой им ночи непременно наступит день. Так и положено.

Вадим тоже не укололся его спокойствием, ответ получил рассудочно-резвым:

— Нет доказательств безгрешности. Они есть, только слабее желания убить меня...

Он рассуждал, выслушивая самого себя, не ощущая — и в том действительно было что-то напоминающее исповедь — ничего острого в будущей своей судьбе, словно она ушагала уже от него, гремя коваными каблуками расветовских бандитов. Та ярость, что стояла впереди произносимых им слов, оказалась ненужной. Он стыдился ее, как стыдился раньше слабости перед поединком. Разбираясь в своих чувствах, Вадим не сразу услышал распевный баритон Монаха:

*Прощайте пламенной врагов,
Вам причинивших горечь муки.
Дружней протягивайте руки.
Прощайте пламенной врагов!*

*Страдайте стойче и святей,
Познав величие страданья.
Своим потомкам в назиданье,
Страдайте стойче и святей!*

Отец Кирилл держал в ладонях кусок хлеба, оставленный Рассветовым, вдыхая почти умерший запах ржи. Глаза его были полузакрыты, он походил на человека, который видит путь уходящих слов и верит в их возвращение.

Несколько минут они сидели, наслаждаясь благой тишиной.

— Гиппиус? — осторожно произнес запретное имя бывший штурман.

— Нет, — улыбнулся Монах, — Игорь Северянин. Гиппиус люблю такую:

*Хочу дойти, хочу узнать,
Чтоб там, обняв Его колени,
И умирать, и воскресать!*

Он вдруг совершенно забыл про стихи и, обращаясь к Уповову, неким образом перевел настроение разговора в просительную форму, через которую передал свое отношение к заботам Вадима:

— Покайтесь искренне. Путь откроется...

— Перед кем?! — возмутилась очнувшаяся в нем ярость и заслонила своей горбатой спиной сжавшееся раскаяние. Ярость была сильнее и знала: ей есть что скрывать.

— Перед кем?! — повторил Вадим. — Слышали, что сказал Рассветов?! Зачем нас сюда кинули?! Палачи!

— Они — тени. Их нет в настоящей жизни. Сотрясение воздуха и разрушение плоти. Раскаяния ждет Господь...

— Так прямо и ждет?! Нужен я ему!

— Нужен. И душевные способности дарованы нам для общения с Ним. Пренебрегаем даром...

— Глохни, поп! Глохни! Не травми душу, иначе я тебе в рог дам! Мне вышка корячится! А ты мозги полощешь всякой херовиной!

Он захлебывался чем-то гадким и горьким, сопротивляясь тому, что произносил в полный голос, почти кричал, не в силах понять и оценить произносимое. Все внутреннее непрочное устройство его пошло вразнос, пережитое стало горой хлама. Он изрыгал прорвавшийся страх на скорбного отца Кирилла. Потом слова стали бессмысленным шумом, страсти почувствовали немое сопротивление, уперлись в него, точно в запруду, сила их ослабла. В обессиленную тишину вошли строгие слова, произнесенные не в оскорбление:

— Вы малодушный человек, Упоров.

И вздохнул.

Больше ничего не произошло до того самого момента, когда в камеру вошел начальник отдела по борьбе с бандитизмом полковник Морабели в строгом кожаном пальто. Он сказал:

— Безобразие! Забыли преступника. После этого перевел взгляд с покойника на двух живых зеков и удивился еще больше:

— И этих забыли?! У тебя плохая память, Сироткин.

От Морабели пахнет новой кожей и свежей землей, словно он лично копал могилу для бандита Рассветова. Важа Спиридонович водит по камере запахи, как свиту, вместе с ними гуляет приподнятое настроение полковника.

— Слушай, Тихомиров, зачем говоришь, что Бог есть? Ленин же сказал: “Бога нет!” Кому советский человек должен верить? Смешно! Всех, понимаешь, возмутил. Ты же грамотный заключенный, а рассуждаешь, будто мис-

тик. Уведи шарлатана, Сироткин, с моих глаз! И уберите труп!

— Куда прикажете, товарищ полковник?

— Попа — в зону, труп, естественно — в столовую.

Он засмеялся, однако, повернувшись к Уповову, точно бритвой обрезал смех:

— Твое будущее зависит от желания сказать мне правду. Не все бандиты отнесутся к тебе так, как Рассветов. Понял?!

Уповов промолчал. Казалось, он полностью согласен с тем, что говорит начальник отдела по борьбе с бандитизмом, и просто не в состоянии подыскать нужные слова.

Морабели отбросил полу кожаного пальто немного картинным жестом и вынул из кармана галифе белоснежный носовой платок. Вытер шею под стоячим воротником кителя, улыбнулся, хотя луповатые глаза его были полны черным гневом.

— Молчишь? Молчи, молчи. Ломай из себя блатюка, однако помни: когда воры узнают, что ты их вложил...

Заклученный отчетливо представил последствия замысла грузина, но сохранил видимое спокойствие.

— ...станешь Виолеттой или Лизой. Ха-ха! Красивое имя для моряка, не правда ли?! Только потом тебя расстреляют...

Полковник запахнул пальто и, продолжая улыбаться собственному остроумию, вышел из камеры. Холодный пот выступил на лбу заключенного, он подумал, чтобы уберечься от хлынувшего в сердце отчаяния: "Плохо путишь, гражданин начальник..."

Следователь сорвался на шестом допросе. Полетели слюни на желтые листки протокола, а щеки запрыгали двумя розовыми мячиками, и капитан Скачков потерял вкрадчивое обаяние.

— Вы сами ведете себя к высшей мере. У меня нет сил бороться с вашим упрямством. Пусть его оценит советский суд!

— Пусть, — согласился заключенный. — Мне, гражданин начальник, все равно.

— А мне не все равно! — пыхтел обиженный следователь. — Они профессионалы-негодяи, ты — их жертва. Ты же протестовал в душе, когда на твоих глазах совершались кровавые преступления. Не прячься, Вадим!

Скачков подкинул на ладони листок протокола.

— На тебе вина легче пуха. Я-то знаю. В этом кабинете побывал не один самоубийца. Но одно дело — мои знания, другое — суд. Он оценивает только факты, добытые в ходе следствия. Пошевели мозгами. Уйдешь по глупости и уже не вернешься. Отменить приведенный в исполнение приговор не может никакое запоздалое раскаяние. Поэтому говори правду сейчас!

Подследственный поднял глаза, в них застыло отчаяние.

— Пишите все, что считаете нужным. Подпишу!

Капитан откинулся на спинку стула, вытянул под столом коротенькие ножки, стал похож на обманутого жизнью мальчика из хорошей семьи.

— Ты самоубийца, Вадим...

— Так подпишу же, гражданин следователь.

— Что ж, пройдем еще раз всю цепь вместе. К побегу вас склонил Михаил Колос?

— Было дело.

— Бежали через водовод. При убийстве Стадника не присутствовали?

— Боже упаси! Я ж его уважал!

— Солдата и старшину из опергруппы...

— Пельмень застрелил. Дайте очную ставку — в глаза скажу.

— Кто был за рулем в машине?

— Миша. Он по глупости залетел, и я вместе с ним.

— Далее.

— Ночью разделились. Они своей дорогой, а мы с Малиной — своей. Михаила с собой звал.

— Кто ударил часового?

— Я.

— Стоп! Часовой на Малинина показал.

— Я ударил, гражданин начальник. Чо темнить, если виноват?!

— Зачем стреляли по солдатам? Почему не сдались?

— Перепугался. Пальнул пару раз в небо и — деру.

— Каким образом вы оказались в сарае Камьшина? Вы с ним знакомы?

— Куда смог, туда и нырнул. Ваши-то на хвосте висели. Пощады от них, после того как Пельмень двоих кончал, не жди...

— Значит, Камьшина вы не знаете?

— Первый раз бегу. Откуда мне вольных знать?

— Выясним, — Скачков поднялся весьма загадочный, крикнул в полуоткрытую дверь:

— Дежурный!

Вместо дежурного вошел Морабели, снимая на ходу перчатки, а немного погодя дежурный внес два стула.

— Лицом к стене! — приказал срывающимся голосом Скачков.

За спиной посуетились, скрипнул стул, раздался знакомый, вызывающий уважение голос:

— Благодарствую!

Хрустнул пальцами нервозный Скачков, сказал об ответственности за дачу ложных показаний. Пошмыгал носом, после чего спросил визгливо:

— Вы знаете этого человека?!

Вызванный для опознания иронически хмыкнул:

— С затылка не каждого родного опознаешь.

— Повернитесь, Упоров!

Заклученный выполнил распоряжение и встретился глазами с равнодушным взглядом Камышина. Лицо белогвардейца изменилось до неузнаваемости. Оно порозовело, морщины расправились, пушистая борода осанисто расположилась на сиреневой байковой рубаше, придав всему облику опознавателя благообразный вид. Камышин смотрел как бы с портрета, сделанного хорошим фотографом в начале века.

Глаза, подернутые тенью внутреннего недоумения, сощурились, чтобы внимательней разглядеть исхудавшего ээка.

Заклученный даже засомневался: не ошибся ли он, может, кто другой принимал от них тяжелые мешки с грузом, так заинтересовавшим полковника Морабели?!

— Чужой. Таких не знаем, — пробасил Камышин, перестав разглядывать Упорова.

— А вы, гражданин Упоров, знаете сидящего?

— Уж такую бандитскую рожу запомнил бы.

— Товарищ следователь, оградите от оскорблений, — попросил, не меняя выражения равнодушного лица, Камышин.

— Прекратите лишние разговоры, Упоров! Вы, Камышин, объясните нам: каким образом он попал именно в ваш сарай?

— Мудрено ли дело для лихого каторжанина?

— Почему ваша племянница пыталась его накормить?

— Кому живого человека не жалко? Коснись даже вас, товарищ Морабели... А дети — они все добрые...

— Не такой уж она ребенок. Семнадцать лет. Жених ходит...

— Женихов не приваживаем. Рано. Откуда ей знать было, что перед ней — злодей? Лицо человеческое.

— Тебя за бандита принял. Хе-хе! Ты почему с охоты пустой вернулся?

Бывший белогвардеец подарил полковнику недобрый взгляд, пригладил широкой ладонью бороду, потом ответил вопросом на вопрос:

— Меня на допрос вызвали или на опознание?

— Отвечайте! — прикрикнул Скачков.

Камышин поднялся со стула и сразу навис над капитаном, словно вставший на дыбы медведь. Говорил он поверх вздернутой головы следователя, ни к кому не обращаясь:

— Покорнейше благодарю за приглашение. Закон мы не только уважаем, но и знаем.

Полковник усмехнулся и сказал:

— Посиди немного. Скоро закончим.

Камышин слегка поклонился начальнику отдела борьбы с бандитизмом и сел. Делал он все степенно, естественно, но вид его показался Вадиму излишне самодовольным.

“Возьму да расколось, — подумал про себя зэк. — Сразу рожу сменишь!” На него напал смех, и он напрягся, чтобы смех не вылез наружу. Веселье закончилось легким обмороком... Пальцы ватно хватили край стола, чтобы удержать потерявшее крепость тело.

— ...Пусть посидит, — пришел издалека голос. — Видишь, совсем белый.

Далее последовал вздох, и тот, кто вздыхал, осуждающе произнес:

— Шкодить умеют, отвечать духу не хватает. Хлипкий народ нынче садится, товарищ Морабели.

— Да, Камышин, ты прав, но он еще не все сказал. Иди. Понадобишься — вызовем.

К заключенному прежде пришла тошнота, а следом за ней вернулись краски и голоса. Все стало таким, каким должно быть, только тело стягивала поперечная боль.

— Распишитесь, Упоров. Здесь и здесь. Дежурный, заключенного — в камеру!

Он сложил за спиной ладони и пошел, сожалея, что не расхохотался. Может, в психушку отправили бы. Оттуда, говорят, двое бежали с концами...

3

Лезвие ножа застыло у самого горла, затем он увидел гостей. Всех сразу, как в блеске зарницы. Их было трое. Четвертый мгновенно исчез за дверью, оставив в камере пристальный лисий взгляд. Зэк вспомнил похороны деда. Надежный дубовый гроб с витыми ручками, черный бархат, льняная рубаха, таинственный, неведь откуда взявшийся запах ладана. Зеркала, по недосмотру, стояли в белых саванах простыней. Отец потом ругался, но негромко и без злобы, просто чтобы высказать свое партийное отношение.

Деда провожал почти весь город.

“Тебе суждено умереть на нарах, как и положено настоящему бандиту. Похорон не будет...” Он не успел пожалеть о похоронах и подумать о том, что прежде смерти будет боль. Его окликнули:

— Здравствуй, Вадим! — Иезуит улыбался как старому знакомому, однако нож все еще был у горла.

— Здравствуй! — прохрипел Упоров. — Ты что, не можешь без примочек?! Убери перо!

Нож убрали, и тут же сутулый зэк с хищным лицом и белыми ухоженными руками удачливого картежника спросил:

— Куда ушла воровская касса?

Нож застыл сантиметрах в десяти от его шеи. Он успел сообразить: “Они сами по себе. Их никто не посылал”.

— Какая касса, баклан поганый?! Ты чо буровишь?! Мне вышка за мусора корячится!

— Не хипишуй, Вадим. Нас сходка послала. Вы уходили в побег с воровской кассой.

— Я уходил с одной пиковиной. Деньги ваши в глаза не видел. Мусора с тем же вязнут. Сосете вы все и гложете, паскуды! Надоело!

— Да ты чо, лох поганый, там же рыжье было!

— Мне какая разница?! Пустой уходил. В Таежном бомбанули “медведя”, на том и спалились.

— Сльшь, Иезуит, разреши я ему брюхо вскрою.. — свистящим шепотом предложил незнакомый Вадиму зэк.

— Нуждаешься в моей жизни? — спросил Упоров, чувствуя, что тот действительно хочет его убить. Тем не менее заставил себя растегнуть телогрейку, затем рубаху. — Режь! Забирай! У меня больше ничего нет.

Сутулый зэк решительно спрыгнул с нар, но Иезуит оттолкнул его к стене.

— Потерпи, Гоша. Что говорил Камыш на очной ставке? Запахни, запахни гнидник-то. Видали мы животы и что в животах — видали. Ну?! — О чем с тем бесом говорить, первый раз вижу?! Погляделись да разошлись при своих интересах.

Из-за двери выскочил незаметный зэк с лисьим взглядом.

— Линяем! Мусор волнуется!

— Сейчас, — Иезуит почесал за ухом. Он был явно разочарован разговором и, продолжая обдумывать ситуацию, смотрел в лицо Упорова бесцветными глазами уснувшей рыбы. — Помни: убить тебя никогда не поздно..

Глаза его начали наполняться злостью, готовой выплеснуться в удар ножа, и Упоров уже знал теперь надо только слушать, спокойно и внимательно, чтобы не возбудить действия. Он так и сделал.

— И мы убьем тебя, если ты дешевнешь, Фартовый. Говоришь вроде бы складно, но веры у меня нет. Сомневаюсь.. Пока прощай!

Странное дело, заключенный смотрел вслед своим несостоявшимся убийцам, но думал о той зеленоглазой девчонке в подшитых кусками автомобильных покрышек валенках. Ей уже семнадцать!

— И ее зовут Наташа Камьшина, — сказал зэк вслух. — Очень приятно! Меня зовут Вадим. Должен заметить, у вас серьезный дядя, а вы такая милая.

Казалось, все его заботы сосредоточились в огромных глазах юного длинноногого существа, но выплывший вновь вопрос отсек радость одним махом: “Кто их все-таки послал?!” — Зэк поднялся на нарах. “Если Морабели, это была просто проверка твоих показаний. А если Дьяк? Ему есть о чем беспокоиться.. И когда-нибудь тебя попросят залезть в петлю, чтобы не волновать старого вора”.

Для него ночь кончилась. Он метался по камере, ловил вшей, нянчил сломанные ребра и искал выход, но войти в игру оказалось куда легче, чем из нее выйти.

Игра продолжалась. Он стал в ней козырем.

Когда судья произнес: “К высшей мере наказания!”, заключенный постарался не думать о том, что стоит за приговором. Он смотрел в зал. Прошел глазами золото погон, ответил грустной улыбкой на торжествующий взгляд женщины, которая плюнула ему в лицо у конторы прииска. Ей и сейчас очень хотелось что-нибудь крикнуть, но она не рискнула, задушив в себе рвущееся наружу желание. Наконец он увидел то, что искал: из-за надменного полковника Полозкова выглядывал большой зеленый глаз, розовое от волнения ухо и тугая коса на прямом плече. Вадим подмигнул. Знакомый глаз болезненно сузился, зелень поблекла и появилась слеза. Сидевший рядом с Наташей бравенький лейтенант из оперативной группы что-то сказал, с опаской поглядывая на полковника. Она не ответила. Приговоренный улыбнулся. Ему была приятна строгость девчонки, о лейтенанте думать не хотелось, как и о тяжелых шагах за дверью камеры на избранном кем-то рассвете.

“Часто умирают только трусы, — приговоренный глядел прямо перед собой, направляясь в сторону “воронка”. — Ты умрешь один раз!”

В серой толпе любопытных опять мелькнула Наталья Камьшина.

— Я тебя люблю!

Слова приговоренного напугали одного из солдат, тот вскинул автомат на изготовку.

Упоров хотел оставить признание на свободе. И всю дорогу от поселкового клуба до тюрьмы наслаждался своим поступком, не пытаясь осмысливать приговор выездного суда.

Борьба с самим собой началась в камере. Он почувствовал, для чего дается приговоренному томительный срок ожидания.

Ко всякому человеку придет своя смерть, но по приговору она — чужая, и неминуемое ее приближение поистине ужасно. Остановить вспыхнувший внутренний хаос помогла мысль о помиловании. Зэк вцепился в нее, как утопающий — в спасительный круг. Сел на нары, начал мысленно писать текст прошения и увидел, что рядом стоит кружка с чаем.

“Они стали о тебе заботиться. Плохой признак... В недоверии к сочувствию тоже нет ничего хорошего. Главное, чтобы побыстрее устали нервы, тогда ты заснешь...”

Приговоренный закрыл глаза... Облегчение не пришло, наоборот: темнота начала всасывать его в густой холодный мрак. Все походило на погоню. За ним гнались неведомые существа, окутанные чадящим дымом черной свечи. Он дождался их приближения и поспешил увидеть свет. Осторожно протянул руку, погладил чахлый луч солнца, протиснувшийся к нарам сквозь зарешеченное окошко.

Вошедший в камеру дежурный глянул на него дружелюбно и поставил на нары миску с дымящимися щами.

— Заправляйся. Щи с мясом. От них пользы больше, чем от пустых мыслей.

Сказано это ломким басом, с непривычной для служаки теплотой. Ему хотелось быть добрым, и приговоренный почувствовал желание старшины, но от этого еще больше захотелось жить, делать кому-то добро. Зэк промолчал, не зная, как выразить свое состояние, чтобы никто не перепутал его со слабостью. Он еще был чуточку гордый внешне, точно посыпанный маком бублик, и крупицы гордости только усиливали одиночество. Подобревший охранник ничем не мог помочь, да и никто другой... Разве что отец Кирилл...

*...Хочу дойти, хочу узнать,
Чтоб там, обняв Его колени,
И умирать, и воскресать!*

Посеянная монахом надежда пережила обыкновенное любопытство, и зэк уже совершенно серьезно старался совместить ее со своим опытом выживания в “сейфе”.

...И умирать, и воскресать!

Сегодня хочется только воскресать. Жить, не думая о смерти. Ты к ней не готов. Пределом твоих сил оказался приговор. За ним — ничто. Ты — как все. А отец Кирилл? Откуда у него?! И есть ли?! Есть. Это живет и движет человеком по земному пути, возможно не совпадающее с его волей и интересами, но не встречь им, — рядышком. Вера. С тем он уходит. Ты же — в абсолютном непонимании, неготовности принять судьбу. Зажечь свечу другого света? А много ли тех, кто проскочил мимо соблазна? Монах... Жить, как он, — страшный выбор! Не твой. Теперь бы любой хорош, да прошлое не станет настоящим...

“Изменить можно только срок, — зэк пощупал пульсирующую вену, — подвинуть поближе черту и шагнуть за нее”.

Горящий мозг не желал обозначать ее как Смерть, но и не находил другого определения...

Морабели появился в камере смертников на четвертые сутки после вынесения приговора. То был уже другой Морабели. Он не угрожал, и в голосе пропали роковые нотки. Полковник сочувственно выпятил губу, přátельски кивнул. На этот раз от него пахло коньяком. Зэк ощущал это так остро, как может чувствовать только приговоренный к смерти.

— Не понимаю! — Важа Спиридонович жестом разрешил заключенному сесть на нары, прошелся вдоль стены и опять сказал:

— Не понимаю!

Рука в лайковой перчатке сжалась в кулак.

— Суд называется, мать твою так! Рассветов десять чекистов кончал — вышку получил. Тебе соучастие не доказали толком, тоже — вышка. Суд, да?! Дерьмо безграмотное! Писал ходатайство о помиловании... — Морабели глянул на Упорова через плечо. — Официально писал! Моя подпись и подпись секретаря парторганизации. Беспрецедентный случай!.

— Пустые хлопоты, гражданин начальник.

— Молчи! Чекист просит. Орденоносец. Те, кто тебя подвел под вышку... Ты сам-то понял?

— Что толку?!

— Ты бы сказал мне, куда ушел груз, Вадим... Это сейчас тебе может здорово помочь. При моих связях, — полковник щелкнул пальцами, — мы восстановим справедливость!

— Гражданин начальник, ничего не знаю. Думаете, только вы этим проклятым грузом интересуетесь?!

— Воры?! — Морабели подпрыгнул на месте, заскрипел зубами точно так же, как это делал покойный Пельмень. — Завтра же всех — на этап, и покатятся!

— А может, и не воры, — зэк выглядел безнадежно умиротворенным. — Они же не представились, но сказали: убьют. Нашли чем пугать!

— Не убьют, — заверил Морабели с твердой решительностью. — Кишка тонка! Ты знай: груз — твое спасение. Ладно, утро вечера мудренее.

— Утром на казнь ведут...

— Тьфу, дурак! О жизни думать надо и бороться. Это тебе. — Важа Спиридонович бросил на нары плитку шоколада и быстро вышел за дверь, не попрощавшись.

Заклоченный послушал удаляющийся стук шагов, но когда дверь скрипнула вновь, быстро накрыл шоколад ладонью.

Старшина обшарил проворно и грамотно камеру глазами, цепко хватаясь за каждую мелочь. Он остановил взгляд на руке приговоренного, спросил ласково:

- Що це таке у тебе под грабкой, хлопец?
- Дюже завлекательно? Подойди поближе.
- “Пидойди”! Чо захотел, бандюга! Щас наряд кликну!
- Не успеешь, гадость зеленая!

Заключенный шагнул к старшине, и тот стремглав вылетел за дверь.

Вадим развернул хрустящую обертку, долго смотрел на ровные коричневые квадратики, вспоминая счастливую сытую Америку, отделенную от сжавшихся российских моряков невидимой решеткой внутреннего страха.

Свобода была рядом, как это шоколад. Не распознал... Стоило свернуть в любой переулочек, и все бы пошло нормальным курсом.

Зэк аккуратно завернул лакомство в фольгу и постучал кулаком в дверь. Старшина появился довольно быстро. Распахнул оконце, спросил, не показывая лица:

- Чо тебе, козлина недрострелянная?!

Приговоренный сунул в оконце плитку шоколада, сказал просто, как доброму знакомому:

- Возьми детям.

За дверью стало очень тихо, и зэк пережил хорошие мгновения, по сравнению с которыми ссора со старшиной показалась ерундой. Озадаченный охранник напряженно сопел, прокручивая в мозгах случившееся, но ничего не мог придумать объяснительного. Кабы изъяс, понятно, а то ведь отдаст, хоть ему самому впереди судьбы не видно.

— Зачем? — наконец спросил он настороженно, но без злобы.

- Сказано — детям. Что они видят?..
- Сам-то почему? — вяло сопротивлялся старшина.

— Сам уже отъелся. Не сердись на меня за хамство. Ты — при деле, при нужном деле, а я сорвался..

— Понимаю... На твоём месте любой так мог, — голос задушевный, словно за дверью стоит другой человек. — Что надо будет, попросишь.

Оконце осторожно закрылось, положив конец их короткому разговору. Старшина ещё что-то мараявал, потому что пошел не сразу, но когда его шаги тронули тюремную тишину, приговоренный улегся на нары. Он потянулся глубоко и приятно, как в детстве после покоса, ощущая мягкую теплоту под усмирившимся сердцем. И хотя догадывался: старшина прежде отнесет шоколад начальнику, все-таки в ожидании надвигающейся развязки появилось крохотное пространство, разрыв, наполненный другим смыслом и качеством жизни. Даже смерть, вобравшая в себя все мысли и чувства, приняла спокойный образ логической закономерности. Он заснул. Спал долго, без мучительных всплесков несогласия с приговором, раскаяния за совершенное и ещё черт знает каких волнений — от помилования до уже свершившейся казни. Душа, похоже, закрыла глаза на все суетное, чтобы пристальней взглядеться в то, что ей уготовано. Ничего страшного не увидела. Потому сон был крепок.

5

На Пасху выюжило с противным завыванием, словно Светлое Воскресение Христово собрало всех голодных волков под окнами тюрьмы. Но зато четверок был поистине Светлый, и по православному календарю и по калымской погоде.

Приговоренный не видел зарю, он ее чувствовал. Что-то изменилось в падающей полоске света. Едва заметная серость начала светлеть, как светлеет туман в осенней низине, задетый отблеском молодого солнца.

Упоров легко соскочил на пол. Ему хотелось привести себя в хорошую форму до того момента, когда раскроется дверь, и в камеру войдут люди, знающие твою участь. В том, что они придут именно сегодня, приговоренный не сомневался. О том намекнул вещей сон — с ощущением жесткости тюремных нар, ясным видением стоящих на фоне церкви мамы, деда по революционному отцу, а еще — коровы с опущенной к изумрудной траве комолой головой. Пять лет он пил парное молоко из-под той коровы, которую звали Лизавета. Очень удивился: зачем это ей понадобилось являться в его сон? Однако сильнее удивления жила в нем благодарность к ее коровьей привязанности, и Вадим не хотел просыпаться для того, чтобы прервать светливый бег вши по животу.

Сон, однако, ушел сам по себе, незаметно так исчез, будто и не являлся. Все стало ощутимо острым: приближение казни, запах молодого пасхального солнца, осознание того, что ты готов встретить входящих с достоинством человека, умеющего прощать.

Приседая, он думал о словах монаха, утверждавшего, что предел земного мужества есть бесхитростная смерть. Сделал глубокий вдох, проговорил с придыханием:

— Это пока слова. Кто устоит на том пределе?

Потянулся ладонями к пальцам ног, ответил:

— Он бы устоял... Тебе придется решать все самому. Даже если никто не ждет тебя Там, улыбнись им, последним свидетелям твоей жизни.

Упоров постоял в раздумье, не заметив, как в камеру вошел старшина, получивший в подарок плитку шоколада для своих детей. Оставил чистое белье и крохотный кусок хлеба с настоящим сливочным маслом. Белье пахло карболкой, кислым трупом, который вытряхнули из него, прежде чем отдать в стирку. И все-таки то была забота о нем, отчего в зэке зашевелилось то же чувство признательности, что и к явившейся в его сон корове. Он готовил себя к последней улыбке для палача. При звуке

решительных шагов у входа в камеру молча встал с нар, расправляя холодными пальцами мятый воротник рубашки, шепча застрявший в детской памяти отрывок из дедовой молитвы:

— Милосердный Господи! Даруй мне прощение...

Приговоренного не испугало скрытное лицо прокурора, таким он его себе и представлял — значительным. Следом вошли двое в одинаково черных драповых пальто и синих кепках-восьмиклинках.

“Члены общества сытых пролетариев”, — подумал о них Упоров, но рассмешить себя не смог: мышцы на лице вдруг предательски одеревенели.

— Заключение Упоров Вадим Сергеевич, ваша просьба о помиловании...

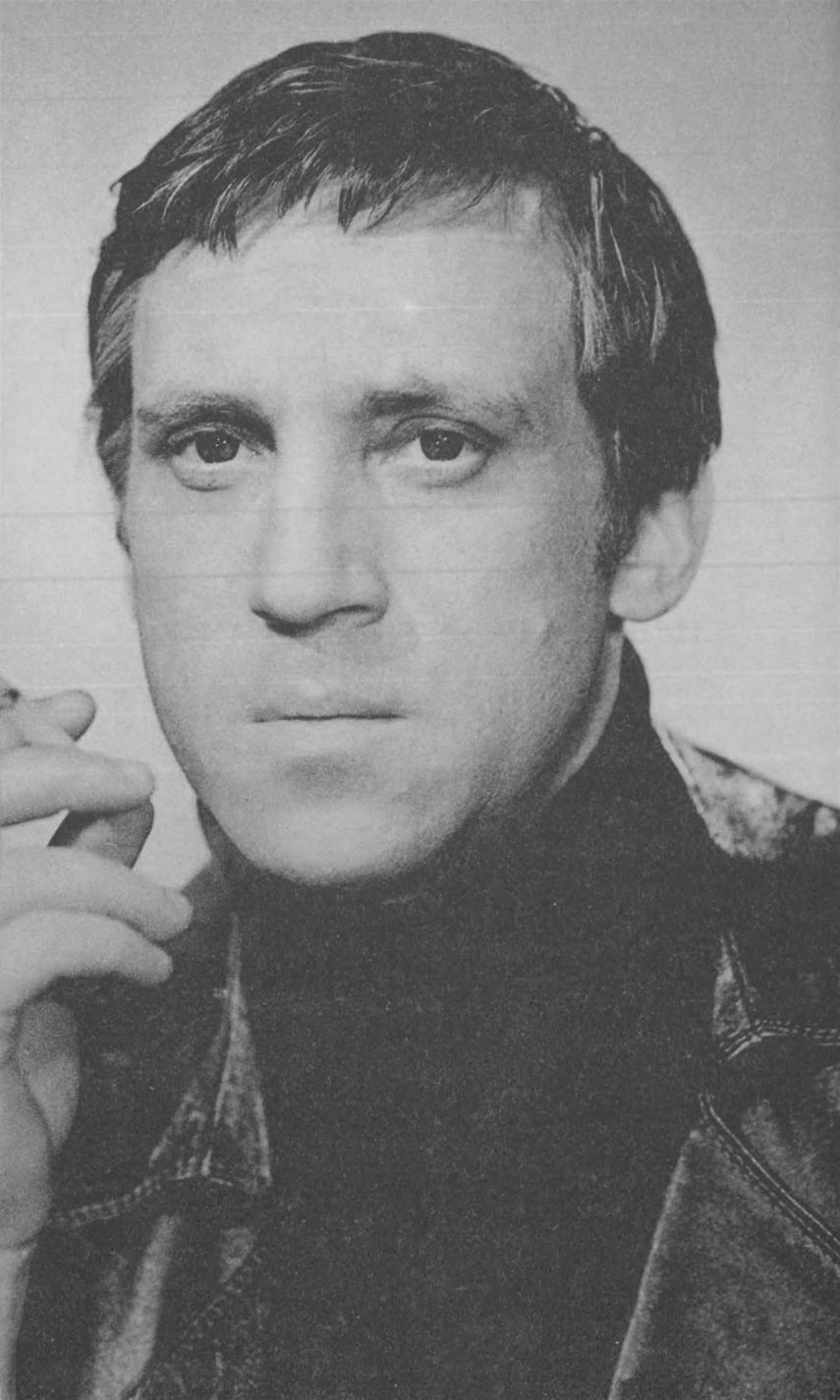
Здесь он просто не мог не прерваться и не посмотреть на окаменевшего перед ним человека. Все выглядело так, словно решение еще не принято, его следует хорошенько обдумать, прежде чем произнести. Еще кажется: губы прокурора склеились навсегда, срослись и уже никогда не разомкнутся. Молчание течет по медленной крови с холодной тяжестью приближающейся смерти.

— ...Верховным Советом удовлетворена. Высшая мера наказания заменена двадцатью пятью годами исправительно-трудовых работ с отбыванием срока наказания в колонии...

Легкости все нет, и кровь по-прежнему тяжелая. Тяжесть ее способна уронить ослабленное тело. Зэк ловит рукой край нар. Он не способен даже радоваться — слишком трудное чувство. Кто-то приходит к нему на помощь, прижимает мягкие прозрачные ладони к ушам, и слова строгого прокурора идут мимо слуха, в грязную, небеленую стену камеры смертников...

<1976, 1979 — 1980, 1989>

**НАБРОСКИ, ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ
И РЕДАКЦИИ**

1 "ОДИН"

<1>

Надписи:

1) Больше ждать не могу. Уходит поезд! Встретимся через три года. Николай.

2) Вера и я здесь были и не жалеем.

3) Нет! Так больше нельзя!

4) Отсюда я выбросил часы. Три часа ждал! Это уж слишком! Борис.

5) Это наше место! В шесть часов вечера по субботам просим не занимать!

На стене башенки много надписей. Из них можно понять, что здесь встречаются влюбленные. Надписи разные: и грустные, например 1, и веселые (2), и отчаянные (3). Вот обиделся какой-то Борис (4). А вот предупреждают (5), подписи нет. Инкогнито! И много-много еще — то остроумных, то совсем непонятных; и по каждой из них можно придумать цельный рассказ, и даже кажется, что все эти Тани, Борисы, Володи и инкогнито со всеми своими волнениями и надеждами не ушли совсем, а находятся где-то рядом, близко.

<2>

— Давайте-давайте, быстрее. Впрочем, я вас прекрасно понимаю. На корабли — и в море. Правильно, в море надежнее. А? Как ты считаешь, друг? — обращается солдат к пулемету. — Море! Что можно сказать еще? Нечего сказать! Море и все.

Солдат садится рядом с перевернутым ящиком. Теперь это для него стол. Расслабляется, взгляд его направлен куда-то в одну точку, глаза даже как будто подернулись слезой. Он похож на сильно выпившего моряка — шкипера или боцмана, или еще какие там названия. Так и ждешь, что вот сейчас начнет рассказывать какую-нибудь историю, придуманную или приукрашенную, но обязательно из своей неудавшейся жизни! И действительно...

— Слышал ли ты когда-нибудь, приятель, как гудят, как разговаривают на рейде пароходы? А огни? Ты видел огни? Нет! Ты не видел и не слышал! Иначе бы ты затарактел сейчас, и тебя не остановить. Но ты молчишь. Значит, слушай!.. Эй! Девчонка! Еще один грог... Меня всегда тянуло в порт, там всегда шумно, и моряки со всех частей света сходят по трапам на берег, и у них в карманах звякают иностранные монеты и перочинные ножи, и зажигалки, и много всякой всячины, и они говорят на непонятном таинственном языке и смеются. Наверное, радуются, что снова стоят на земле. И пацаны тучей выются вокруг и что-то кланчат, что-то меняют или просто глазуют на береты, тельняшки, наколки. А потом они топропятся обратно и уплывают.

Раздается гудок парохода. Солдат вздрогнул и на минуту вышел из игры.

— Счастливого плавания и счастливого возвращения! — и тут же снова возвращается в таверну, к столику и к своим воображаемым слушателям.

— Ничего-ничего! Они вернутся, они обязательно вернутся — ни одни, так другие. Но что им стоит взять с собой хотя бы одного пацана! А? И вот однажды грузовой пароход “Лукреция” с грузом пеньки и меда в трюмах увозил с собой меня, приятель. Судно шло через Атлантику, меня нашли на третий день, вернее, я сам вылез от голода. И пошло! Сначала помощник кока, потом юнга, потом... Но это уже совсем другая, совсем грустная история, и вам будет не так интересно! Эй, девчонка! Еще грог! Не много

ли? Конечно нет! Неси скорей и я расскажу тебе историю про белый корвет под альми парусами, если ты еще не читала!

Солдат пьет, зачерпывая из бака. Его “шкипер” уже совсем пьян, но не может же остановиться вот так, не досказав и не высказав, старый морской волк, таким внимательным слушателям, которые даже не перебивают и не спорят!

— Вы хотите знать, что было потом? Потом были Сингапуры, Гибралтары, Пуэрто-Рики и Гавайи, и еще много красивых названий, но в общем-то не было уже ничего, потому что оказалось все не так, как казалось тогда в порту, совсем не так. Только бы вернуться скорее обратно, скорее! Вот только это, приятель, и осталось, — говорит он своему воображаемому слушателю и снова похлопывает по пулемету.

— Хотя, может быть, это только у меня так! Может, мне просто снова не повезло? Как всегда. А? Как думаешь? И может, повезет еще, и я, как те моряки, ступлю на твердую землю, но только на свою! А потом помашу им рукой: счастливого плавания! Я остаюсь! Возвращайтесь, если сможете... Эй, девушка, грог! А впрочем, ты права, — хватит!

Снова гудок, только уже очень далекий. Корабль уже отошел далеко.

Последнее судно с последними моряками.

Солдат вдруг...

**ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ КИНОПОВЕСТИ
“ВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ” –**

КАНИКУЛЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

...Туманное майское утро. Сквозь зыбкую пелену виден лагерь, бетонные столбы с натянутой проволокой под током высокого напряжения, ровные прямоугольники барачных бараков, чисто подметенный плац, здание комендатуры, вышки с пулеметами и погашенными прожекторами...

ТИТР: БЫЛО 1МАЯ 1945ГОДА. ДО КОНЦА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ОСТАВАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ.

Из комендатуры выскакивает офицер-эсэсовец, на ходу торопливо застегивает мундир, что-то кричит часовым у ворот и на вышках. Следом за ним выходит еще один офицер, на ходу читает телеграфную ленту. Медленно разворачиваются дула пулеметов на молчаливые бараки с заключенными.

— Быстрее! — кричит первый офицер, — приказ Гимmlера! Быстрее! Всех! Всех к черту!

Из здания, где размещается охрана, выбегают солдаты с овчарками на длинных поводках. Собачий остервенелый лай нарушает утреннюю тишину. Солдаты врываются в бараки, пинками и ударами прикладов автоматов поднимают с нар заключенных. Сквозь собачий лай слышны отдельные команды, среди которых чаще всего повторяется:

— Шнель! Быстро! Быстро!

Сонные заключенные медленно поднимаются, выходят из бараков, начинают строиться в колонну. Эсэсовцы подгоняют их ударами прикладов.

Даниэль, высокий, худой, с копной желтых, вьющихся волос, проснулся от собачьего лая. Спустился с нар, прихватил с собой затрепанный томик Библии.

— Эй, ксендз, что это они подняли нас так рано? — спросил его кто-то по-польски.

Даниэль пожал плечами, направился к выходу.

А Жерар спит так крепко, что соседи по нарам трясут его за плечи, а потом немец больно тычет дулом автомата под ребра.

Жерар просыпается, встряхивает головой, прогоняя остатки сна, медленно сползает с нар, зябко поеживается.

— Что это они сегодня озверели? — спрашивает кто-то, проходя мимо Жерара.

— Американцы близко, — улыбнулся тот и прислушался. — Слышите?

Сквозь крики солдат и лай собак явственно слышалась совсем близкая артиллерийская канонада.

— А мне Марсель снился, черт подери! — вновь улыбается Жерар.

Майское яркое солнце режет глаза, и заключенные, выходя из барачков, на мгновение останавливаются, смотрят, задрав головы, щурятся, улыбаются. Только один не щурится, светлые, чуть навывкате глаза смотрят твердо и тяжелое, угловатое лицо неподвижно. Это яркое майское солнце злит его. Это Владимир.

Эсэсовец сильно ударил прикладом одного заключенного и тот, сморщившись от боли, оттолкнул солдата, проговорив возмущенно:

— С ума сошел, собака!

И тут же резко прогремела короткая автоматная очередь. Заключенный, скорчившись, упал на землю. Все на мгновение замирают, оторопело смотрят на убитого. А солдаты продолжают кричать, и так же остервенело лают собаки, бросаясь на заключенных.

Даниэль останавливается возле приземистого толстяка-австрийца в черном мундире с унтер-офицерскими погонами. Мундир помят и сидит на толстяке нескладно, на животе оторвана одна пуговица.

— Что это сегодня такая паника, папаша Штольц? — спрашивает Даниэль. — На работу подняли на полтора часа раньше.

— Это не на работу, святой отец, — оглядываясь по сторонам, чтобы не слышали солдаты и офицеры, отвечает австриец Штольц. — Как католик католику могу сказать вам, святой отец. Это не на работу. Это ликвидация. Пришел приказ Гиммлера. Ликвидировать срочно всех!

— Но... зачем? — растерянно переспрашивает Даниэль. — Кто будет работать на заводе?

— Работать больше не нужно, — Штольц все так же пугливо озирался по сторонам. — Американцы в тридцати километрах, помоги нам, Господи! Читайте Библию, святой отец, читайте Библию... — и он быстро уходит в сторону от Даниэля.

Слова унтер-офицера Штольца слышит не один Даниэль. Совсем неподалеку от него в это время оказался Владимир и вышедший из барака Жерар.

— Быстро! Быстро! — орет старший офицер, и уже построившаяся колонна торопится к воротам лагеря.

А вокруг — горы. Высокие, с темными изломами трещин, где голубеют под солнцем полосы льда, со снежными шапками на вершинах. Горы сжимают маленький лагерь со всех сторон, скалистые кручи нависают над небольшим плато и петляет от лагерных ворот узкая горная дорога.

Все происходит в одно мгновение. Колонна заключенных уже вышла из лагеря, только ее хвост еще застрял в воротах. Среди последних — Жерар, Владимир и Даниэль. Они оглядываются по сторонам. Взгляды скользят по провололочной ограде, по вышкам с пулеметами и дальше — по горным кручам, по петляющей по лесистым склонам горной дороге. Еще совсем немного и все будет кончено. В это яркое, майское утро... когда война кончается... и освобождение близко...

Так получается, что Жерар, Владимир и Даниэль оказываются самыми последними в колонне. За спиной хрипят сорвавшие голоса овчарки.

Владимир машинально помогает унтер-офицеру Штольцу и еще одному солдату закрывать ворота лагеря. В это время Жерар прыгает к другому солдату, ударом могучего кулака сшибает его с ног, и, сдернув с его плеча автомат, бросается из ворот лагеря в другую сторону от колонны заключенных.

И тогда Даниэль, сунув за пазуху Библию, вырывает автомат из рук ошеломленного эсэсовца и тоже бежит от лагерных ворот по узкой каменистой дороге. Владимир валит на землю толстяка Штольца, выдергивает у него из кобуры пистолет. Через какие-то считанные секунды все трое несутся, что есть сил по дороге в другую сторону от колонны с заключенными.

Пришедшие в себя трое эсэсовцев кидаются вслед за ними, спуская с поводков овчарок.

Волнуется колонна заключенных. Орут солдаты. Гремят выстрелы. Горное эхо множит их. И слышится артиллерийская канонада.

— Это ликвидация! — кричит кто-то в колонне. — Нас ведут убивать!

Еще несколько человек бросаются бежать по дороге. Автоматные очереди скашивают их.

— Кончайте их тут, черт возьми! — кричит офицер и, выхватив пистолет, первым начинает стрелять в колонну заключенных.

Жерар, Владимир и Даниэль кинулись в редкий, сосновый и буковый лес. Их быстро настигают овчарки и трое солдат.

Владимир оборачивается, стреляет на ходу из пистолета. Падает один эсэсовец. Даниэль тоже стреляет из автомата, упав на землю под деревом.

Собака прыгает Владимиру на грудь, впивается клыками ему в плечо и он несколько раз стреляет ей в живот. Сбрасывает обмякшую тушу животного. Без остановки стреляет Даниэль. Двое других солдат останавливаются, залегают.

— Ну их к дьяволу! — кричит один солдат другому. — Пусть бегут! Надоело!

Даниэль тем временем вскакивает и бежит в глубь леса. Вновь падает на землю, прислушивается. На дороге слышна беспорядочная стрельба, крики людей, лай собак.

Овчарка нагоняет Жерара, прыгает ему на грудь, когда он успевает обернуться. Француз хватает ее за горло своими могучими ручищами, начинает душить. Собака отчаянно рвется из рук француза, — хрипит, вывалив ярко-розовый язык.

Неподалеку от него лежит на земле Владимир, смотрит, как солдаты-эсэсовцы поднимаются с земли и то ропливой рысцей бегут к дороге.

— Сволочи... — хрипит Владимир. — Они всех убивают, сволочи...

С дороги все так же доносится автоматная стрельба, крики, лай собак.

Овчарка исходит пеной. Жерар отпускает ее, и животное падает на землю бездыханным. Конвульсивно дергаются собачьи ноги. Жерар растерянно смотрит на нее, на его добродушном, широком лице — жалость и сострадание.

— Я задушил ее... — говорит он, оглядываясь на Владимира. — Это же собака... я так люблю собак...

— Это не собака, — зло отвечает Владимир и сплевывает. — Это такие же эсэсовцы... только в собачьих шкурах... Слышишь, они всех убивают.

С горной дороги доносятся выстрелы.

— Ах, гадюки... — ругается Владимир и желваки перекатываются у него под скулами. — Ну, подождите, сучьи

гады... придет и ваша очередь... Придет, никуда не денется...

— Тебя как зовут? — по-немецки спрашивает Владимира француз.

— Владимир...

— Ты кто?

— Русский, — по-немецки отвечает Владимир.

— А я француз... — по-немецки отвечает Жерар. — Был еще третий... Нас убежало трое... — он оглядывается по сторонам.

Выстрелы на дороге постепенно стихают. Смутно слышен рокот автомобильных моторов, отрывистые команды офицеров.

Даниэль бежит к дороге. Сквозь стволы деревьев он видит, как из лагеря по дороге идут четыре грузовых автомашины. Останавливаются перед месивом человеческих трупов. Эсэсовцы быстро забираются в кузова машин.

— Быстрее! Быстрее! — кричит старший офицер и размахивает пистолетом.

Несколько солдат еще ходят среди трупов, останавливаются над ранеными и добивают их короткими очередями.

— Хватит! — кричит офицер. — Будь они прокляты, хватит! По машинам!

Громче режут моторы, машины трогают с места и катят по дороге прямо по мешанине трупов. Кровь большими пятнами залила каменистую дорогу. Причудливые лужи крови. Из-под колес грузовиков летят кровавые брызги, переламываются человеческие кости. Скрюченные трупы лежат здесь и там. Даниэль изо всех сил бежит к дороге, кричит отчаянно:

— Негодяи! Ублюдки! Подлецы!

Жерар и Владимир видят его с горного склона.

— Он с ума сошел, — говорит француз. — Они его схватят!

— Черт с ним... — Владимир проверяет патроны в обойме пистолета. — Раз ему так хочется...

— Нет-нет, надо остановить его, — говорит Жерар и срывается следом за Даниэлем. — Сто-ой! Куда ты!? Сто-ой!

Немцы уехали. Весеннее горячее солнце заливает светом брошенный лагерь, горную дорогу с трупами заключенных. Даниэль бредет среди убитых, бормочет вполголоса слова молитвы:

— Господи, прими с миром души усопших...

Появляется на дороге Жерар... Через некоторое время выходит Владимир. Даниэль склоняется над одним заключенным, трогает его за плечо:

— Збышек? Вставай, Збышек... Ты слышишь? Они ушли... Их больше нету... Вставай, Збышек... — Даниэль все сильнее трясет мертвого за плечо, губы у него кривятся, лицо искажает гримаса гнева и боли.

— Ты слышишь меня, Збышек? Они ушли! — он уже кричит и пытается поднять мертвого товарища с земли. — Эти бляди! Эти отбросы человечества! Грязные ублюдки! Они ушли, Збышек! Ушли-и-и! Их больше не будет, Збышек! Вставай!

Жерар кладет ему руку на плечо, но Даниэль резко сбрасывает ее. Все внимание поляка было приковано к мертвому Збышеку.

— Збышек! Вставай, дорогой! Мы — свободны! Мы поедем домой, Збышек! Ты ведь так хотел домой! Эти скоты! Эти зловонные гадины! За что они тебя!? Збышек, родной, вставай! — Даниэль кричит, надрывая горло, и горное эхо множит его отчаянный крик.

Жерар пытается остановить Даниэля, оттащить его от мертвого Збышека, но поляк сопротивляется, на губах его показывается пена, глаза, кажется, выскочат из орбит и лицо коверкает гримаса боли.

— Господи, не прощай им! За что, Боже милостивый, за что-о-о!!? Не прощай им! Никогда не прощай! Збышек, вставай! Мы пойдём домой! Мы будем жить, Збышек! Этим ублюдкам назло! Мы им покажем, как мы умеем жить! Жи-и-ить, Збышек! Жи-и-ить!

Владимир стоит в стороне и смотрит, как Жерар пытается оттащить Даниэля, как тот корчится судорогой и слезы текут по изможденному лицу и пена пузырится в углах рта, и вытаращенные глаза захлестнула мутная волна истерического припадка. Наконец Жерар взваливает Даниэля на плечи, несет в сторону от дороги. Владимир идет следом за ними, запихнув пистолет за брезентовый пояс. Видит мертвого немецкого солдата. Останавливается над ним, подумав, начинает стаскивать с него сапоги, брюки. Примеряет на себя. Снимает с солдата мундир. И вдруг замирает. Его взгляд падает на лицо немца. Он совсем молод, этот солдат. Каменная белизна покрыла мертвое лицо. Красивое лицо человека. Русые волосы упали на лоб. Величие и жестокость смерти отпечатались на этом лице.

Владимир некоторое время смотрит, потом с остервенением плюет на мертвого немца. Уходит, забрав мундир и сапоги, автомат и широкий солдатский кинжал.

Жерар, склонившись, слушает пульс Даниэля, потом смотрит на подошедшего Владимира.

— Он совсем плох... — говорит Жерар. — Его нельзя бросать...

— А что делать? — спрашивает Владимир, устало присаживаясь рядом с ними.

— Помнишь, как нас водили на завод? — подумав, спрашивает Жерар. — Помнишь, мы проходили в стороне большое имение... Фольварк или что-то в таком роде... Помнишь?

— Ну... помню... — тоже подумав, отвечает Владимир.

— Это ведь недалеко... Там и жратву достанем... И одежду...

— Мы его не донесем, — утирая рукавом потное лицо, говорит Владимир. — Он тяжелый...

— Я донесу... — улыбается Жерар. — Боши драпают... Значит, в этом имении никого нету... — он случайно нащупывает под арестантской курткой Библию, достает ее. — В лагере все его называли ксендзом. Это значит священник?

— Да... по-польски... — отвечает Владимир и ложится на спину, глядя в чистое, синее небо, на котором сияет майское, горячее солнце.

— Священника нельзя бросать, — совсем серьезно говорит Жерар. — Они всю жизнь пекутся о наших душах...

— Тихо как... — вполголоса, по-русски произносит Владимир. — Кажется, всю жизнь мечтал о такой тишине... Мама родная, неужели мы свободны?..

— Слышишь? — по-немецки спрашивает его Жерар. — Это американцы... Унтер-офицер Штольц сказал, что они в тридцати километрах...

... К имению они приходят в середине дня. Задыхаясь и обливаясь потом, Жерар несет на себе Даниэля. Тот по-прежнему был без сознания. Время от времени тихо стонет и повторяет:

— Збышек... Мы идем домой, Збышек...

Владимир видит, как устал Жерар, останавливает его:

— Давай я понесу...

— Нет-нет, ничего... — с трудом улыбается француз, а по лицу стекают крупные капли пота.

— Давай, давай... — он перекладывает поляка себе на плечи, сразу сгибается чуть-ли не пополам, тяжело представляет ноги.

За поворотом дороги вырастает каменная ограда имения, чугунные, узорчатые решетки, за которыми видны подстриженные газоны, ровные дорожки, аккуратно

посыпанные красным толченым кирпичом. У гаража стоит черная широкая машина марки “майбах”.

Владимир кладет Даниэля на землю, вытирает потное лицо, говорит, тяжело дыша:

— Побудь с ним... Я посмотрю, кто там есть... — он сдерживает автомат с плеча, пригнувшись идет к имению. Жерар смотрит ему вслед.

Первым он видит шофера. Он выходит из гаража, неся в руках две канистры с бензином. Владимир выглядывает из-за гаража, затем выходит к машине. Шофер, пожилой седой немец, вздрагивает, увидев его, роняет на землю канистры. Но немецкий мундир, надетый Владимиром, успокаивает его:

— Ты откуда? — спрашивает он Владимира. — С фронта?

— С того света, паскуда, — по-русски отвечает Владимир и стреляет шоферу в живот. Короткая очередь и немец переламывается пополам, обхватив руками живот, ничком валится на землю.

Владимир заглядывает в гараж, затем быстро идет к дому. Из дверей на крыльцо с мраморными ступенями выбегает старик-дворецкий в дорожном сюртуке, с седыми бакенбардами.

Владимир расстреливает его, остановившись в нескольких шагах. Потом быстро взбегает по ступеням, перепрыгнув через мертвого старика, скрывается в доме.

Имение брошено. В комнатах, в большой зале с огромной хрустальной люстрой — везде следы поспешного бегства. Разбросанная в беспорядке одежда, осколки посуды, на стенах — пустые багетовые рамы без картин. Владимир осторожно идет по зале. Опрокинутое кресло, брошенное женское платье, шляпка, сапоги... Под ногами хрустят осколки стекла и фарфора... Столовая... Портрет фюрера напротив дверей. Его с собой беглецы не взяли. Тяжелые бронзовые подсвечники с оплывшими свечами, на полу пустые бутылки.

Владимир слышит за спиной шорох, резко оборачивается. Перед ним стоит толстяк-повар в белом халате, тербит в руках белый колпак.

— А я думал, американцы... — улыбается повар, но лицо напряжено, в глазах страх.

Владимир стреляет почти в упор. Повар тяжело валится на стол, опрокидывая хрустальные кубки, тарелки.

— Э-эй... Владимир... Где ты? — слышится из залы голос Жерара.

— Здесь... — отвечает Владимир. — Иди сюда... тут навалом жратвы!

В дверях столовой появляется Жерар, оглядывается.

— Зачем ты их убил? Ведь это повар...

— Немецкий повар, — со злостью отвечает Владимир.

— Ну и что? Зря... — Жерар улыбается. — Он бы мог приготовить нам что-нибудь вкусное...

— Где поляк?

— Я положил его на диван... там, в гостиной... Хорошо бы вызвать врача... Он все время бредит...

Владимир берет бутылку, полную вина, читает надпись на этикетке:

— Мозельское... Ладно, пусть будет мозельское... — он отбивает об стол горлышко бутылки и льет содержимое в рот, держа бутылку на расстоянии. Жерар смотрит, улыбается:

— У тебя ловко выходит... — он ищет другую бутылку, находит, тоже отбивает горлышко, пьет. Отдергивает горлышко от рта: — Фу, черт, я порезал себе губы... — потом хватает со стола кусок холодного мяса, жадно рвет его зубами, глотает почти не прожевывая.

Владимир бросает пустую бутылку на пол, находит пачку сигарет, разрывает ее, торопливо закуривает. Жадно, глубоко втягивает сладкий дым, выдыхает:

— Хорошо... кажется, я немного почувствовал себя человеком...

Теперь они расположились в гостиной. Владимир развалился на диване, курит, пуская дым в потолок. Жерар вертит диск телефона, пьяноватым голосом кричит в трубку:

— Фройлен! Нам нужен врач... Немедленно нужен! Это имя... — прикрыв ладонью трубку, он спрашивает Владимира. — Чье это имя?

— А черт его знает... — лениво отвечает Владимир.

— Имя, которое возле подземного завода. Да! Немедленно! Хозяину плохо!

— Скажи, чтобы прислали еще двух медсестер... по красивее, — советует Владимир.

Жерар говорит в трубку:

— И двух медсестер! Что? Только одна? Давайте одну! — он опять хихикает, прикрыв ладонью трубку, глаза пьяно блестят. — Сказали, что сообщат в больницу... — он бросает трубку, включает приемник, начинает настраивать его. Сквозь треск и мешанину звуков вдруг прорывается русская речь. Торжественный голос говорит, что сегодня, пятого мая, 1945 года после упорных, ожесточенных боев советские войска окончательно овладели столицей Германии городом Берлином.

Владимир вскакивает с дивана, напряженно слушает.

— Это по-русски... — говорит Жерар. — Что он говорит?

— Наши Берлин взяли... — шепотом отвечает Владимир и повторяет громче, — наши Берлин взяли! Ты понимаешь?! Берлин взяли!! — он хватает со столика бутылку, лихорадочно пьет большими глотками вино. — Жерар, русские взяли Берлин! Наши! Понимаешь?!

— О-о! — кричит Жерар и его добродушное, большое лицо расплывается в улыбке. — Значит, войне крышка! Виват, Владимир! — тоже пьет из бутылки, швыряет ее на

пол, замечает в углу гостиной патефон, бросается к нему, заводит и ставит первую попавшуюся пластинку.

Раздается мелодия старого танго. Жерар подходит к Владимиру, церемонно раскланивается.

— Хотел бы я знать, где этот чертов врач?

Владимир, пошатываясь, идет к старинному, застекленному буфету, достает оттуда новую бутылку, откупоривает ее, пьет из горлышка, не отрываясь. Он уже основательно пьян. Кричит заплетающимся языком:

— Даешь Берлин! Жерар, поехали в Берлин, а? Я же-ла-ю посмотреть! В Бер-лин! — он выхватывает пистолет, несколько раз стреляет в хрустальную люстру.

Вскакивает с дивана Даниэль, бессмысленными глазами осматривается вокруг себя.

— Где я?

— Берлин взяли! — по-немецки говорит ему Жерар. — Понимаешь? Русские взяли Берлин! Крышка войне! Эй, священник, тебя как зовут? Ты поляк?

— Поляк... — отвечает Даниэль.

— А как зовут?

— Даниэль...

— Ты правда священник? — улыбаясь, спрашивает его Жерар.

— Нет...

— А почему тебя в лагере звали ксендзом?

— Потому что со мной была Библия... Я всегда летал с Библией, — Даниэль вновь ложится на диван, закрывает глаза. Его лоб покрыт каплями пота.

— Летал? — вздрагивает Владимир. — Ты летчик?

— Летчик... — едва слышно отвечает Даниэль.

— Чудеса... — растерянно бормочет Владимир. — И я летчик... Ты кто, истребитель? Бомбардировщик?

— Бомбардир... Последний раз я вылетел на Гамбург... и все... Меня подожгли прямо под городом...

— Ты летчик? — спрашивает Владимира Жерар. — И он летчик? Ха-ха! А ведь я механик по самолетам! Хах-ха! — он смеется. — Веселая у нас подобралась компания! По этому случаю выпьем! — Пьет из бутылки.

Владимир тоже пьет. Вздрагивает. За окном слышны звуки работающего автомобильного мотора. Владимир хватается со стола автомат, бросается к окну.

К особняку по дорожке подъезжает автомобиль, останавливается перед мраморными ступенями. Из машины вылезает сухонький, маленький старичок, одетый во все черное, в черном котелке, с саквояжем в руках. Вслед за ним из машины показывается девушка в белом халате.

Владимир прицеливается из автомата в старика. Жерар едва успевает ударом ладони отбросить ствол автомата в сторону.

— Ты с ума сошел! Это же врач!

Старичок останавливается возле убитого дворецкого, лежащего на мраморных ступенях. Склоняется над ним, берет руку, пытается нащупать пульс.

В это время в дверях появляется Владимир с автоматом в руках. Говорит по-немецки:

— Больной там, доктор... Пройдите туда...

Старичок-доктор и девушка послушно идут следом за Владимиром в особняк. Войдя, он видит Жерара в полосатой куртке арестанта, затем другого арестанта, лежащего на диване. Врач вздрагивает, растерянно смотрит на Владимира.

— Ему надо помочь, — Владимир кивает на Даниэля. — Если ты ему не поможешь... — и он выразительно приподнимает ствол автомата, направляя его на врача. Старичок поспешно семенит к дивану, начинает осматривать Даниэля, слушает пульс, достает из саквояжа прибор и измеряет ему давление. Медсестра помогает ему. Затем

он вынимает металлическую коробку со шприцем, отдает медсестре и говорит просительно:

— Это надо вскипятить.

Жерар и медсестра уходят. Владимир сидит, развалившись в кресле, положив на колени автомат. Он следит за врачом и время от времени пьет из бутылки, курит одну сигарету за другой.

— Ты знаешь, морда, что русские взяли Берлин? — вдруг резко спрашивает Владимир.

— Да, знаю, — бесстрастным голосом отвечает врач.

— Скоро вам всем крышка! Всей Германии! — пьяным голосом выкрикивает Владимир.

Врач не отвечает, только еще ниже опускает голову, весь съеживается. Возвращаются медсестра и Жерар. Француз незаметно показывает на девушку и подмигивает. Владимир коротко смеется. Медсестра подает врачу вскипяченный шприц. Тот смачивает в спирте клочок ваты, протирает иглу, ампулу с лекарством. Медсестра закатывает Даниэлю рукав полосатой куртки. Врач делает укол. Тем же неторопливым движением он собирает инструменты в саквояж.

— Сейчас ему станет лучше, — говорит он. — Ему нужен покой... Отдых... Можно немного вина... Мы можем идти?

— А если его полобит хорошенькая девушка? — спрашивает с улыбкой Жерар.

Врач пожимает плечами, старается не встречаться с глазами Владимира. Тот вновь коротко смеется, говорит:

— Ладно, можешь идти... Она пусть останется...

Девушка мелко дрожит, с мольбой смотрит на врача.

— А вдруг ему опять станет плохо? — продолжает улыбаться Жерар. — Он нуждается в добрых словах и в утешении. А кто может лучше утешить, как не хорошенькая девушка. Вы меня понимаете, мадемуазель?

Глаза медсестры распахиваются от ужаса.

— Не бросайте меня, герр Глаук... — едва слышно бормочет она. — Умоляю вас, не оставляйте меня...

— Ну иди, чего стал? — рывкает Владимир и рука его с силой сжимает приклад автомата.

Старик уходит неспешной походкой и даже глядя на его спину, можно понять, что он каждую секунду ждет выстрела. Медсестра смотрит ему вслед, глаза ее полны слез. Негромко хлопает дверь. Слышно, как на улице глухо заработал мотор и машина отъезжает.

Владимир пьет из бутылки, встает. Походка у него нетвердая. Он бросает автомат, грубовато обнимает девушку, прижимает к себе.

— Она вся дрожит, — пьяно улыбается он. — Ты что, боишься нас?

— Н-нет, господа... — дрожащим голосом, заикаясь, отвечает медсестра. — Я уверена, что вы ... добрые, порядочные люди...

Владимир хрипло смеется. Улыбается Жерар.

— Ты права, мы самые порядочные люди на свете... Мы два года ищачили на твою проклятую великую Германию... И по приказу герра коменданта нас всех перестреляли, даже забыв сказать спасибо! Как тебе это нравится, киса?

Девушка дрожит и не может вымолвить ни слова, только глаза наполняются слезами.

— Ты должна отблагодарить нас, девочка. — Владимир еще сильнее прижимает её к себе. — Ты меня слышишь?

— Да-да... конечно, господа... конечно... — губы ее нервно кривятся, кажется, она вот-вот заплачет.

Жерар хмурится, глядя на нее. Владимир жадно целует ее в губы, подмигивает французу.

— Кто первый, Жерар?

— Он... — Жерар кивает в сторону спящего Даниэля. — Он большой, ему нужна женская ласка! Пошли! — Он хва-

тает девушку за руку, тащит за собой через всю гостиную. Пошатываясь, следом за ними бредет Владимир.

Жерар зажигает свет. Блестит голубоватый кафель, на полочках перед большим старинным зеркалом множество флаконов с духами, кремами и мазями.

— Ого, тут есть “Коти” и “Шанель”! — весело восклицает Жерар и нюхает флаконы. Потом он откупоривает один флакон за другим и выливает содержимое в ванну. Сильный аромат духов распространяется по всей комнате. Владимир зажмуривается и трясет головой.

— После таких благоуханий хочется понюхать кусочек дерьма, — смеясь, говорит он.

— Ты мало нанюхался его в лагере? — весело спрашивает Жерар. — Прошу, мадемуазель! Такие ванны готовят только королевам!

Расширившимися от страха глазами девушка смотрит на ванну и тихо качает головой:

— Нет-нет... я не хочу... — она пятится назад и наталкивается на Владимира, умоляюще смотрит на него. — Пощадите, господа... у меня есть... жених...

— Служит в СС? — спрашивает Владимир.

— Нет-нет, что вы! Он инвалид... он потерял ногу...

— Какая жалость, — с притворным сочувствием говорит Владимир. — Ты слышишь, Жерар? Ее жених потерял на фронте ногу!

— Умоляю вас, господа... — без всякой надежды в голосе бормочет девушка.

— Раздевайся, фря немецкая! — рявкает Владимир. Не заставляй ждать! — и он рвет с девушки халат вместе со стареньким дешевым платьем. Трещит материя, обнажается худое плечо с выпирающей ключицей, грудь.

— Мы выйдем, мадемуазель! — Жерар выходит из ванной, — Вы лучше сами!

Владимир швыряет на пол обрывки халата и платья. Девушка стоит, закрывая руками голые плечи и груди. На ней коротенькая шелковая комбинация. Владимир захлопывает дверь со словами:

— Быстро, фройлен, быстро!

Жерар приседает и смотрит в замочную скважину, цокает языком, качает головой:

— А девочка в порядке, черт меня подери! И ручки и ножки — все на месте... Хочешь посмотреть?

— Нет! — Владимир идет прочь от ванной, заходит на кухню, ищет в буфете бутылки, чертыхается вполголоса. Затем замечает лестницу, ведущую в подвал дома, спускается по ней.

— Господи... — бормочет Жерар, прильнув к замочному отверстию. — Что может быть прекраснее голой женщины?.. Не торопитесь, мадемуазель, не торопитесь! — он говорит, приложив губы к замочной скважине, затем снова смотрит.

В подвале оказался целый склад старых вин. Заросшие паутиной пирамиды бутылок, бочки. Владимир оглядывается по сторонам, улыбается:

— Вот это лафа! — шепчет он, разглядывая бутылки. — Гуляй, Вася, жуй опилки, я директор лесопилки, — откупоривает одну из бутылок, жадно пьет. Потом взваливает на плечо ящик, идет из подвала.

Жерар по-прежнему сидит на корточках. Только теперь не перед дверью в ванную, а перед дверью в гостиную. Он негромко хихикает и жестами зовет к себе Владимира. Тот ставит грязный, заплетенный паутиной ящик на стол в кухне, подходит к двери. Жерар подвигается и Владимир смотрит в замочную скважину.

Он видит, как медсестра, одетая в махровый халат прямо на голое тело, подходит к дивану, на котором спит Даниэль, медленно ложится рядом. Полы халата распаиваются, обнажая белые, будто из мрамора, ноги. Физи-

ономия Владимира расплывается в улыбке, он тоже хихикает, бормочет:

— Как бы его удар не хватил, когда он проснется...

Жерар тоже сдавленно смеется, толкает Владимира:

— Дай, дай посмотрю...

Девушка смотрит на лицо спящего Даниэля. Красивое лицо. Темные провалы щек, желтые кудри упали на лоб, женственные, резко очерченные губы. Она осторожно гладит кончиками пальцев по щекам, тихо целует в губы, а у самой слезы текут из глаз.

— Жизнь пошла, как на пиратском корабле! — давится от смеха Жерар. — Ну, где у себя в Польше он найдет такую заботу о товарище? Слушай, а вдруг она девственница, а?

— Поможем! — смеется Владимир. — Научим и поможем! Ну, чего она телится? Быстрей давай, фря немецкая, быстрей!

Даниэль просыпается от того, что его кто-то целует. Открывает глаза и видит над собой заплаканное девичье лицо, обнаженную грудь, плечи. Даниэль инстинктивно дергается в сторону, отталкивая от себя девушку.

— Ты... кто?

— Магда... я работаю в больнице... — слезы капают и капают из глаз. — Ваши друзья приказали, чтобы я...

А "друзья" давятся от смеха за дверью, толкают друг друга, чтобы посмотреть в замочную скважину.

Даниэль шарит руками за пазухой:

— Библия... Где моя Библия?

— Я не брала! — пугается медсестра. — Клянусь Богом, я не брала!

— Кажется, он собрался молиться! — давится от смеха Владимир. — Ну чудак! А может, он с бабами ни разу, а?

— Не может быть! — решительно возражает Жерар, отпихивая Владимира от скважины. — С кем-кем, а с летчиками такого не бывает! Я, например, первый раз в тринадцать лет. А ей было за сорок, ха-ха! Она держала в порту кафе для грузчиков. Такая любительница молодых мальчиков, ха-ха! Я так перепугался, когда она завалила меня в постель, что стал реветь, как корова! Ха-ха! А на другую ночь я сам залез к ней через окно! Вот была потеха! А ты?

— А я как все... — Владимир отхлебнул из бутылки. — Любил одну девчонку... трахнул ее после школы... шестнадцать лет мне было... А замуж она вышла за другого.

— Почему? — удивляется Жерар.

— Потому что кончается на “у”, — хмурится Владимир. — Ну, что он там? Скоро? Я ведь тоже горю желанием, черт бы его побрал!

Жерар смотрит в скважину, хихикает.

— Ну что? — спрашивает Владимир.

— Они... хи-хи-хи... разговаривают... хи-хи...

— Ну-ка! — Владимир отпихивает Жерара, сам принимает к скважине, смотрит. — Болван! Вот болван-то! Он что, за три года лагеря забыл, как это делается? Эй, ксендз, действуй, черт бы тебя побрал! — Владимир вновь смотрит, удовлетворенно подмигивает Жерару. — Наконец-то...

— Что, что? — Жерар тянется к замочной скважине, но Владимир не пускает его.

— Неудобно подглядывать... Мы с тобой, как два школьника... Пусть ксендз делает свое дело спокойно... — он вновь пьет из бутылки, трясет головой, — Фу, черт, а винцо забористое!

— Ты много пьешь, — говорит Жерар. — Вредно так много пить...

— Только не учи меня жить. Договорились? — Владимир со злостью смотрит на француза. — Я не для того

вырвался на свободу, чтобы мной понукали! — Он опять пьет из бутылки, фыркает, морщится.

А Даниэль в это время обнимает и целует девушку, говорит ей:

— Ты похожа на мою невесту... Ты не бойся, мы не сделаем тебе ничего плохого... Ах, какие божественные духи!

— Это ваш приятель налил полную ванну французских духов! — смеется девушка. — Я никогда в жизни не видела столько духов!

Даниэль обнимает ее, вновь целует в губы. Девушка тянется к нему, прижимается всем телом.

— Ты такой красивый... — шепчет она. — Ты ужасно красивый... Я хочу, чтобы тебе было хорошо... Как тебя зовут?

Даниэль с силой отталкивает ее:

— Нет-нет... уходи... Слышишь, уходи сейчас же!

— Я тебе не нравлюсь? — огорчается девушка. — Ты думаешь, я со всеми такая? Нет-нет! И про жениха я сказала неправду... у меня нету никакого жениха... Его убили в прошлом году в России... Ты мне не веришь?

— Верю... — Даниэль облизывает сухие, потрескавшиеся губы. — Я все понимаю, но... так нельзя... Если я буду так, то мне начинает казаться, что моя невеста тоже может так... Ты понимаешь меня?

— Понимаю... — девушка опускает глаза.

— Это просто ужас, до чего поляки любят поговорить! — качает головой Жерар. — Перед ним — прекрасная, голая мадемуазель, а он с ней разговаривает.

Владимир хрипло смеется, тоже качает головой.

— Просто за три года этого проклятого лагеря мы все малость сошли с ума! — говорит он.

Они сидят на полу у двери в гостиную и вполголоса разговаривают.

— Надо было бросить жребий, — говорит Жерар. — Я бы с ней управился в два счета!

— Я бы еще быстрее! — хвастливо заявляет Владимир.

Неожиданно дверь открывается и на пороге вырастает Даниэль.

Владимир и Жерар вскакивают.

— Как дела? — спрашивает заговорщически Жерар.

— Надо найти ей какую-нибудь одежду и пусть идет домой, — говорит Даниэль.

— Ну, уж дудки! — хмурится Владимир. — Если она тебя не устраивает, то мне подойдет! — Он хочет пройти в гостиную, но Даниэль загораживает дверь.

— Я благодарен вам, господа, что вы спасли меня, но эту... девушку никто не тронет, — холодно говорит он.

— Уйди с дороги! — сжимая кулаки, говорит Владимир и его светло-голубые глаза мутнеют от бешенства. — Слышишь, ты, святоша! Не то...

— Ты русский? — неожиданно спрашивает Даниэль.

— Да, русский!

— А я поляк...

— Плевать я хотел, поляк ты или еще кто! Прочь с дороги!

— Подождите, вы с ума сошли! — Жерар встает между ними. — Черт с ней, с этой девчонкой, пусть уходит!

— Нет, она не уйдет, пока я с ней не пересплю! — Владимир пытается сдвинуть с места Жерара, но сил у него явно не хватает. Тогда он кидается на кухню и быстро возвращается с автоматом. Угрожающе щелкает затвором. Негромко взвизгивает девушка. Владимир едва на ногах, настолько он пьян.

— Вы такие благородные, а я подонок, да? В лагере вы тоже были благородными? Жрали посылки Красного

Креста, а русские подышали с голоду! А теперь вы собрались учить меня хорошим манерам! Считаю до трех, ксендз! — Владимир поднимает автомат. — Раз!

— Перестань, Владимир... не дури... — улыбается Жерар. — Ты же хороший парень...

— Два! — отчеканивает Владимир.

Неожиданно с улицы слышится рев мотоциклов, голоса людей, отрывистые команды.

— Немцы! — ахает Жерар, бросаясь к окну в гостиной.

Даниэль спешит за ним. Владимир сплевывает со злостью, тоже подходит к окну.

По дорожкам парка к особняку медленно едут мотоциклы. На них верхом и в колясках — эсэсовцы.

— Здесь больше роты... — шепчет Жерар. — Черт возьми, влипши!

Мотоцикл с двумя офицерами останавливается перед мраморными ступенями. Офицер что-то кричит солдатам, спрыгивает с мотоцикла на ступени. Останавливается перед мертвым поваром, вновь что-то кричит солдатам и направляется к дверям.

Владимир поднимает автомат, готовясь стрелять. Жерар хватая рукой ствол:

— Ты с ума спятил?

— Труссы... — пьяно выговаривает Владимир, пытаясь вырвать автомат из рук француза. — Щас я вам покажу, как умеют умирать русские офицеры! По фашистским захватчикам огонь! За Р- родину!

Жерар валит Владимира на пол, зажимает ему рот рукой. Владимир пытается вырваться, стучит ногами об пол, рычит сдавленно и вдруг стихает. Слышно, как хлопнула дверь.

Жерар взваливает Владимира на плечи, спешит к лестнице на второй этаж, тяжело поднимается. Даниэль подхватывает автомат Владимира, забирает свой автомат и торопится за ними. Сталкивается с девушкой, сто-

ящей посреди комнаты. Мгновение смотрит ей в глаза. И она все понимает, торопливо кивает головой, бормочет:

— Я сейчас... не бойтесь... я не скажу...

Она выходит навстречу офицеру в забрызганном грязью черном мундире. Офицер козыряет, голос у него хриплый и усталый:

— Почему мертвый у подъезда? Что здесь произошло, фройлен?

— Не знаю... была стрельба... из лагеря убежали заключенные... Хозяева уехали... Я здесь одна... — глаза у девушки огромные от страха, руки судорожно запахивают халат на голой груди.

— Закопайте убитых в саду, возле ограды! — приказывает офицер солдатам и вновь смотрит на медсестру. — Мы торопимся, фройлен! Будьте осторожны, скоро здесь будут американцы!

— Да-да... — медсестра с готовностью кивает головой. — Вам ничего не нужно, герр штурмбанфюрер?

— Что-нибудь поеть, — улыбается офицер. — И попить... О, да тут вино есть! — Он подходит к ящичку, достает бутылку. — Мозельское! Черт возьми, на свете еще существует мозельское! — и приказывает солдату, стоящему за спиной, — заберите ящик!

Девушка врывается на кухню, шарит по полкам буфета, открывает какие-то ящички, достает несколько кругов колбасы, какие-то свертки, буханки хлеба.

Наверху, окаменев, стоят Жерар и Даниэль. В руках — автоматы. На лбу Даниэля выступила испарина. Перед входом в спальню лежит мертвецки пьяный Владимир.

Медсестра выносит в гостиную продукты и солдат забирает их, складывает в походную сумку. Офицер еще раз козыряет:

— Счастливо оставаться, фройлен! Надеюсь, американцы не тронут вас...

Они выходят и в гостиной наступает тишина. Слышно, как за стенами особняка громче ревут мотоциклы, раздаются отрывистые команды.

Даниэль бросается к окну и видит, как автоматчики на мотоциклах отъезжают от дома по дорожкам. Пары отработанного бензина окутывают голые весенние деревья.

— Уехали... — с облегчением произносит Даниэль.

— Смотри, а этот спит, — удивленно говорит Жерар и трясет Владимира за плечо, хлопает по щекам. — Эй, Владимир, проснись!

Владимир с трудом открывает мутные глаза, оглядывается и тяжело садится на пол. Трясет головой, просит:

— Дайте похмелиться...

— Из-за тебя мы чуть не влипли в историю! — говорит Жерар. — Мы были на волосок от смерти!

— Мы уже пять лет на волосок от смерти. Пора привыкнуть. — Владимир встает, пошатываясь, идет вниз. Встречается с медсестрой. Зло смотрит на нее, останавливается перед ней, раскачиваясь:

— А-а, чертова кукла, ты здесь? Проваливай, сколько еще говорить?

Девушка смотрит на него со страхом, пятится назад.

— Не трогай ее! — громко говорит сверху Даниэль. — Она спасла нам жизнь!

— Напрасно. Вы не меньше остальных заслуживали, чтобы вас прикончили там, на дороге! — он ищет бутылки с вином, кричит со злобой: — Здесь было вино! Где вино?! Я притащил из подвала целый ящик!

— Хватит пить, — говорит Даниэль. — Война еще не кончилась.

— Слушай, ты, ксендз паршивый, это не твое собачье дело! — звереет Владимир. — Читай свою вонючую Библию и не суй нос, куда не просят, понял?! Где вино? Я пить хочу! Сволочи, у меня башка разламывается! Моралисты

проклятые! Пить нельзя! А я хочу и буду! Я же не мешаю вам читать Библию?

— Еще одно слово про Библию! — Даниэль сжимает кулаки, едва сдерживается.

— Не связывайся с ним, — негромко говорит Жерар. — Он совсем пьяный!

— Да, со мной вам лучше не связываться! Мотайте отсюда подобру-поздорову! — уходит на кухню. В гостиную доносится, как он споткнулся обо что-то и громко ругается.

— Отсюда надо уходить, — говорит Даниэль. — Могут опять нагрязнуть немцы.

— Да, надо уходить, — повторяет Жерар. — А куда?

— Все равно... — Даниэль опускается на диван, вытирает мокрый лоб, виновато улыбается. — Совсем нет сил... коленки дрожат...

— Сварить вам кофе? — вдруг предлагает молчаливая до сих пор медсестра. — На кухне есть кофе. Я видела, — она быстро уходит.

Появляется Владимир, неся на плече ящик с бутылками. Бормочет на ходу.

— Они мне пить хотят запретить, ха-ха! — ставит ящик на стол, откупоривает бутылку, жадно пьет, морщится, фыркает. — Ну и дрянь это мозельское! Уксус! Щас бы стакан водки! Что вы на меня уставились? Плевать я на вас хотел, понятно!? Чихал с высокой колокольни! — снова пьет, кричит: — Я летчик! Я по шестнадцать боевых вылетов в сутки делал! У меня на счету двенадцать сбитых “Мессеров”, понятно вам или нет!? — снова пьет. — А вы паршивые трусы! Фрайера!

Жерар и Даниэль молчат, смотрят на Владимира. И это молчание еще больше распаляет его. Он швыряет пустую бутылку на пол, откупоривает новую. Поет:

*Первым делом, первым делом самолеты,
Ну а девушки, а девушки потом!..*

Входит медсестра с большим подносом. На подносе — чашки с горячим дымящимся кофе, сэндвичи. Она улыбается, глядя на Даниэля:

— Вам давно пора подкрепиться.

— А-а, ты еще здесь! — рычит на нее Владимир. — Убирайся!

Девушка вздрагивает, чуть не роняет поднос. Даниэль забирает у нее поднос, ставит на стол, улыбается:

— Прошу вас, пани. Будем вместе пить кофе.

— А я лучше тоже вина, — Жерар достает из ящика бутылку, откупоривает ее, подмигивает Владимиру. — Твое здоровье, Владимир!

Жерар наливает вино в хрустальный фужер, пьет. Даниэль враждебно смотрит на Владимира.

— Вино действительно дрянь, — говорит Жерар.

— Замечательное вино, — назло Жерару говорит Владимир и пьет из бутылки. — Потрясающее вино! — швыряет бутылку на пол. — А все-таки Берлин мы взяли! Мы! Русские! Ты слышишь, сучка немецкая!? Мы твой Берлин с землей сравняем!

— Замолчи же ты, наконец! — вскакивает Даниэль. — Что она тебе сделала? Что ты к ней прилепился?! Пей, сколько влезет, раз уж так хочется, но оставь нас в покое!

— Оставить в покое? — зловеще улыбается Владимир и вдруг одним прыжком кидается к лежащему на диване автомату, хватая его, передергивает затвор. — Ты, видно, уже забыл, как убивали на дороге? Паскуда! Ты не видел, как они целые города с землей равняли!? А я видел! Сверху видел! Одни развалины! Как они пленных к стенке ставили! Баб наших насиловали! — Владимир вскидывает автомат и Жерар едва успевает броситься к нему, отбивает ствол в сторону. Гремит длинная автоматная очередь. Сыплются осколки стекла, отлетают от стен куски штукатурки, пронзительно визжит медсестра.

Жерар и Владимир катаются по полу. Француз пытается вырвать автомат из рук русского. Тот сопротивляется, хрипит, выкрикивает:

— Я их, подлых тварей, всех к стенке! Всех! Всех! Пусти, сволочь! Пусти, говорю!

Жерар, наконец, вырывает из рук Владимира автомат, прижимает его к полу, говорит, тяжело дыша:

— Успокойся... Зря ты так, честное слово... — пытается улыбаться, глядя на Владимира. — С тобой друзья, а ты...

— У меня нет друзей! — кричит Владимир и вновь пытается вырваться из сильных рук Жерара. — Мои друзья сгорели живыми! Полухин Юрка — штурман! Чернов Иван — борт-стрелок! Они сгорели над Кубанью в сорок втором! До гроба были друзья! До гроба! Восемь “мессеров” на одного, ты такое видел, тухляк польский!? Восемь на одного! И мы не удирали! Ванька Чернов поджег два “мессера”! Два! И получил пулю! Они все погибли, будьте вы прокляты! Зачем!? Пусти меня, падла, пусти! Вина дайте! Я пить хочу! Суки, пустите меня!

Медсестра вдруг достает из ящичка бутылку, подходит к Жерару и Владимиру, протягивает русскому бутылку, говорит тихо:

— Пожалуйста...

Владимир вырывает из ее рук бутылку, пьет большими, жадными глотками, вино течет из уголков рта на подбородок и шею.

— Хватит, захлебнешься, — Жерар тянет из его рук бутылку, но Владимир не отпускает, что-то мыгчит угрожающе. Затем голова его бессильно падает на пол, мертвенная бледность заливает лицо.

— У нас в госпитале были такие... наши солдаты из-под Сталинграда, — тихо говорит медсестра. — Они воровали спирт и напивались до бесчувствия.

— Фу ты черт, ну и силищи в нем, — отдуваясь, говорит Жерар. — Едва удержал!

— Надо уходить отсюда, — говорит Даниэль.

— А как же он? — Жерар смотрит на лежащего Владимира. — Его нельзя оставлять одного... Да и ты совсем слабый.

Медсестра уходит в ванную, скоро возвращается оттуда с мокрым полотенцем, осторожно кладет его на лоб Владимиру. Совсем тихо она говорит:

— Ужасно, что наделала с людьми война... ужасно...

Жерар и Даниэль осторожно поднимают Владимира и укладывают на диван. Он спит мертвецким сном.

— А Париж давно свободен, — вздыхает Жерар. — Перед самой войной встретила мне там роскошная девчонка. Мы прилетели из Марселя принимать партию английских самолетов и тут я с ней познакомился. Не девушка, а мечта пирата! Все летчики и механики подышали от зависти, когда я пришел с ней на аэродром, потеха! — Жерар мечтательно улыбается, вспоминая свою девушку. — Странно, с тех пор прошло всего пять лет, а кажется, что целая жизнь... Будто этого и не было вовсе. Или было, но не со мной, а с кем-то другим...

— Она жива? — спрашивает Даниэль.

— Не знаю... — пожимает плечами Жерар. — Я с ней поиграл несколько ночей и мы расстались... Не могу долго с одной и той же. Наверное, поэтому и не женился...

Из приемника раздается бравурный, жизнерадостный марш. Даниэль наливает в фужер немного вина, осторожно пробует. Медсестра улыбается, наблюдая за ним. Жерар наливает полный фужер, выпивает, ест сандвич, говорит с набитым ртом:

— Больше всего в жизни я любил бродяжить. Бог мой, где я только не был! Рио-де-Жанейро, Сантьяго, Нью-Йорк, Алжир, Стамбул. Копенгаген, Мадрид, Вена, о-о, сколько разных городов! — Жерар качает головой, улыбается. — И везде у меня полно друзей!

— Что ты там делал? — спрашивает Даниэль.

— Как что? Я — механик по авиационным моторам. Думаешь, почему немцы загнали меня на этот проклятый подземный завод? Я моторы знаю, как священник Библию! Прости, не хотел тебя обидеть.

— Ничего, — улыбается в ответ Даниэль. — Тем более, что я не священник, — он садится в кресло, вытирает мокрый лоб. — Вы меня извините, я посплю немного... совсем нет сил...

— Я провожу вас в спальню, — говорит медсестра. — Пойдемте.

Жерар с грустью смотрит, как медсестра обняла Даниэля за талию, ведет его из гостиной, осторожно и заботливо поддерживая...

...Утром Жерар возится с "майбахом". Копаются в моторе, что-то прочищает и протирает масляной тряпкой, тихо мурлычет под нос песенку. Время от времени поглядывает на дом, но оттуда никто не выходит. Жерар забирается в кабину, заводит мотор, внимательно прислушивается, как работает двигатель. Выключает и вновь склоняется над мотором. Слышно позвякивание гаечного ключа.

...Владимир просыпается, когда горячие солнечные лучи падают ему на лицо. С трудом открывает глаза, облизывает запекшиеся губы. Встает, оглядывается. В гостиной никого нет. Тихо. Владимир идет по гостиной, заглядывает под стол, в шкафы, под диван и кресла в поисках бутылки. Выходит из гостиной, останавливается перед спальней. Дверь закрыта. Владимир в растерянности смотрит на дверь, трогает ручку. Дверь заперта на ключ. Он поворачивается уходить, как дверь открывается и выходит медсестра, запахивая на голой груди халатик. В открытый проем двери виден лежащий на широкой постели Даниэль.

— Извините, потревожил... — мрачно говорит Владимир и идет на кухню, оглядываясь по пути. Он все еще надеется найти бутылку.

— Ничего, ничего, — поспешно отвечает медсестра. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хреново, — отвечает Владимир. Он скрывается в кухне, оттуда спускается в подвал и сразу веселеет, видя пирамиды ящиков с пыльными, грязными бутылками.

— Ничего, с таким запасом жить можно, — бормочет он сам себе и взваливает на плечо ящик, идет обратно.

Выйдя с кухни, он вновь встречает медсестру. На подносе она несет в спальню кофейник с дымящимся кофе, чашки, поджаренные бутерброды.

— Этот поляк неплохо устроился, — говорит Владимир и с грохотом ставит ящик на пол.

— Вам приготовить кофе? — медсестра все еще смотрит на него со страхом, ожидая какой-нибудь новой враждебной выходки.

— Благодарю. У меня есть напиток получше, — он откупоривает бутылку, пьет из горлышка.

Медсестра входит в спальню и дверь остается полуоткрытой. Владимир невольно косит глазами и видит, как она ставит на постель поднос, наливает кофе в чашку и с нежной заботливостью подает ее Даниэлю. Тот отпивает несколько глотков, улыбается, обнимает девушку за плечи, целует. Его рука скользит под халатом по ее телу, и девушка осторожно ложится с ним рядом, и они продолжают целоваться. И тут Даниэль сталкивается со взглядом Владимира из-за двери. Секунду они смотрят друг на друга, и оба смущены и несколько растеряны. Затем Владимир кривовато улыбается.

— Извините... — и ногой захлопывает дверь в спальню.

...Жерар вновь включает двигатель, слушает, удовлетворенно прищелкивает пальцами. Теперь машина в по-

рядке! Он настраивает приемник, вертит ручку, слушает. Сквозь треск и шипение прорывается русская речь, потом английская, потом французская. Услышав родную речь, Жерар замирает. Торопливый мужской голос, запинаясь от волнения, говорит о том, что сегодня в Берлине в шесть часов утра подписана безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. Жерар вздрагивает, делает звук громче.

— Сегодня в шесть часов утра в Берлине подписана полная и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. На церемонии подписания капитуляции присутствовали представитель Советского Союза маршал Жуков, представитель Великобритании фельдмаршал Монтгомери, представитель Франции генерал де Голль...

Жерар хватает с сиденья автомат, выскакивает из машины и бежит к дому, стреляя на ходу.

— А-а-а! — бессмысленно орет он и безостановочно гремит длинная автоматная очередь.

Владимир, услышав выстрелы, хватает автомат с дивана и бросается к окну.

Даниэль, оттолкнув медсестру, вскакивает с кровати и выбегает из спальни.

Жерар врывается в дом, стреляет из автомата в потолок, по стеклам, по пустым багетовым рамам. Когда кончились патроны в рожке, он швыряет автомат на пол и, молча улыбаясь, смотрит на Владимира и Даниэля. И они, ничего не понимая, смотрят на него. Жерар подходит к приемнику, включает его, некоторое время вертит ручку настройки. И вот торжественный голос сообщает по-русски:

— ...подписана безоговорочная капитуляция Германии!

Даниэль бледнеет, чуть не падает, резко пошатнувшись. Медсестра едва успевает подхватить его под руку. У Владимира судорогой сводит лицо, в глазах блещут слезы и он крепится изо всех сил, чтобы не зарыдать.

Жерар пляшет по гостиной, пиная ногами стол, стулья, кресла:

— Она кончилась, сукины вы дети! Она издохла, чтоб ей ни дна, ни покрывки! Мы теперь вольные люди! Победители! Вы понимаете это, лагерные выродки!? — он обнимает Владимира, целует его, бросается к Даниэлю, тормошит за плечи, кричит, поет. — Она кончилась, кончилась, черт меня поberi! Трамтам-там! Она кончилась! — Он танцует по гостиной, хватая за талию медсестру и кружит ее в вальсе, опрокидывая стулья, распевая во все горло. — Она кончилась, кончилась! — потом хватая из рук Владимира бутылку, пьет из горлышка. Вино булькает у него в горле. Медсестра плачет. Глупая, счастливая улыбка на губах Даниэля.

И вот, обнявшись за плечи, они танцуют втроем, неуклюже перебирая ногами. Из приемника гремит торжественный, победоносный марш.

...А вечером они ужинали при свечах. Воск плавится и стекает на старинные, бронзовые канделябры. Пока медсестра ставит на стол блюда с разными кушаньями, Жерар, Даниэль и Владимир копаются в гардеробе, выбирая себе костюмы. Они полутолые. Арестантские куртки и брюки валяются рядом с ними на полу.

Жерар натягивает очередной пиджак, но он явно мал ему.

— На-ка, померий ты! — он бросает костюм Даниэлю, а сам достает новый. И следующий костюм не налезает на Жерара.

— С моей лошадиной фигурой надо иметь собственно-го портного, — бормочет он, примеряя третий костюм. Застегивается на все пуговицы, смотрит на себя в зеркало, озорно подмигивает медсестре:

— Какой жених пропадает, а? — но одно неосторожное движение плечами и раздается треск рвущихся ниток. Пиджак расползается по швам. Даниэль, Владимир

и девушка смеются. С четвертым пиджаком та же история. Жерар явно огорчен, копается в гардеробе, ругается:

— Неужели в этом дурацком доме для меня не найдется подходящей одежды?

Владимир тем временем надевает щегольский серый костюм с широкими, остроконечными бортами. Смотрит на себя в зеркало.

— Это не я, — наконец говорит он. — Совсем не похож...

— Потрясающий джентльмен! — Жерар хлопает Владимира по плечу. — Тебе женщины часто говорили, что ты красивый? — он подмигивает медсестре. — Как ты считаешь, он очень красивый?

— Да... — улыбается она. — Очень красивый мужчина...

Владимир недоверчиво смотрит на нее, усмехается. Даниэль в это время приносит несколько пар башмаков:

— Смотрите-ка, что я нашел в прихожей!

— Моего размера, наверное, нету? — спрашивает Жерар.

— Померий.

Все трое начинают мерить обувь. Жерару не лезут ни одни туфли. Он со злостью швыряет их об стену.

— Надень-ка вот это, — Владимир протягивает ему смокинг с атласными бортами, белую рубашку с черной бабочкой. Жерар одевается, вопросительно смотрит на Владимира. Тот кивает головой, поднимает кверху большой палец:

— Полный порядок, старина!

Жерар снимает со стены пустую багетовую раму, приставляет к себе на пояс. Застывает. Он действительно похож на портрет. Смеется медсестра, улыбаются Владимир и Даниэль.

Владимир наливает в фужер вина, пьет, морщась.

— Дрянь! Уксус! — сплевывая, говорит он. — Надо достать спирту или шнапса!

— Представляете, в таком виде я появлюсь в Париже? Да меня никто не узнает! — Жерар вертится перед зеркалом, прищелкивает языком.

— Божественно, — говорит Даниэль. — Ты словно сошел с картины Рембрандта!

...И вот они все сидят за столом, в костюмах и белых рубашках, молча едят, пьют вино. Медсестра, одетая в блестящее платье с глубоким вырезом на груди, подает на стол блюда.

— За свободу! — орет Жерар и чокается со всеми. — Признайтесь, сукины дети, раньше вы даже не подозревали, что это такое!

Владимир и Даниэль пьют молча, сосредоточенно едят.

— Что вы носы повесили, не понимаю? — удивляется Жерар, глядя на них. — Или вы не рады победе, сукины дети?

— Рады... — вздыхает, не поднимая головы от тарелки Даниэль.

— Мы теперь спокойно можем отправиться по домам! Я — в Париж! Даниэль — в свою Польшу, а ты — в Россию!

— Да нет, не могу я отправиться в свою Россию, — усмехается Владимир. — Я был разжалован и воевал в штрафбате... и попал в плен... Какой теперь дом? Боюсь, что когда я появлюсь в России, то поеду не домой, а значительно дальше...

— За что тебя разжаловали? — после молчания спрашивает Жерар.

— За невыполнение приказа... — нехотя отвечает Владимир. — Меня послали прикрывать бомбардировщики, чтобы атаковать железнодорожную станцию... На станцию мы не прорвались, четыре машины сожгли и мы вернулись ни с чем...

— Нд-а-а... — Жерар озабоченно скребет в затылке.

— Ладно, плевать, — через силу улыбается Владимир. — Где наша не пропадала!

— А ты, Даниэль? — вновь спрашивает Жерар.

— В Польше хозяйничают русские... Они предали поляков, чтобы потом захватить Польшу... Мне там делать нечего!

— Еще одно слово про русских! — Владимир с силой бьет кулаком по столу. Звенят хрустальные фужеры, подпрыгивают тарелки.

— Да, предали! — повышает голос Даниэль и с ненавистью смотрит на Владимира. — Когда в Варшаве началось восстание патриотов, ваши танки стояли на берегу Вислы и ждали! Смотрели, как немцы уничтожали Варшаву и поляков!

— А где вы были, храбрые вояки, когда немцы уничтожали Киев и Харьков? Когда от Минска остались одни развалины? Отсиживались в Лондоне со своим вшивым правительством!? — Владимир вскакивает, сжав кулаки. — Лучше заткнись или я набью тебе морду, патриот паршивый!

Жерар отталкивает Владимира, загораживает собой Даниэля:

— Да вы что, сукины дети, с ума сошли! Меня всегда удивляли эти славяне! Как сойдутся, тут же наскაკивают друг на друга, как бойцовые петухи! Ну, хватит, хватит, а то я вам обоим набью морду и свяжу! Будете лежать тихо, а я вам буду подавать вино и еду. С ложечки, ха-ха! — он силой усаживает их за стол.

Некоторое время в тишине они едят. Постукивают о тарелки ножи и вилки. Владимир пьет вино и морщится, плюет на пол.

— Я не могу больше пить эту дрянь, — он встает из-за стола. — Я поехал в город. Достану шнапса или спирту.

— А если тебя схватят? — спрашивает Жерар.

— Кто? — усмехается Владимир и сует в карман пиджака пистолет. — В городе американцы...

— Он прав... — Жерар некоторое время раздумывает. — А что, ребята? Прогуляться в город было бы совсем неплохо! "Майбах" на ходу!

...Они все забрались в просторный "майбах". Владимир сел за руль, включил фары. Ревет мотор и машина прыгает с места, несется по ровной дорожке, посыпанной битым кирпичом. Скоро они выезжают на шоссе. Два луча от фар упирались в глухую темноту, ровно гудит мотор.

— У меня такое чувство, будто я снова за штурвалом самолета, — усмехается Владимир.

— Умоляю, осторожнее, — Жерар сидит рядом с ним. — Ты везешь живых людей!

— Сколько до города, фройлен? — спрашивает Владимир.

— Примерно полчаса езды, — с заднего сиденья отвечает девушка.

Даниэль сидит рядом с ней, обнимает за плечи, иногда целует в распущенные, светлые волосы.

— Интересно, трупы на дороге уже убрали или нет? — будто про себя спрашивает Владимир.

— Хватит тебе о трупах! — умоляющим голосом просит Жерар. — Мы едем в город за спиртом и шнапсом! Как до войны!

— А если нарвемся на патруль? — спрашивает Даниэль. — нас могут арестовать.

— Если уж мы смылись из лагеря, то от американцев удрать — раз плюнуть! — хвастливо отвечает Жерар.

Неожиданно в ночной тишине слышатся странные, гудящие звуки. Владимир резко нажимает на тормоз. Даниэля и медсестру швыряет вперед, Жерар стучается лбом о стекло, ругается:

— Черт тебя подери, ты что, ездить не умеешь?

Владимир, не обращая на него внимания, вылезает из автомобиля, останавливается на дороге, подняв голову к черному, звездному небу. Оттуда слышен ровный, густой гул летящих самолетов, видны движущиеся красные точки.

— Самолеты... — шепчет Владимир. — Бомбардировщики...

Рядом с ним останавливается Жерар, тоже смотрит на небо, слушает:

— На восток пошли, — говорит он. — Ладно, поехали!

...В городке, куда они въехали, было темно и тихо. Дома с черными провалами окон, нигде ни огонька.

— Фью-иты! — присвистывает Жерар. — Да тут, как на кладбище!

— Где тут ресторан, фройлен? — спрашивает медсестру Владимир. — Или пивная... или что-нибудь в этом роде?

— Я не знаю, — пугается медсестра. — Я никогда не ходила в рестораны...

— А где ты живешь? — спрашивает Жерар.

— На Берлинерштрассе. Это совсем близко. Третья улица направо.

Впереди показывается освещенное здание. У подъезда стоят американские джипы и виллисы, прохаживается часовая. Из раскрытых окон слышны музыка, голоса, смех.

Они проезжают мимо, чуть сбавив скорость.

— Веселятся, — глядя на освещенные окна, с завистью говорит Жерар.

Они опять сворачивают на глухую темную улицу и вновь впереди показывается большое, освещенное здание.

— Это госпиталь, — говорит медсестра.

Неожиданно из-за угла госпиталя выходит навстречу "майбаху" патруль. Трое солдат и офицер. Они загоражи-

вают машине дорогу. Офицер машет зажженным фонариком, приказывая остановиться.

— Влипли, — говорит Жерар.

Офицер подходит к машине, спрашивает по-английски.

— Кто такие? Документы?

— Мы заключенные... из концлагеря, — по-немецки отвечает Владимир. — Мы были в плену... работали на подземном заводе...

— Документы, — хмурится офицер и его рука ложится на кобуру пистолета.

— Нету у нас документов, — из машины выбирается Даниэль, он говорит по-английски. — Мы позавчера бежали из лагеря... Я — поляк, понимаете? Он — француз, а он — русский, понимаете?

Владимир тоже вылезает из машины, становится рядом с Даниэлем.

— Документы, черт вас возьми! — ругается офицер и вытаскивает пистолет. Солдаты снимают с плеч автоматы. Один подходит к Даниэлю и кладет ему руку на плечо, мотает головой:

— Пошли, парень.

— Майкл, убей меня Бог, это переодетые СС! О, с ними еще женщина, — говорит другой.

— Пошли! — первый солдат дергает Даниэля за плечо.

— В машину! — кричит Владимир и бьет офицера в подбородок. Точный, сильный удар. Офицер, охнув, падает на мостовую. А Даниэль уже сцепился с солдатом, пытается повалить его на землю.

Двое других американцев вскидывают автоматы, но стрелять не могут, потому что их товарищ борется с Даниэлем. Медсестра вскрикивает от страха и прикусывает себе руку. Жерар молча тянет руку на заднее сиденье, берет автомат. Владимир бросается к машине, впрыгивает в нее. Офицер в это время поднимается с земли, сплевывает кровь с разбитой губы и кричит солдатам:

— Возьмите хотя бы одного!

Все трое солдат наваливаются на Даниэля. Тот отчаянно отбивается от них, кричит по-английски:

— Я же поляк, идиоты! Поляк!

Офицер стреляет по машине. Владимир пригибает голову и пуля пробивает над ним ветровое стекло.

Солдаты валят Даниэля на землю, начинают бить тяжелыми шнурованными ботинками с толстой рубчатой подошвой. Пронзительно кричит медсестра. Один солдат скидывает автомат, кричит товарищам:

— Разойдитесь! Я прикончу эту тварь! Разойдитесь!

И тогда Жерар полоснул из автомата по солдатам. Тот, который хотел стрелять, переломился пополам, ткнулся лицом в лежащего Даниэля. Поляк с трудом поднимается, прикрываясь убитым американцем, пятится к машине. Падает в открытую дверь на заднее сиденье, отпихнув от себя мертвого солдата. Машина взвизгивает протекторами по влажному булыжнику, прыгает с места вперед и несется на сумасшедшей скорости.

Сзади слышатся крики, треск автоматных очередей. Видно, как от здания госпиталя бегут американские солдаты. Двое прыгают в “виллис”, заводят мотор. Через секунду машина несется в погоню.

Владимир наугад сворачивает в узкие переулки, проскакивает перекрестки. Он будто слился с машиной в одно целое и глаза, не отрываясь смотрят в темноту. Вот он чуть притормаживает и с ходу сворачивает в глухую подворотню, резко тормозит. “Майбах” останавливается, едва не врезавшись в чугунные, узорчатые ворота.

Владимир выключает мотор. Становится тихо. В тишине через некоторое время слышится рокот автомобильных моторов и мимо подворотни, мазанув по стенам светом от фар, проскакивают один за другим два “виллиса”. Машины удаляются и, наконец, рокот моторов совсем стихает. Владимир включает зажигание, задом выезжает из подворотни, разворачивается в другую сто-

рону. “Майбах” вновь с ревом мчится по темным улицам, сворачивает в переулки.

— Хорошо мы выпили шнапса, — мрачно острит Даниэль. — До сих пор ощущаю во рту его вкус.

— Слушайте, а что теперь делать? — растерянно спрашивает Жерар.

— Уносить ноги, — жестко усмехается Владимир. — Мы убили солдата. Такое не прощается.

— Я убил, — твердо выговаривает Жерар.

— Неважно кто, — отвечает Владимир. — Мы убили. Американцы разбираться не станут, не то сейчас время. Поставят к стенке и точка.

— Я же кричал им, что я поляк! — возмущается на заднем сиденье Даниэль. — Что мы пленные из концлагеря!

— Если б у тебя на лбу было написано, что ты поляк, они все равно бы не поверили, — вновь усмехается Владимир. — Теперь главное выбраться из этого чертова городка!

— Надеюсь, тебе больше не хочется шнапса? — язвительно спрашивает Жерар.

— Хочется, — хмурится Владимир. — И я его достану.

— Здесь я живу, — вдруг негромко говорит медсестра.

“Майбах” резко тормозит. Становится тихо и все сидят неподвижно и молчат.

— До свидания, — дрожащим голосом говорит девушка. Кажется, она сейчас заплачет.

— До свидания, мадемуазель, — улыбается ей Жерар. — Надеюсь, мы успели понравиться друг другу.

— Не поминай лихом, сестричка, — Владимир оборачивается, улыбается ей, протягивая руку.

— Мы бы взяли тебя с собой, но... — Даниэль с трудом подбирает слова. — Неизвестно, что теперь будет дальше...

— Я понимаю, — покорно соглашается она и вдруг порывисто обнимает Даниэля, целует его, шепчет ему на ухо: — Я успела вас всех полюбить... А тебя... тебя навсегда...

Даниэль гладит её по плечам, пытается улыбаться.

— Дай вам Бог счастья. Я буду молиться за вас, — она выбирается из машины, медленно идет к темному подъезду. Открыв дверь, оборачивается. “Майбах” медленно трогает с места и все трое машут ей на прощание руками...

...В американской комендатуре переполох. Сержант торопливо отстукивает по телеграфу. “Всем постам и контрольно-пропускным пунктам. Неизвестными совершено нападение на американский патруль. Один солдат убит. Неизвестных четверо. Трое мужчин и женщина. Машина марки “майбах”. Рядом с телеграфным аппаратом сидит офицер патруля, платком вытирает кровь с разбитой губы.

И вот уже по всем американским армейским пунктам сообщают по полевому телефону. “Неизвестными лицами совершено нападение на американский военный патруль. Неизвестных четверо. Трое мужчин и одна женщина...”

...Утро. Пустынное шоссе. В придорожном кустарнике укрылся за свежей зеленью “майбах”. Владимир, Даниэль и Жерар спят в машине, скорчившись от утреннего холода. Первым просыпается Жерар, потягивается, зевает:

— Где мой утренний кофе, господа?

Просыпается Владимир, ладонями трет лицо, оглядывается на Жерара, улыбается:

— Кажется, вчера неплохо повеселились, а?

— Все было бы прекрасно, если б не эти проклятые янки, — ворчит Жерар.

— Черт, ужасно хочется выпить, — вздыхает Владимир.

Даниэль молча достает из-под сиденья бутылку “мозельского”:

— Я так и думал, что тебе понадобится, — говорит он.

— Елки-палки, ксендз! — восхищается Владимир. — Ты настоящий товарищ! — берет бутылку, откупоривает ее, пьет из горлышка. — Нет, ты просто свой в доску парень!

— Пожалуйста, не называй меня больше ксендзом, — просит Даниэль.

— Поехали! — Жерар хлопает Владимира по плечу.

— Куда?

— Действительно, куда? — вдруг задумывается Жерар. — Можно ехать на восток, до Дрездена.

— Там русские, — говорит Даниэль. — И его, и меня сразу зацапают.

— А если двинуть на Париж? — спрашивает Владимир.

— Там американцы. Нас уже наверняка ищут, — вздыхает Жерар и взрывается: — Черт возьми, только вчера мы были свободны, езжай куда хочешь, а сегодня никуда нельзя! — Он опять раздумывает и, наконец, решает: — Вот что, сукины дети, мы едем в Вену! Отсюда самая короткая дорога! В Вене я знаю каждый закоулок!

— Но там тоже американцы! — говорит Владимир.

— Там и русские, и французы, — отвечает Жерар. — Там мы сунемся во французскую миссию и они нас выручат! Хватит раздумывать, едем!

Владимир включает зажигание, задом выезжает на шоссе, разворачивается и через секунду “майбах” на скорости мчится по пустынному утреннему шоссе.

— Кстати, Вену совсем не бомбили, — говорит Даниэль.

— Это значит, кабаки и прочие увеселительные заведения целы! — улыбается Владимир. — Вот где мы погуляем на славу!

...Придорожный фольварк. Домик-коттедж за проволочной оградой, дальше видны аккуратные сараи под

красной черепицей, еще какие-то хозяйственные постройки. У ворот стоят женщина и овчарка. Женщина смотрит на машину.

— Притормози! — просит Жерар, и Владимир выгруливает и тормозит совсем рядом с женщиной и собакой.

Жерар высовывается из машины, длинными ручищами хватает собаку за шею и задние ноги и втаскивает в машину.

— Только собаки нам не хватало, — хмурится Владимир. — На кой черт она тебе нужна?

Жерар улыбается, глядя на овчарку. Он так властно стиснул ее своими ручищами, что собака сразу почувствовала в нем хозяина, вдруг лизнула его в плечо, завиляла хвостом.

— Вы видите, сукины дети! — смеется Жерар. — Она признала во мне хозяина! Могу поспорить на что угодно, что это очень умная собака! Настоящая добрая собака! — он гладит ее, треплет за уши. — Я с детства обожал собак... В квартале, где я жил, все беспризорные собаки ходили за мной толпой!

Женщина спряталась за оградой и оттуда грозит кулаком:

— Негодяи! Грабители! Как вам не стыдно!

— Надо ей что-нибудь заплатить, — говорит Даниэль.

— Но у нас ни гроша нет, — отвечает Владимир.

Даниэль вытаскивает из-под сиденья три бутылки вина, несколько пачек сигарет, вылезает из машины и кладет все у ворот.

Машина трогается. На ходу Владимир отхлебывает из горлышка вино, одной рукой держит руль. Потом говорит:

— Зачем ты взял собаку! После лагеря мне хочется перестрелять всех собак!

— Мне тоже, — говорит Даниэль.

— Вы злобные людишки! — Жерар гладит овчарку, улыбается. — Это замечательная, умнейшая собака...

Некоторое время они едут молча, каждый думает о чем-то своем. Овчарка, привстав на передних лапах, смотрит в боковое стекло. Жерар продолжает гладить, улыбается.

— Жрать хочется, — вздыхает он. — Неужели по дороге не будет какой-нибудь пивной?

— У нас нет денег, — говорит Даниэль.

— Деньги не проблема, — отвечает Владимир. — Хуже то, что нам теперь нельзя попадаться на глаза американцам.

— Плевал я на американцев! — злится Жерар. — Я три года просидел в концлагере, пока они чухались со своим вторым фронтом! Я хочу жить и буду жить всем назло!

— Золотые речи! — улыбается Владимир и вновь отхлебывает из горлышка вино.

...В пивную, стоящую на обочине шоссе, к вечеру заходят трое небритых мужчин в пропыленных костюмах. Один из них босиком и в смокинге. В пивной пусто. Два дряхлых старика сидят в углу у окна, потягивают пиво. Толстый, обрюзгший хозяин протирает тряпкой столы. Владимир жестом подзывает хозяина к себе. Тот подходит, разводит руками:

— Очень сожалею, господа, но пива нет.

Владимир показывает ему пять пачек сигарет, говорит:

— Нам нужно что-нибудь перекусить.

Хозяин усаживает их за пустой столик, приносит на тарелке большой кусок холодного мяса, полбуханки темного хлеба.

— Это все, чем я могу угостить вас, — вздыхает хозяин. — Сами знаете, какие сейчас времена.

— А свежего мяса у тебя нету? — спрашивает Жерар.

— Нет, господа, нет! — мотает головой хозяин.

Жерар кладет на стол еще две пачки сигарет. Хозяин быстро забирает их, пожимает плечами:

— Сейчас посмотрю. Может, что-нибудь найду.

— Бензоколонка далеко? — спрашивает Даниэль.

— Полчаса по шоссе.

— Там кто? Американцы, французы?

— Кажется, американцы, господа... Если у вас плохо с документами, то лучше не соваться.

— А у тебя бензина нету? — спрашивает Жерар.

— Что вы, господа, откуда? — разводит руками хозяин.

— Сколько еще до Вены?

— Точно не знаю. Кажется, километров триста.

...И вновь "майбах" мчится по шоссе. Два длинных луча света от фар упираются в темноту. Жерар на заднем сиденье кормит собаку из рук мясом.

— Самим нечего жрать, а он кормит собаку мясом, — говорит Владимир.

— Приедем в Вену, я накормлю вас там до отвала! — отвечает Жерар.

...К пивной в это время подъезжает "виллис" и в пивную вваливаются четверо американских солдат.

— Пива! — требует сержант и толстый хозяин суетится за стойкой, наполняя кружки пенящимся пивом.

— Подозрительных лиц не было? — спрашивает сержант.

— Что вы имеете в виду под подозрительными лицами? — в свою очередь спрашивает хозяин пивной.

— Трое мужчин и женщина не заезжали? — сержант грозно смотрит на хозяина. — Трое мужчин в штатском? На машине марки "майбах"?

— Нет, господа, никого не было, — пожимает плечами хозяин. — Такое время, что все предпочитают сидеть дома...

...В Вену они въезжают днем. По улицам спешат автомашины, больше военные грузовики, штабные “виллисы” и “джипы”. Видны открытые двери магазинов, витрины, полные товаров, очереди покупателей.

Жерар вертит головой по сторонам, на лице ни с чем не сравнимое удивление. Открыты маклерские конторы, какие-то непонятные офисы, рестораны и кафе, ювелирные магазины. И везде толкуются покупатели, штатские, американские, французские, английские и русские солдаты.

— Боже мой, как будто вовсе не было войны, — изумляется Жерар. — Уверен, что даже публичные дома открыты! Вена — есть Вена! Золотой город!

Они проезжают мимо ресторана под открытым брезентовым навесом.

— Жареным мясом пахнет! — потянув носом, говорит Даниэль.

— Ты, кажется, обещал накормить нас до отвала? — напоминает Жерару Владимир.

— Запаситесь терпением, сукины дети! — отвечает Жерар. — Я знаю тут тихое местечко. Там мы можем раздобыть немного денег, чтобы купить мне ботинки. Не могу же я ходить в смокинге и босиком.

— Каким образом мы раздобудем денег? — спрашивает Владимир.

— Мне дадут займы. Главное, слушайте меня и задавайте поменьше дурацких вопросов. Сворачивай направо, потом после перекрестка налево...

Они останавливаются напротив большого, трехэтажного универмага. Жерар выглядывает из машины, окидывает его изучающим взглядом:

— Так... все на месте... как будто и не было никакой войны... На третьем этаже кабинет хозяина.

— Ты что, знаком с ним? — спрашивает Даниэль.

— Я в Вене со всеми знаком, — отвечает Жерар.

— Неужели он даст тебе займы денег? — с сомнением произносит Даниэль. — Я что-то сильно сомневаюсь.

— Откуда вам знать, что такое Запад? — усмехается Жерар. — Поехали и я на ходу расскажу вам, как надо жить, чтобы не умереть с голоду в этой проклятой Вене.

...На Жераре поверх смокинга надета брезентовая куртка рабочего. Из карманов куртки торчат мотки проволоки и электрического шнура, отвертки и плоскогубцы. Он стоит на стремянке на лестничной площадке третьего этажа и ввинчивает в плафон лампочки. Отсюда виден коридор третьего этажа и массивная дверь с медной табличкой: "ДИРЕКТОР".

Пролетом ниже, между вторым и третьим этажом, стоят Даниэль и Владимир и смотрят на Жерара. А еще ниже — торговые залы магазина, где толпится и снует самый разный народ, слышится неумолчный, словно рокот морского прибоя, человеческий разноязыкий говор.

— Что так долго? — нетерпеливо спрашивает Даниэль и рукавом вытирает испарину со лба. — Может, они сегодня не придут?

— Раз Жерар сказал, что придут, значит, придут, — отвечает Владимир, глядя вверх.

Вдруг слышно, как внизу хлопнула дверца лифта и через секунду кабина медленно пошла вверх. Жерар смотрит вниз, на Владимира и Даниэля, подмигивает им.

Лифт останавливается, открываются двери и на площадку выходят двое мужчин с черными саквояжами и двое полицейских. Мужчины с саквояжами проходят в коридор и оттуда в кабинет директора, а полицейские застывают возле открытой двери лифта.

Несколько минут спустя мужчины с саквояжами выходят из кабинета директора, идут к лифту, заходят в кабину. Полицейские входят в кабину следом за ними и в это мгновение Жерар роняет со стремянки лампочку. Она разбивается с громким хлопком и Даниэль с Владимиром прыжками несутся вверх по лестнице, влетают в кабину лифта, и Владимир наставляет на них пистолет, командует:

— Руки!

Полицейские оторопело молчат, медленно поднимают вверх руки. Даниэль выдергивает из рук мужчин два черных саквояжа, и Владимир, и Даниэль выскакивают из лифта. Владимир нажимает кнопку, захлопывает дверь. Кабина лифта с ограбленными инкассаторами медленно спускается вниз, а Жерар, Владимир и Даниэль прыжками через несколько ступенек бегут вниз по лестнице. Лифт еще был где-то между третьим и вторым этажом, когда все трое выскакивают из магазина и неторопливым шагом идут к “майбаху”, садятся в машину. Собака радостно скулит, встречая Жерара. Владимир выжимает сцепление, давит газ. “Майбах” срывается с места, на бешеной скорости мчится по улице, сворачивает в переулок, визжа тормозами, распутивая прохожих.

— Ха-ха-ха! — оглушительно смеется Жерар и треплет собаку за уши. — Учитесь, сукины дети! Я давно придумал эту штуку, еще до войны! Мы с моим приятелем-летчиком заходили в этот магазин в тридцать пятом году! И смотрите, в нем ничего не изменилось до сих пор!

— Запомни, Жерар, это первый и последний раз, — жестким тоном говорит Даниэль.

— Конечно последний раз, разве я спорю? — с готовностью соглашается Жерар. — Нет, как ловко все получилось, а? Любой американский гангстер мог бы нам позавидовать! Слушайте, мы теперь богачи! Мы снимем шикарный номер в отеле и будем жить, как люди! И моя собака будет жить, как человек!

...А в магазине паника. В кабинете директора сидят полицейские, представитель американской военной администрации. Директор магазина в гневе. У дверей стоят перепуганные насмерть двое инкассаторов и полицейские, сопровождавшие их.

— Это безобразие, господа! Вся дневная выручка! — кричит владелец магазина. — В городе полно солдат четырех великих держав, и вы не можете навести порядок! Вся дневная выручка, кошмар!

— Успокойтесь, сэр, — холодно говорит офицер американец. — Мы примем необходимые меры.

— Там свидетели дожидаются, господин капитан, — говорит один из полицейских. — Что прикажете делать?

— Пригласите, — отвечает американец.

В кабинет директора входит высокий, худой старик в очках и с увесистой палкой. Шея замотана клетчатым шарфом.

— Вы видели преступников, когда они вышли из магазина? — спрашивает капитан-американец.

— Да. Их было трое. Один нес в руках два черных саквояжа.

— Куда они пошли?

— Они никуда не пошли, господин капитан. Они сели в машину и уехали.

— Марку машины вы не заметили?

— Почему же не заметил? Конечно, заметил. Машина марки “майбах”. Очень хорошая машина, только в ветровом стекле две пулевых пробоины.

— “Майбах”?! — вскидывает голову капитан. — А женщины в машине не было?

— Нет. В машине сидела собака, господин капитан. Порода — немецкая овчарка.

— Вы что-то путаете, сэр? — капитан с сомнением смотрит на старика. — Если это та машина, которую мы ищем, то в ней должна быть женщина.

— Я не знаю, какую машину вы ищете, господин капитан, но в той машине, о которой я говорю, сидела немецкая овчарка.

— Вы не могли ошибиться?

— Конечно, я пожилой человек, но пока в состоянии отличить женщину от собаки, — с достоинством отвечает старик.

...Жерар, Владимир и Даниэль идут по коридору отеля. Перед ними семенит пожилой, низкорослый портье и медленно, величественно ступает владелец отеля — сухопарый, седовласый господин в черном костюме. Портье останавливается перед дверью в номер, гремит связкой ключей, открывает дверь:

— Прошу вас, господа. Это один из лучших номеров в отеле.

В открытую дверь видна огромная комната, заставленная старой черного дерева мебелью. Широкие кресла, диваны, ковры на полу. Дальше видны двери в другие комнаты, в спальню и ванную.

— Нам нужен самый лучший, — оглядываясь, говорит Жерар.

— Это недешево стоит, господа, — вежливо улыбается портье. Сухопарый владелец отеля молчит.

— Сколько? — спрашивает Жерар,

— Шестьсот марок в день, господа.

— Дружище, заплати ему, сколько нужно, — Жерар обращается к Владимиру. Тот молча достает толстую пачку банкнот, небрежно протягивает портье. Владелец отеля ошупывает пачку глазами, впервые нарушает молчание:

— Могу предложить самый лучший номер. В нем останавливался сам Гиммлер, когда приезжал в Вену, — последние слова владелец отеля произносит почти шепотом и первым выходит из номера, идет величественно дальше по коридору, устланному темно-вишневой ковровой дорожкой. Трое друзей и портье следуют за ним.

— Совсем забыл, — говорит Жерар. — С нами еще собака. Чудесное, добродушное животное.

Портье забегает чуть вперед, косится на сухопарого владельца отеля, как быть с собакой? Тот, чуть помедлив, едва заметно кивает головой.

— Ну, кто же будет возражать, если господа так любят животных, — угодливо улыбается толстяк-портье. — Но за пребывание животного в отеле платить придется больше. Я сожалею, господа, но таковы правила.

— Дружище, заплати ему, — величественно роняет Жерар.

Владимир достает из кармана пиджака еще одну пачку банкнот, протягивает ее портье. Тот хватает пачку на лету, а Владимир едва слышно ворчит:

— Кончится тем, что я отправлю эту подлюку тварь...

Вдруг владелец отеля останавливается, смотрит на Жерара, Владимира и Даниэля:

— Простите, господа, вы все будете жить в отеле?

— Разумеется, — отвечает Жерар.

— И все в одном номере? — едва заметная усмешка трогает сухие губы владельца отеля.

— Нет, дружище, мы не педерасты, — в ответ тоже усмехается Жерар. — Нам нужно еще два номера. И не хуже.

— В которых останавливается хотя бы Риббентроп, — добавляет Даниэль.

— И Кальтенбруннер, — говорит Владимир. — И еще принесите немедленно русской водки. Распорядитесь,

дружище, — и еще одна пачка банкнот перекочевывает в руки портье.

..Когда они входят в номер и предупредительный портье закрывает за ними дверь со словами:

— Чувствуйте себя здесь как дома, господа.

Жерар тут же подбегает к массивному старинному креслу с выточенными на спине орлами, собравшись с силами, поднимает его над головой и с маху обрушивает на пол. Раздается треск дерева, у кресла отваливаются ножки.

— Что ты делаешь?! — кричит перепуганный Даниэль.

— Как что!? Хочу почувствовать себя хозяином в этой паршивой конуре! Тем более, что на кресле, наверное, сидел Гиммлер! — Жерар обеими ногами с силой прыгает на широкую кровать. С хрустом подламываются ножки, лопаются пружины. — И, наверное, он спал на этой кровати! И уж, конечно, пил из этих фужеров, чтоб ему на том свете было тошно! — С этими словами Жерар колотит об стену тяжелые, хрустальные фужеры. Хрустальные осколки разлетаются в стороны с мелодичным звоном.

— Ах, как звенят, как звенят! — мечтательно прикрыв глаза, говорит Жерар. — Настоящий венский хрусталь!

Владимир хохочет, глядя, как беснуется Жерар, протягивает ему огромное блюдо:

— Трахни-ка вот это! Кажется, настоящее богемское стекло!

— Давай, давай! — Жерар хватая блюдо, с силой швыряет его об стену. Прищелкивает языком: — Действительно, настоящее богемское!

— Прекратите! — кричит Даниэль. — Вы что, с ума посходили!

— За все заплачено! — со смехом отвечает Владимир.

...Когда портье в сопровождении официанта с подносом, на котором стояли бутылки водки и тарелки с разной закуской, появились в номере, у портье едва не отвалилась челюсть. Можно было подумать, что тут прошло стадо быков. Портьеры на окнах были порваны, переломаны кресла, побита посуда. На сломанной широкой кровати лежал, раскинув руки, Жерар и кричал:

— Что еще можно сломать в этом борделе?! Владимир, придумай, что еще можно сломать! У меня руки чешутся!

— О, перекур! — Владимир кидается к официанту, наливает из бутылки в фужер водку, залпом выпивает, хватая с тарелки руками ломти колбасы, жует, успокаивает портье. — Не волнуйтесь, дружище! Просто нам некуда девать силы и мы решили немного повеселиться. Имеем мы право повеселиться после этой проклятущей войны?

— Конечно, господа... — растерянно бормочет портье. — Но... мебель... это дорогая мебель...

— Мы понимаем, на ней сидел сам Гиммлер и другие разные суки. А теперь тут мы хозяева. Ведь за все заплачено, не правда ли? — с этими словами Владимир достает еще одну пачку банкнот, сует ее портье. — Выметайтесь отсюда, дружище, не мешайте нам веселиться! Давай, давай, шевели ногами! — он подталкивает портье и официанта к двери, захлопывает ее...

...В ресторане дымно и шумно. Больше всего галдят американские солдаты, расположившиеся за несколькими столиками недалеко от эстрады. Дальше столики с французами, в углу — четверо русских офицеров. Через плечо у одного висит на красной ленте гитара. На эстраде поет моложавая женщина, белокурая, в длинном серебряном платье с разрезом почти до пояса, так что мелькает белое, голое бедро. На лице ее морщины преждевременной усталости и только когда она улыба-

лась, из глубины души всплывала придавленная годами трудной, неустроенной жизни, красота.

Жерар, Владимир и Даниэль входят в ресторан, глазами ищут свободный столик. Затем Жерар пальцем манит к себе метрдотеля, что-то говорит ему на ухо, сует деньги и тот ведет их через зал к свободному столику, тут же приказывает что-то официанту и тот, кивнув головой, торопливо уходит. Жерар, Владимир и Даниэль сидят за столом, осматриваются.

— Вон русские офицеры, — говорит Владимир. — Два лейтенанта и капитан... А я бы теперь, наверное, был бы уже майором... или подполковником...

— Ты теперь — свободный человек! — ухмыляется Жерар. — Гражданин мира!

— Грабитель и убийца, — язвительно добавляет Даниэль.

— Ты тоже далеко от меня не упрыгал, — парирует Владимир.

— Да... — задумчиво соглашается Даниэль. — Одной веревочкой повязались...

— Слушайте, а певичка ничего! — сообщает им Жерар. — Да посмотрите же, сукины дети!

Владимир смотрит на певицу и ему кажется, что она тоже смотрит на него. Она поет и улыбается, и плавно раскачивается над сценой, и маленький оркестр за ее спиной старается вовсю, и французские солдаты восхищаются больше всех, кричат, аплодируют, кто-то швыряет под ноги певице букет фиалок, и она грациозно поднимает их, посылает французам воздушный поцелуй, и продолжает петь.

— Веселый народ австрийцы, — грустно улыбаясь, говорит Даниэль. — Была война, не было войны, они веселятся и никаких гвоздей. Не то, что мы...

— У нас была война, — поправляет его Владимир, продолжая глядеть на певицу. — Жерар, как ты думаешь, у нее красивый голос?

— Замечательный! — с готовностью восхищается Жерар и подмигивает Даниэлю, незаметно кивая на Владимира. — У нее голос настоящей оперной певицы! А фигура, как у греческой богини!

— Да? — Владимир вопросительно смотрит на него.

— Неужели я похож на торговца, который хочет всучить тебе порченный товар? — обижается Жерар.

Владимир встает и идет между столиков к эстраде.

— Как бы мы опять не влипли в историю, — озабоченно говорит Жерар, глядя ему вслед.

— Ничего не поделаешь, — грустно усмехается Даниэль. — Мы теперь все время будем из-за него влипать в истории. Сердце чувствует.

Владимир некоторое время ждет, глядя в упор на певицу. И она теперь смотрит на него, улыбается. Вот она кончает петь песню и во время короткой паузы, когда гремят аплодисменты и солдаты кричат: “Браво!”, Владимир спрашивает:

— Простите, фройлен, вы умеете петь по-русски?

— Да... — чуть смутившись, отвечает певица. — Я знаю несколько русских песен.

— Каких?

— Ну... “Калитку” знаю... “Катюшу”...

— Благодарю вас, фройлен, — Владимир раскланивается и возвращается к своему столику. Вид у него озабоченный.

— Как дела? — интересуется Жерар. — Договорился ты с пулеметной скоростью.

— Если б была гитара, я смог что-нибудь спеть, — говорит Владимир, выпивая полный фужер водки.

— Ты умеешь играть на гитаре? — изумляется Жерар. — Даниэль, сколько еще в этом оборванце спрятано талантов, как ты думаешь?

— Затрудняюсь даже предположить, — улыбается Даниэль.

— Гитара? — Жерар вертит головой по сторонам. — Вон у русских офицеров есть гитара.

— Я не хочу к ним подходить, — хмурится Владимир.

— Смотри-ка, в тебе еще осталась капля благоразумия. Сейчас у тебя будет гитара! — Жерар поднимается и решительно направляется к столику, за которым сидят русские офицеры. По дороге он встречает официанта, что-то приказывает ему, сует деньги.

— Господа... мой товарищ чех, — на ломаном русском языке говорит Жерар, подойдя к столику. — Он немного поет русские песни... любит петь... Можно вашу гитару? Две минуты? Я француз. Франция, Париж!

— А-а, союзник! — улыбается лейтенант и, стянув с плеча гитару, протягивает ее Жерару.

— Спасибо, — благодарит Жерар. — Виват победа! — и он уходит к своему столику, торжественно неся перед собой гитару.

Владимир берет гитару, осторожно гладит ее ладонью, потом встряхивает головой и направляется к эстраде.

— Прошу прощения, фройлен, — улыбается он, глядя на певицу. — Я готов спеть с вами "Калитку".

Певица делает рукой знак оркестру и музыканты умолкают. Становится тихо, и в этой тишине начинают мелодично и несмело звучать переборы гитарных струн и певица первая начинает негромко:

Отвори поскорее калитку...

Владимир подхватывает слова, голос у него хрипловатый и тревожный, и зал начинает невольно прислушиваться к голосам певицы и Владимира. Когда они замолкают, ресторан взрывается аплодисментами и больше всех стараются Жерар и Даниэль.

— Когда вы кончаете работать, фройлен? — спрашивает Владимир.

— К сожалению, я сегодня занята, — с извиняющейся улыбкой говорит певица.

Подлетает официант с корзиной, полной фиалок, отдает ее Владимиру, а тот в свою очередь протягивает цветы певице.

— О-о! — улыбается она. — Вы очень добры!

Владимир запикивает в корзину еще пачку денег, отчего у певицы глаза становятся вдвое больше и, не оглядываясь, идет к своему столику.

— Больше грабить магазины нам не придется! — Жерар подмигивает Даниэлю, ухмыляется во всю физиономию. — Ты будешь петь, а я буду твоим импресарио, а Даниэль будет считать деньги!

Все трое смеются. Жерар наливает в рюмки водки. Владимир немного смущен и вновь смотрит на певицу...

...Вечер. На набережной Дуная, у пристани множество небольших военных катеров, украшенных гирляндами светящихся лампочек. Рядом полыхает неоновая вывеска ресторана. У подъезда прохаживается Владимир, курит, то и дело поглядывает на двери. Подъезжают и отъезжают машины. Суетится швейцар, открывая двери. Неподалеку от Владимира стоят четверо французских солдат и черноволосый сержант с тонкими, щеголоватыми усиками. Они о чем-то переговариваются, смеются и поглядывают на двери ресторана. Они кого-то ждут.

И вот выходит певица в серебристом платье, меховая пелерина накинута на плечи. Она идет прямо навстречу Владимиру, улыбается. И Владимир растерянно смотрит на нее, говорит едва слышно:

— Фройлен..

Но певица проходит мимо него и оказывается, она смотрела не на Владимира, а за его спину, на брюнета сержанта с тонкими усиками. Он отделяется от своих товарищей, встречает певицу изящным полупоклоном, берет под руку, что-то быстро говорит, улыбаясь и жестикулируя свободной рукой.

На лице Владимира досада и разочарование. Он отшвыривает окурок и уже хочет войти в ресторан, как вдруг замечает, что остальные четверо французских солдат, подмигивая друг другу и хихикая, идут вслед за певицей и сержантом. Владимир секунду раздумывает, затем направляется за солдатами. Он идет, словно привязанный, прикуривает новую сигарету, хмурится.

Он видит, как певица и сержант спускаются по широкой бетонной лестнице на пристань. Сержант продолжает о чем-то говорить, целует певице руку повыше локтя и жестом приглашает ее войти на катер, увешанный гирляндами разноцветных лампочек. Певица кивает, послушно ступает на шаткие деревянные мостки и скоро они скрываются внутри катера. Французские солдаты, следившие за ними, негромко смеются, затем один что-то говорит друзьям и тоже убегает по мосткам на катер, исчезает внутри. И по их жестам, сальным, двусмысленным ухмылкам Владимир догадывается, что они собрались делать. Он быстро спускается с набережной по ступенькам, идет к катеру. Один из солдат, заметив его, загораживает дорогу, что-то говорит по-французски.

— Но это... нечестно, господа, — с трудом подбирая французские слова, говорит Владимир. — Дама пошла с вашим другом, но зачем второй? И вы зачем? Так даже свиньи не делают, господа!

— Что, тоже хочешь? — с улыбкой спрашивает один из солдат, высокий и носатый. — Возьмем его в компанию, а, ребята? Этот немец тоже соскучился по женщине! — и все дружно смеются, кто-то даже хлопает Владимира по плечу.

Владимир отталкивает носатого солдата и решительно направляется к катеру.

— Э-э, так нельзя! — пытается остановить его носатый. — Очереды! Понимаешь, очереди! Ты — последний! — и он вновь оглушительно смеется.

И тут Владимир резко бьет его в челюсть. Охнув, солдат падает. Остальные на мгновение теряются. Владимир бежит к катеру. У самых мостков его догоняют, хватают за плечи, бьют наотмашь по голове. Начинается молчаливая драка. Слышн скрежет башмаков по бетону, хриплое прерывистое дыхание, звуки тяжелых ударов по лицу. А из катера раздается протяжный женский крик. Владимир пытается проскочить на катер, но всякий раз на его пути вырастает кто-нибудь из солдат и драка вспыхивает с новой силой.

...Жерар и Даниэль сидят в ресторане. На эстраде гремит оркестр и несколько полуголых девиц кордебалета пляшут на сцене, высоко вскидывая обнаженные ноги.

— Папаша мой был моряк! — перекрывая рев музыки, говорит Жерар. — Я его почти не помню, он все время пропадал в море. Он погиб во время кораблекрушения в Атлантике... А мать пережила его всего на пять лет. Умерла от воспаления легких. Если б были деньги на лечение, ее можно было бы спасти. Мне тогда было четырнадцать лет. И с тех пор я — один.

Даниэль слушает его, время от времени поглядывая на дверь ресторана.

— А у тебя есть семья, Даниэль?

— Нет, — улыбается поляк. — Отец погиб в самом начале войны на границе, мать — при бомбежке, и сестра тоже... Все погибли...

— Да-а, грустно жить, когда у тебя нет никого на свете, — говорит Жерар. — Но ты знаешь, за много лет я уже как-то привык... хотя, скажу тебе честно, человеку нельзя быть все время одному. Становишься злым. А я не люблю быть злым. До войны я все ждал, что, наконец, влюблюсь по-настоящему в какую-нибудь женщину... О-о, тогда я был бы счастлив! — Жерар улыбается, прикуривает сигарету.

Даниэль вновь оглядывается на дверь ресторана, говорит:

— Мне кажется, с нашим русским другом опять что-то произошло.

— Что с ним может произойти? — пожимает плечами Жерар.

— Не знаю, что... но я чувствую...

— Хорошо! — Жерар встает. — Посиди, а я проверю твою интуицию.

...Жерар выходит из ресторана, оглядывается по сторонам. Сверкая фарами, движется поток автомашин, полыхает неоновая вывеска. Жерар подходит к "майбаху", стоящему на углу улицы, открывает дверцу, и к нему бросается собака, виляет хвостом, лижет руки. Жерар с улыбкой гладит ее, говорит негромко:

— Что, собака? Скучно тебе одному? Ну, ничего, дружище, скоро мы поедем домой. Я тебя накормлю мясом...

Мимо Жерара пробегает несколько французских солдат и он слышит, как один говорит другому:

— Кажется, там наши дерутся!

Жерар захлопывает дверцу автомашины, торопится вслед за солдатами. Подойдя к пристани, он видит внизу, у катера, драку.

— Владимир? — кричит Жерар. — Ты здесь?

— Здесь! — отзывается из клубка сцепившихся, дерущихся людей Владимир.

Жерар в три прыжка слетает вниз и кидается в драку. От тяжелых, чугунных ударов солдаты падают в разные стороны. На Жераре трещит смокинг. Кто-то прыгает сзади ему на спину, но он сбрасывает человека, кричит:

— Черт возьми, я ведь тоже француз, негодяи! Остановитесь!

Но к французским солдатам подоспела помощь и драка не утихает.

Даниэль сидит в ресторане, ждет. Все время поглядывает на дверь. Наконец не выдерживает, встает и быстро направляется к выходу. В зале продолжает греметь музыка. Он проходит мимо столика с русскими офицерами, отдает лейтенанту гитару, говорит с улыбкой:

— Спасибо!

— Эй, друг, выпьем! — предлагает капитан. — Твой приятель здорово поет по-русски! Передай ему привет!

— Спасибо!

Даниэль выходит из ресторана, направляется к “майбаху”. Уже издали он видит, как в машине беснуется овчарка. Она бьется мордой и лапами о стекло, скалит клыки, рычит и хлопья пены падают с морды на обшивку сиденья.

— Что с тобой, псина? — спрашивает Даниэль.

Овчарка громко лает, царапает когтями стекло. Даниэль оглядывается по сторонам, затем открывает дверцу машины. Овчарка пулей выскакивает из машины, мчится по набережной к пристани. Даниэль бежит за ней, кричит:

— Стой! Куда ты, черт тебя возьми! Стой!

Овчарка влетела на пристань и с глухим, грозным рычанием бросилась в самую гущу дерущихся. Вот она впиивается одному солдату клыками в плечо и тот с истеричным криком отскакивает в сторону.

— Собака! С ними собака!

А овчарка, словно фурия, вертится среди французских солдат, сбивает их с ног, бьет клыками налево и направо. С криками солдаты начинают разбегаться.

— Что сукины дети, получили! — громко хохочет Жерар и с маху бьет какого-то солдата в челюсть. Тот летит с пристани в воду, с шумом поднимается фонтан черной воды.

— Тыловые крысы! — издали кричат французские солдаты. — Если б не собака, мы бы вам показали!

— Ах, ты моя собака! — Жерар приседает на корточки, обнимает овчарку, нежно гладит ее. Собака тяжело дышит, торопливо лижет кровавые ссадины на лице Жерара.

— А здорово мы их!? — Жерар оглядывается на Владимира. Он тяжело дышит, костюм изорван в клочья, лицо в кровоподтеках. — Из-за кого хоть ты с ними сцепился?

— Они хотели... все изнасиловать певицу... — с трудом, переводя дыхание, отвечает Владимир.

— А ты не верил в мою интуицию, — улыбается Даниэль. — Жаль, я опоздал.

— Н-да-а,— качает головой Жерар. — Мои дорогие соотечественники оказались порядочными свиньями.

И в это время из катера вновь раздается женский крик.

— Ах, суки! — вздрагивает Владимир и бросается к катеру, исчезает внутри.

Навстречу ему поспешно поднимается черноволосый со щегольскими усиками сержант. Он без берета, лицо расцарапано в кровь, галстук съехал в сторону, на военной куртке оторвано несколько пуговиц.

— Что, получил удовольствие? — спрашивает Владимир.

— Проклятая бабенка! — ругается сержант, пробегая мимо.

За сержантом показывается солдат. У него тоже расцарапано лицо, порван мундир. Владимир смеется, глядя на них, кричит:

— Жерар, посмотри на этих дон-жуанов!

— Ну-ка, песик, поторопи их! — Жерар отпускает собаку и она с лаем мчится за сержантом и солдатом.

— Уберите собаку! Я стрелять буду!

Жерар смеется, призывно свистит и собака возвращается, виляя хвостом.

— А вы ругали мою собаку, — Жерар с гордостью смотрит на Даниэля. — Это не собака! Она только писать не умеет, а в остальном ничем не хуже человека!

На палубу катера выходит певица. Серебристое длинное платье растерзано. Она оглядывается, растерянно повторяет:

— Моя пелерина... боже мой, где моя пелерина?

— Дура! — свирепо рявкает Владимир, — будешь знать, как шляться с каждым встречным! Чертова дура!

Он хватает ее за руку и тащит за собой. Он проходит мимо Жерара и Даниэля и даже не смотрит в их сторону.

— Кажется, остаток вечера мы проведем без него, — глядя им вслед, говорит Даниэль.

... В спальне полумрак. На окне проплывают неоновые отблески. Владимир курит, глядя в окно, говорит с яростью:

— Я понимаю тех, кто это делает из нужды... чтобы не умереть голодной смертью... чтобы накормить детей! Но я не понимаю когда этим занимаются просто так... ради

удовольствия! С каждым встречным! С пьяной солдатней!
Со всякими вонючими подонками!

За его спиной слышен тихий плач. Певица сидит на кровати и плачет, уткнув лицо в ладони. Она совсем раздета и обнаженное тело матово отсвечивает. Кажется, оно выточено из мрамора. И мерцающие волосы рассыпались по плечам.

— Тебе, наверное, хотелось, чтобы тебя изнасиловала вся эта бравая компания!? Как кобели в очереди к истекающей сучке! Шлюха!

— Перестань... перестань... — она качает головой, плачет.

Владимир молчит, ожесточенно курит, покуривая от окурка новую сигарету, пристально глядя в темноту.

— Ты ничего не понимаешь... — плачущим голосом говорит певица. — Ничего не понимаешь... Подойди ко мне, слышишь?

— Не хочу! — резко отвечает Владимир, — противно!

Он подходит к столику в углу спальни, наливает в фужер водки, выпивает и опять закуривает.

— Ты не понимаешь, как трудно... как невозможно жить... Я пою в ресторане каждый вечер... за пятьдесят оккупационных марок... А буханка хлеба стоит сорок пять... А у меня есть старуха-мать, которая тоже хочет есть... И я должна одеваться, чтобы прилично выглядеть, должна покупать пудру, духи и чулки... Я не знаю, кому эта война принесла больше страданий, мужчинам или нам... Я, наверное, была бы счастлива, если б меня убили на фронте... хотя очень боюсь смерти и хочу жить... Но в этом мире лучше умереть... И тогда не нужно будет каждое утро думать, как накормить мать, как купить платье и туфли, где достать духи... Боже мой, ты ничего не понимаешь... — она вновь плачет, уткнув лицо в ладони. — Ты не понимаешь, как мне противны ваши сальные похотливые рожки! Винный перегар изо рта... волосатые, жадные руки!

Владимир медленно подходит к кровати, садится и осторожно гладит певицу по волосам, по обнаженным плечам.

— Извини... — с трудом произносит он. — Я дурак... Я просто пьяный дурак...

— Ты ведь не немец. Ты плохо говоришь по-немецки... Ты кто? — спрашивает певица.

— Я русский...

— Русский? — она в страхе отшатывается от него.

— Да, русский... — грустно улыбается Владимир. — Зовут меня Володей. А тебя?

— Элиза... — вздыхает певица, поднимая голову. От слез на глазах размазалась тушь, темными полосками стекает по щекам.

— Ты замечательно пела. Ты так замечательно пела, что я сразу потерял голову, когда услышал и увидел тебя... — он обнимает ее, целует испачканные тушью щеки, в губы...

... Жерар, Даниэль и собака медленно прогуливаются по набережной. Жерар держит овчарку на поводке и говорит:

— Я решил, как мы будем жить дальше!

— Решил без нас? — улыбается Даниэль.

— А вам не надо ломать голову над этим. Все равно вы ничего не смыслите в жизни на Западе. Слушайте меня и все будет в порядке. Мы будем путешествовать! Поедем во Францию, потом в Италию, потом в Африку...

— А деньги? — перебивает его Даниэль.

— Нам будут давать займы! — подмигивает ему Жерар.— Неужели найдется на свете человек, который откажется дать займы трем таким симпатичным мужчинам? Решено? Завтра же я иду во Французскую миссию и разузнаю, как нам легче всего проехать во Францию!

— Боюсь, из этого ничего не выйдет, — грустно произносит Даниэль.

— Почему? — начинает сердиться Жерар. — Сукин ты сын! Почему ты опять повесил нос?

— Мне хочется на родину... — после молчания говорит Даниэль.

— Ты думаешь, будешь там счастлив? — осторожно спрашивает Жерар. Он теперь не веселится, лицо серьезно и глаза полны сочувствия к Даниэлю.

— Наверное, нет... — вновь после молчания отвечает Даниэль. — Но все равно хочется...

— Ну тебя к черту! — вдруг кричит Жерар. — И слушать ничего не хочу! Завтра же иду во Французскую миссию! Мы не для того три года каждый день подышали в концлагере, чтобы теперь распускать нюни! Надо теперь вот так держать жизнь! За горло! — он сжимает здоровенный кулачище и потрясает им в воздухе.

...Они лежат в постели и лунный свет освещает полутемную спальню. Владимир — на спине, с закрытыми глазами. Элиза, приподнявшись на локте, смотрит на него, гладит кончиками пальцев по лицу, обнаженной груди, осторожно целует его в лоб и щеки. Ее волосы падают ему на лицо. Она встряхивает их, улыбается счастливо и вновь целует Владимира, шепчет:

— Володя... я счастлива... Я столько раз ни разу... никогда не была счастлива... И все же Господь услышал мои молитвы, Володя...

Он вдруг открывает глаза и смотрит на нее в упор. Оказывается, он не спал и все слышал.

— Что тебе нужно, чтобы ты всегда была счастлива?

— Ты... — она смущенно улыбается, закрывает лицо распущенными волосами.

— А еще?

— Ты...

— А еще? — упорно спрашивает Владимир.

— Еще... немного... совсем немного денег, чтобы мы могли жить вместе... — она наклоняется и целует его, но Владимир не отвечает на поцелуй, так же, не мигая, в упор смотрит на нее.

— Сколько нужно тебе денег?

— Я же сказала... совсем-совсем немного...

— Сколько! — он вскакивает с постели, вытаскивает из-под кровати саквояж, раскрывает его, начинает швырять на кровать пачки банкнот. Сколько тебе нужно!? На! Бери! Все бери!

Элиза в страхе смотрит на пачки, на саквояж, на дне которого виден пистолет.

— Что ты делаешь, Володя!?

Он разгибается, тяжело дышит, выговаривает с трудом: — Извини... — идет к столику, наливает водки и долго пьет. Потом ищет в темноте сигареты, чертыхается, не может найти. Спрашивает:

— У тебя нет сигарет?

— Ты все выкурил. Ты очень много куришь и пьешь. Это так вредно для здоровья, Володя...

— И ты меня учить будешь? — усмехается Владимир и торопливо, в темноте, натягивает брюки, надевает рубашку, идет к двери. — Подожди, я скоро вернусь.

...Улица перед отелем уже пустынна. Проезжают редкие автомашины, полыхают рекламные вывески. Владимир медленно идет по улице. Спрашивает у редких прохожих:

— Прошу прощения, вы сигарет не продадите?

Прохожие испуганно прибавляют шаг, отвечая на ходу:

— Я не курю.

Другие совсем не отвечают. Владимир зябко поеживается и вдруг замечает патруль. Трое русских солдат и офицер в гимнастерке, перепоясанной широким ремнем. На груди офицера поблескивают ордена. Владимир, пошатываясь, направляется к ним.

— Ребята... здорово, ребята, - говорит он пьяноватым голосом, останавливаясь перед патрулем. — Папиросы не будет, а? Сто лет не курил папирос.

Солдаты смотрят на лейтенанта. Тот секунду медлит, потом достает из кармана широких галифе пачку "Казбека", дает Владимиру папиросу, щелкает зажигалкой. Владимир жадно затягивается, выпускает дым и вновь затягивается, затем говорит, улыбаясь:

— Вот это табак... настоящий табак, а? Вы откуда воюете ребята?

— От Сталинграда, — отвечает лейтенант.

— А какой фронт?

— Сначала Воронежский, потом третий Украинский...

— А на Кубани летом сорок второго вы были?

— Нет, — отвечает лейтенант.

— А-а, то-то и оно, что не были... А на Кубани было... интересно, ребята... оч-чень интересно... — Владимир жадно курит, стоит перед патрулем, покачиваясь, в расстегнутой на груди рубашке, с закатанными по локоть рукавами. — Спасибо, ребята...

— А вы кто?— после паузы спрашивает лейтенант.

— Как кто — пожимает плечами Владимир. — Ч-человек... Я ч-человек и больше ничего... Дайте еще папирос, а, ребята? Я заплачу, — он начинает шарить по карманам, но денег не находит.

Лейтенант вынимает из пачки несколько папирос, кладет их в карман гимнастерки, а пачку протягивает Владимиру.

— Ребята... — пьяно улыбается Владимир. — Вы золотые ребята... Жаль, вас не было на Кубани летом в сорок втором... Спасибо, ребята...

Он все так же стоит, покачиваясь и дымя папиросой, а патруль уходит по улице. Солдаты о чем-то переговариваются с лейтенантом, оглядываются на Владимира. И вдруг они резко поворачивают обратно, быстро идут.

— Эй, как вас? — на ходу спрашивает лейтенант. — Документы предъявите, пожалуйста!

— Что вы, ребята... Какие документы? — пьяно улыбается Владимир. — Откуда у меня документы? — он выворачивает пустые карманы.

— Вам придется пройти с нами в комендатуру, — говорит лейтенант, а один из солдат стаскивает с плеча автомат.

— Да вы что, ребята? — теряется Владимир и хочет уходить, но второй солдат становится у него за спиной и тоже снимает с плеча автомат.

И в это время у обочины тротуара резко, с визгом тормозит "майбах", из него выскакивает Жерар и бежит к Владимиру и солдатам. Оттолкнув лейтенанта, Жерар хватается Владимира за плечо и приставляет его к стене дома.

— Руки за голову! — командует Жерар, наставив пистолет Владимиру в затылок, и начинает обшаривать его карманы. Обернувшись к растерянным солдатам и лейтенанту, Жерар быстро говорит:

— Я инспектор английской полиции, господа! Этого человека мы давно ищем! Это опасный преступник! Спасибо за помощь, господа! В машину! Быстро! — приставив пистолет к спине Владимира, Жерар ведет его к машине, открывает дверцу и вталкивает Владимира внутрь, на заднее сиденье. Забирается сам, все так же держа пистолет перед Владимиром. Даниэль выжимает газ и машина, пыхнув отработанным бензином из выхлопной трубы,

срывается с места. Русские солдаты и лейтенант растерянно смотрят ей вслед.

— Я так и думал, так и думал, что этому сукиному сыну захочется поговорить со своими соотечественниками.

— Да убери ты пистолет, ну тебя к черту! — ругается Владимир. — Это хорошие ребята. Пришли сюда с Волги. Боевые ребята... угостили папиросами...

— Убийство американца — раз, в отеле полно денег — два! — перебивает его Жерар. — В комендатуре ты бы узнал, какие это хорошие ребята! — Жерар убирает в карман пистолет, говорит Даниэлю: — Давай в отель, я спать хочу!

Собака, сидящая на переднем сиденьи рядом с Даниэлем, часто дышит, вывалив большой, розовый язык, тоже укоризненно поглядывает на Владимира, дескать, что же ты брат, опять чуть не влип в историю.

— Сидел бы в отеле и забавлялся со своей певичкой! — ворчит Жерар.

— Я вышел за сигаретами... сигареты кончились, — оправдывается Владимир.

Они сворачивают за угол и приближаются к отелю с другой стороны. И вдруг Даниэль резко нажимает на тормоз. К подъезду отеля подкатывают две полицейские машины, из нее выскакивают полицейские и бегут в отель. Даниэль медленно отъезжает назад.

— Это за нами, — говорит он.

— Выключи фары, — приказывает Жерар. — Слушай, а твоя певичка — шустрая бабенка! Пока ты ходил за сигаретами, она успела донести в полицию!

— Не может быть... — хрипло отвечает Владимир. — Этого не может быть!

— Все может быть, — говорит Даниэль.

— Вместо того чтобы полюбить женщину, ты напугал ее, наверное, до смерти! — говорит Жерар. — Вот она и заявила в полицию! А может, и не она... Заявить мог и

портъе. Или владелец отеля. Какая разница? Мне ясно одно — ночевать мы будем под мостом.

— И денег у нас опять ни гроша, — добавляет Даниэль.

— И правильно! Таким недоноскам деньги ни к чему, раз не умеют с толком распоряжаться ними! Раз вы не захотели жить в номерах, где останавливался Гиммлер, Геринг и прочая сволочь, теперь будете жить под мостом!

— Я готов! — улыбается Даниэль. — Боюсь, только твоя собака будет возражать!

— И машину придется бросить, — говорит Жерар. — Наверняка нас ищут по этой машине. Куда ты едешь?

— Ищу приличный мост, где можно будет переночевать, — отвечает Даниэль.

..Ранним утром трое друзей сидят в парикмахерской, каждый в своем кресле и трое парикмахеров тщательно бреют их.

У входа в парикмахерскую, привязанная к водосточной трубе, сидит овчарка, ожидает хозяина.

— Мне надоело в этом дурацком городе, — говорит Жерар. — Давно пора отсюда сматываться.

— Угу, — не поворачивая головы, отвечает Владимир.

— Давно пора, — глядя в зеркало, говорит Даниэль.

— Как вы можете так говорить про Вену, господа! — разводит руками и грустно улыбается пожилой парикмахер. — Вена — это... сказочный город! Это город музыки и любви!

— Это город певичек-предательниц, — говорит Владимир.

— Последние трое честных людей уедут из этого города сегодня же! — решительно заявляет Даниэль и подмигивает Жерару.

— Поймите, мадемуазель, это очень приличные люди, — говорит по-французски Жерар, облокотившись о дубовую перегородку, за которой сидит миловидная девушка. Ее большие, серые глаза внимательно смотрят на Жерара.

— Но кто они, эти люди? — улыбаясь, спрашивает она.

— Неважно, кто. Они мои друзья, этого достаточно. Они хотят поехать во Францию и я должен им помочь. Поймите, мадемуазель, у меня никого нет, только эти друзья...

— Но кто они такие? Как их фамилии?

— Фамилии? — Жерар растерянно смотрит на девушку. — Я не знаю их фамилий... Мы обращаемся друг другу по именам.

Девушка смеется, затем вновь становится серьезной.

— Они военнопленные... — нахмурившись, говорит Жерар. — Мы вместе сидели в концлагере.

— Нужно обратиться в репатриационную комиссию. Кто они по национальности?

— Русский и поляк.

— И ни один не хочет ехать на родину? — девушка серьезно смотрит на него. Жерар молчит, опустив голову. — Мне вы можете сказать... Я ведь тоже была в концлагере... почти два года...

— Неужели, мадемуазель!? — Жерар вскидывает голову, тревожно смотрит на девушку. — Значит, вы знаете, что это такое?

— К сожалению... — вздыхает девушка.

— А почему вы не едете во Францию?

— Пока мы говорим о ваших друзьях, — опять улыбается девушка, — фамилии которых вы не знаете...

— Понимаете, мадемуазель, они тоже одинокие, неприкаянные люди... И нам не хотелось бы расставаться. Потому что единственное, что осталось у нас в этом мире — это они... Понимаете, мадемуазель, просто они...

...Владимир и Даниэль прогуливаются с собакой в скверике напротив французской миссии, поглядывают на подъезд.

— Что-то долго его нету, — озабоченно говорит Даниэль.

— Ты думаешь, что-нибудь может случиться? — спрашивает Владимир.

— Что-то на душе у меня тревожно... — задумчиво отвечает Даниэль.

— Как тогда в ресторане, когда меня лупили солдаты? — усмехается Владимир.

— Похоже... — Даниэль присаживается на скамейку, закуривает.

Собака все время рвется с поводка.

— Отпусти ее. Она хочет погулять, — говорит Владимир.

Даниэль отстегивает поводок и овчарка прыжками несется по аллее, через сотню метров она разворачивается и мчится обратно, разинув пасть и вывалив большой язык.

— А в ней действительно что-то есть, — глядя на овчарку, улыбается Даниэль.

— Ну её к черту! Когда она смотрит на меня, мне кажется, будто я снова в концлагере.

— А вам не надоело жить в этом городе? — спрашивает Жерар девушку. — Неужели вам никуда не хочется поехать?

— Куда? — девушка пожимает плечами.

— Ну, мадемуазель! Мир так огромен! Не хватит и нескольких жизней, чтобы все посмотреть!

— Для этого нужно много денег, — она улыбается, но улыбка получается грустной и беззащитной. — А деньги, к сожалению, есть не у всех людей...

— У меня есть деньги! — выпаливает Жерар. — Да-да, мадемуазель, у меня уйма денег! Если бы я предложил вам путешествовать вместе, мадемуазель, вы бы согласились?

— И с вашими друзьями? — уже весело улыбается девушка.

— И собакой. У нас есть замечательная собака! Такая умная, вы даже представить себе не можете! Не подумайте ничего дурного, мадемуазель, мы вовсе не жулики! Хотя я понимаю, в это теперь так трудно поверить...

— Почему же? Я вам верю.

— Правда, мадемуазель? — неподдельная радость вспыхивает в глазах Жерара. — Я счастлив, мадемуазель! Я... Чтобы такое для вас сделать? Я готов на все! — Жерар вдруг встает на руки и идет по комнате, болтая в воздухе ногами.

— Перестаньте! — смеется девушка. — Перестаньте сейчас же!

В комнату входит посетитель и, увидев гуляющего на руках человека, испуганно пятится назад:

— Простите, мадемуазель, я зайду попозже.

Жерар ходит на руках.

— Дело все в том, Владимир, что рано или поздно нам все равно придется расставаться, — задумчиво говорит Даниэль.

— Ну, с тобой-то мы все равно когда-нибудь встретимся, — усмехается Владимир.

— Где? — Даниэль смотрит на него, не понимая.

— В Сибири...

Они замолкают, напряженно думают, глотают сигаретный дым.

— А, может, простят, а? — вдруг спрашивает Владимир и смотрит на Даниэля. — Может, поверят и простят? — на глазах блестят слезы.

— Хочется домой?

— А кому не хочется? — Владимир отворачивается, незаметно смахивает с глаз слезы. — Даже собаки не хотят быть бездомными...

— Собака! — спохватывается Даниэль и вскакивает со скамейки. — Где собака?

Они осматриваются по сторонам. Овчарки нигде не видно. Даниэль и Владимир торопливо идут по скверу. Даниэль призывно свистит. Собака не появляется.

— Черт бы ее побрал, куда она могла подеваться? — ругается Владимир. — Все время вертелась рядом.

Они выходят из сквера, идут по улице...

— Мой папаша древний аристократ из Нормандии, — со страстью говорит Жерар. — Вы не поверите, до чего вредный был старикашка! Но за одно ему спасибо — оставил кучу денег!

Девушка смеется, лукаво грозит Жерару пальцем.

— Мне очень сильно кажется, что вы все сочиняете? Скажите честно, сочиняете?

Жерар некоторое время молчит, потом говорит печально:

— Конечно, наврал. Ни у меня, ни у моих друзей нет ни сантима, ни пфеннига, ни цента... Но вы откажетесь из-за этого поужинать с нами, мадемуазель?

— Не откажусь, конечно, не откажусь, — улыбается девушка.

...В переулке, куда сворачивают Владимир и Даниэль, стоит грузовая машина с огромной металлической клеткой в кузове. Клетка полна собак, беспризорных, тощих,

со свалывшейся, грязной шерстью. Здесь и овчарки, и эрдельтерьеры, и пудели, и просто дворняжки неизвестных пород. Они беспрерывно лают, вставая на задние лапы и царапая когтями прутья, другие мечутся по клетке из угла в угол, третьи, смирившись со своей печальной судьбой, неподвижно сидят и грустно смотрят.

— Смотри! — Владимир толкает локтем Даниэля.

Два собаколова поймали на аркан овчарку Жерара и теперь тащат ее к машине. Проволочная петля сдавила собаке шею, она упирается, скребет по асфальту когтями, хрипит.

— О-о, черт! — Даниэль первым бросается бежать к собаколовам. — Эй, приятель, а ну оставьте нашу собаку в покое!

— А регистрационное удостоверение у вас есть? — спрашивает собаколов, останавливаясь.

— Какое тебе удостоверение? — свирепея, спрашивает Даниэль. — У нас у самих нет никаких удостоверений, а ты хочешь, чтобы у нашей собаки было удостоверение! — он вырывает из рук собаколова аркан, начинает освобождать собаку.

— Но позвольте! — кричит собаколов. — На собаку должно быть удостоверение!

— Вот наше удостоверение. — Владимир вытаскивает из кармана пистолет. — Я тебе сейчас этим удостоверением компостер на лбу поставлю!

Собаколов испуганно пятится к машине, кричит шоферу.

— Ганс! Ганс, это бандиты!

Владимир прыгает в кузов, откидывает щеколду на дверце клетки и распахивает дверцу настежь. С оглушительным тьяканьем и воем собаки прыгают с кузова на асфальт, разбегаются в стороны. Даниэль держит овчарку Жерара и собака подпрыгивает, благодарно лижет его в лицо. Шофер достает в рот полицейский свисток,

пронзительно свистит, раздувая щеки. Владимир выпрыгивает у него изо рта свисток, швыряет его в канализационный люк.

— Если ты сейчас не уедешь, я тебе вместо свистульки пулю в рот загоню! — угрожает он и шофер поспешно забирается в кабину. С другой стороны садится собаковод. Машина с ревом отъезжает.

— Побег из концлагеря! — улыбается Даниэль, глядя на разбегающихся собак. — Ты представляешь, что с нами сделал бы Жерар, если эта чертова собака пропала.

...Жерар выбегает из здания французской миссии, бегом устремляется через улицу в сквер. Глаза у него вытаращены, как у безумного, пиджак расстегнут и галстук съехал в сторону.

— Что-то явно случилось — говорит Даниэль, глядя на приближающегося Жерара.

— Не дай Бог, если он вторгся в какую-нибудь девчонку, — отвечает Владимир.

— Ребята! — Жерар плюхается на скамейку, тут же вскакивает, мечется туда-сюда перед Владимиром и Даниэлем. — Это такая... женщина! Она похожа на всех женщин, которые у меня были! Она, как... фюзеляж самолета! Она... нет, это не передать словами!

— Что я тебе говорил? — Владимир с улыбкой смотрит на Даниэля.

— У меня сердце чувствовало, — отвечает Даниэль.

— Нет-нет, это вопрос решенный! Ребята, мы едем во Францию вместе с ней!

— А ты нас спросил? — говорит Даниэль.

— А что вас спрашивать? — удивляется Жерар. — Я заранее знаю, что вы согласны!

— Нет, ты посмотри на этого самоуверенного индюка! — возмущается Даниэль. — Он распоряжается нами, как своей паршивой собакой!

— Собака не паршивая, — вертит пальцем в воздухе Жерар. — Собака замечательная!

— А эта мьмира... которую ты откопал? — с ехидцей спрашивает Владимир, — тоже замечательная, как собака?

— Нет, она много лучше! — смеется Даниэль. — Она, наверное, похожа на болонку! Такая же злобная, с вытаращенными глазами и соплями из носа!

Даниэль и Владимир смеются, и не замечают, как бледнеет лицо у Жерара. Он медленно вразвалку подходит к ним и вдруг по-медвежьи, мгновенно хватая обоих за горло руками, сдавливает железными пальцами, так, что у них перехватывает дыхание и глаза выпучиваются из орбит. Они дергаются, пытаются освободиться, но пальцы Жерара сдавливают их глотки все сильнее и сильнее.

— Грязные ублюдки! — гнев клокочет внутри Жерара, но он сдерживает себя и оттого выражение лица кажется еще более страшным, — поганые похабники!

Оскалившись, рычит на Даниэля и Владимира собака.

— Вшивые недоноски, я придушу вас! Раздавлю, как лягушек, если еще хоть раз услышу дурное слово про эту женщину! А теперь проваливайте и чтобы я вас больше не видел! — он встряхивает их с силой и отталкивает от себя.

Владимир и Даниэль отлетают на несколько шагов, судорожно глотают воздух и никак не могут прийти в себя. Даниэль начинает захлебываться кашлем, сгибается пополам и кашель, кажется, разрывает ему грудь. Владимир стоит, держась рукой за дерево, пытается вздохнуть всей грудью, трет пальцами горло.

Жерар садится на скамейку и молча гладит собаку, треплет ее за уши. Он смотрит перед собой и слезы медленно текут у него из глаз, губы нервно кривятся, но он сдерживается, пытается улыбнуться собаке:

— Что, пес? — шепчет Жерар. — Что ты на меня так смотришь? Не бойся, старина, я тебя никогда не брошу...

Владимир медленно подходит и садится рядом, молча закуривает. Даниэль, наконец, перестает кашлять, вздыхает с облегчением, тоже подходит к скамейке и садится рядом с Жераром с другой стороны. Они долго молчат. Затем Даниэль говорит:

— Жерар, ты хоть догадался пригласить ее на ужин?

— Я думаю, на это у него мозгов хватило, — вместо Жерара отвечает Владимир. — Теперь нужно где-то раздобыть хорошую машину.

— Не хуже чем та, в которой ездил Гиммлер, — улыбается Даниэль.

— Точно! — кивает Владимир. — И еще нужно где-то занять денег.

Жерар поднимает голову, смотрит то на Владимира, то на Даниэля. В глазах у него блестят слезы и он тоже улыбается, шепчет:

— Сукины вы дети... конечно, мы достанем деньги...

...У здания комендатуры идет смена патрулей. Один патруль, застыв, стоит на месте, другой приближается к нему четким, строевым шагом. Мгновение они стоят друг против друга, отдают честь, затем первый патруль уходит. Жерар, Владимир и Даниэль наблюдают за ними, стоя на противоположной стороне улицы.

— Держи собаку, — Жерар передает поводок Даниэлю, а сам быстро направляется к веренице автомашин, прижавшихся к обочине тротуара. Он быстро распахивает дверцу, садится за руль и, достав кусок проволоки из кармана, начинает возиться с ключом зажигания. Окна в комендатуре ярко освещены, горит цепочка фонарей вдоль улицы. Медленно прохаживается патруль. Собака нетерпеливо дергается с поводка, поглядывает по сторонам Владимир.

Наконец машина плавно трогает с места, подкатывает к Владимиру и Даниэлю, мягко тормозит и Жерар открывает дверцу, выглядывает, улыбаясь:

— Карета у подъезда, господа!

Они забираются в машину и Жерар выжимает газ...

...Уже совсем стемнело, когда машина подъезжает к ювелирной лавке в узкой, булыжной улочке, стиснутой старинными высокими домами с острыми черепичными крышами. Здесь мало фонарей и потому темнота кажется плотнее. Жалюзи на первых этажах опущены.

— Кажется, это здесь, — вполголоса говорит Жерар, приглядываясь к вывеске над входом в ювелирную лавку. — Я ее приметил, когда мы тут проезжали вчера. Значит, так. Володя — за руль, Даниэль — со мной, — и он первым выбирается из машины, подходит к дверям в ювелирную лавку, склоняется над замочной скважиной. Даниэль прохаживается в стороне, поглядывая по сторонам. Слышно, как Жерар гремит набором отмычек, ругается шепотом. Наконец дверь нехотя, со скрипом подается и Жерар входит внутрь лавки. Даниэль быстро проскальзывает за ним и прикрывает дверь.

Посвечивая фонариком, Жерар медленно ступает по лавке. Проходит торговый зал с застекленными прилавками, открывает дверь в конторку, вновь светит фонариком. В луч света попадает массивный железный сейф, стоящий у стены.

— Инструмент, — шепотом говорит Жерар и Даниэль подает ему несколько металлических предметов: фомку, дрель, клещи.

Жерар втискивает фомку между сейфом и стеной, начинает тихо раскачивать сейф. Это трудная работа. На лбу у Жерара выступили капли пота. Он пыхтит, раскачивает сейф все сильнее и сильнее. Щель медленно увеличивается, сыплется штукатурка, железные болты, которыми сейф укреплен к стене, начинают медленно

вылезать из своих гнезд. Даниэль терпеливо ждет. Томительно тянется время.

Наконец болты выскочили из стены. Жерар, собравшись с силами, сдвигает сейф в сторону и начинает сверлить дрелью заднюю стенку. Скрежещет металл, блестящая стружка кольцами падает на пол.

...Владимир сидит в машине и курит. Рядом с ним часто дышит собака, тихо поскуливает, глядя на дверь в ювелирную лавку.

...Жерар теперь “фомкой” и клещами режет заднюю дверцу сейфа. Руки у него дрожат от напряжения. Он закусывает губу и вкладывает в руки последние силы.

— Дай я попробую, — шепчет Даниэль.

— Ничего, ничего... — выдыхает Жерар.

Вот он вырезает целый квадрат металла, отгибает его клещами. Светит в образовавшееся отверстие фонариком. Видны лежащие на полках толстые пачки купюр, коробочки с драгоценностями.

— Добрались! — торжествующе улыбается Жерар и запускает в сейф руку, вынимает оттуда пачки банкнот, швыряет их в портфель, который держит перед ним Даниэль. Затем он достает коробочки с драгоценностями, потом рука его нащупывает что-то странное.

— Это еще что такое? — Жерар вынимает из сейфа туго набитый парусиновый мешочек, развязывает его, светит фонариком. Электрический свет выхватывает из темноты золотые коронки и целые зубы из золота, обручальные кольца, вставную золотую челюсть.

— Это человеческие зубы, — удивленно говорит Жерар. — Откуда они здесь?

— Что, что? — вздрагивает Даниэль и протягивает руку. — Покажи-ка!

Он высыпает из мешка на ладонь золотые коронки, зубы, кольца, и перстни, перебирает их пальцами и губы у него вдруг начинают мелко дрожать:

— Это... это человеческие... — заикаясь, говорит он. — Это из концлагеря... — он вдруг поворачивается и быстро уходит в темноту, посвечивая себе фонариком.

Жерар продолжает шарить рукой в сейфе, доставая все новые пачки денег и коробочки с драгоценностями, складывает их в сейф. Вдруг он замирает, прислушивается. Откуда-то сверху слышны приглушенные человеческие голоса. Жерар выдергивает из кармана пиджака пистолет и быстро идет из конторки.

Он поднимается на второй этаж, где обычно размещались в таких магазинах жилые комнаты хозяина. Светит себе фонариком, отыскивая дорогу. Голоса раздавались из спальни. Жерар торопится туда и когда вбегает, видит на кровати лежащего пожилого толстяка в полосатой пижаме и Даниэля, который держит толстяка за волосы и тычет ему в лицо мешок с золотыми зубами и коронками.

— Пся крив! Подлая тварь! Ты выбивал заключенным зубы?! Ты собирал их гадина! Человеческие зубы!! Обручальные кольца! Жирный ублюдок! На, жри их, жри! — горстями тычет он коронки и зубы толстяку в лицо, а глаза Даниэля наливаются мутью горячего бешенства, как тогда на дороге, когда автомашины с эсэсовцами ехали по трупам заключенных.

— Это не я! Клянусь Иисусом, не я! Я просто их забрал в комендатуру, когда все уехали! Я не виноват, клянусь богом, не виноват! Я забрал их в комендатуре! — толстяк извивается на кровати, жирные щеки трясутся.

— Оставь его! — громко говорит Жерар. — Нам пора уходить!

— Оставить его! — Даниэль поворачивает к Жерару белое лицо с выпученными, мутными от бешенства глазами. — Чтобы эта гадюка дожила до старости! Чтобы эта тварь торговала человеческими зубами и ходила в цер-

ковь молиться!? — глаза Даниэля мечутся по сторонам и вдруг замечают на ночном столике, рядом с горящим ночником, блестящее лезвие парикмахерской бритвы.

— Даниэль! — кричит Жерар и бросается вперед, но не успевает. Даниэль одним взмахом перерезает толстяку горло.

Черная горячая кровь волной хлещет на пижаму, атласное одеяло. Толстяк дергается и, наконец, толстяк замирает.

Даниэль пятится от кровати, все еще держа бритву в руках, затем отбрасывает ее в сторону.

— Пусть меня накажет Господь! — хриплым, страшным голосом выговаривает он и вдруг пронзительно, истошно кричит. — Пусть меня накажет Господь!

Жерар едва успевает подхватить его на руки. Даниэль бьется в припадке, пена выступает у него на губах, слова с хрипом и стоном вырываются из горла:

— Там зубы Збышека! Я помню! У него было два золотых зуба! О, негодяи! Что они сделали!? Я тоже негодяй! Збышек, дружище, я тоже стал негодяем! Господи, накажи меня!

— Успокойся, Даниэль, успокойся! Нам надо уходить, сплшишь!? Нам нельзя здесь! Ну, соберись с силами, Даниэль, дорогой! Черт с ними, этими зубами!

Из темноты бесшумно выныривает Владимир, замирает на пороге спальни, светит фонариком.

— Найди одеколон! — просит его Жерар и продолжает гладить Даниэля по лицу, качает его на руках, как ребенка.

Владимир шарит в ночном столике, находит флакон, протягивает Жерару.

— Кажется, это.

Жерар отвинчивает колпачок, наливает себе в рот одеколону и прыскает Даниэлю в лицо. Потом опять набирает одеколону в рот, пальцами приподнимает Даниэлю закры-

тые веки и прыскает в глаза. Даниэль вздрагивает, трет обожженные глаза.

— Соберись с силами, Даниэль, голубчик, — тихо просит его Жерар. — Нам надо немедленно уходить.

— Да-да... — вялым, безразличным голосом отвечает Даниэль и с трудом поднимается. Жерар поддерживает его под руки, приказывает Владимиру:

— Возьми внизу портфель с деньгами.

— Хорошо, — Владимир светит фонариком на постель, на лицо убитого и восклицает удивленно. — Ты посмотри, кто это!

Жерар оборачивается. Луч фонарика освещает лицо унтерофицера Штольца, служившего в концлагере, где сидели Жерар, Даниэль и Владимир.

— Бедняга Штолец... — роняет Жерар.

— Что заслужил, то и получил, — жестко отвечает Владимир.

...Черный “мерседес” неторопливо едет по улицам. За рулем — Владимир. Сзади — Жерар. На коленях у него лежит Даниэль. Глаза его закрыты.

— Как ты себя чувствуешь, Даниэль? — спрашивает его Жерар.

— Ничего... спасибо... хорошо, — тем же безразличным голосом отвечает Даниэль, не открывая глаз.

— Надо уезжать из этого проклятого города, — говорит Жерар, — иначе мы скоро по уши будем в крови...

...Спали они в машине посреди огромного пустыря. Просыпаются ранним утром, когда майское солнце освещает древний город.

— Вот и еще один день прожили, — улыбается Владимир, выглядывая из машины.

— Прошу не забыть, — ворчит проснувшийся Жерар. — У нас сегодня торжественный ужин. Вы обязаны, сукины дети, выглядеть не хуже английских лордов.

— Мы будем выглядеть лучше, — улыбается Владимир.

Даниэль молча выбирается из машины, проходит несколько шагов навстречу солнцу и долго стоит неподвижно, подняв голову, закрыв глаза. Прохладный ветер шевелит желтые, выщипанные волосы. Слабая улыбка трогает губы Даниэля.

— Как ты себя чувствуешь? — сзади подходит Жерар, кладет ему руку на плечо.

— Я хочу домой — отвечает Даниэль.

...Потом они примеряли в магазине вечерние костюмы и сам владелец магазина суетился перед ними, помогал надевать пиджаки, выбирал галстуки, что-то советовал и долго раскланивался, получив пачку денег.

... Когда знакомая Жерара выходит из здания Французской миссии, черный “мерседес”, стоявший неподалеку, медленно трогается, едет рядом с девушкой. Затем распаивается задняя дверца и выглядывает улыбающийся Жерар:

— Добрый вечер, мадемуазель! Я и мои друзья давно ждем вас!

Девушка останавливается. И машина останавливается. Жерар жестом приглашает ее сесть. Девушка секунду колеблется, потом забирается в машину. “Мерседес” прибавляет в скорости.

...Приезжают они в фешенебельный ресторан. Здесь и двери величественнее, с тяжелыми, начищенными до огненного блеска бронзовыми ручками, и большой зал с эстрадой в центре, на котором разместился оркестр, и

солидная, важная публика. Нет солдат и дешевых проституток.

Жерар, Даниэль, Владимир и девушка рассаживаются за столом. Тут же появляется официант, ставит вазу с фиалками.

— О-о, — улыбается девушка. — Какой чудесный сюрприз!

Жерар досадливо морщится, бормочет вполголоса:

— Черт подери, в этой горячке я совсем забыл про цветы.

Рядом с ними за столиком сидит моложавый американец в форме ВВС и черная тощая дама в черных по локоть перчатках и широкополой шляпе с вуалью. Американский летчик то и дело наливал в фужер шампанского, жадно пил.

— Вон твой коллега по части спиртного. — Даниэль шутливо кивает в сторону американца.

Владимир смотрит на него удивленно:

— Кстати, он тоже летчик.

Оркестр играет танго и Жерар встает, церемонно приглашает девушку на танец. Они идут к эстраде и друзья смотрят им вслед.

— Кажется, он действительно счастлив, — говорит Даниэль.

— Пусть хотя бы один из нас будет в конце концов счастлив, — отвечает Владимир.

Жерар танцует с девушкой, смотрит на нее, не мигая. Она ощущает на себе этот жадный, тоскующий взгляд, с трудом улыбается:

— Ну, говорите же о чем-нибудь... Вы так смотрите, что я начинаю бояться вас.

— Да-да, — спохватывается Жерар и не знает, о чем говорить. — А как... вас зовут, мадемуазель?

— А вас? — негромко смеется девушка.

— Меня Жерар.

— А меня — Николь.

— Николь... — шепотом повторяет Жерар, — Николь...

— Откуда у вас столько денег? Еще вчера вы говорили, что у вас нет ни сантима.

— Нам разные богатые люди дают займы, — чуть нахмурившись, отвечает Жерар.

— Как это безрассудно с их стороны, — вновь улыбается Николь.

— Почему же? — пожимает плечами Жерар. — Мы всегда вовремя возвращаем долги. Чего нельзя сказать о тех людях, которые нам должны.

— А я уже подумала, что вы ограбили банк или магазин, — продолжает улыбаться Николь.

— Ну, что вы? Неужели, глядя на нас, можно такое подумать?

— Конечно! Особенно, если вспомнить, как вы ходили в офисе на руках! — она негромко смеется.

Жерар зачарованно смотрит на нее, встряхивает головой:

— Черт возьми, кажется, я действительно начинаю сходить с ума!

Звучит мелодия медленного танго, рядом с Жераром и Николь танцуют еще пары, ярко светит громадная хрустальная люстра под потолком и весь зал залит светом, и у мужчин в дорогих костюмах и смокингах — важный и торжественный вид и, кажется, что официанты в черных фраках и белых манишках, снующие туда-сюда по залу, знают какую-то значительную тайну.

— Мне здесь очень нравится, — признается Николь, глядя на Жерара. — Я никогда не была в таком шикарном ресторане.

— Николь! — У Жерара перехватывает дыхание, и он только может произнести: — Николь... Николь...

Мелодия танго кончается и Жерар с Николь возвращаются к столу и видят, что вместо вазы с фиалками стоит большая корзина с густо-красными розами.

— Ах! — всплескивает руками Николь и в ее широко раскрытых глазах светится восторг. — Неужели это мне!?

Друзья старательно делают вид, что ничего особенного не произошло. Жерар даже потеет от досады, говорит вполголоса Даниэлю:

— Вы что, сукины дети, решили отбить ее у меня? Ничего не выйдет! — Он достает из кармана коробочку, протягивает ее девушке. — Это вам, Николь. Подарок в честь окончания войны.

Она открывает коробочку и на черном бархате ярко сверкает бриллиантовое кольцо. Николь замирает, испуганно глядя на драгоценность, потом возвращает ее Жерару:

— Нет-нет, благодарю вас, но я не могу принять это...

— Почему? — искренне огорчается Жерар.

— Это слишком дорогой подарок. Такое не дарят людям, с которыми вы едва знакомы.

Жерар прячет руки за спину, отказываясь взять коробочку, умоляюще смотрит на товарищей. Ну, помогите же, черт возьми!

— Что вы сидите, как истуканы? — выдавливают из себя Жерар.

— Мадемуазель... — откашлявшись, вежливым голосом говорит Даниэль, — наш друг никогда не лжет женщинам.

— Николь, — поправляет его Жерар и благодарно смотрит на товарищей. — Ее зовут Николь.

Вновь звучит мелодия танго и певица начинает петь с эстрады. Жерар встает, вновь с церемонным поклоном приглашает девушку на танец. По знаку Даниэля официант и в третий раз меняет цветы на столе. Вместо роз появляются алые и белые гвоздики. Американский лет-

чик, сидящий за соседним столом, громко хлопает в ладоши, кричит: "Браво"! Затем он поднимается с полным бокалом шампанского, подходит к Владимиру.

— Господа! Хочу с вами выпить! Вы мне нравитесь, господа!

Владимир и Даниэль с улыбками салютуют ему полными рюмками.

Американец выпивает свой бокал, бесцеремонно плюхается на стул, говорит со злостью, оглядывая зал:

— В этом проклятом городишке ни одной рожи, с которой можно было бы нормально выпить!

— Вы недавно в Вене? — спрашивает его Даниэль.

— О-о, вы говорите по-английски?! — еще больше радуется американец. — Замечательно! — он хватает бутылку с водкой, наливает всем в рюмки, а себе в бокал из-под шампанского. — Меня прислали обучать этих недоносков, обучать на реактивных машинах! Вы англичанин?

— Я — поляк, — отвечает Даниэль.

— Хорошо, что вы не англичанин! Терпеть не могу англичан! Высокомерные верблюды! И я должен обучать этих верблюдов летать на реактивных машинах, чтоб они провалились!

Даниэль и Владимир переглядываются, потом Даниэль спрашивает:

— Что это за машины, если не секрет?

— Это ужасный секрет! — американец выпучивает пьяные глаза. — Но вам я скажу... по секрету! — он хихикает, довольный каламбуром. — Это новые самолеты. Совсем новые! Под Веной, если ехать по Ведерштрассе, на аэродроме стоит первая партия таких машин... Всего несколько штук! Их прислали специально, чтобы обучать этих верблюдов-англичан! А я не хочу их обучать! — американец стучит кулаком по столу. — Я был на Пирл-Харборе! Вы знаете, что такое Пирл-Харбор?

— Приблизительно, — отвечает Даниэль.

— Э-эх! — американец безнадежно машет рукой и откидывается на спинку стула. Его чопорная спутница в широкополой шляпе делает ему страшные глаза, приказывая ему вернуться за свой столик.

— Ну, что тебе, выдра ты сушеная? — презрительно глядя на нее, говорит он. — Ох, и надоела ты мне! Просто до печенок осточертела! — Скажите, майор, — спрашивает Даниэль, — а на этих... новых машинах сложно летать?

— На каких машинах? Ах, на этих! Система управления проста, как и на прежних. Но — скорость! Фантастическая скорость! В полтора раза выше звуковой! Вот где козырь! На такой скорости очень сложно маневрировать! А у русских этого нету, ха-ха! И еще долго не будет! О-о, эти чертовы русские! С ними надо держать ухо остро! Они спят и видят, чтобы захватить всю Европу!

Даниэль видит, как судорожно сжимаются кулаки Владимира, лежащие на белой крахмальной скатерти. Он накрывает один кулак ладонью, успокаивающе хлопывает и вновь спрашивает:

— Представляю, какой переполох поднимут русские, когда узнают об этих машинах!

— Они уже кое-что пронохали! Немцы перед самым концом войны ведь тоже работали над такими машинами! Ведь идея реактивного двигателя проста, как апельсин! — американец хватает бумажную салфетку, выдергивает из кармана авторучку и начинает рисовать схему реактивного двигателя, приговаривая:

— Вот тут форсунка распыляет топливо, здесь турбина, здесь забирается встречный воздух — вот и все! А рычаги управления почти такие же, как на всех старых самолетах! Главное — скорость!

— Выпьем, господин майор! — Даниэль наполняет рюмки, а майору наливает водку в бокал, спрашивает: — может, господин майор желает коньяку?

— Сойдет водка! — машет рукой американец. — От водки меньше по утрам трещит голова! Ваше здоровье,

господа! Нюхом чувствую, что вы свои парни! С такими можно пить каждый день и не соскучиться.

...Жерар танцует с Николь. Он наклоняет голову совсем близко к ее лицу, горячий шепот обжигает ее:

— Николь... Помните, я пригласил вас путешествовать?

— Да, конечно...

— Вас тогда очень рассмешило мое предложение. Но то, что я сейчас предложу, рассмешит вас еще больше. Николь, станьте моей женой!

— Что вы?! — пугается она и даже отстраняется от Жерара, и видит его потемневшие, печальные глаза.

— Я понимаю, это очень смешно, но поверьте... что я говорю серьезно. Я далеко не мальчик и немало повидал в этой проклятой жизни, чтобы бросать на ветер такие смешные слова... Николь!

— Что, Жерар?

— Мы поедем во Францию! Неужели вам не осточертело в этой Вене! Каждый день слышать эту речь! На которой на вас орали охранники в концлагере! Николь, я надежный человек и не подведу вас. Можете спросить моих друзей. Они понимают толк в людях. Николь! Мы будем счастливы! Николь! Николь! — он зарывается лицом в ее волосы, целует их и шепчет: — Николь! Николь!

И не видит, как дрожат у девушки губы, как глаза наполняются слезами. Она отстраняется от него, говорит, едва не плача:

— Мы не можем быть счастливы, Жерар... Никогда не сможем...

— Почему, черт возьми!

— Потому что... меня в лагере... меня... стерилизовали...

— Что-о!? — Жерар останавливается как вкопанный, смотрит на Николь. Девушка опускает глаза, говорит уже равнодушно и обреченно:

— Они проводили опыты по стерилизации... и меня... и я... — она кусает губы, чтобы не разрыдаться, прячет лицо у него на груди.

Жерар обнимает ее за трясущиеся плечи, щека у него начинает нервно подергиваться. Он стискивает зубы, медленно цедит слова:

— Ах, судьи выродки, они опять меня обокрали! Не-ет, жалкие подонки, на этот раз вы просчитались... Мы поедем во Францию, Николь. Мы будем путешествовать! Мы будем жить! Жить, пусть они все подохнут от зависти! Ты слышишь меня, Николь, как я сказал, так и будет!

Даниэль толкает Владимира и глазами показывает на Жерара и Николь. Они стоят посреди зала, совсем недалеко от эстрады. Девушка рыдает, уткнувшись лицом в грудь Жерару. Томно и протяжно продолжает петь певица, вытягивая шею к микрофону, танцующие пары обходят Жерара и Николь стороной.

— Уильям! — чопорной даме, наконец, надоело сидеть одной и она протяжным голосом зовет своего спутника: — Уильям!

— Что тебе, ящерица! — американец смотрит на нее с ненавистью. — Неужели все немки такие ящерицы!? Подохнуть с тоски можно! Давайте еще выпьем, господа!? — он пытается налить из бутылки в бокал, но никак не может попасть горлышком в бокал и водка льется на крахмальную скатерть.

— Как же вы доберетесь домой, дружище? — спрашивает Даниэль, отбирая у американца бутылку и наливая водку в бокал. — Где вы живете?

— Пока в казармах у аэродрома... — американец еле ворочает языком. — Я всего несколько дней, как в Вене и еще не подыскал себе приличной квартиры. Как начал пить, так не могу до сих пор протрезветь, черт меня подери!

— Ничего, дружище, мы отвезем вас прямо в казармы. У нас машина! — Даниэль улыбается, а глаза его тревожно

косятся в сторону Жерара и Николь. Он видит, что они вновь танцуют. Выражения лиц напряженные, застывшие.

— Ты понял о чем мы говорили? — вполголоса спрашивает Даниэль Владимира.

— Ничего не понял, что-то про самолёты, — отвечает тот.

— На аэродроме под Веной стоят новые американские самолеты. С реактивными двигателями. Это то что мы делали на подземном заводе. Он прилетел обучать английских летчиков летать на этих новых самолетах. Ты понимаешь?

— Да... — задумчиво отвечает Владимир.

— Если мы украдем такой самолет и приземлимся на нем где-нибудь в Варшаве, а? Ведь русским, наверное, до зарезу нужен такой самолет, а?

— Теперь понимаю... — так же медленно и задумчиво отвечает Владимир.

— Это наш последний шанс, — говорит Даниэль. — Только так и ты, и я сможем вернуться на родину.

— А как же он? — спрашивает Владимир, глядя в сторону Жерара и Николь.

Даниэль тоже некоторое время смотрит на них. Жерар вновь улыбается, что-то рассказывает девушке и она смотрит на него все еще заплаканными глазами, но загораются постепенно в этих глазах искорки доверия и надежды. Вдруг она смеется, по-детски запрокинув голову.

— Не будем ему мешать. Он и так слишком много нянчился с нами, — говорит Даниэль.

Чопорная дама в широкополой шляпе подходит к столу. На лице ее возмущение. Она треплет майора по плечу, но тот мертвецки спит, уронив голову на стол.

— Простите, фройлен, сейчас мы вам поможем! — Владимир поднимает майора под руки, ведет к столу, заботливо усаживает. — Подождите, фройлен, скоро мы поедем домой и сможем отвезти вашего спутника.

— Очень нужно возиться с пьяной свиньей! — подбородок у дамы оскорбленно дрожит, руки нервно теребят черную, лакированную сумочку.

— Что-о!? — майор неожиданно просыпается и выпучивает глаза на даму. — Ах ты ведьма австрийская! А ну, вон отсюда! Или стрелять буду! — майор рассвирепел не на шутку и хватается за кобуру пистолета. — Во-он!

Дама в страхе пятится от стола, быстро идет через залу. Владимир давится от смеха, успокаивает майора на немецком языке:

— Успокойтесь, господин майор! Стоит ли так переживать! В Вене навалом женщин!

— Ты кто? — выпучивает на него глаза американец.

— Я тоже поляк, господин майор, только не говорю по-английски, — улыбается Владимир.

— А-а, черт, ничего не понимаю. Давай лучше выпьем! Официант!

Жерар и Николь подходят к столу. Девушка видит вместо роз гвоздики, смущенно улыбается:

— Неужели это опять мне?

— Вам, мадемуазель, — раскланивается Даниэль.

— Мы должны сообщить вам нечто важное, — с каменным выражением лица говорит Жерар. — Позови, пожалуйста, Володю.

Даниэль машет Владимиру рукой и тот, оставив американца, подходит к столу. Майор вновь засыпает, уронив голову на стол.

— Мы с Николь решили пожениться, — торжественно сообщает Жерар.

— Поздравляем вас, мадемуазель. Поверьте, мы не меньше счастливы, чем Жерар.

— И уверен, что вы будете не меньше счастливы, чем мы, — добавляет Владимир. — Дружище, ты позволишь пригласить твою невесту на танец! Только один раз!

— Если только один, — Жерар садится за стол и смотрит, как Владимир ведет Николь в центр зала. Звучит музыка и они медленно танцуют. — О чем вы тут шептались с Владимиром? — спрашивает Жерар, прикуривая сигарету.

— Мы решили уезжать на родину, Жерар, — твердо отвечает Даниэль.

— Каким образом? — бесстрастным голосом спрашивает Жерар.

— Ты видишь того летчика — американца?

— Ну?

— Он приехал обучать англичан летать на новых самолетах с реактивными двигателями...

— Вам нравится наш друг? — спрашивает Владимир девушку.

— Неужели вы думаете, что я скажу? — Николь, нахмурившись, смотрит на Владимира.

— Извините, мадемуазель... — теряется Владимир. — Я просто хотел сказать, что наш друг самый лучший человек на свете... И я счастлив, что вы того же мнения.

— Как же вы украдете этот самолет? — спрашивает Жерар, недоверчиво глядя на Даниэля. — Опять убивать?

— Нет, — твердо отвечает Даниэль. — Я все придумал. Главное, отвлечь охрану. Владимир подожжет цистерны с горючим и этим отвлечет их от летного поля. Я сажусь на самолет, запускаю двигатель и дожидаясь Владимира. И мы улетаем! — Даниэль улыбается, довольный своим планом.

Жерар долго молчит, наконец, произносит:

— У меня условия. Только на этих условиях я вас отпущу.

— Какие?

— Первое. Поджигать цистерны с горючим буду я. Второе — вы берете нашу машину. Третье — моя невеста ниче-

го об этом знать не должна. Я увижу, как вы улетите и после этого спокойно поеду во Францию.

— Идет, — подумав, говорит Даниэль.

— Я знал, что мы всегда договоримся, — грустно улыбается Жерар.

— Кто знает, может, мы когда-нибудь свидимся еще? — смотрит на него Даниэль.

— Может быть... — задумчиво соглашается с ним Жерар. — А все же хорошо, черт возьми, что мы приехали в этот занюханый городишко!

— Конечно, хорошо...

..Они довозят пьяного американца до самой ограды аэродрома и Даниэль сдает его с рук на руки американским солдатам.

— О'кей, ребята! — говорит Даниэль. — Майор немного перебрал! Со всеми бывает!

— Благодарю вас, сэр! — козыряет Даниэлю рослый сержант в белой каске.

Жерар и Владимир тем временем сидят в машине, оглядывают сквозь проволочную ограду аэродром.

— Вон самолеты стоят, видишь? — спрашивает Владимир.

— Вижу. А где цистерны с горючим?

— Во-он с левой стороны... в самом конце аэродрома... рядом шеренга "дугласов" и еще каких-то машин. Видишь?

— Вижу... — кивает Жерар. — Чем горючее поджигать?

— Взорвать к черту головой шашкой и дело с концом.

— Ладно, подумаем, — говорит Жерар.

— Слушай, Жерар, — неуверенно начинает Владимир. — Может, мы одни попробуем? Стоит ли тебе теперь рисковать?

— Заткнись, — обрывает его Жерар.

...Обратно в Вену они едут в полном молчании. Владимир смотрит перед собой на дорогу, насвистывает какой-то грустный мотив, Даниэль делает вид, что спит. Жерар смотрит в черное, запотевшее окно автомашины.

— Извините, ребята, — вдруг говорит Жерар. — Но сегодня я буду ночевать без вас...

...На следующий вечер они встретились у пустыря на окраине города. Жерар подъезжает на кофейного цвета “опель-адмирале”, тормозит рядом с черным “мерседесом”.

— Привет! — выглядывает он из кабины.

— Привет! — отзываются Владимир и Даниэль.

Николь приветственно машет им рукой.

— Где взял такую шикарную машину? — спрашивает Владимир.

— Дали займы, — улыбается Жерар.

— Поехали? — спрашивает Даниэль.

— Поехали!

Две машины вырываются на шоссе, на бешеной скорости мчатся прочь от города. В это время года еще быстро и рано темнеет, и скоро шоссе окутывает плотная темнота, только бьют далеко лучи от фар и рубиново сверкают красные подфарники.

Не доезжая до аэродрома, они останавливаются. Владимир высовывается из окна, показывает рукой:

— Объезд во-он там!

— Понял! — Жерар вылезает из автомашины.

Владимир и Даниэль тоже выходят. Они встречаются на шоссе, некоторое время стоят неподвижно, потом по очереди обнимаются друг с другом.

— Прощайте, сукины дети, — стараясь улыбаться, говорит Жерар.

— Не поминай лихом, дружище, — хлопает его по плечу Владимир.

— У нас были неплохие каникулы после этой проклятой войны, — говорит Даниэль.

Жерар садится в машину. Владимир и Даниэль машут руками. Николь посылает им воздушный поцелуй, тоже машет рукой. Машина Жерара сворачивает на темную грунтовую дорогу. Некоторое время в темноте сверкают красные огни задних подфарников, затем машина растворяется в темноте.

Владимир и Даниэль забираются в “мерседес”, ждут. Молчат. Курят. Скоро в кабине полно дыма.

— Открой окно, дышать нечем, — нервно говорит Даниэль.

Владимир неторопливо открывает окно. Вновь — долгое мучительное ожидание. Даниэль смотрит на часы, говорит:

— Сейчас он должен подъехать с той стороны.

Жерар останавливает машину, смотрит в сторону аэродрома. Видны редкие огни на взлетной полосе, тусклые прожекторы на охранных вышках. Жерар сует в карман пиджака кусачки, говорит Николь:

— Жди меня здесь. И никуда ни шагу.

— Что ты хочешь делать, Жерар? — с тревогой спрашивает девушка.

— Хочу посмотреть, как они будут взлетать, — отвечает Жерар и не спеша идет к ограде аэродрома.

Когда до ограды остается метров двадцать, Жерар ложится и ползет по мокрой от росы траве. Вот и ограда. Жерар неторопливыми точными движениями перекусывает

вает проволоку кусачками. Раздвигает проволоку и осторожно пролезает в отверстие. Ползет к огромным цистернам с горючим. Замирает, прислушиваясь. Ползет дальше.

Возле крайней цистерны он останавливается, вынимает из внутреннего кармана пиджака две толовых шашки, моток бикфордова шнура. Связывает шашки вместе с шнуром, расправляет конец. Долго щелкает зажигалкой. Наконец появляется слабый язычок пламени. Жерар поджигает шнур и со всех ног бежит к ограде. Огонь, шипя и потрескивая, быстро движется к шашкам.

Жерар падает на землю у ограды. Ждет.

Даниэль и Владимир тоже ждут, сидя в машине. И неожиданно яркий сильный взрыв осветил ночной аэродром. Польшнуло пламя. От взрыва, казалось, охнула и присела земля.

— Газ! — кричит Даниэль и Владимир выжимает газ. “Мерседес” на скорости несется к аэродрому.

Истошно воеет сирена. Солдаты охраны бегут к месту пожара. Раздается второй мощный взрыв. Это взорвалась еще одна цистерна. Пламя с новой силой взметнулось к черному небу. Лучи прожекторов на вышках все разворачиваются в сторону горящих цистерн, шарят вокруг. И вдруг в круг ослепительного света попадает Жерар. Он стоит и смотрит в сторону самолетов, стоящих в другом конце аэродрома. Гремит пулеметная очередь. Пули взрывают возле Жерара фонтанчики земли.

— Жерар! — пронзительно кричит Николь и выскакивает из машины, бежит к аэродрому.

“Мерседес” уже почти напротив ворот.

— Газ! Газ! — кричит Даниэль, глядя вперед.

У ограды охраны нет. Все солдаты убежали к месту пожара. “Мерседес” с ходу ударяет в створки ворот и они распаиваются. Машина мчится по полю к самолетам необычной конфигурации. Скошенные крылья. В крыль-

ях, почти вплотную к фюзеляжу, сопла реактивных двигателей.

Владимир тормозит в нескольких метрах от крайнего самолета. Даниэль выскакивает первым, быстро подкаптывает к пилотской кабине трап. Владимир и Даниэль поднимаются по трапу в кабину. В последнее мгновение Даниэль оборачивается и видит бушующее пламя страшного пожара, мечущиеся лучи прожекторов. Слышит пулеметную и автоматную стрельбу.

...Жерар бежит к машине. На ходу отстреливается из пистолета. Несколько американских солдат преследуют его, бьют длинными очередями из автоматов. Вот Жерар сталкивается с Николь, кричит с перекошенным от бешенства лицом:

— В машину! Быстро в машину!

— Что это, Жерар? — задыхаясь, спрашивает Николь.

— В машину!

Они бегут вдвоем, а солдаты все ближе и ближе. Лучи прожектора опять “поймали” Жерара и Николь и теперь из этого ослепительного круга света никак не вырваться. Вот освещается машина. Жерар рвет на себя ручку двери, но ручку двери заклинило и дверь не открывается.

— А-а, черт! — рычит Жерар и кулаком разбивает боковое стекло, открывает дверцу изнутри. И в это время прямо перед ними, в нескольких метрах вырастает из темноты американский солдат. Вскидывает автомат и гремит долгая очередь. Жерар только успевает загородить собой Николь. Он обнимает ее и вздрагивает каждый раз, когда пули впиваются в его тело. Затем медленно сползает на землю, падает навзничь, раскинув руки. Но он еще жив. Он смотрит в черное небо и вдруг слышит пронзительный, звенящий вой турбин.

...Реактивный самолет дрожит на месте, из турбин вырываются пары отработанного горючего. Наконец само-

лет медленно вырывается на взлетную полосу, катится по ней, набирая скорость.

Бегут, стреляя из автоматов, к взлетной полосе солдаты охраны.

...Жерар все еще жив. Он смотрит в небо. Страшно кричит Николь, упав ему на грудь, воеет и до крови кусает губы. Растерянно смотрят на нее подбежавшие американские солдаты.

— Жерар! Жерар! — кричит девушка и стучит ему кулаком в грудь.

Самолет отрывается от земли, резко начинает набирать высоту.

...Жерар видит самолет, уходящий в черное, звездное небо, видит его мигающие красные огни. Слабая улыбка трогает губы француза...

ПЛАН СЦЕН К РОМАНУ “ЧЕРНАЯ СВЕЧА”

Ресторан

Побег на рынок (Владивосток. Колп.)

Новый (работа)

(Карают барак Линьковая мастырка)

Эльзу Кох (встреча с убитым)

(Сцена поимки)

Каземат. Вадим (после поимки)

Магдебели — Семечки. <?>

Рубен <?>

Магдебели встреча.

Резня в бане.

Суд.

ПРИМЕЧАНИЯ

Истории создания произведений вкратце изложены в статье “От издателей” в настоящем томе. Информация об источниках публикаций приведена ниже. Наброски и рабочие записи печатаются по автографам Владимира Высоцкого, исключение — “Каникулы после войны”.

В текстах в угловые скобки <...> взяты сделанные составителем конъектуры и датировки, не указанные автором, а также названия произведений, данные составителем либо в других публикациях, в квадратных скобках [...] приводятся слова и строки, автором зачеркнутые; в косых — сведения о первой публикации в СССР.

ОДИН (с.9) Текст печатается по авторизованному м/п списку из частного архива. Приведенный в книге вариант написан до лета 1967 года. На Одесскую к/с сценарий был представлен с рабочим назв. “Помните, война случилась в сорок первом...” Известно, что авторы (в частности, В.В. и С.Говорухин) в дальнейшем возвращались к нему неоднократно, однако другие редакции сценария пока не найдены. В архиве НМВ сохранились также поздние наброски В.В. к сценарию, относящиеся, вероятно, к 1969 году, приведенные в разделе “Варианты” настоящего тома.

ВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ (с.43) Текст печатается по первому изданию киноповести. Начальный вариант был переработан Э.Володарским для постановки: согласно прежней договоренности авторов, в сценарий введен еще один действующий персонаж — Вахтанг. А/м начальной

редакции хранится в ГКЦМ, приведен в настоящем томе в разделе "Варианты". /Э.Володарский, В.Высоцкий "Венские каникулы" — М.: ВО "Союзинформкино" Госкино СССР, 1989/.

ЧЕРНАЯ СВЕЧА. Часть первая "ПОБЕГ". (с.151) Печатается по рукописи, предоставленной составителю настоящего издания Л.Мончинским, так как первое издание грешит многочисленными ошибками и конъектурами. /"Черная свеча", Московская международная школа переводчиков, М.: 1992/

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СПИСОК

Володарский Эдуард Яковлевич, драматург. Авт. 11 пьес и свыше 40 сценариев. Для пьес Э.Володарского В.В. нап. несколько песен, пробовался на роли в фильмах по его сценариям: "Пугачев", "Вторая попытка Виктора Крохина" и др.

Говорухин Станислав Сергеевич, кинорежиссер и драматург, режиссер-постановщик фильмов: "Вертикаль", "Белый взрыв", "Контрабанда", "Ветер надежды", "Место встречи изменить нельзя" (ТВ) и др.

Калиновская Дина Михайловна, прозаик. Живет и работает в Москве. Печаталась в журналах "Новый мир", "Дружба народов". Автор нескольких книг, изданных за рубежом (Венгрия, Германия, Япония и др.).

Мончинский Леонид Михайлович, прозаик, журналист, старатель, автор статей о В.В. Живет и работает в Иркутске. Автор романа "Прощенное воскресенье".

Туманов Вадим Иванович, близкий друг В.В. в последние годы его жизни; председатель старательской артели в Магаданской обл.

Содержание

ТОМ СЕДЬМОЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ 5

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В СОАВТОРСТВЕ

“ОДИН” (сценарий) 9

“ВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ” (киноповесть) 43

“ЧЕРНАЯ СВЕЧА” (часть первая “ПОВЕГ”) 151

НАБРОСКИ, ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ И РЕДАКЦИИ

“ОДИН” 367

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ КИНОПОВЕСТИ “ВЕНСКИЕ
КАНИКУЛЫ” — “КАНИКУЛЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ” 370

ПЛАН СЦЕН К РОМАНУ “ЧЕРНАЯ СВЕЧА” 472

ПРИМЕЧАНИЯ 473

ВЫСОЦКИЙ, ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

Собрание сочинений в семи томах, том седьмой.

В седьмой том собрания сочинений В.С.Высоцкого (1938-1980) вошли произведения, написанные в соавторстве.

Издано в Германии в июле 1994 года по договору от 28 сентября 1992 года с наследниками В.С.Высоцкого — М.Влади, С.В.Высоцким, Н.М.Высоцкой, А.В.Высоцким и Н.В.Высоцким.

ISBN 5-85414-044-6

ISBN 5-85414-051-9 (7)

Издательский номер: 049407-7

